

24(1/2)
ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ
2000

ДЖЕРАЛЬД

ДАРРЕЛЛ

*Рози —
моя родня*

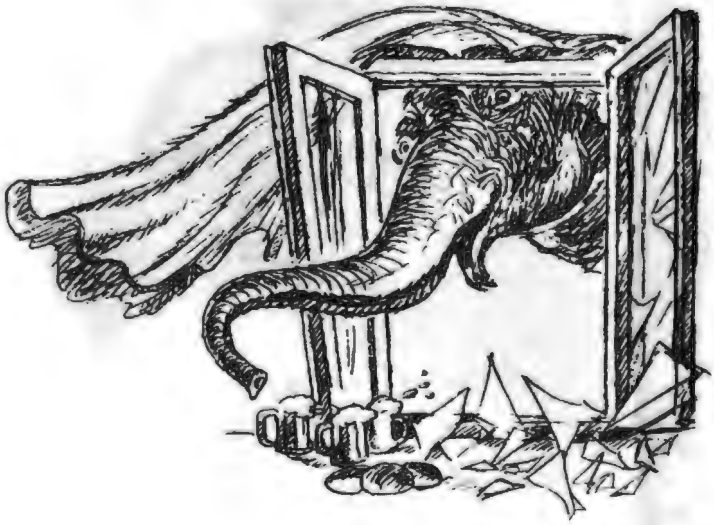
ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

10

Филе из палитуса

Рози - моя родня

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

Перевод с английского
Л.Л. ЖДАНОВА

10 2 3 6 4/1

Москва
Армада-пресс
2000

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Англ)-44я5
Д 20

Иллюстрации
И. Шипулина

Рисунок на переплете
С. Цылова

ISBN 5-309-00023-2

© Перевод, Жданов Л. Л., 1995
© Иллюстрации, Шипулин И. Ф., 1995
© ООО «Дрофа», 2000
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2000

Срце из папруса

Gerald Durrell
FILLET OF PLAICE
The Viking Press, New York, 1971

**ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ
МОЕМУ БРАТУ ЛАРРИ,
КОТОРЫЙ ВСЕГДА ПООЩРЯЛ МЕНЯ
И БОЛЬШЕ ВСЕХ РАДОВАЛСЯ
МОИМ УСПЕХАМ**

«Этот ребенок ненормальный, набивает карманы улитками!»

Лоренц Даррелл, около 1931 года

«Этот ребенок ненормальный, держит скорпионов в спичечных коробках!»

Лоренц Даррелл, около 1935 года

«Этот парень ненормальный — работать в зоомагазине!»

Лоренц Даррелл, около 1939 года

«Этот парень ненормальный — задумал работать в зоопарке!»

Лоренц Даррелл, около 1945 года

«Этот тип ненормальный, бродит в джунглях, кишащих змеями!»

Лоренц Даррелл, около 1952 года

«Этот тип ненормальный — решил завести свой зоопарк!»

Лоренц Даррелл, около 1958 года

«Этот тип ненормальный — пригласите его к себе, и он поселит орла в вашем винном погребе!»

Лоренц Даррелл, около 1967 года

«Этот тип ненормальный»

Лоренц Даррелл, около 1971 года

Глава первая РОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ

Был один из тех знойных, ясных, безоблачных дней, какие из всех стран мира только Греция умеет созидать. На оливах стрекотали цикады, и море представляло собой глубокое по тону, живое отражение синего неба. Мы только что не спеша управились с обильным ленчем под ко-
ржавыми кривыми оливами, которые росли почти у самой воды на одном из прекраснейших пляжей Корфу. Женщины отправились купаться; оставив Ларри и меня наедине друг с другом. Мы лениво возлежали на песке, задумчиво передавая из рук в руки огромную бутылку в оплетке, с отдающим скипидаром греческим вином. Пили молча, предаваясь размышлениям. Ошибается тот, кто думает, что писатели при встрече сыплют остроумными шутками и игривыми замечаниями.

— Хорошее вино, — произнес наконец Ларри, неторопливо наливая себе стакан. — Где ты его брал?

— Купил у человечка, который держит лавку в одном из переулков возле площади Святого Спиридона. В самом деле хорошее вино, согласен?

— Отличное. — Ларри посмотрел вино на свет, оно отличало поблекшим старинным золотом. — В последней бутылке,

которую я брал в городе, было нечто по виду и на вкус похожее на ослиную мочу. Наверно, это и впрямь была моча.

— Я буду проходить там завтра, — сказал я. — Могу взять для тебя бутыл, если хочешь.

— М-м-м, — отозвался Ларри, — возьми две.

Утомленные глубокомысленной беседой, мы наполнили стаканы и снова погрузились в молчание. Остатки нашей трапезы привлекли муравьев. Черных, крохотных, суетливых и длинноногих, крупных, рыжих, с торчащим наподобие зенитки жалом. По коре оливы, к которой я прислонился, ползали рои причудливых гусениц. Маленькие пушистые твари, смахивающие на уродливых грязноватых белых медведей.

— Над чем ты работаешь сейчас? — справился Ларри.

Я удивленно посмотрел на него. У нас было неписаное и невысказанное правило: во избежание раздоров и вульгарной брани никогда не обсуждать друг с другом то, что мы называли Нашим Творчеством.

— Как раз сейчас — ни над чем, но вообще-то кое-что задумал. По правде говоря, мне подсказала одну идею твоя книжка «Spirit of Place».

Ларри иронически фыркнул. В «Spirit of Place» вошли его письма друзьям, тщательно собранные и изданные нашим старым другом Аланом Томасом.

— Не понимаю, какую идею она могла тебе подсказать, — заметил Ларри.

— А вот подсказала. Я подумал о том, чтобы составить своего рода сборничек. У меня накопилась уйма материала, которому не нашлось места в моих книгах. Вот я и решил собрать все вместе под одной обложкой.

— Отличная мысль, — заключил Ларри, наливая себе еще вина. — Никогда не давай пропадать хорошему материалу.

Он снова поднял стакан, любуясь цветом вина. Потом посмотрел на меня, и в глазах его зажегся озорной огонек.

— Знаешь что, — сказал он, — назови-ка свою книгу «Fillet of Plaice».

Я так и сделал.

Глава вторая **МАМИН ПРАЗДНИК**

Лето на Корфу выдалось на редкость долгое и жаркое. Несколько месяцев вовсе не было дождя, от восхода до захода с выцветшего неба лились на остров жгучие лучи. Нестерпимая жара всё пекла, всё иссушила. Нелегко да-лось нам это лето. Радужный Ларри приглашал в гости кучу своих друзей, представителей творческой интелли-генции. Они прибывали такими косяками, что мама была вынуждена дополнительно нанять двух служанок и почти все время проводила в нашей огромной, темной подвальной кухне, перебегая от одной плиты к другой, чтобы накормить полчища драматургов, поэтов, писателей и художни-ков. Теперь наконец мы проводили последних гостей, и наше семейство отдыхало на балконе, попивая холодный чай и созерцая тихое синее море.

— Ну слава Богу, все,— сказала мама, отставив чашку и поправляя очки.— Право, Ларри, дорогой, не приглашал бы столько людей. Никаких сил не хватает.

— А все потому, что ты плохой организатор,— возра-зил Ларри.— Они же все готовы были тебе помогать.

Мама сердито уставилась на него.

— Как ты представляешь себе такую толпу *помощников* в моей кухне? — спросила она. — Вспомни, что творилось в столовой, не хватало еще, чтобы они путались у меня под ногами там внизу. Все, остаток лета я хочу провести спокойно, абсолютно ничего не делать. Я выбилась из сил.

— А тебя никто и не просит что-нибудь делать, — сказал Ларри.

— Ты уверен, что никого больше не пригласил?

— Насколько помню — никого, — небрежно ответил Ларри.

— Смотри, если все-таки кто-нибудь появится — пусть останавливается в гостинице. С меня хватит.

— Что ты так кипятишься, — обиженно произнес Ларри. — Такие все были чудесные люди.

— Тебе не надо было готовить для них, — сказала мама. — Не хочу больше видеть эту кухню. Мечтаю о том, чтобы уехать куда-нибудь подальше отсюда.

— Отличная идея, — заметил Ларри.

— Ты о чем? — поинтересовалась мама.

— О том, чтобы уехать отсюда.

— Уехать куда? — насторожилась мама.

— Как насчет того, чтобы отправиться на материк на катере? — предложил Ларри.

— Прекрасная мысль, видит Бог! — воскликнул Лесли.

— Правда, здорово! — подхватила Марго. — Давай, мама, так и сделаем. О, я знаю, что мы сделаем! Отправимся туда, чтобы отпраздновать твой день рождения.

— Ну что ж, — неуверенно произнесла мама. — Даже не знаю... А куда именно там, на материке?

— А мы вот как поступим, — беззаботно молвил Ларри. — Найдем катер и пойдем вдоль побережья, будем останавливаться где понравится. Возьмем продукты дня на два, на три и будем бить баклуши, отдыхать, веселиться.

— Что ж, *звучит* прекрасно, — заключила мама. — Думаю, Спиро найдет для нас катер?

— Конечно, — сказал Лесли, — Спиро все устроит.

— Ладно, — согласилась мама. — В самом деле, перемена обстановки не повредит, верно?

— Морской воздух — лучшее средство от усталости, — объявил Ларри. — Здорово бодрит. И не мешало бы захватить с собой кого-нибудь, чтобы расшевелили нас, встряхнули, так сказать.

— О, только *не надо* других людей,— возразила мама.

— А я и не имел в виду еще *людей*,— объяснил Ларри.— Возьмем, например, Теодора.

— Теодор не поедет,— заметила Марго.— Ты же знаешь, он подвержен морской болезни.

— Ладно, посмотрим,— сказал Ларри.— Еще у нас есть Дональд и Макс.

Мама начала колебаться. Она очень любила Макса и Дональда.

— Ну... Пожалуй, пусть они поедут с нами.

— И Свен к тому времени должен вернуться,— продолжал Ларри.— Уверен, он захочет присоединиться.

— О, я не возражаю против Свена,— согласилась мама.— Мне нравится Свен.

— А я могу пригласить Мактэвиша,— объявил Лесли.

— Нет-нет, только не этого отвратительного типа,— возмутился Ларри.

— С чего это ты называешь его отвратительным? — вспыхнул Лесли.— Мы вынуждены терпеть твоих отвратительных друзей. Почему ты не можешь терпеть моего друга?

— Ну-ну, дорогие мои,— примирительно произнесла мама.— Не спорьте. Думаю, мы можем пригласить Мактэвиша, если ты уж так этого хочешь. Хотя, по правде говоря, Лесли, мне непонятно, чем он тебе так любезен.

— Он здорово стреляет из пистолета,— ответил Лесли, посчитав это убедительным доводом.

— А я могу пригласить Леонору,— загорелась Марго.

— Ну вот что! Остановитесь,— сказала мама.— Иначе кончится тем, что катер пойдет ко дну. Я-то думала, что мы все это затеваем, чтобы уехать и отдохнуть от людей.

— При чем тут *люди*,— возразил Ларри.— Мы говорим про друзей. Совсем другое дело.

— Хорошо, и на этом остановимся,— заключила мама.— Достаточно, если мне придется для всех готовить три дня.

— Я договорюсь со Спиро относительно катера, когда он придет,— сказал Лесли.

— Как насчет того, чтобы взять с собой холодильный шкаф? — спросил Ларри.

Мама снова надела очки и воззрилась на него.

— Холодильный шкаф? Ты шутишь?

— Нисколько, — ответил Ларри. — Он понадобится нам для холодных напитков, для масла и всего такого прочего.

— Но, Ларри, дорогой, — возразила мама. — Это же *не-серьезно*. Сам знаешь, каких трудов нам стоило вообще втащить его в дом. Его нельзя передвигать.

— Это почему же, — не согласился Ларри. — Вполне возможно, если очень постараться.

— Понимай так, — заметил Лесли, — что ты будешь командовать, а стараться будут все остальные.

— Ерунда, — сказал Ларри. — Это элементарно. Ведь затащили же его в дом, значит, и из дома можно вынести.

Холодильный шкаф, о котором шла речь, был предметом маминой гордости и радости. В те дни на Корфу ни один загородный особняк не мог похвастаться электричеством, и если даже где-то были изобретены керосиновые холодильники, опять же до Корфу они не дошли. Полагая, что жить без холодильника негигиенично, мама не слишком уверенно изобразила на бумаге конструкцию холодильного шкафа вроде тех, какие девочкой видела у себя дома в Индии. Вручив этот чертеж Спиро, она спросила, не возьмется ли он изготовить нечто подобное.

Спиро нахмурил брови, подумал, сказал:

— Будет сделано, миссис Дарреллы. — И побрел в город.

Прошло две недели, и вот однажды утром на дорожке перед домом показалась запряженная четверкой лошадей широкая повозка, на которой восседали шестеро мужчин. За спиной у них громоздился чудовищный холодильный шкаф длиной сто восемьдесят, шириной сто двадцать и высотой сто двадцать сантиметров. Сколоченный из дюймовых досок, он был обшит цинком, с опилками между обшивкой и досками. Шестерке дюжих мужчин понадобился не один час, чтобы втащить его в кладовую. Пришлось даже снимать стеклянные двери гостиной, освобождая путь для шкафа. Рядом с ним в кладовой все казалось миниатюрным. Время от времени Спиро привозил из города на своей машине длинные мокрые глыбы льда, которыми мы начиняли шкаф, и это позволяло нам подолгу хранить масло, яйца и молоко.

— Нет, — решительно произнесла мама, — я не позволю выносить холодильный шкаф. Хотя бы потому, что вы можете повредить его механизм.

— В нем *нет* никакого механизма, — заметил Ларри.

— Все равно, он может сломаться, — настаивала мама. — Нет-нет, я твердо решила. Шкаф останется на месте. Мы можем взять с собой достаточный запас льда. Если завернуть его в мешковину, может надолго хватить.

Ларри промолчал, но я видел огонек в его глазах.

Поскольку мы собирались отметить в море мамин день рождения, все принялись думать о подарках. Поразмыслив, я решил подарить сачок, учитывая большой интерес, который мама проявляла к моей коллекции бабочек. Марго купила материал на платье, который не прочь была бы взять себе. Ларри купил книгу, которую давно мечтал прочесть, Лесли приобрел для мамы маленький пистолет с перламутровой рукояткой. Он объяснил мне, что с револьвером маме будет спокойнее оставаться дома одной. Учитывая, что комната Лесли буквально ошетинилась огнестрельным оружием всевозможного вида и размера и мама совершенно не умела с ним обращаться, я посчитал его выбор несколько странным, однако промолчал.

Подготовка к нашему смелому предприятию продолжалась. Продукты закупались и обрабатывались. Были извещены Свен, Дональд и Макс, Леонора и Мактэвиш. Теодор, как мы и ожидали, сначала отказался ехать, ссылаясь на подверженность морской болезни, однако после того, как мы заверили его, что на побережье, где мы станем причаливать, будет множество интересных прудов и ручьев, он заколебался. Страстный любитель пресноводной живности, он решил, что стоит рискнуть в интересах науки, и в конце концов согласился.

У нас было условлено, что катер подойдет к причалу ниже нашего дома и там мы займемся погрузкой. Затем он вернется в город, мы поедem туда же на машине, заберем остальных членов группы и выйдем в море.

В день, когда ожидалось прибытие катера, мама и Марго с утра отправились в город, чтобы вместе со Спиро сделать еще кое-какие покупки. Я был занят делом на втором этаже, засовывал в банку со спиртом мертвую змею; в это время снизу донесся какой-то непонятный стук и грохот. Жажда узнать, что там происходит, я скатился вниз по лестнице. Похоже было, что шум доносится из кладовой. Войдя туда, я увидел шестерку мускулистых деревенских парней, которые под управлением Лесли и Ларри сражались с нашим холодильным чудовищем. Им уже удалось сдвинуть его с места, содрав половину

штукатурки с одной стены, при этом краем шкафа придавило ногу Яни, и он ковылял вокруг чудовища, обвязав ступню окровавленным носовым платком.

— Что это вы затеяли? — спросил я. — Вы же знаете, мама не велела трогать шкаф.

— Ты лучше помолчи и не мешайся, — сказал Лесли. — Все в порядке.

— Давай уходи, — распорядился Ларри. — Уходи и не путайся под ногами. Спустился бы лучше на пристань и проверил — катер уже пришел?

Оставив их обливаться потом и кантовать огромный шкаф, я сбежал вниз по склону, пересек дорогу и вышел на нашу пристань. Стоя на самом конце причала, я уставился с надеждой в ту сторону, где находился город, и увидел, как вдоль побережья идет, приближаясь, катер. Ближе, ближе... Но почему он не сворачивает к нашей пристани? Этак он непременно пройдет мимо. Не иначе Спиро неправильно сориентировал рулевого; и я принялся прыгать, крича и размахивая руками. Наконец рулевой заметил меня.

Не спеша развернув катер, он подошел вплотную к причалу, отдал якорь с кормы и пришвартовался. Нос катера легонько стучался о столбы под настилом.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Вы — Таки?

Передо мной был толстый смуглый коротыш со светлыми, золотистыми глазами. Он мотнул головой:

— Нет, я двоюродный брат Таки.

— Ага, — сказал я, — ничего, все в порядке. Они сейчас придут. Спустят сюда холодильный шкаф.

— Холодильный шкаф?

— Ну да, холодильный шкаф. Он довольно большой, но я думаю, он поместится *вон там*.

— Ладно, — покорно произнес родственник Таки.

В эту минуту на верху откоса возникла обливающаяся потом, запыхавшаяся, препирающаяся кучка волокущих по земле холодильный шкаф деревенских парней, сопровождаемых энергично жестикулирующими Ларри и Лесли. Вся эта компания смахивала на облепивших громадный катыш навоза хмельных навозных жуков. Скользя и спотыкаясь, они медленно спускались вниз по склону, один раз чуть не выронили свою ношу, наконец достигли дороги и остановились. Передохнув, оттащили шкаф на причал.

Настил из выдавших виды досок причала опирался на кипарисовые столбы. Конструкция довольно прочная, од-

нако далеко не новая. К тому же' вовсе не рассчитанная на подобный груз, и когда пыхтящие парни дотопали до середины причала, послышался страшный треск, и они шлепнулись в воду вместе с холодильным шкафом.

— Идиоты! — заорал Ларри. — Болваны! Почему не смотрели под ноги!

— Они не виноваты, — возразил Лесли. — Это доски не выдержали.

Яни упал так, что обе ноги его очутились под шкафом; к счастью, песчаное дно смягчило удар, и кости уцелели.

С великими усилиями, крича и чертыхаясь, парни ухитрились водрузить шкаф обратно на причал. После чего, используя в качестве катков столбы из-под сломанных досок, переправили его на катер.

— Вот и все, — заключил Ларри. — Проще простого, как я и говорил. Ты, Джерри, оставайся здесь, а мы поднимемся в дом за остальными вещами.

Ликующая компания зашагала вверх по склону; я провожал их взглядом, стоя спиной к катеру. Внезапно я услышал, как гремит якорная цепь, и, обернувшись, увидел, что рулевой уже оттолкнулся от причала на порядочное расстояние.

— Эй! — закричал я. — Что ты делаешь?

— Поднимаю якорь, — невозмутимо ответил мне этот тип.

— Но куда ты собрался плыть? — спросил я.

— В Гувию, — сообщил он, заводя мотор.

— Какая там Гувия! — заорал я. — Ты должен везти нас на материк! И у тебя наш холодильный шкаф!

Но шум мотора заглушил мои вопли, а может быть, он просто не пожелал меня слушать. Во всяком случае, катер развернулся и удалился, чужая, вдоль побережья. Я был в отчаянии. Что мы теперь станем делать?

Я ринулся к берегу, перепрыгнул через сломанные доски, побежал к дороге. Скорей, скорей подняться к дому и сообщить Ларри, что произошло! В эту минуту наши носильщики показались наверху, нагруженные корзинами и прочим багажом. И почти одновременно на дороге появилась машина, в которой сидели Спиро, мама и Марго. Она остановилась возле меня, и тут же сверху подошли Ларри и Лесли со своими помощниками.

— Что вы делаете, дорогой? — обратилась мама к Ларри, выбираясь из машины.

— Носим вещи, чтобы погрузить на катер, — ответил Ларри и посмотрел на причал. — Куда он делся, черт возьми?

— Я как раз хотел сказать тебе, — ответил я. — Он ушел.

— Что значит — ушел? — спросил Лесли. — Как он мог уйти?

— Вот так, — сказал я. — Сами посмотрите, вон он.

Они дружно повернулись и увидели удаляющийся катер.

— Но куда же он идет? — осведомился Ларри.

— Сказал, что пойдет в Гувию.

— При чем тут Гувия? Он должен отвезти нас на материк.

— Я ему так и сказал, но он не стал меня слушать.

— Но он увез наш холодильный шкаф, — заметил Лесли.

— Что он увез? — спросила мама.

— Холодильный шкаф, — недовольно произнес Ларри. — Мы погрузили на катер этот чертов шкаф, и он увез его.

— Я ведь велела вам не трогать холодильный шкаф, — сказала мама. — Велела не прикасаться к нему. Право, Ларри, как тут не сердиться на тебя.

— Брось, мама, не ворчи,— отозвался Ларри.— Сейчас нам надо подумать о том, как вернуть эту проклятую штуковину. Как ты думаешь, Спиро, что затеял этот болван? Ты ведь нанял его.

— Нет,— вступил я,— это был не Таки, а его двоюродный брат.

— Эти катеры — не Таки,— подтвердил Спиро, задумчиво хмурясь.

— Хорошо, и что мы будем *делать*? — растерянно осведомилась мама.

— Надо будет догнать его,— сказал Ларри.

— Я отвезти ваша мама домой,— предложил Спиро.— Потом отправиться в Гувиа.

— Но ты не можешь привезти холодильный шкаф на машине,— заметил Ларри.

В эту минуту до нашего слуха донесся звук другого мотора, и, повернувшись, мы увидели, что со стороны города приближается еще один катер.

— А! — воскликнул Спиро.— Это катеры Таки.

— Отлично, пусть *отправляется в погоню*,— сказал Ларри.— Как только он подойдет сюда, скажи ему, чтобы отправился в погоню и привез обратно этот чертов шкаф. Хотел бы я знать, о чем думал тот идиот, уезжая вот так с нашим шкафом.

— Он что, совсем не удивился, когда ты сказал ему про шкаф? — обратился ко мне Лесли.

— Нет,— ответил я.— Правда, лицо у него было несколько озадаченное.

— Еще бы,— сказала мама.— На его месте я тоже была бы озадачена.

Когда к причалу наконец подошел катер Таки, мы объяснили ему, что произошло. Симпатичный жилистый коротыш, он обнажил в улыбке золотые зубы.

— Пусть лучше эти парни поедут с ним,— распорядился Ларри.— Иначе не перетащить холодильный шкаф с одного катера на другой.

Шестерка деревенских парней заняла места в катере, смеясь и весело переговариваясь в предвкушении морской прогулки.

— Лесли, тебе лучше присоединиться к ним,— предложил Ларри.

— Ладно,— согласился Лесли,— я тоже так думаю.

И катер номер два отправился в погоню за номером один.

— Ничего не понимаю,— заметила мама.— О чем думал тот человек?

— Брось, мама,— сказала Марго.— Будто ты не знаешь этих жителей Корфу. Они же все ненормальные.

— Но не до *такой же* степени,— возразила мама.— Чтобы вот так подойти на катере и увезти чужой холодильный шкаф.

— Может быть, они прийти из Занте,— предположил Спиро, как будто в этом было все дело.

— Не знаю, не знаю,— сказала мама.— Надо же! Такое начало нашего плана! Нет, дети, вы выводите меня из себя.

— По-моему, ты несправедлива, мама,— заметила Марго.— Ларри и Лесли ведь не знали, что грузят шкаф не на тот катер.

— Надо было спросить. Может быть, мы теперь никогда больше не увидим наш шкаф.

— Вы не беспокоиться, миссис Дарреллы,— сказал Спиро, хмуря брови.— Я вернуть их. А вы возвращаться домой.

Нам оставалось только всем подняться в дом и ждать там. На четвертом часу ожидания мама совсем извелась.

— Все ясно,— говорила она,— они уронили его в море. Право, Ларри, я никогда не прошу тебе этого. Ведь сказано было — не трогать холодильный шкаф.

В эту минуту мы услышали далекое чужое чужое мотора. Схватив бинокль, я выбежал из дома. Точно: к причалу приближался катер Таки с громоздящимся на нем холодильным шкафом. Я поспешил сообщить эту новость маме.

— Кажется, обошлось,— заключила она.— Похоже, мы теперь можем трогаться в путь. Право, у меня такое чувство, что я постарела на один год еще до моего дня рождения.

Мы снова отнесли весь свой багаж на причал и погрузили его на катер. После чего втиснулись в машину и поехали в город.

В городе мы обнаружили наших друзей на Эспланаде, где они мирно выпивали в тени среди колонн. Вот Свен с луноликой физиономией большого младенца, с обрамляющим лысину венчиком седых кудрей, руки сжимают драгоценный аккордеон, с которым он никогда не расставался. Вот Теодор в строгом костюме, на голове — панама, борода и усы отливают золотом на солнце; к стулу присло-

нена трость с маленькой сеткой на конце, рядом стоит ящичек с пробирками и банками для образцов. Вот аристократически бледный Дональд. Высокий нескладный Макс с вьющейся шевелюрой и напоминающими бабочку усиками на верхней губе. Цветущая светловолосая красавица Леонора и, наконец, Мактэвиш — коренастый мужчина с морщинистым загорелым лицом и редкой седой шевелюрой.

Мы извинились за опоздание, которого, похоже, никто и не заметил, и выпили по стаканчику, пока Спиро доставал из машины наиболее хрупкие предметы нашего багажа, после чего спустились к ожидающему нас катеру.

Мы заняли свои места на борту, положили продукты в холодильный шкаф, заработал мотор, и катер заскользил по гладкой поверхности моря.

— Я купил, гм... ну эти... пилюли от морской болезни, — озабоченно сообщил Теодор, подозрительно глядя на зеркальную гладь залива. — Подумал, вдруг море начнет... ну это... волноваться, а я никудышный моряк, вот и решил принять меры предосторожности.

— Если начнет волноваться, можешь и мне дать пилюлю, — сказала мама.

— Муттер может не опасаться морской болезни. — Макс погладил ее по плечу. — Я позабочусь о муттер.

— Интересно, как ты это сделаешь, — поинтересовалась мама.

— Чеснок, — сказал Макс, — чеснок. Старое австрийское средство. Отлично помогает.

— Ты говоришь про сырой чеснок? — встрепенулась Марго. — Ужасно.

— Что ты, дорогая Марго, ничего ужасного, — возразил Макс. — Это очень полезная штука, очень.

— Не выношу мужчин, от которых пахнет чесноком, — настаивала Марго. — У меня от них голова раскалывается.

— А ты ешь сама чеснок, — предложил Макс, — и пусть у них голова раскалывается.

— Отвратительная манера — есть чеснок, — заметил Дональд. — Только неангличане едят его.

— Считается, что чеснок, гм... весьма полезен для здоровья, — сообщил Теодор. — Об этом говорят данные медицины.

— Во всяком случае,— вступила мама,— когда я готовлю, обязательно кладу чеснок в еду. Отличная приправа, по-моему.

— Но он ужасно неприятно пахнет,— заявила Леонора, которая возлежала на палубе, точно персидская кошка.— На днях я ездила на автобусе в Перему, так Боже мой, едва не задохнулась! Все как один жевали чеснок и обдавали меня его запахом. Под конец я чуть не упала в обморок.

Свен отстегнул ремешок своего аккордеона и повесил инструмент на грудь.

— Дорогая миссис Даррелл, что вы хотите, чтобы я сыграл для вас?

— О... э... мне все равно, Свен,— сказала мама.— Что-нибудь веселое.

— Как насчет «Есть в городе таверна»? — предложил Теодор.

Он мог без конца наслаждаться этой мелодией.

— Отлично,— отозвался Свен и нажал на клавиши.

Лесли и Мактэвиш стояли на носу. Время от времени Мактэвиш приседал или разводил руки в стороны. Он был большой любитель физических упражнений. Несколько незабываемых лет ему довелось служить в Королевской канадской конной полиции, и это наложило на него свою печать. Мактэвиш всегда претендовал на роль души общества и больше всего гордился своей совершенной физической формой. То и дело хлопал себя по животу и приговаривал:

— Нет, вы посмотрите! Недурно для мужчины сорока пяти лет, а?

Под звуки «Есть в городе таверна» (Теодор не жалел своих голосовых связок) наш катер скользил, пыхтя, через пролив, отделяющий Корфу от материка.

До чего же коротким показался мне этот отрезок пути. Столько всего надо было успеть посмотреть, от летучих рыбок до вилхвостых чаек, и я поминутно отрывал Теодора от взрослой компании, чтобы услышать его ученый комментарий о проплывающих мимо водорослях и прочих интереснейших вещах.

Наконец мы подошли к источенным эрозией буро-коричневым скалам, которые образуют береговую линию Албании и простираются дальше на юг в Грецию. Следуя вдоль самого берега, мы провожали взглядом длинную че-

реду высоченных бугристых утесов, напоминающих остатки оплывших разноцветных свечей. Уже в сумерках мы обнаружили залив в форме полумесяца, словно созданный челюстями некоего огромного морского чудовища, разгрызшего твердый камень. Защищенный высокими скалами, раскинулся белый песчаный пляж, наш катер вошел в залив, загремела якорная цепь, и мы остановились.

Вот когда оправдал свое существование холодильный шкаф. Мама и Спиро извлекли из его недр невероятное количество провизии: наштипованные чесноком бараньи ноги, омары и приготовленные мамой особые слойки с острым тушеным мясом и прочими вкусностями. Удобно расположившись на палубе, мы предались чревоугодию.

В носовом отсеке катера лежала гора зеленых в белую полоску арбузов, напоминающих надутые футбольные мячи. Один за другим они перекочевывали в холодильный шкаф, потом мы извлекали их оттуда, разрезали и наслаждались напоминающей фруктовое мороженое хрустящей розовой мякотью. Мне доставляло особое удовольствие выплевывать черные семечки через борт и смотреть, как мелкие рыбешки набрасываются на них, чтобы, попробовав на вкус, тут же забраковать. Впрочем, некоторые рыбы покрупнее, к моему удивлению, глотали семечки, явно полагая, что не следует пренебрегать и такими дарами.

Насытившись, мы решили искупаться; только мама, Теодор и Свен предпочли купанью мудреную беседу о колдовстве, привидениях и вампирах, меж тем как Спиро и Таки мыли посуду.

Прыгать с катера в темное море — фантастика. Казалось, ты погружаешься в пламя — таким фейерверком рассыпались фосфоресцирующие зеленовато-золотистые капли. Под водой пловца сопровождали миллионы крохотных звездочек, и когда Леонора последней выбралась обратно на борт катера, тело ее несколько мгновений казалось позолоченным.

— Боже мой, до чего хороша, — восхищенно произнес Ларри. — Но я уверен, что она лесбиянка. Сколько ни заигрываю с ней — никак не реагирует.

— Ларри, милый, — сказала мама, — нехорошо говорить так про людей.

— Она в самом деле очаровательна, — вступил Свен. — Настолько, что я готов пожалеть о своих гомосексуальных склонностях. Хотя у гомика есть свои преимущества.

— А мне кажется, лучше всего быть бисексуальным,— возразил Ларри.— Можно использовать все возможности.

— Ларри, милый,— снова вмешалась мама,— возможно, тебе нравится эта тема, но я предпочла бы, чтобы ты не обсуждал ее при Джерри.

Мактэвиш снова занимался физическими упражнениями на носу катера.

— Господи, до чего этот человек раздражает меня,— пробурчал Ларри, наливая себе вина.— На кой ему нужна эта его физическая форма? Он совсем не пользуется ею.

— Право, дорогой,— сказала мама,— не лучше ли воздержаться от таких замечаний. Они совсем некстати на таком маленьком судне. Он может услышать тебя.

— Да я бы нисколько не возражал,— настаивал Ларри,— если бы он поддерживал свою форму, чтобы не давать покоя девушкам на Корфу. Но ведь он ровным счетом ничего не предпринимает.

Продолжая выполнять упражнения, Мактэвиш в семьдесят четвертый раз рассказывал сидящему поблизости Лесли о своих подвигах в Королевской конной полиции. Все эпизоды были чрезвычайно увлекательными и неизменно заканчивались тем, что Мактэвиш ловил злодея.

— О-о-о-о! — внезапно завопила Марго так громко, что мы все подпрыгнули и Ларри пролил вино.

— Нельзя ли попросить тебя воздержаться от попыток подражать здешним чайкам,— раздраженно заметил он.

— Но я только что вспомнила,— объяснила Марго,— что завтра мамин день рождения.

— У муттер завтра день рождения? — осведомился Макс.— Почему ты не сказала нам об этом раньше?

— Так ведь мы для того и отправились сюда,— сказала Марго,— чтобы отметить мамин день рождения, устроить ей праздник.

— Но если у муттер день рождения, у нас нет для нее подарка,— заметил Макс.

— Ничего, не берите в голову,— успокоила его мама.— Какие там дни рождения в моем возрасте.

— Чертовски дурная манера приходить на день рождения без подарка,— сказал Дональд.— Чертовски дурная манера.

— Прошу вас, перестаньте,— умоляла мама.— Я чувствую себя совсем неловко.

— Я буду весь день играть для вас, дорогая миссис Даррелл, — заверил Свен. — Музыка будет моим подарком.

Хотя в репертуаре Свена были и такие вещи, как «Есть в городе таверна», больше всего он любил Баха, и от моего взгляда не ускользнуло, как мама вздрогнула, представив себе, как Свен целый день станет играть для нее Баха.

— Нет-нет, — поспешно возразила она, — не стоит так беспокоиться.

— Во всяком случае, завтра мы устроим роскошный праздник, — заверил Макс. — Найдем подходящее местечко и отметим день рождения муттер так, как это делают у нас на континенте.

Пришло время развернуть привезенные нами матрацы, и постепенно мы погрузились в сон, меж тем как из-за гор выплыла луна — сперва красная, как грудь малиновки, потом лимонно-желтая и наконец серебристая.

Рано утром нас напугал — и разозлил — Свен, который разбудил всю компанию звуками «С днем рожденья тебя». Стоя на коленях подле мамы, он жадно всматривался в ее лицо, проверяя, какой эффект произвела его импровизация. Мама не привыкла к тому, чтобы в десяти сантиметрах от ее уха наяривали на аккордеоне, и проснулась с тревожным криком.

— В чем дело? Что случилось? Мы тонем? — воскликнула она.

— Свен, Бог с тобой, — сказал Ларри, — еще только пять часов.

— О, — сонно протянул Макс, — но ведь сегодня день рождения муттер. Ну-ка, начинаем праздновать! Поем — все вместе!

Он вскочил на ноги, ударился головой о мачту и взмахнул своими длинными руками.

— Давай, Свен, сначала. Все вместе!

Неохотно мы сонно затаили «С днем рожденья»; мама, сидя, отчаянно боролась со сном.

— Мне приготовиться чаю, миссисы Дарреллы? — спросил Спиро.

— По-моему, это очень хорошая идея, — отозвалась мама.

Мы достали свои подарки и вручили ей, и мама громко восхищалась ими, в том числе пистолетом с перламутровой рукояткой, хотя сказала Лесли, что лучше пусть пистолет хранится в его комнате, так оно будет

надежнее. Дескать, если, как он предложил, держать его у себя под подушкой, пистолет может вдруг выстрелить среди ночи и ранить ее.

Попив чаю и искупавшись, мы все ожили. Взошло солнце, и над водой поплыли замешкавшиеся редкие пряди ночного тумана. После завтрака, который состоял преимущественно из фруктов и крутых яиц, заработал мотор, и катер заскользил дальше вдоль побережья.

— Мы обязаны найти отличное местечко для праздничного ленча,— объявил Макс.— Настоящий райский сад.

— Клянусь Богом, ты прав,— подхватил Дональд.— Это должно быть что-то особенное.

— И там я буду играть для вас, дорогая миссис Даррелл,— добавил Свен.

Вскоре на нашем пути возник мыс, будто сложенный из огромных красных, золотистых и белых кирпичей и увенчанный огромной зонтичной пихтой, нависшей над морем и готовой, казалось, вот-вот сорваться вниз. Обогнув мыс, мы увидели маленькую бухту с крохотным селением на берегу; на склоне горы над селением помещались остатки старой венецианской крепости.

— Интересное место,— заметил Ларри.— Давайте зайдем сюда и посмотрим поближе.

— Я не стал бы зайти сюда, мастера Ларрис,— возразил Спиро.

— Это почему же? — спросил Ларри.— Такая очаровательная деревушка, и крепость любопытная.

— Тут же практически турки живут,— сказал Спиро.

— Что значит «практически»? — удивился Ларри.— Турок он и есть турок.

— Ну, они вести себя как турки,— объяснил Спиро.— Не так, как греки, а потому фактически они есть турки. Все были несколько озадачены такой логикой.

— Но даже если они *в самом деле* турки,— сказал Ларри,— что из этого?

— В некоторых из этих, *гм... гм...* глухих селений,— вступил всеведущий Теодор,— сохранилось очень сильное турецкое влияние со времен вторжения в Грецию турок. Они восприняли многие турецкие обычаи, так что в некоторых таких уединенных деревушках, как справедливо заметил Спиро, жителей можно назвать скорее турками, чем греками.

— Но какое это имеет значение, черт возьми? — раздраженно осведомился Ларри.

— Они не всегда жалуют иностранцев,— сказал Теодор.

— Ну и что,— настаивал Ларри,— не станут же они возражать, если мы остановимся здесь, чтобы осмотреть крепость. И вообще, деревушка такая маленькая, что численное преимущество на нашей стороне. И если они уж такие воинственные, пусть впереди идет мама с ее перламутровым пистолетом. Небось сразу присмиреют.

— Вы в самом деле хотите высаживайся? — спросил Спиро.

— Хотим,— ответил Ларри.— Ты что — боишься какой-то горстки турок?

Лицо Спиро налилось кровью; я даже испугался — как бы его не хватил удар.

— Вам не следовало говорить такой вещь, мастера Ларри,— вымолвил он.— Я не бояться какой-то проклятой турки.

С этими словами он повернулся, протопал на корму и велел Таки править к пристани.

— Ларри, милый, ну зачем же говорить такие вещи,— сказала мама.— Ты обидел его, знаешь ведь, как он относится к туркам.

— Но они никакие не турки, черт бы их побрал,— возразил Ларри.— Они греки.

— Строго говоря, вы, пожалуй, вправе называть их греками,— заметил Теодор.— Но в этих глухих уголках они настолько похожи на турок, что сразу и не отличишь. Речь идет, так сказать, о своеобразном сплаве.

Когда мы приблизились к причалу, сидевший там юный рыболов схватил свою удочку и помчался в селение.

— Вам не кажется, что он сейчас поднимет там тревогу? — нервно осведомилась Леонора.— И они выйдут нам навстречу с ружьями?

— Не будь ты такой душой,— выпалил Ларри.

— Давайте я пойду первым,— предложил Мактэвиш.— Я привык к таким переделкам. Приходилось в Канаде встречаться с индейцами в дальних деревнях, когда преследовал злоумышленников. У меня есть навык в обращении с примитивными племенами.

Ларри застонал и уже приготовился изречь что-то ехидное, но строгий взгляд мамы остановил его.

— Итак,— продолжал Мактэвиш, беря на себя руководство операцией,— лучше всего нам высадиться на при-

стань и продолжать движение, осматриваясь с восхищением по сторонам, как будто, э... как будто... э...

— Как будто мы туристы? — невинно произнес Ларри.

— Вот-вот, я как раз это хотел сказать, — подхватил Мактэвиш. — Словно мы не замыслиаем ничего дурного.

— Господи, — вымолвил Ларри. — Можно подумать, мы находимся в дебрях Черной Африки.

— Ларри, милый, успокойся, — сказала мама. — Я уверена, что мистер Мактэвиш знает, как нам следует поступать. Как-никак сегодня мой день рождения.

Высадившись на пристань, мы постояли там несколько минут, показывая руками туда и сюда и обмениваясь дурацкими замечаниями.

— А теперь, — скомандовал Мактэвиш, — вперед, в селение.

И мы послушно зашагали следом за ним, оставив Спиро и Таки сторожить катер.

Вся деревня состояла из трех-четырех десятков сверкающих свежей побелкой маленьких домиков; стены одних были обвиты зеленым плющом, других — одеты ветвями бугенвиллеи с пурпурными листьями.

Мактэвиш выступал впереди решительным военным шагом, ни дать ни взять бесстрашный боец французского Иностранного легиона, готовый усмирить мятежное арабское селение. Мы торопливо семенили следом.

От главной улицы, если тут годилось это слово, расходились узкие проулки между домами. Подойдя к одному из таких проулков, мы основательно напугали какую-то женщину в чадре, которая выскочила из дома и чуть не бегом устремилась вдаль, спасаясь от чужеземцев. Я впервые в жизни увидел чадру и был здорово удивлен этим зрелищем.

— Что это у нее было на лице? — спросил я. — Перевязка какая-то? Зачем?

— Нет-нет, — объяснил Теодор. — Это чадра. Если в этом селении и впрямь сильно турецкое влияние, большинство здешних женщин носит чадру.

— Всегда считал это чертовски дурацкой идеей, — заметил Ларри. — Если у женщины красивое лицо, нечего скрывать его. Единственное, что я мог бы одобрить, — кляп для болтливых особ.

Главная улица, как и следовало ожидать, привела нас к центральной части всякого селения — маленькой площа-

ди с великолепной огромной зонтичной пихтой, под сенью которой стояли столики и стулья. Здесь помещалось кафе, где, как в любой английской деревенской пивной, можно было не только получить съестное и напитки, но и послушаться всяких сплетен и пересудов. Меня удивило, что на всем пути нашего отряда к площади мы не увидели ни одной живой души, если не считать той испуганной особы. На Корфу, даже в самой глухой деревушке, нас тотчас окружила бы восхищенная шумная толпа. Однако, дойдя до площади, мы поняли — во всяком случае, решили, что поняли,— причину: большинство столиков под пихтой было занято мужчинами, в основном пожилыми, с длинной седой бородой, одетых в шаровары, латанные рубашки, на ногах чарыки — красные кожаные мокасины, с увенчанным яркими помпонами, задранном вверх острым носом. Мужчины приветствовали наше появление на площади гробовым молчанием. Просто сидели и таращились на нас.

— Эгей! — весело и громко воскликнул Мактэвиш. — Калимера, калимера, калимера!

Будь это греческое селение, тотчас его пожелание «доброго утра» вызвало бы ответную реакцию. Кто-то подхватил бы его «калимера», кто-то сказал бы «рады вас видеть», другие воскликнули бы «херете!», что означает «будь счастлив». Здесь не последовало ничего подобного, только один или два старца степенно склонили головы, приветствуя нас.

— Ладно, — сказал Мактэвиш, — составим вместе несколько столиков, выпьем по рюмочке, и когда они привыкнут к нам, вот увидите — сразу сгрудятся вокруг нас.

— Не нравится мне все это, — нервно произнесла мама. — Может быть, нам с Марго и Леонорой лучше вернуться на катер? Смотрите, тут ни одной женщины, только мужчины.

— Вздор, мама, не волнуйся, — отозвался Ларри.

— Мне кажется, — сказал Теодор, любуясь огромной зонтичной пихтой над нами, — мне кажется, потому тот мальчуган и побежал с пристани в селение. Понимаете, в таких вот глухих деревушках женщинам полагается сидеть дома. Вот он и поспешил предупредить их. К тому же зрелище, гм... гм... э... э... женщин в нашем отряде, должно быть, понимаете, э... несколько необычным для них.

Что ж, ничего удивительного, если учесть, что лица мамы, Марго и Леоноры не скрывала чадра и одеты они были в довольно эффектные ситцевые платья, позволяющие видеть многие детали их телосложения.

Мы сдвинули вместе несколько столиков, собрали стулья и усадились в ожидании. Мужчины, число которых, вопреки предсказаниям Ларри, намного превосходило численность нашей группы, продолжали молча созерцать нас глазами бесстрастными, как у ящериц. После долгого ожидания, заполненного довольно бессвязной беседой, мы увидели, как из кафе вышел пожилой абориген и с явной неохотой направился к нам. Основательно расстроенные, мы поспешили с нервным энтузиазмом приветствовать его нестройным «калимера». К великому нашему облегчению, мы услышали ответное «калимера».

— Ну так,— заговорил Мактэвиш, гордясь своим знанием греческого языка,— принесите нам чего выпить и мезе.

Он мог и не называть мезе, потому что речь идет о закуске, состоящей из оливок, орехов, крутых яиц, огурцов и сыра, и закажите вы чего выпить в любом греческом кафе, вам автоматически принесут мезе на маленьких тарелочках. Однако такая уж сложилась обстановка, что даже бывший офицер Королевской конной полиции малость смешался.

— Слушаюсь,— серьезно произнес владелец кафе.— Какой напиток закажете?

Мактэвиш выслушал наши пожелания — от имбирного пива до анисовой водки, бренди и сухого вина — и перевел трактирщику.

— У меня есть только красное вино,— сообщил тот.

Лицо Мактэвиша помрачнело.

— Ладно,— сказал он,— несите красное вино и мезе.

Трактирщик кивнул и побрел обратно в свое маленькое сумрачное заведение.

— Хотел бы я знать,— осведомился Мактэвиш,— зачем он спрашивал, какие напитки мы закажем, отлично зная, что у него есть только красное вино?

Мактэвиш горячо любил греков и научился вполне сносно говорить по-гречески, но с логикой жителей этой страны был не в ладах.

— Все ясно,— раздраженно ответил ему Ларри.— Он пожелал узнать, что ты станешь пить, и если бы ты заказал красное вино, он принес бы тебе твой заказ.

— Понятно, но почему сразу не сказать, что у него есть только красное вино?

— Это было бы слишком логично для Греции,— терпеливо объяснил Ларри.

Мы продолжали сидеть под перекрестным огнем недружественных взглядов, чувствуя себя наподобие актеров, одновременно забывших текст. Наконец пожилой трактирщик явился снова, неся выдавший виды маленький поднос, украшенный невесть по какой причине портретом королевы Виктории, и расставил на наших столиках несколько тарелочек с черными оливками и кусками белого козьего сыра, две бутылки вина и стаканчики — вроде бы чистые, но такие старые и шербатые, что сулили нам богатый набор экзотических немочей.

— Какой-то невеселый народ в этом селении,— заметил Макс.

— Чего ты хочешь? — отозвался Дональд.— Явились тут какие-то проклятые иностранцы. То ли дело, если бы мы очутились в Англии.

— Вот именно,— саркастически заметил Ларри.— Через пять минут исполняли бы вместе с аборигенами народные танцы в костюмах эпохи Робина Гуда.

Нельзя сказать, чтобы направленные на нас взгляды суровых мужчин так уж изменились, однако в атмосфере нервозности нам начало чудиться, что глаза их горят злобой.

— Музыка,— сказал Свен,— музыка укрощает самых свирепых зверей. Давайте-ка я что-нибудь сыграю.

— Да-да, ради Бога, сыграй что-нибудь веселенькое,— подхватил Ларри.— Боюсь, если ты начнешь играть Баха, они дружно отправятся за своими мушкетами.

Свен вооружился своим аккордеоном и заиграл очаровательную польку, которая смягчила бы самое суровое греческое сердце. Однако наша аудитория оставалась невозмутимой, хотя окружавшее нас напряжение вроде бы самую малость ослабло.

— Право, мне кажется,— сказала мама,— что лучше нам с Марго и Леонорой вернуться на катер.

— Нет-нет, дорогая миссис Даррелл,— возразил Мак-тэвиш.— Уверяю вас, все это не ново для меня. Этим примитивным людям требуется время, чтобы привыкнуть к нашему присутствию. И теперь, поскольку музыка

Свена не подействовала, думаю, пришло время для магии.

— Магии? — Теодор наклонился вперед, с глубоким интересом глядя на Мактэвиша. — Магия? Что вы хотите этим сказать?

— Фокусы, — объяснил Мактэвиш. — Помимо всего прочего, я немного занимаюсь фокусами.

— Господи, — простонал Ларри. — Почему бы не подарить им всем бусы?

— Помолчи же, Ларри, — прошипела Марго. — Мактэвиш знает, что делает.

— Рад, что *ты* так считаешь, — сказал Ларри.

Тем временем Мактэвиш решительно проследовал в кафе и вышел оттуда с тарелкой, на которой лежали четыре яйца. Осторожно поставив тарелку на стол, он отступил на несколько шагов, чтобы было видно молчаливым селянам.

— Итак, — произнес он, сопровождая свою речь жестами профессионального фокусника, — мой первый номер — фокус с яйцами. Кто-нибудь из вас может одолжить мне какое-нибудь вместилище?

— Носовой платок? — предложил Дональд.

— Нет, — ответил Мактэвиш, бросив взгляд на нашу аудиторию, — лучше что-нибудь более эффектное. Миссис Даррел, будьте добры, одолжите мне вашу шляпу.

Летом мама обычно носила огромную соломенную шляпу, которая при малом росте обладательницы придавала ей сходство с ожившим грибом.

— Я не хотела бы, чтобы в ней разбивали яйца, — возразила мама.

— Нет-нет, — заверил ее Мактэвиш, — вашей шляпе ничто не грозит.

Мама неохотно сняла свой головной убор и вручила его Мактэвишу. Широким жестом он положил шляпу на стол перед собой, поднял глаза, убеждаясь, что селяне следят за его действиями, взял одно яйцо и осторожно опустил в шляпу. После чего сложил вместе ее поля и с маху шлепнул шляпой о столешницу.

— Если мы соберем содержимое, — заявил Ларри, — сможем приготовить омлет.

Однако Мактэвиш развернул шляпу и показал ее нам и селянам, чтобы все могли убедиться, что она совершенно пуста. После чего взял второе яйцо, повторил свой маневр, и опять шляпа оказалась пустой. Когда он проделал тот

же трюк с третьим яйцом, я заметил некоторое оживление в глазах наших зрителей, а после четвертого двое-трое из них даже обменялись приглушенными репликами. Мактэвиш лихо взмахнул шляпой, чтобы все могли убедиться, что она по-прежнему пуста. Затем положил шляпу на стол, еще раз сложил вместе ее поля, потом раскрыл шляпу, извлек из нее одно за другим четыре абсолютно целых яйца и разместил их на тарелке.

Даже Ларри был поражен. Разумеется, мы наблюдали элементарный пример ловкости рук. А именно: вы делаете вид, будто кладете куда-то тот или иной предмет, на самом деле он остается у вас в руке и вы прячете его в каком-нибудь кармашке. Мне доводилось видеть, как делают этот фокус с часами или другими предметами, но впервые на моих глазах его так ловко исполнили с четырьмя яйцами, которые, что ни говори, не так-то просто спрятать и слишком легко разбить, испортив тем самым впечатление от трюка.

Мактэвиш поклонился в ответ на наши дружные аплодисменты, и мы с великим удивлением услышали несколько отрывочных хлопков со стороны. Несколько старцев, явно с ослабленным зрением, поменялись столиками с мужчинами помоложе, чтобы сидеть поближе к нам.

— Теперь поняли? — гордо произнес Мактэвиш. — Немного магии способно творить чудеса.

С этими словами он достал из кармана колоду карт и исполнил несколько традиционных трюков, подбрасывая карты в воздух и ловя их так, что они аккуратно расстилались вдоль его руки. Селяне заметно оживились; если раньше они сидели на другом конце площади, то теперь переместились поближе к нам. Старцы с ослабленным зрением были до того заинтригованы, что придвинулись почти вплотную к нашим столикам.

Было видно, что Мактэвиш упивается своим успехом. Засунув в рот яйцо, он с хрустом разгрыз его, широко открыл рот, показывая, что яйца там нет, после чего извлек его из кармана своей рубашки. На этот раз селяне не стали скупиться на рукоплескания.

— Какой он ловкий фокусник! — воскликнула Марго.

— Я же говорил тебе, он парень что надо, — заметил Лесли. — А еще он чертовски меткий стрелок из пистолета.

— Я должен расспросить его, как он выполняет эти, гм... иллюзии, — произнес Теодор.

— Интересно, он умеет распиливать женщин пополам? — задумчиво сказал Ларри. — Чтобы можно было за-получить половину, которая действует, но не разговари-вает.

— Ларри, милый, — вмешалась мама, — прошу тебя, воздержись от таких замечаний при Джерри.

Наступил звездный час Мактэвиша. Первый ряд зри-телей состоял всецело из седобородых старцев: мужчины помоложе стояли, наклонясь над ними, чтобы лучше ви-деть. Мактэвиш подошел к самому почтенному старцу, очевидно здешнему мэру, поскольку ему было предостав-лено самое удобное место для созерцания фокусов. Постояв перед ним с поднятыми вверх руками и растопыренными пальцами, он объявил по-гречески:

— А теперь я покажу вам еще один фокус.

Вслед за чем быстро опустил одну руку, извлек из бороды старца серебряную драхму и бросил монету на землю. Аудитория дружно ахнула. Снова подняв руки с растопыренными пальцами, он с другой стороны той же бороды извлек пятидрахмовую монету и тоже широким жестом метнул ее на землю.

— Итак, — продолжал Мактэвиш, стоя с поднятыми ру-ками, — вы видели, как моя магия позволяет мне доставать деньги из бороды вашего мэра...

— Вы можете достать еще? — дрожащим голосом осве-домился мэр.

— Да-да, — подхватили селяне, — можете еще?

— Я погляжу, на что способна моя магия, — ответил Мактэвиш, охваченный энтузиазмом.

Одну за другой он извлек из бороды мэра несколько десятидрахмовых монет и пополнил ими кучку денег на земле. В те времена Греция бедствовала настолько, что струившееся из бороды мэра серебро представляло собой целое состояние.

И вот тут Мактэвиш явно зарвался. Он достал из бо-роды пятидесятидрахмовую бумажку. Восхищенный воз-глас зрителей едва не оглушил нас. Ободренный этим, Мактэвиш извлек еще четыре таких бумажки. Мэр сидел точно зачарованный, время от времени шепотом произнося слова благодарности святому или святым, коих почитал ответственными за это чудо.

— Знаете что, — осторожно произнес Теодор, — мне ка-жется, не следует продолжать этот трюк.

Но Мактэвиш слишком разошелся, чтобы сознавать рискованность своих действий. Из бороды мэра была извлечена стодрахмовая бумажка, и последовал гром аплодисментов.

— А теперь, — объявил он, — мой заключительный фокус.

Снова поднял вверх руки, показывая, что в них ничего нет, затем наклонился и извлек из пышной седой бороды бумажку достоинством в пятьсот драхм.

Сумма денег, лежащих теперь у ног мэра, составляла в глазах любого греческого селянина немыслимое богатство; в переводе на английскую валюту там было около двадцати — тридцати фунтов стерлингов.

— Вот так, — повернулся к нам Мактэвиш с гордой улыбкой. — Безошибочное средство.

— Вы в самом деле привели их в отличное расположение духа, — сказала мама, забыв про все свои тревоги.

— Я ведь сказал вам, миссис Даррелл, чтобы вы не волновались, — ответил Мактэвиш.

Вслед за тем наш иллюзионист совершил фатальную ошибку. Он наклонился, собрал все деньги с земли и засунул себе в карман.

Что тут началось!

— Я... э... предчувствовал, что может этим кончиться, — заметил Теодор.

Престарелый мэр поднялся, шатаясь, на ноги и поднес кулак к самому носу Мактэвиша. Со всех сторон неслись негодующие крики, как на потревоженном птичьем базаре.

— В чем дело? — спросил Мактэвиш.

— Вы украли мои деньги, — заявил мэр.

— Знаешь, мама, — сказал Ларри, — по-моему, теперь самое время вам с Леонорой и Марго возвращаться на катер.

Три дамы живо встали из-за стола и удалились вниз по главной улице размеренной трусцой.

— Ваши деньги? — озабоченно обратился Мактэвиш к мэру. — Как вас понимать? Это были мои деньги.

— Какие же ваши, если вы нашли их в моей бороде? — спросил мэр.

Мактэвиш снова был сражен своеобразной логикой греков.

— Но как вы не понимаете, — произнес Мактэвиш с тоской в голосе, — это был всего-навсего фокус. Деньги в самом деле мои.

— Нет! — дружно воскликнули селяне. — Если вы нашли их в его бороде, значит, это *его* деньги.

— Неужели вам непонятно, — с отчаянием продолжал объяснять Мактэвиш, — что я делал фокусы? Это все были трюки.

— Ага, и весь трюк заключался в том, чтобы украсть мои деньги! — настаивал мэр.

— Вот именно! — роковым поддержала его толпа.

— Знаешь, — уныло обратился Мактэвиш к Ларри, — по-моему, этот тип страдает старческим маразмом. Он не соображает, в чем дело.

— А ты, скажу тебе, полнейший идиот, — ответил Ларри. — Ясное дело, он уверен, что деньги его, раз ты извлек их из его бороды.

— Но ведь это не так, — настаивал Мактэвиш. — Деньги мои. Это был фокус.

— Мы-то знаем это, балда, да только они не знают.

Мы очутились в окружении буйной, негодующей толпы селян, решительно настроенных на то, чтобы отстоять права своего мэра.

— Верните ему его деньги, — кричали нам, — не то мы не выпустим ваш катер!

— Мы пошлем в Афины за полицией! — добавил кто-то.

Учитывая, что на связь с Афинами ушла бы не одна неделя и столько же пришлось бы ждать полицейского, которому будет поручено разобраться с этим делом, — если такового вообще посчитают нужным направить, — мы, несомненно, оказались в затруднительном положении.

— Мне кажется, э... — заметил Теодор, — что вам следует отдать ему эти деньги.

— Что я всегда говорю об иностранцах, — вступил Дональд, — несдержанные, к тому же еще и алчные. Взять хотя бы нашего Макса — только и знает, что занимать у меня деньги, и никогда их не возвращает.

— Не хватает еще и нам начать ссориться, — парировал Макс. — Мало вам того, что уже тут происходит.

— В самом деле, — сказал Ларри. — Теодор прав. Отдай ты ему эти деньги, Мактэвиш.

— Но это целых двадцать фунтов! — воскликнул Мак-тэвиш. — И ведь я только показывал фокус.

— Что ж, если ты не отдашь деньги, — продолжал Ларри, — боюсь, нам не избежать хорошей взбучки.

Мактэвиш приосанился:

— Я готов принять бой.

— Не дури, — устало произнес Ларри. — Если все эти молодые крепыши разом набросятся на тебя, они разорвут тебя в клочья.

— Ладно, попробуем пойти на компромисс, — уступил Мактэвиш.

Достав из кармана все монеты, он протянул их мэру.

— Вот, — сказал он по-гречески, — я показывал фокус, и деньги были не ваши, тем не менее возьмите половину того, что я достал из вашей бороды, и купите себе вина.

— *Hem!* — в один голос взревели селяне. — Отдайте ему все!

Отведя на катер Леонору и Марго, мама теперь вернулась за мной и пришла в ужас, видя нас окруженными грозной толпой.

— Ларри, Ларри! — закричала она. — Спаси Джерри!

— Не дури! — крикнул Ларри в ответ. — Уж его-то никто пальцем не тронет.

И он был совершенно прав, потому что в такой ситуации ни один грек не позволил бы себе ударить ребенка.

— Полагаю, нам следует собрать свои силы в кулак и приготовиться дать отпор, — заявил Дональд. — Неужели спасуем перед кучкой иностранцев? Я неплохо овладел искусством бокса, когда учился в Итоне.

— Э-э... а вы, гм... э-э... обратили внимание, что большинство из них вооружено ножами? — осведомился Теодор таким тоном, словно речь шла о музейных экспонатах.

— Ничего, я неплохо владею этим оружием, — сообщил Макс.

— Но у тебя нет ножа, — заметил Дональд.

— Верно, — задумчиво ответил Макс. — Но если ты уложишь метким ударом кого-нибудь из них, я заберу его нож, и мы схватимся с ними.

— Не думаю, чтобы это было очень разумно, — сказал Теодор.

Тем временем селяне продолжали бушевать, и Мактэвиш все еще пытался убедить мэра поделить пополам вырубку, извлеченную из его бороды.

— Вы спасете Джерри? — донесся мамин голос из-за спин наших противников.

— Да замолчи ты, мама! — заорал Ларри. — Ты только все усугубляешь. Джерри в полном порядке.

— Знаете, по-моему, учитывая, что и как говорят некоторые из них, — снова вступил Теодор, — хорошо бы нам убедить Мактэвиша отдать деньги мэру. Иначе мы рискуем очутиться в крайне затруднительном положении.

— Вы защитите Джерри? — опять закричала мама.

— О Господи! — простонал Ларри.

Шагнув вперед, он схватил за локоть Мактэвиша, залез рукой в его карман, достал ассигнации и протянул их мэру.

— Эй! Постой! Это мои деньги! — возмутился Мактэвиш.

— Твои, твои, и тебе плевать на мою жизнь, — ответил Ларри.

Обратясь к мэру, он продолжал по-гречески:

— Вот деньги, которые этот господин, владеющий магией, обнаружил в вашей бороде.

Затем он снова повернулся к Мактэвишу, взял его за плечи и пристально уставился ему в глаза.

— Отвечай кивком на все, что стану тебе говорить, понял?

— Понял, понял, — ответил Мактэвиш, озадаченный таким внезапным проявлением воинственности со стороны Ларри.

— Итак. — Ларри осторожно положил ладонь на грудь Мактэвиша там, где, очевидно, помещалось сердце, и произнес:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Мактэвиш, пораженный не только тем, как искусно Ларри овладел ситуацией, но и странными словами (ему не доводилось читать «Алису в Зазеркалье»), энергично кивал в конце каждой строфы.

А Ларри снова обратился к мэру.

— У этого господина, — он опять положил ладонь на грудь Мактэвиша, — большое сердце, поэтому он согласен отдать вам все деньги, но при одном условии. Всем вам известно, что есть люди, которые умеют находить скрытые в земле источники.

Толпа дружным «ага» подтвердила, что ей это известно.

— Этим людям платят за их работу, — продолжал Ларри.

Послышались сопровождаемые кивками возгласы «да, да».

— Но когда вода найдена, — сказал Ларри, — она принадлежит всем.

Он говорил на понятном для всех языке, потому что вода и хлеб составляли основу жизни всякой здешней общины.

— Иногда люди, которые ищут воду, находят источник, иногда не находят, — говорил Ларри. — Этот господин иногда находит деньги в бородах людей, иногда не находит. Ему повезло, у вас хороший мэр, и он нашел деньги. Нашел около девятисот драхм. Так вот, потому что он хороший человек, добрый человек, он согласен отказаться от обычного вознаграждения.

Снова дружное «ага», выражающее удовлетворение, смешанное с недоумением по поводу такой щедрости.

— Однако взамен он просит вашего согласия на одну вещь, — сказал Ларри, — чтобы мэр истратил эти деньги на благо всей деревни.

Тут лицо мэра сразу помрачнело, зато его односельчане встретили слова Ларри аплодисментами.

— Ибо, — возвысил голос Ларри, окрыленный явными признаками успеха и разгоряченный выпитым вином, — когда вы находите деньги так, как находите воду, они должны принадлежать всем.

Последовала такая громкая овация, что попытки мэра что-то возразить утонули в общем гаме.

— Знаете, — вступил Теодор, — по-моему, сейчас, похоже, самое время удалиться. С высоко поднятой, как говорится, головой.

И мы зашагали вниз по главной улице, сопровождаемые толпой селян, каждый из которых норовил протиснуться к Мактэвишу, чтобы похлопать его по спине или пожать ему руку. Так что к тому времени, когда мы спустились на пристань, Мактэвиш явно начал чувствовать себя первейшим представителем Королевской конной полиции и склонялся к тому, что двадцать фунтов — отнюдь

не слишком высокая плата за такое преклонение. Наше отплытие задержалось на несколько минут из-за того, что мэр, а за ним и все прочие старцы настояли на том, чтобы заключить Мактэвиша в свои объятия и расцеловать его.

Наконец он ступил следом за нами на палубу, воодушевленный своим успехом.

— Что я говорил! Следует знать, как обращаться с примитивными людьми.

— Во всяком случае, — сказала мама, — *моей* ноги больше не будет ни в одном селении на этом побережье. Это мой день рождения, и хотелось бы, чтобы кто-нибудь считался с моими желаниями.

— Конечно, дорогая муттер, — отозвался Макс. — Мы постараемся найти для вас славное местечко, чтобы перекусить.

Якорь был поднят, заработал мотор, и сквозь его гулкое чufыканье мы еще долго слышали аплодисменты и добрые пожелания селян.

Когда подошло время ленча, мы обнаружили прекрасный длинный пляж с мягким белым песком, и поскольку накануне вечером Таки сумел поймать несколько кефалей, Спиро развел на берегу костер и поджарил чудесную рыбу.

Свен, Дональд и Макс, все еще озабоченные тем, что у них нет подарков для мамы, устроили для нее своего рода представление. Свен, по профессии скульптор, вылепил из мокрого песка огромную обнаженную женскую фигуру и вынудил маму громко восхищаться его творением, потом сыграл для нее на аккордеоне — к счастью, не Баха, а какие-то энергичные веселые мелодии. Дональд и Макс сперва посовещались между собой, потом шепотом посвятили в свой план Свена, который одобрительно кивнул головой.

— А теперь, — обратился к маме Дональд, — мы исполним для вас старинный австрийский танец.

Из уст обычно весьма сдержанного, типичного британца Дональда это прозвучало так неожиданно, что даже Ларри потерял дар речи. Свен лихо заиграл нечто весьма мажорное, похожее на мазурку, долговязый нескладный Макс и бледнолицый коротыш Дональд важно поклонились друг другу, взялись за руки и приступили к танцу. К нашему удивлению, они отлично справились с задачей — то горделиво выступая по песку, то стремительно вращаясь, то выполняя сложнейшие па, во время которых надлежало

хлопать друг друга по коленям и по рукам, подпрыгивать в воздух, хлопая себя по пяткам, и так далее. Я невольно вспомнил морскую кадрили из «Алисы» в исполнении Грифона и Черепахи Квази. Они танцевали так замечательно, что, когда номер кончился, мы устроили им овацию; сияя от радости и обливаясь потом, наши артисты выступили на бис, уже под другую мелодию.

После того как танцоры искупались, чтобы остыть, мы удобно расположились на песке и воздали должное вкусной рыбе с сочным мясом и приятно пахнущей дымком поджаристой кожицей; увенчали трапезу различного рода фрукты.

— Право, у нас получился очень приятный праздничный ленч, — сказала мама. — Я довольна. А музыка Свена и танцы Дональда и Макса были отличным дополнением.

— У нас еще будет праздничный обед, — объявил Макс. — Давайте найдем еще один пляж и устроим праздничный обед.

И вот мы снова погрузились на катер и продолжили путь вдоль побережья. Близился закат, и солнце расписало небо в дивные красные, зеленые и золотистые тона, когда нашим глазам предстало идеальное, как нам казалось, место. Крохотный округлый залив с узким пляжем, над которым высились ярко-оранжевые в солнечных лучах скалы.

— О, как же тут красиво, — сказала мама.

— Здесь мы и устроим праздничный обед, — заключил Макс.

Спиро сообщил Таки, что мы остановимся здесь на ночь. К сожалению, Таки не был знаком с этим заливом и не знал, что вход в него отчасти преграждает песчаная отмель. Он на хорошей скорости повел катер в залив и, сам того не ведая, наскочил на отмель. Катер остановился внезапно и круто. Мама в эту минуту стояла, любуясь закатом, на самой корме; от резкой остановки она потеряла равновесие и упала за борт. А надо сказать, что, хотя в очень жаркую погоду мама снисходила до того, чтобы понежиться на мелководе, плавать она совсем не умела. О чем были осведомлены все, кроме Таки. А потому вся наша компания, включая Спиро, который обожал маму, но тоже не умел плавать, попрыгала в море спасать именинницу. Результатом этого порыва был полнейший хаос.

Дональд и Макс прыгнули друг на друга и ударились головами. Леонора зацепилась ногой о фальшборт и сильно

ее поранила. Марго, полагая, что маму надо искать под водой, нырнула и лихорадочно искала ее тело на глубине, пока в легких не кончился воздух, и пришлось ей всплывать на поверхность. Маму поймали Лесли и Мактэвиш, а Ларри вдруг сообразил, что Спиро тоже не пловец, и успел спасти его, когда тот в третий раз ушел под воду. Но все время, пока Спиро то появлялся, то вновь пропадал под водой, он успевал кричать, захлебываясь: «Не беспокоиться, миссисы Дарреллы, не беспокоиться!»

Лесли и Мактэвиш оттащили задыхающуюся, отплеывающуюся маму на отмель, где она смогла сесть и отрыгнуть морскую воду, которой успела изрядно наглотаться, а Ларри отбуксировал туда Спиро, чтобы и он мог выполнить ту же процедуру. Когда наши утопленники пришли в себя, мы доставили их на борт катера, где маме был предложен добрый глоток бренди, чтобы она оправилась от шока, вызванного падением в море, и еще больший глоток выпил Спиро, чтобы прийти в себя от созерцания того, как падает мама.

— Ей-Богу, миссисы Дарреллы,— вымолвил он.— Я думать, вы утонуть.

— Я думала то же самое,— отозвалась мама.— Сколько помню, в жизни не попадала в такую глубокую воду.

— И я тоже,— серьезно подхватил Спиро.

Таки включил задний ход, мы все поднажали плечами и столкнули катер с отмели. После чего Таки внимательно изучил обстановку, нашел проход, и мы уже без всяких затруднений вошли в залив.

Разведя костер на берегу, мы сварили извлеченных из холодильного шкафа осьминога и маленьких каракатиц и дополнили трапезу холодным цыпленком и фруктами.

— Видите теперь, как правильно мы поступили,— сказал Ларри, жуя толстое щупальце осьминога,— когда взяли с собой холодильный шкаф.

— Верно, милый,— согласилась мама.— Тогда эта идея не показалась мне такой уж удачной, но она себя вполне оправдала. Правда, на борту катера лед тает гораздо быстрее, чем в нашем доме.

— Иначе и не может быть,— заметил Ларри.— И все-таки шкаф нас выручил.

В ту ночь взошла такая великолепная луна, что мы долго лежали у самого берега в теплой воде, попивая вино и беседуя. Более мирной картины невозможно было пред-

ставить себе, пока вдруг не раздались громкие пистолетные выстрелы, рождая эхо в прибрежных скалах.

Неприметно для всех Лесли и Мактэвиш, вооружившись маминым пистолетом с перламутровой рукояткой, ушли на край пляжа, где Мактэвиш стал показывать Лесли, как быстро должны стрелять члены Королевской канадской конной полиции.

— Силы небесные! — воскликнул Ларри. — О чем они думают? Превратить тихий пляж в стрельбище!

— Господи, — произнес Спиро, — я уже думать, что сюда прийти чертов турки.

— Лесли, милый! — крикнула мама. — Пожалуйста, прекрати!

— Мы только тренируемся! — отозвался Лесли.

— Конечно, но вы не представляете себе, какой шум подняли, — продолжала мама. — От этого эха у меня заболела голова.

— Ничего страшного, — недовольно возразил Лесли.

— Это характерно для Лесли, — сказал Ларри. — Он лишен эстетического чувства. Тут дивное теплое море, чудесное вино, полная луна, и что же он затевает? Носится взад-вперед, стреляя из пистолета!

— Ну, ты тоже бываешь хорош, — возмутилась Марго.

— Разве я вам докучаю? — спросил Ларри. — Нисколько. В нашей семье нет человека благоразумнее меня.

— У тебя разума столько же, сколько у... у последнего психа, — заявила Марго.

— Ну-ну, дорогие мои, не ссорьтесь, — взмолилась мама. — Не забывайте, мы отмечаем мой день рождения.

— Я сыграю для вас, — объявил Свен.

И он исполнил несколько негромких и прекрасных даже для аккордеона мелодий, которые отлично сочетались с лунной ночью и окружающей нас природой.

Наконец мы сходили на катер за своими матрацами, расстелили их на берегу и один за другим погрузились в сон.

Наутро мы позавтракали, искупались и поднялись на борт нашего судна. Подняли якорь, Таки запустил мотор, тот чуфырнул раз-другой и почти сразу заглох; мы едва стронулись с места.

— Господи, только не говорите мне, что с мотором что-то неладно, — сказал Ларри.

Спиро, нахмурясь, пошел к Таки выяснить, в чем дело. Слышно было, как они обсуждают что-то вполголоса, вне-

запно Спиро взревел, точно разъяренный бык, и на голову Таки обрушились проклятия.

— Что там у вас случилось, черт побери? — спросил Ларри.

— Эти безмозглые ублюдки, — сообщил красный от гнева Спиро, указывая на Таки дрожащим толстым пальцем, — эти безмозглые ублюдки, вы уж простить меня за такой слова, миссисы Дарреллы, забыть взять с собой больше бензин.

— Почему он забыл? — хором осведомились мы.

— Ему говорить, что думай взять, но забыть, когда пришлось отправиться за холодильный шкаф.

— Вот видите! — воскликнула мама. — Я так и знала! *Знала*, что нельзя было трогать наш холодильный шкаф!

— Ладно, — сказал Ларри, — только не затевай опять этот разговор. Как называется ближайшее место, где мы могли бы заправиться?

— Таки говорить, можно заправить в Металоура, — сообщил Спиро.

— Элементарно, — вступил Мактэвиш, — мы можем сходить туда за бензином на шлюпке.

— Не знаю, — заметил Дональд, — возможно, ты не обратил внимания на этот факт, но у нас нет шлюпки.

В самом деле, странно, что никто из нас не заметил этого; большинство катеров, особенно во время таких вылазок, тащило на буксире шлюпку.

— Отлично, — заявил Мактэвиш, демонстрируя свои бицепсы, — я в отличной форме. Могу доплыть туда и обратиться за помощью.

— Нет, мистеры Мактэвиш, — мрачно произнес Спиро. — Туда целые десять километров.

— Ничего, по дороге буду останавливаться, отдыхать на берегу, — настаивал Мактэвиш. — До вечера запросто буду там. Завтра утром вернусь.

Спиро нахмурился, задумался, потом обратился к Таки и рассказал ему, что предлагает Мактэвиш. Таки был решительно против. Все побережье от этого залива до того, где можно добыть бензин, сплошь состоит из крутых обрывистых скал, ни одного удобного клочка для передышки.

— Боже мой, — вздохнула мама, — что же мы будем делать?

— Что — сидеть здесь и ждать, — сказал Ларри. — Очень просто.

— Как это понимать — очень просто? — спросила мама.

— А так — будем сидеть здесь и, как увидим проходящее судно, посигналим, попросим, чтобы нам подбросили сюда бензин. Не понимаю, что вы все так переживаете.

— Мастеры Ларрис правые, миссисы Дарреллы, — уныло согласился Спиро. — Мы не можем больше ничего подела-
ет.

— К тому же уголок здесь прелестный, — продолжал Ларри. — Честное слово, мы не могли бы выбрать лучшего места для стоянки.

После чего мы покинули катер и расселись на берегу, предоставив Таки восседать со скрещенными ногами на носу обездвиженного катера и высматривать проходящие мимо залива рыболовецкие суда, которые могли бы нас выручить.

День протекал в приятном досуге, но суда не показывались, и с приближением ночи мама стала не на шутку волноваться.

— Да перестань ты так переживать, мама, — твердил Ларри. — Завтра непременно появится судно, и у нас еще уйма припасов.

— В том-то и дело, — возразила мама, — что не уйма. Я не рассчитывала ни на какие задержки, к тому же лед тает так быстро, что, если завтра не покажется какое-нибудь судно, половина оставшихся продуктов испортится.

Об этой стороне нашего вынужденного заточения мы как-то не подумали. Окаймленный крутыми скалами крохотный пляж был начисто лишен всех тех даров, которыми радовал Робинзона Крузо его остров. Конечно, по одной скале стекала струйка пресной воды, пополняя крохотный водоем, в котором Теодор обнаружил такое множество различных организмов, что вряд ли кто-нибудь из нас решился бы пить эту воду, когда иссякнут наши запасы напитков.

— Муттер, не надо беспокоиться. — Макс покровительственно обнял маму. — В самом крайнем случае мы все войдем в воду и будем толкать катер до Корфу.

— Чертовски глупое предложение, — заявил Дональд. — Типичное для жителя материковой Европы. Одному Богу известно, сколько тонн весит этот катер. Да мы его с места не сдвинем.

— Боюсь, Дональд совершенно прав, — подхватил Мак-тэвиш. — Как ни крепок я для своих лет, думаю, всех наших сил не хватит, чтобы долго толкать катер.

— Да перестаньте вы нести околесицу, — возмутился Ларри. — В здешних краях тьма рыболовецких судов. Завтра непременно что-нибудь увидим.

— Надеюсь, ты окажешься прав, — сказала мама. — Иначе мне придется ввести рационирование.

— Конечно, это совсем не так важно, — заметил Теодор, — однако некоторые собранные мной образцы довольно редки, и, если я не смогу достаточно быстро привезти их на Корфу... сами понимаете... потому что они очень нежные, вот... понимаете... они погибнут.

Вечером мы ложились спать в весьма тревожном расположении духа, и Таки и Спиро чередовались, дежуря на носу катера, надеясь высмотреть фонари какого-нибудь ночного рыболова. Увы, и наступившее утро не принесло нам утешения. А тут еще выяснилось, что лед тает с такой скоростью, что пришлось вырыть в песке яму, чтобы закопать изрядное количество скоропортящихся продуктов, припасенных мамой.

— Господи, — сказала мама, — зачем только мы отправились в это плавание.

— Не беспокойтесь, муттер, — объявил Макс. — Помощь уже приближается, я чувствую это печенкой.

— Думаю, Ларри прав, — подхватил Дональд. — В этом районе ходит много рыболовецких судов. Рано или поздно и здесь появятся.

— Лучше бы рано, чем поздно, — заметила мама. — Иначе мы тут умрем с голода.

— Это все Ларри виноват, — воинственно произнес проголодавшийся Лесли. — Он придумал отправиться на материк.

— Только не вали все на меня, — рассердился Ларри. — Ты не меньше моего был за. Организовали бы все как следует — не влипли бы в эту историю.

— А я согласна с Лесли, — объявила Марго. — Это была идея Ларри.

— Моя идея не предусматривала, что мы останемся без бензина в глухом заливе среди неприступных скал, в десяти километрах от ближайшего места, где можно пополнить припасы, — сказал Ларри.

— Не надо, мои дорогие,— взмолилась мама,— не ссорьтесь. Вот увидите, скоро покажется какое-нибудь судно.

— А пока, моя дорогая миссис Даррелл,— вступил Свен,— я сыграю что-нибудь, чтобы утешить вас.

К сожалению, он посчитал, что именно Бах способен всех нас утешить.

Между тем прошел еще один день, а суда не показывались. Лед продолжал быстро таять, порции, которые мы получили вечером, не насытили бы даже Оливера Твиста.

— Черт-те что,— возмутился Ларри.— Где эта уйма рыболовецких судов, какого черта они не ловят в этих водах?

— Может быть, сегодня ночью кто-нибудь объявится,— предположил Мактэвиш.

Хотя Спиро и Таки продолжали дежурить, они и в эту ночь никого не увидели. На завтрак каждый из нас получил по мятому персику. Ленч состоял из арбуза с хлебом.

— Какие припасы у нас еще остались? — осведомился Ларри, управившись со своей порцией.

— К счастью, я не такой уж едок,— сообщил Теодор. И поспешил добавить: — К счастью для меня.

— Если и дальше так пойдет, просто не знаю, что мы станем делать,— сказала мама, которая была на грани паники, несмотря на все наши старания успокоить ее.

— Прибегнем к людоедству,— заявил Ларри.

— Ларри, милый, не надо так шутить,— взмолилась мама.— Это вовсе не смешно.

— В любом случае, ха-ха,— сообщил Мактэвиш,— мое мясо покажется вам жестковатым.

— А мы с тебя начнем,— сообщил Ларри, мрачно глядя на него.— Из тебя выйдет довольно-таки неудобоваримая закуска. Зато Леонора, если правильно испечь ее в песке на полинезийский лад, явит нам, уверен, лакомое блюдо. Пальчики ног, ягодицы, груди...

— Ларри, это отвратительно,— сказала Марго.— Я в жизни не смогла бы есть человеческое мясо.

— Чертовски дурные манеры,— подхватил Дональд.— Только индийцы едят друг друга.

— И все же поразительно, на что способны люди, когда доходит до крайности,— сообщил Мактэвиш.— Если не ошибаюсь, в Боснии, когда несколько деревень были от-

резаны снежными заносами от внешнего мира, дело дошло до людоедства.

— Прошу вас, перестаньте наконец толковать о людоедстве, — сказала мама. — Эти разговоры только усугубляют наше положение.

— Ладно, однако ты так еще и не ответила на мой вопрос, — заявил Ларри. — Какими припасами мы сейчас располагаем?

— Арбуз, — сообщила мама, — три зеленых перца и два батона. Таки пробовал заняться рыбной ловлей, но он говорит, что в этом заливе плохо с рыбой.

— Но ведь у нас еще оставалась парочка бараньих ног, — возразил Ларри.

— Да, милый, — ответила мама. — Но лед почти совсем растаял, и они протухли, так что пришлось их закопать.

— Господи, — простонал Ларри. — Значит, без людоедства не обойтись.

И в этот день мы не увидели никаких судов. Вечером поели сухого хлеба, закусили несвежими перцами, доели арбуз.

Таки и Спиро возобновили дежурство на катере, остальные легли спать, борясь с чувством голода.

Ночь не принесла ничего нового, и утром наше положение из несколько комичного стало довольно серьезным. Собравшись на катере, мы устроили военный совет. Мое предложение протянуть день-другой, питаясь морскими улитками, встретило сокрушительный отпор.

— Мои образцы, должен вам сказать, очень быстро портятся, — озабоченно доложил Теодор.

— К черту твои проклятые образцы, — отозвался Ларри. — Если бы ты собирал что-нибудь более существенное, чем эта твоя микроскопическая мелюзга, это могло бы нас выручить.

— Право, не знаю, что мы теперь будем делать, — сказала мама.

На завтрак каждому досталось по кусочку хлеба, и на том пришел конец нашим припасам.

— Видно, мы все тут умрем, — заключила мама. — И мне нисколько не улыбается быть похороненной здесь.

— Муттер не умрет, — горячо возразил Макс. — В крайнем случае, я убью себя, и вы сможете есть меня.

Мама была потрясена столь щедрым предложением.

— О, вы страшно добры, Макс,— отозвалась она.— Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

В эту самую минуту дежуривший на носу катера Спиро издал оглушительный крик, эхо которого заставило вздрогнуть окружающие нас скалы.

— Эй! Эгей!

Он продолжал кричать, размахивая руками, и мы увидели скользящее мимо входа в залив суденышко с маленьким дряхлым мотором.

— Эй! Эгей! — зывал Спиро.— Сюда!

Природа поместила в грудную клетку Спиро такие могучие легкие, и басистый голос его звучал так гулко, что, отраженный стенами позади нас, он в самом деле был услышан человеком на борту суденышка. Рыбак повернулся лицом в нашу сторону. Мы все ринулись на нос катера и принялись отчаянно жестикулировать. Рыбак выключил мотор, и Спиро снова завопил:

— Сюда! Сюда!

— Вы это мне? — осведомился рыбак.

— Конечно, тебе,— ответил Спиро.— Кому же еще?

— Вы хотите, чтобы я подошел к вам? — дошло наконец до рыбака.

Спиро призвал на помощь Святого Спиридона и прочих местных святых.

— Конечно! — проревел он.— Или там есть еще кто-нибудь?

Рыбак внимательно огляделся.

— Никого! — сообщил он.

— Стало быть, я к тебе обращаюсь! — прокричал Спиро.

— А что тебе надо? — поинтересовался рыбак.

— Услышишь, если подойдешь поближе! — крикнул Спиро. И буркнул себе под нос: — Идиот!

— Ладно,— отозвался рыбак, включил мотор и пошел зигзагами к нам.

— Слава Богу,— произнесла мама дрожащим голосом.— О, слава Богу.

Должен признаться, в этот момент все мы разделяли ее чувства.

Суденышко длиной меньше четырех метров подошло совсем близко, рыбак выключил мотор и легонько ударился бортом о наш катер. Мы увидели орехово-коричневое лицо, огромные синие глаза и косматую шевелюру, и было

совершенно ясно, что если этот человек и не идиот, то пребывает где-то на грани.

Рыбак приветливо улыбнулся нашей компании.

— Калимера,— сказал он.

С неописуемым облегчением мы ответили тем же.

— Послушай,— начал Спиро, продолжая развивать успех,— у нас...

— Ты грек? — осведомился рыбак, с интересом всматриваясь в лицо Спиро.

— Конечно, грек! — крикнул Спиро.— Но дело в том...

— Вы все греки? — спросил рыбак.

— Нет, нет,— нетерпеливо ответил Спиро,— они вот иностранцы. Но все дело в том...

— Ага, иностранцы,— сказал рыбак.— Я люблю иностранцев.

Осторожным движением он освободил ногу от мертвого осьминога, который придавил ему ступню, когда наши суда столкнулись бортами.

— Они хотели купить рыбу? — спросил рыбак.

— Мы не хотим покупать рыбу,— прорычал Спиро.

— Но иностранцы любят рыбу,— заметил рыбак.

— Балда! — взревел Спиро.— Нам не нужна рыба. Нам нужен бензин.

— Бензин? — удивился рыбак.— Зачем вам бензин?

— Для этого катера,— крикнул Спиро.

— Боюсь, моего бензина не хватит,— ответил рыбак, смерив взглядом стоящую на носу маленькую канистру.— Скажи-ка, а откуда они?

— Они англичане,— сообщил Спиро.— А теперь послушай. Мне нужно...

— Англичане хорошие люди,— отметил рыбак.— На днях тут один англичанин... купил у меня два килограмма рыбы, и я взял с него двойную цену, и он хоть бы что.

— Слушай! — вскипел Спиро.— Нам нужен бензин, и для этого ты...

— Они из одной семьи? — поинтересовался рыбак.

— Нет, не из одной,— ответил Спиро,— но мне нужно, чтобы ты...

— А с виду — одна семья,— настаивал рыбак.

— Да нет же,— сказал Спиро.

— Вот он и она — словно мама и папа.— Рыбак показал на Свена и маму.— А остальные — точно их дети.

Хотя вон тот, с бородой, должно быть, дедушка. Из какой части Англии они родом?

Было очевидно, что, если диалог будет продолжаться в том же духе, кончится тем, что Спиро схватит пустую бутылку и проверит прочность головы рыбака.

— Может быть, мне стоит заняться им? — спросил Мактэвиш.

— Нет, — вступил Ларри. — Слышь, Спиро, лучше я с ним поговорю.

Наклонясь над бортом нашего катера, он заговорил медоточивым голосом:

— Послушай, любезный, мы англичане, все родственники.

— Добро пожаловать, — широко улыбнулся рыбак.

— Мы пришли сюда на этом катере, — медленно и вятно продолжал Ларри. — И у нас кончился бензин. К тому же у нас кончились продукты.

— Кончился бензин? — повторил за ним рыбак. — Но без бензина вы дальше не поплывете.

— Вот именно, — согласился Ларри. — Так вот, не мог бы ты быть так добр, сдать нам внаем твою лодку, чтобы мы могли сходить на ней в Металоуру, купить там бензин и привезти сюда?

Рыбак поразмыслил над его словами, подталкивая коричневыми пальцами ног лежащую на дне лодки грудю осьминогов, каракатиц и кефали.

— Вы мне заплатите? — беспокойно осведомился он.

— Мы заплатим тебе пятьдесят драхм за то, чтобы ты отвез одного из нас в Металоуру, и еще пятьдесят за то, чтобы привез его обратно.

От такого щедрого предложения зрачки рыбака на миг расширились.

— А может быть, вы заплатите пятьдесят пять драхм? — спросил он без особой надежды, отлично понимая, что ему и без того предложены очень большие деньги за пустячную работу.

— Послушай, любезный, — сказал Ларри, — послушай, добрый человек, ты знаешь, что я предлагаю хорошую цену и не стану тебя обманывать. Вот ты сам — разве стал бы нас обманывать? Ты, грек, станешь обманывать иностранных гостей?

— Никогда! — сверкнул глазами рыбак, забыв, как он только что поведал нам про обманутого англича-

нина.— Грек никогда не станет обманывать иностранного гостя.

— Итак.— Ларри достал две полусотенные бумажки.— Вот деньги. Я отдаю их этому человеку, он грек, как и ты, деньги будут при нем, и когда вы вернетесь с бензином, я прослежу за тем, чтобы он отдал их тебе без обмана.

Рыбак был так тронут, что немедленно согласился, и Ларри осторожно засунул драхмы в карман рубашки Спиро.

— А теперь, Спиро, ради Бога,— сказал он по-английски,— перебирайся в эту проклятую лодку и привези нам бензин.

Не без натуги, ибо он был мужчина довольно тучный, Спиро осторожно перевалил через борт катера и опустил-ся в лодку рыбака, которая сразу осела на десяток сантиметров.

— Вы хотите, чтобы я отправился сейчас или ближе к вечеру? — спросил рыбак, глядя на Ларри.

— *Сейчас!* — крикнули хором все владеющие греческим языком члены нашей компании.

Рыбак запустил мотор и взял курс на выход из залива; Спиро сидел, нахмурясь, на носу, смахивая на какую-то массивную фантастическую фигуру.

— Надо же! — воскликнул Дональд, когда лодка скрылась за мысом.— Допустить такой промах!

— Ну что там еще? — осведомился Ларри.

— Если бы мы купили у него всю рыбу и осьминогов, получился бы славный ленч,— жалобно произнес Дональд.

— Видит Бог, ты прав,— согласился Ларри.— Почему ты не подумала об этом, мама?

— С какой это стати именно я должна думать *обо всем*, милый,— возразила мама.— Я думала, он поведет нас на буксире.

— Ладно,— заметил я,— обойдемся на ленч морскими улитками.

— Если ты еще раз вспомнишь эту гадость,— пообещала Марго,— меня стошнит.

— Да уж, лучше помолчи,— подхватила Леонора.— У нас тут и без тебя хватает проблем.

И мы постарались отвлечься от мыслей о еде. Мактэвиш принялся учить Лесли быстро выхватывать пистолет

из-за пояса. Леонора и Марго купались и загорали. Ларри, Свен, Дональд и Макс затеяли бессвязную дискуссию о литературе и искусстве. Мама занялась каким-то замысловатым вязанием, чаще положенного спуская петли. Теодор, еще раз объявив, какое это счастье, что он плохой едок, отправился добывать новые образцы в стоячей луже под скалой. Я вооружился своим перочинным ножом и принялся собирать на камнях морских улиток, жадно глотая их.

Оставшись без еды, мы налегали на наши запасы вина, и под вечер Дональд и Макс исполнили еще один мудреный среднеевропейский танец, а Ларри взялся обучать Свена исполнять на аккордеоне «Песнь итонских гребцов». Мама, убаюканная мыслью о неминуемом спасении, мирно спала, пока они лихо резвились, однако с приближением заката все мы начали тревожиться, хоть и держали про себя свои сомнения. Добрались ли Спиро и безумный рыбак до цели — или вроде нас отрезаны от внешнего мира на берегу какого-нибудь уединенного залива? Рыбак произвел на нас впечатление человека, совсем не сведущего в навигации. Смеркалось, и даже вино не могло нас оживить, мы собрались в кучку и мрачно сидели, изредка обмениваясь колкими по преимуществу замечаниями. Это было похоже на завершение доброй вечеринки, когда все мечтают только о том, чтобы разъехаться по домам. Даже небо цвета полированной меди с золотыми полосами не вызывало никаких положительных эмоций.

И вдруг, совершенно неожиданно, на синей с позолотой воде у входа в залив показалось суденышко рыбака. На корме сидел наш безумный рыбак, на носу таким тучным бульдогом восседал Спиро. Тотчас прекрасная сложная закатная роспись в небесах и на море показалаась нам вдвое ярче. Спасение пришло. Они вернулись!

Мы сгрудились у самой воды, нетерпеливо всматриваясь в приближающуюся лодку. Рыбак выключил мотор, лодка продолжала идти к берегу по инерции, и в наступившей тишине раздался зычный голос Спиро:

— Не беспокоиться, миссисы Дарреллы, я все устрою!

Мы дружно вздохнули с облегчением, потому что знали: когда Спиро говорит, что устроил что-то, значит, все в порядке. Лодка мягко легла носом на хрустящий песок,

и мы увидели, что между Спиро и рыбаком лежит зажаренная баранья туша на вертеле и стоит корзина с фруктами всех видов.

Спиро неуклюже перевалился через борт и побрел вброд к нам, напоминая некое диковинное морское чудовище.

— Я привезти вам еда,— сообщил он.— Но бензин у них не было.

— К черту бензин! — воскликнул Ларри.— Выгружайте еду — и приступим!

— Нет-нет, мастера Ларрис, бензин не иметь значений,— сказал Спиро.

— Но без бензина мы никогда отсюда не выберемся,— возразила мама.— А мясо в такой жаре долго не пролежит теперь, когда весь лед в шкафу растаял.

— Вам не беспокоиться, миссис Дарреллы,— заверил Спиро.— Я сказать вам, что все устроить, значит, устроить. Я сделать так, что все рыбаки прийти сюда и забрать нас.

— Какие рыбаки? — спросил Ларри.— Единственный рыбак, которого мы пока видели, этот тип, который бежал из психбольницы.

— Нет-нет, мастера Ларрис,— сказал Спиро,— я говорить про рыбаки с Корфус. Которые выходить ловить ночью.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь,— проворчал Ларри.

— Я понимаю,— поспешил я продемонстрировать свою осведомленность.— Ночью целая флотилия выходит на лов с огнями. Они ловят рыбу сетями с подсветом, у них я получаю самые интересные образцы.

— И Аргонаута арго тоже? — поинтересовался Теодор.

— Ну да,— ответил я.— А еще они вылавливают педицелляриевые морские звезды.

— Надеюсь, на них можно положиться,— заметил Ларри.

— Я устроить, мастера Ларрис,— негодующим тоном заверил Спиро.— Они сказать, что подойти сюда около два часа.

— Стало быть, когда закончат лов? — справился Теодор.

— Да,— сказал Спиро.

— У них могут оказаться интересные образцы,— заключил Теодор.

— Как я и подумал,— подтвердил я.

— Ради Бога, кончайте толковать про образцы, давайте выгрузим съестное,— вмешался Ларри.— Не знаю, как остальные, но я жутко проголодался.

Мы осторожно извлекли из лодки баранью тушу, которой пламя очага придало сходство с мореным дубом, и корзину с фруктами. Перенесли все на наш катер, чтобы к мясу не пристала ни одна песчинка, и учинили роскошную трапезу.

Наступила ночь, луна расписала поверхность моря оранжевыми, желтыми и белыми дорожками. Мы наелись сверх меры и явно перебрали вина. Свен не давал передышки своему аккордеону, остальные танцевали кто польку, кто вальс, а кто мудреные австрийские танцы под руководством Макса. Танцевали так лихо, что Леонора свалилась за борт, вызвав красочный взрыв фосфоресценции.

В два часа ночи у входа в наш залив вереницей белых бусин выстроилась рыболовецкая флотилия. Один катер отделился от шеренги и подошел к нам. После привычных греческих препирательств, рождающих гулкое эхо в прибрежных скалах, нас взяли на буксир и отвели к остальным судам, затем вся флотилия взяла курс на Корфу.

Глядя на цепочку огней впереди, я представил себе, что мы находимся в самом хвосте кометы, летящей над черными водами.

Когда наш буксир плавно подвел нас к пристани ниже старой крепости, мама вымолвила прочувствованно:

— Конечно, это было по-своему очень приятно, и все-таки я рада, что все кончилось.

В эту самую минуту полтора десятка хмельных рыбаков, которые под руководством Спиро с жаром, на какой способны только греки, взялись переправить холодильный шкаф с катера на пристань, покантовав его и так и сяк, шлепнулись вместе со шкафом в воду, и тот лег на дно на глубине около четырех метров.

— Вот видите! — воскликнула мама.— Достукались! Говорила вам, что не надо было брать с собой этот холодильный шкаф.

— Ерунда,— сказал Ларри.— Завтра утром запросто вытащим его.

— Но что я буду делать без холодильного шкафа? — не успокаивалась мама. — Придется заново разбираться со всеми припасами на ближайшие три-четыре дня.

— Да перестань ты переживать, — говорил Ларри. — Честное слово, можно подумать, случилась невесть какая катастрофа. Спиро будет доставлять нам продукты.

— Пусть для тебя это не катастрофа, — сухо произнесла мама, — но для меня еще какая.

Тепло попрощавшись с остальными участниками вылазки, мы расположились в машине Спиро и поехали домой. Хотя Ларри весело напевал, а Лесли расписывал маме прелести пистолета с перламутровой рукояткой, хотя Марго всячески убеждала маму, что из подаренного ею отреза выйдет чудесное платье, а я не жалел усилий, чтобы поднять настроение мамы, рассказывая о чрезвычайно редкой бабочке, которую поймал подаренным ею сачком, наша родительница до самого дома хранила ледяное молчание. Было очевидно, что утрата холодильного шкафа причинила ей глубокую боль.

Войдя в дом, она налила себе добрую порцию бренди и села на кушетку, явно пытаясь сообразить, каким меню мы сможем обходиться, пока холодильный шкаф не будет извлечен из морской пучины, в чем все мы, включая Спиро, горячо заверяли ее.

Ларри обнаружил, что на его имя поступила почта. Наполнив себе бокал вина, он с интересом принялся вскрывать письма.

— Боже! — воскликнул он, читая второе письмо. — Грубенштейны едут к нам... и Гертруда будет с ними.

Мама очнулась от своего гастрономического транса.

— Грубенштейны? Ты говоришь про этого жирного человечка, который выглядит так, словно не мылся полтора месяца, и про эту его ужасную цыганистую супругу?

— Замечательный талант, — сказал Ларри. — Из него получится выдающийся поэт. Гертруда тоже интереснейшая женщина — пишет чудесные картины. Она понравится тебе.

— Понравится тем больше, чем меньше я их буду видеть, — произнесла с достоинством мама. — Об этой Гертруде судить не берусь, но Грубенштейны — далеко не подарок.

— Как это понимать: чем меньше ты будешь видеть? — удивился Ларри. — Они останятся у нас.

— Как — ты пригласил к нам? — поразилась мама.

— Ну конечно, — ответил Ларри, словно иначе и быть не могло. — У них нет денег, чтобы снять себе жилье.

Мама глотнула бренди, надела очки и попыталась изобразить крайнее негодование.

— Ну вот что, Ларри, — твердо молвила она, — пора покончить с этим. Я не желаю, чтобы ты приглашал всех этих людей, во всяком случае, не предупредив меня. Когда они должны приехать?

— Послезавтра, — сказал Ларри.

— Пора покончить с этим, — повторила мама. — Пожа-
лей мои нервы.

— Не понимаю, чего ты так разворчалась, — огрызнулся Ларри. — Это чудеснейшие люди. И ведь ты отлично отдохнула, разве нет?

Глава третья **КОВАРНАЯ КОРОБКА**

Во второй половине 1939 года, когда стало очевидно, что война неизбежна, наша семья покинула Корфу и возвратилась в Англию. На первое время мы сняли квартиру в Лондоне, и пока мама в поисках дома совершала вылазки в провинцию, я мог свободно изучать Лондон. Хотя мне никогда не нравились большие города, Лондон той поры пленил меня. Как-никак самой крупной знакомой мне столицей был город Корфу, величиной не больше какого-нибудь захолустного английского городишка, так что великая громадина Лондона таила сотни манивших меня волнующих тайн. Тут и Музей естественной истории, и конечно же зоопарк, где я наладил дружеские отношения с некоторыми зрителями. Это укрепило мое убеждение, что работа в зоопарке — единственная стоящая профессия в мире и упрочило желание обзавестись собственным заведением такого рода.

Недалеко от нашей квартиры помещалась торговая точка, неизменно привлекавшая мое внимание. На вывеске было написано: «Аквариум», и витрина в самом деле была заполнена большими аквариумами с ярко окрашенными

рыбками и — что еще больше меня занимало — рядами стеклянных ящиков, в которых содержались зеленые змейки, удавчики, большие зеленые ящерицы и пучеглазые жабы. Я мог подолгу стоять перед витриной, любуясь этими дивными созданиями и жаждая завладеть ими. Но поскольку дома у меня уже содержались две сороки и всякие прочие птицы, а также одна обезьянка, я сознавал, что всякое пополнение живого инвентаря навлечет на меня гнев родных, и мне оставалось только с тоской созерцать прекрасных рептилий.

И вот однажды утром, проходя мимо «Аквариума», я обратил внимание на прислоненное к стеклянному ящику объявление, гласящее: «Требуется молодой, надежный помощник». Я вернулся домой и поразмыслил.

— Тут поблизости есть место в зоомагазине, — сообщил я маме.

— В самом деле, милый? — откликнулась она машинально.

— Ну да. Им требуется молодой, надежный помощник. Я... я думаю подать заявление, — небрежно добавил я.

— Отличная идея, — сказал Ларри. — И сможешь сюда притащить всех их зверей.

— Вряд ли ему позволят это сделать, милый, — возразила мама.

— Как вы думаете, сколько они будут платить за такую работу? — спросил я.

— На многое не рассчитывай, — заметил Ларри. — Сомневаюсь, чтобы тебя сочли надежным помощником.

— Но что-то они ведь должны платить? — настаивал я.

— А как у тебя с возрастом? — осведомился Ларри.

— Мне скоро шестнадцать, — ответил я.

— Ну что ж, попытка не пытка, — заключил он.

На другое утро я направился к зоомагазину и вошел внутрь. Тотчас навстречу мне устремился невысокий, худой, смуглый мужчина в огромных роговых очках.

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро, сэр! Чем могу быть вам полезен?

— Вам, э-э... вам требуется помощник... — промямлил я.

Он наклонил голову набок, и глаза его за очками стали еще больше.

— Помощник, — сказал он. — И вы желаете получить это место?

— Э-э... ну да, — ответил я.

— У вас есть опыт? — спросил он с сомнением в голосе.

— О, у меня большой опыт. Я всегда держал дома пресмыкающихся, и рыб, и прочую живность. У меня и сейчас полная квартира животных.

Мужчина внимательно посмотрел на меня.

— А сколько вам лет? — осведомился он.

— Шестнадцать... скоро семнадцать, — солгал я.

— Ну что ж, — сказал он. — Учтите, много платить мы не можем. У нас чрезвычайно высокие накладные расходы. Но для начала, скажем, фунт десять шиллингов.

— Идет, — согласился я. — Когда можно приступить?

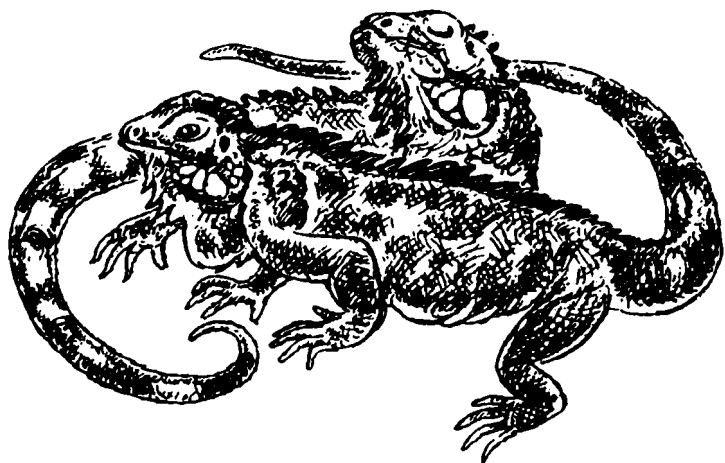
— Лучше приходите в понедельник, — предложил он. — Я говорю понедельник, потому что тогда будет удобнее оформить все бумаги. Иначе можно и запутаться, верно? Да, так вот — моя фамилия Ромилли, мистер Ромилли.

Я назвал свою фамилию, мы обменялись положенными рукопожатиями и застыли на месте, глядя друг на друга. Было совершенно ясно, что мистер Ромилли никогда еще не нанимал кого-либо и плохо представлял себе, как следует действовать дальше. Я посчитал своим долгом помочь ему.

— Может быть, вы сейчас покажете мне свое хозяйство и расскажете, что я должен буду делать?

— О, отличная мысль, — воскликнул мистер Ромилли. — Отличная мысль.

И он запорхал по своему магазину, размахивая руками, словно бабочка крыльями, показывая, как следует чистить аквариум, как кормить мучными червями лягушек и жаб, где лежат щетки и стоят метлы. В просторном подвале под торговым залом хранился различный рыбий корм, лежали сачки и прочие вещи; из неплотно завернутого крана вода капала в большой таз, где лежало нечто, на первый взгляд напоминающее сырое баранье сердце. Присмотревшись, я понял, что передо мной сплюшной клубок тоненьких трубочников. Эти ярко-красные черви — излюбленный корм не только всех рыбок, но некоторых земноводных и пресмыкающихся. Далее я обнаружил, что в дополнение к восхитительным созданиям, демонстрируемым на витрине, магазин располагает множеством другой живности. Тут были ящички с жабами, ящерицами, черепахами и лоснящимися змеями, аквариумы с глотающими воздух влажными лягушками и тритонами с фестончатым гребнем вдоль хвоста, похожего на выпел. Живя уже не один месяц в пыльной, сухой лондонской среде, я ощутил себя здесь словно в райском саду.

— Ну так,— сказал мистер Ромилли, завершив показ,— значит, вы приступаете в понедельник, да? Ровно в девять утра. Надеюсь, не опоздаете?

Только смерть помешала бы мне явиться в зоомагазин в понедельник в девять утра.

И без десяти девять в понедельник утром я мерил шагами тротуар у входа в зоомагазин. Наконец появился, позвякивая ключами, и мистер Ромилли — в длинном черном пальто и черной фетровой шляпе.

— Доброе утро, доброе утро,— пропел он.— Рад видеть, что вы пришли вовремя. Отличное начало.

Мы вошли в магазин, и я приступил к выполнению своих обязанностей. Первым делом надлежало подмести и без того чистейший пол, затем я обошел аквариумы, бросая рыбкам комочки извивающихся трубочников.

Мне не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что мистер Ромилли, при всей его доброте, мало что знал о находящихся на его попечении животных. Большинство террариумов были обставлены вовсе без учета привычек их обитателей, то же можно было сказать и про аквариумы. Кроме того, мистер Ромилли исходил из теории, согласно которой можно пичкать животное одним и тем же кормом, покуда оно его принимает. И я решил заняться как украшением сосудов, так и кормлением наших питомцев, внести разнообразие в их рацион. Разумеется, я понимал, что следует действовать осторожно, ибо мистер Ромилли был человек консервативных привычек.

— Вам не кажется, мистер Ромилли,— спросил я в один прекрасный день,— что рептилиям и земноводным хотелось бы отведать что-нибудь другое, кроме мучных червей?

— Что-нибудь другое? — Глаза мистера Ромилли расширились.— Что именно?

— Ну, как насчет мокриц? Я всегда кормил своих рептилий мокрицами.

— Вы уверены? — спросил мистер Ромилли.

— Совершенно уверен.

— Это не повредит им? — тревожно осведомился он.

— Нисколько,— ответил я.— Они обожают мокриц. Все-таки какое-то разнообразие.

— Но где мы их возьмем? — уныло справился мистер Ромилли.

— Думаю, в парках их сколько угодно,— сказал я.— Я схожу как-нибудь, посмотрю?

— Ладно,— неохотно согласился мистер Ромилли.— Если вы твердо уверены, что это им не повредит.

В один из ближайших дней я отправился в парк и наполнил большую жестяную банку мокрицами, которых поселил в ящике с прелыми листьями в подвале, и, когда мне казалось, что лягушкам, жабам и ящерицам начинают приедаться мучные черви, я подсыпал им хрушаков, а пресытятся хрушаками — получайте мокриц. Первое время мистер Ромилли заглядывал в террариумы с испугом на лице, словно опасался, что увидит сплошь мертвые тела рептилий и амфибий. Когда же он убедился, что лягушки не только тучнеют от новой смеси, но и начали квакать, его восторгу не было предела.

Моя следующая скромная попытка изменить царящие порядки касалась двух крупных незлобивых мавританских жаб из Северной Африки. Дело в том, что мистер Ромилли представлял себе всю Северную Африку как безбрежную пустыню, где круглые сутки светит солнце и температура воздуха не опускается ниже девяноста градусов в тени, если тень вообще существует. А потому он заточил несчастных жаб в стеклянном террариуме, над которым повесил две яркие электрические лампочки. Бедняжки сидели на гладком белом песке, и не было там ни одного камня, позволяющего укрыться от резкого света. Целый день температура воздуха в террариуме держалась около сорока градусов и опускалась только ночью, когда мы вы-

ключали электричество. В итоге глаза жаб помутнели, как будто в них образовалась катаракта, кожа высохла и шелушилась, лапки снизу были воспалены. Понимая, что безразличное предложение пересадить жаб в другой террариум, с клочками влажного мха, повергнет мистера Ромилли в ужас, я скрытно принял некоторые меры, чтобы скрасить существование несчастных земноводных. Для начала стащил на маминой кухне немного оливкового масла и, когда мистер Ромилли удалялся на обеденный перерыв, смазывал кожу жабам. Она сразу стала меньше шелушиться. Затем я ходил в аптеку за мазью, удивив фармацевта объяснением, для чего она предназначена, и обработал ею лапки мавританок. И это отчасти помогло. Обзаведясь глазной мазью, какой обычно пользуют собак, я проверил ее на жабах с отменным результатом. Кроме того, каждый раз, когда мистер Ромилли уходил обедать, я освежал жаб теплым душем, чему они явно были рады. Сидят, глотая воздух и благодушно мигая глазами, и стоило мне чуть отодвинуть леечку, как они ползли следом, чтобы попасть под струйки. Когда же я положил в террариум изрядный клоч мха, обе поспешили укрыться под ним.

— Ой, посмотрите, мистер Ромилли! — старательно изобразил я удивление. — Я случайно положил мох в террариум к жабам, и похоже, им это понравилось.

— Мох? — сказал мистер Ромилли. — Мох? Но ведь они обитают в пустыне.

— Насколько я понимаю, — ответил я, — и в пустынях кое-где есть немного растительности.

— Я думал, там сплошной песок, — заметил мистер Ромилли. — Сплошной песок. Сколько хватает глаз.

— Да нет, э-э... Растут же там небольшие кактусы и все такое прочее, — робко возразил я. — Во всяком случае, жабы как будто довольны, верно?

— Без сомнения, — согласился мистер Ромилли. — По-вашему, стоит оставить им мох?

— Ага, — ответил я. — Может, добавить еще немного?

— Вряд ли это им повредит. Хотя, — тревожно добавил он, — не может случиться так, что они станут его есть и подавятся?

— Не думаю, — заверил я его.

С той поры мои симпатичные жабы располагали мхом, под которым могли укрыться, больше того — они могли

сидеть на подстилке из мха, и вскоре лапки их совершенно зажили.

А я тем временем сосредоточил свое внимание на рыбках. Как ни любили они ручейников, мне казалось, что их диету тоже следует разнообразить.

— Как вы считаете, — пустил я пробный шар, обращаясь к мистеру Ромилли, — что, если мы попробуем кормить рыбок дафниями?

Напомню: дафнии — крохотные водяные блошки; мы получали их из хозяйства, которое снабжало наш зоомагазин водорослями, улитками, пресноводными рыбками и прочим товаром, и продавали в маленьких баночках аквариумистам.

— Дафниями? — молвил мистер Ромилли. — Кормить рыбок дафниями? Разве они станут есть дафнии?

— Но если не станут, почему же мы продаем их людям, чтобы кормили своих рыбок? — осведомился я.

Логика сего замечания произвела сильнейшее впечатление на мистера Ромилли.

— Знаешь, ты прав, — сказал он. — Ты прав. У нас в подвале еще остался небольшой запас. Завтра прибудет новая партия. Попробуй, посмотрим, что получится.

Я вылил по столовой ложке в каждый аквариум, и рыбки набросились на дафний так же жадно, как лягушки и жабы на мокриц.

Дальше у меня было задумано получше украсить наши террариумы и аквариумы, но тут требовалось действовать крайне осторожно, ибо этим делом мистер Ромилли занимался самолично и единолично. И не столько потому, сдастся мне, что ему это нравилось, — просто как глава фирмы он почитал это своим долгом.

— Мистер Ромилли, — обратился я к нему однажды, — у меня сейчас все дела сделаны, и в лавке нет покупателей. Разрешите мне декорировать какой-нибудь из аквариумов? Мне очень нравится, как вы это делаете, и хотелось поучиться у вас.

— Ну-ну, — зарделся мистер Ромилли, — ну-ну... Я не сказал бы, что у меня это так уж хорошо получается...

— О, по-моему, вы делаете это великолепно, — не унимался я. — И мне хотелось бы поучиться.

— Ну ладно, — согласился мистер Ромилли. — Возьми какой-нибудь поменьше. А я буду тебе кое-что подсказывать. Так, посмотрим... посмотрим... Ага, вон тот аквариум

с моллинезиями. Его не мешает почистить. Значит, попробуй перенести рыбок в запасной аквариум, потом опорожни его и хорошенько почисти, чтобы мы могли начать, как говорится, с азов. Идет?

Вооружившись маленьким сачком, я перенес маленьких, блестящих, как оливки, черных молли в запасной аквариум, затем опорожнил и почистил их старую обитель, после чего подозвал мистера Ромилли.

— А теперь,— начал он,— положи на дно песок и... гм... два-три камня и посади, пожалуй, э... кустик валлиснерии в том углу, идет?

— А можно, я попробую действовать сам? — спросил я.— Мне... мне кажется, так я скорей научусь. А когда я закончу, вы проверите и скажете, что сделано не так.

— Прекрасная мысль,— заключил мистер Ромилли и побрел к своему кассовому аппарату, оставив меня в покое.

Аквариум был совсем маленький, но я основательно потрудился. Прочертил в песке борозды, так что получились высокие серебристые гряды. Соорудил небольшие горки. Посадил кустики валлиснерии так, чтобы молли могли ходить стайками между ними. Потом осторожно налил воду и, когда она достигла нужной температуры, вернул в аквариум рыбок и позвал мистера Ромилли, чтобы он оценил мои труды.

— Ух ты! — воскликнул он.— Ух ты!

Он посмотрел на меня, и можно было подумать, что он огорчен моим успехом. Как бы тут не попасть впросак!

— Вам... вам нравится? — спросил я.

— Это... это замечательно! Замечательно! Как только тебе это... как тебе удалось?

— Мне удалось, потому что я смотрел, как вы работаете, мистер Ромилли. Без ваших уроков у меня ничего не вышло бы.

— Ну-ну. Ну-ну,— снова зарделся мистер Ромилли.— Однако я вижу, что ты кое-что и сам придумал.

— Все это — идеи, которые я почерпнул, наблюдая за вами, мистер Ромилли,— сказал я.

— Гм... Весьма похвально. Весьма похвально,— отозвался мистер Ромилли.

На другой день он спросил, не возьмусь ли я декорировать еще один аквариум, и я понял, что одержал маленькую победу, не задев его чувства.

Но больше всего мне хотелось заняться огромным аквариумом, украшавшим нашу витрину. Длинной около полутора метров и глубиной три четверти метра, он служил обителью обширной коллекции различных ярко окрашенных рыбок. Однако я понимал, что есть границы, которые еще рано преступать. А потому я продолжал работать с малыми аквариумами и, когда мистер Ромилли свыкся с этими проявлениями моей инициативы, заикнулся наконец о нашем парадном аквариуме.

— Позвольте мне попробовать сделать что-нибудь с ним, мистер Ромилли? — спросил я.

— Что? Ты про нашу витрину?

— Ну да. Все равно его... надо бы... надо уже почистить. Вот я и подумал, может быть, попробовать по-новому его декорировать.

— Прямо не знаю... — задумчиво произнес мистер Ромилли. — Не знаю. Сам понимаешь, это важнейший, центральный элемент витрины. Именно он привлекает к нам покупателей.

Мистер Ромилли был совершенно прав, однако покупателей привлекали пестрые стайки разноцветных рыбок, а не попытки декорировать аквариум, придававшие ему сходство с изрытой пустошью.

— Я только попробую, ладно? — не сдавался я. — Если не получится, сделаю, как было раньше. Я готов... готов потратить на это половину рабочего дня.

— Ну что ты, зачем же, — взволнованно произнес мистер Ромилли. — С какой это стати тебе все дни проводить в стенах магазина. Молодой парень... тебе необходимо пройтись, подышать свежим воздухом... Ладно, согласен, попробуй, и поглядим, что получится.

В половину дня я не уложился, поскольку приходилось отвлекаться на покупателей, которые приходили за трубочниками, или дафниями, или квакшами для своего садового пруда. Над большим аквариумом я трудился с усердием, достойным всяческого подражания. Соорудил песчаные дюны и красивые горки из гранита. В ложбинах между гранитными горками посадил валлиснерию и другие, более нежные растения. На поверхности воды разместил крохотные белые цветки, напоминающие миниатюрные кувшинки. Песком и камешками замаскировал довольно уродливые с виду подогреватель, аэратор и термостат. Завершив эти работы и возвратив в аквариум ярко-красных мече-

носцев, глянцевитых черных молли, серебристых топориков и будто светящихся неоновых рыбок, я отступил на несколько шагов, созерцая свое творение, и сам восхитился своими талантами.

Мистер Ромилли пришел в восторг, чему я, понятно, был очень рад.

— Великолепно! Изящно! — воскликнул он. — Просто изящно!

— Ну вы же знаете поговорку, — сказал я, — у хорошего учителя и ученик хороший.

— Ладно, ладно льстить мне. — Он шутя погрозил мне пальцем. — Это тот самый случай, когда ученик превзошел учителя.

С той поры мне было позволено декорировать все аквариумы и террариумы. Подозреваю, что в душе мистер Ромилли был только рад освобождению от необходимости проявлять в столь утомительном деле свое полное отсутствие изысканного вкуса.

После одного-двух экспериментов — где лучше проводить обеденный перерыв — я остановился на маленьком кафе поблизости от зоомагазина. Здесь я заметил добрую официантку, которую нехитрой лестью склонил подавать мне повышенную норму сосисок с картофельным пюре и предупреждать о смертельной опасности, исходящей от обозначенной в меню тушеной баранины с луком и картофелем. Однажды, направляясь в это кафе, я обнаружил, что кратчайший путь туда пролегает через узкий переулок между большими магазинами и высокими жилыми домами. Переулок был вымощен булыжником, и, входя в него, я чувствовал себя так, словно меня перенесли во времена диккенсовского Лондона. Часть переулочка окаймляли деревья, а дальше располагались крохотные лавки. Одна из них, обитель Генри Белоу, свидетельствовала, что наш зоомагазин — не единственный в округе.

За грязным окном размером два на два метра витрина уходила вглубь примерно на полметра и была заполнена маленькими квадратными клетками, в каждой из которых содержались одна-две птички — зяблики, зеленушки, коноплянки, канарейки, волнистые попугайчики. Пол внизу был покрыт толстым слоем шелухи и помета, но сами клетки блистали чистотой, и внутри их зеленели веточки крестовника или латука, а снаружи была прикреплена белая бумажка с кривыми буквами: «ПРОДАНО». За стек-

лянной дверью висела желтая кружевная занавеска, а между ней и стеклом готические буквы на куске картона вежливо приглашали покупателя входить. Обратная сторона, как мне предстояло убедиться, так же учтиво извещала, что магазин закрыт. За все дни, что я топал по булыжнику, спеша проглотить свои сосиски с картофельным пюре, ни разу не видел, чтобы в эту лавку входили или ее покидали покупатели. Она производила совершенно безжизненное впечатление, если не считать птичек в витрине, которые иногда вяло перепрыгивали с жердочки на жердочку. Шли недели, и я никак не мог взять в толк, почему покупатели не уносят проданных пернатых. Не могли же все новые владельцы трех десятков отобранных пичуг одновременно отказаться от покупки? И даже если так вдруг случилось, почему не убраны бумажки с надписью «ПРОДАНО»? Ограниченное время обеденного перерыва не позволяло мне углубиться в раскрытие этой тайны. И все же случай представился в один прекрасный день, когда мистер Ромилли, который порхал по магазину, напевая «Я маленькая пчелка», спустился в подвал и вдруг издал тонким голосом крик, выражающий предельный ужас.

— В чем дело, мистер Ромилли? — осторожно спросил я.

Мистер Ромилли показался внизу, держась руками за голову, лицо его выражало предельное отчаяние.

— Какой же я глупец! — причитал он. — Какой глупец, глупец, *глупец!*

Видя, что речь идет не о каком-то моем прегрешении, я воспрянул духом.

— Что случилось? — спросил я заботливо.

— Ручейники и дафнии! — произнес он трагическим тоном, снимая очки и принимаясь лихорадочно протирать стекла.

— Наши запасы кончились?

— Да, — возвестил мистер Ромилли замогильным голосом. — Какой же я тупица! Такая небрежность! Такая непростительная нерадивость! Меня мало выгнать отсюда, я глупейший из смертных...

— Разве нельзя закупить еще? — попытался я остановить это самобичевание.

— Но то хозяйство всегда снабжает меня! — воскликнул мистер Ромилли, словно мне это не было давно из-

вестно.— Хозяйство снабжает меня, когда я делаю заказ в конце недели. А тут я, последний идиот, забыл про это.

— Но разве нельзя закупить где-нибудь еще? — спросил я.

— А все наши гуппи, и меченосцы, и черные молли ждут не дождутся своей порции ручейников,— продолжал мистер Ромилли, доводя себя до исступления.— Они так их любят. Как я могу смотреть на эти маленькие ротки, тыкающиеся в стекло? Как могу уйти на обед, зная, что бедные рыбки...

— Мистер Ромилли,— решительно перебил я его,— можем мы приобрести ручейников где-нибудь еще, кроме того хозяйства?

— А? — уставился он на меня.— Кроме хозяйства? Но они всегда снабжают меня... Постой. Кажется, я тебя понял. Ну да...

Он тяжело поднялся по деревянным ступенькам, вытирая лоб, и возник передо мной, словно единственный уцелевший после обвала в шахте. Обвел трагическим, отсутствующим взглядом наш интерьер.

— Но где? — сказал он наконец с отчаянием в голосе.— Где?

— Ну,— проявил я инициативу,— как насчет Белоу?

— Белоу? Белоу ничего не смыслит в делах. Он торгует птицами. Откуда у него быть ручейникам?

— И все-таки стоит попробовать,— настаивал я.— Давайте я схожу и узнаю.

Мистер Ромилли поразмыслил.

— Хорошо,— произнес он наконец, отрывая взгляд от укоризненно смотрящих на него рыбьих верениц.— Возьми в кассе десять шиллингов и постарайся не задерживаться слишком долго.

Он вручил мне ключ от кассы и сел, угрюмо созерцая блеск своих начищенных ботинок. Я достал в кассе десятишиллинговую ассигнацию, написал на бумажке: «Взято 10 шиллингов на ручейников», положил ее в кассу, запер и сунул ключ в висящую пятерню мистера Ромилли. Миг — и я уже на улице, протискиваясь через толпы глазющих на витрины прохожих, сопровождаемый грохотом огромных красных автобусов, за которыми выются стайки легковых машин. Наконец сворачиваю в заветный переулочек и оказываюсь в царстве мира и покоя. Рев автобусов, топот ног, визг тормозов, гудки клаксонов сливаются в сплошной

приглушенный гул, чем-то похожий на ласкающий слух рокот далекого прибоя. Слева от меня — черная от копоти глухая стена, справа — чугунная ограда перед клочком земли на подступах к местной церкви, где некий достойный человек посадил платаны. Деревья протянули ветви над оградой, осенив проулок зеленью листвы, а по крапчатым их стволам тяжело карабкаются, горбятясь, гусеницы, устремленные к цели, неведомой им самим. Там, где кончалась посадка, начинались лавки, числом шесть, все крохотные и все отнюдь не преуспевающие.

Вот «Клитемнестра», салон модной женской одежды, с довольно экстраординарной достопримечательностью на витрине — мехом пушистого зверька, чьи стеклянные глаза и зажатый зубами хвост заставили бы сжаться сердце всякого противника живодерства. Дальше — кафе «Пикси», легкие ленчи, закуски, чай, а подкрепившись, можно было зайти в «Табачную лавку» А. Уолита, чья витрина сплошь была заполнена рекламой сигарет и трубок; почетное место занимала реклама самых дешевых сигарет. Быстро шагая дальше, я миновал контору агента по продаже недвижимости Вильяма Дровера, с красующимися за стеклом блеклыми фотографиями заманчивых жилых строений, затем — сумрачную витрину господ М. и Р. Драмлин, водопроводчиков, с несколько неожиданным, скупым оформлением — одиноким розовым унитазом. И замыкала сей торговый ряд дверь с простой, немудрящей выцветшей вывеской: «Генри Белоу. Птицевод».

«Наконец-то, — сказал я себе, — я могу войти в эту лавку и хотя бы раскрыть тайну проданных птичек». Однако тут произошло нечто неожиданное. Высокая костлявая женщина в грубошерстном костюме и увенчанной пером потешной тирольской шляпе решительно прошагала к двери с картонкой, на которой было написано: «*Прошу*», взялась за ручку и под мелодичный звон колокольчика вошла в лавку, опередив меня на какое-то мгновение. Я опешил. На моих глазах впервые одна из лавок в этом переулке удостоилась посещения покупателя. Тут же, горя желанием увидеть, что будет дальше, я рванулся следом за этой женщиной и очутился внутри раньше, чем успела захлопнуться дверь.

В лавке царил полумрак, и мы с покупательницей в тирольской шляпе уподобились мотылькам, застрявшим в пыльной паутине. Казалось, мелодичный колокольчик дол-

жен был тотчас вызвать из недр лавки услужливого продавца. Однако царил полная тишина, нарушаемая только слабым щебетом пичуг в витрине да шорохом крыльев прикутившегося в углу какаду. Хорошенько взъерошив перья (звук был такой, точно кто-то встряхивал неглаженую после стирки простыню), попугай наклонил голову набок и мягко произнес безразличным тоном: «Хэлло, хэлло, хэлло».

Мы ждали, и короткое ожидание показалось нам вечностью. По мере того как мои глаза свыкались с полумраком, я рассмотрел маленький прилавок и за ним — полки с птичьим кормом и другими вещами, потребными для птицеводства, а перед прилавком стояли на полу большие мешки с коноплей, просом и рапсом. На одном из мешков восседала, торопливо уписывая семена, белая мышка, чем-то похожая на нервно покусывающего соломинку участника званой вечеринки. Я уже подумывал о том, чтобы открыть дверь, чтобы снова зазвенел колокольчик, когда в глубине лавки распахнулась другая дверь и в нашу сторону важно направился, виляя хвостом, почтенного возраста большой охотничий пес, сопровождаемый, как я понял, Генри Белоу, высоким тучным мужчиной с седой кудрявой шевелюрой и густыми колючими усами, напоминающими куст можжевельника, в котором могла удобно обосноваться целая стайка птиц. Из-под косматых бровей сквозь очки в золотой оправе на нас смотрели синие, как барвинок, маленькие яркие глаза. Он двигался с тяжеловесной медлительностью, словно ленивый тюлень; подойдя к нам, приветственно наклонил голову.

— Мадам,— сказал он, и в его произношении угадывался уроженец юго-западной части Англии,— мадам, к вашим услугам.

Женщина в тирольской шляпе явно была слегка озадачена столь торжественным обращением.

— О, э-э... добрый день,— произнесла она.

— Чем могу служить? — осведомился мистер Белоу.

— Понимаете, вообще-то мне нужен ваш совет,— объяснила она.— Э-э... Дело в том, что моему юному племяннику исполняется четырнадцать лет, и я хотела бы купить ему птичку ко дню рождения... Он обожает птиц.

— Птицу,— сказал мистер Белоу.— Птицу. И какую именно птицу, какой вид вы подразумеваете, мадам?

— Ну, я, э-э... даже не знаю,— ответила женщина в тирольской шляпе.— Как насчет канарейки?

— В это время года я не стал бы связываться с канарейками.— Мистер Белоу скорбно покачал головой.— Не стал бы связываться сам и поступил бы нечестно, мадам, если бы продал вам канарейку.

— Почему же именно в это время года? — озабоченно осведомилась покупательница.

— Сейчас самое скверное время для канареек,— сказал мистер Белоу.— Понимаете, опасно для бронхов.

— О,— молвила леди в тирольской шляпе.— Ну, а что вы скажете о волнистом попугайчике?

— Простите, мадам, но опять же не советую. Очень уж сейчас распространился пситтакоз.

— Что распространилось?

— Пситтакоз, мадам. Так называемая попугайная болезнь. Большинство попугайчиков болеют в это время года. Дело в том, что она смертельно опасна для людей. На днях сюда приходил инспектор из Министерства здравоохранения, проверял моих волнистых. Предупредил, что они могут вот-вот заболеть, а потому мне следует воздержаться от продажи.

— Хорошо, что же вы тогда мне порекомендуете? — с отчаянием в голосе осведомилась дама.

— По правде говоря, мадам, сейчас самое неудачное время года для покупки птиц,— ответил мистер Белоу.— Понимаете, у них как раз идет линька.

— Стало быть, вы не советуете мне покупать птичку? А как насчет чего-нибудь другого... скажем, белой мышки?

— Боюсь, мадам, вам придется обратиться в какой-нибудь другой магазин,— сказал мистер Белоу.— К сожалению, я не торгую такими животными.

— О,— произнесла незадачливая покупательница.— О... Что ж, попробую обратиться в универмаг «Харродз».

— Прекрасный торговый центр, мадам,— отозвался мистер Белоу.— Замечательный. Уверен, что там смогут удовлетворить ваши пожелания.

— Ладно, большое спасибо. Вы очень любезны,— сказала она и покинула лавку.

Когда дверь закрылась, мистер Белоу повернулся ко мне.

— Добрый день,— поздоровался я.

— Добрый день, сэр,— ответил он.— Чем я могу быть полезен вам?

— Понимаете, дело в том, что я пришел узнать, нет ли у вас ручейников. Я работаю в «Аквариуме», и у нас кончились ручейники.

— Вы сказали — в «Аквариуме»? У коллеги Ромилли?

— Совершенно верно,— сказал я.

— Понятно. И почему вы решили, что у меня могут быть ручейники? Я ведь торгую птицами.

— Мистер Ромилли так и сказал, но я подумал: вдруг у вас все-таки найдутся ручейники — и решил зайти и спросить.

— Что ж, и вы, представьте себе, не ошиблись,— ответил мистер Белоу.— Пойдемте со мной.

Через заднюю дверь мы вошли в маленькую, неряшливую, но довольно уютную гостиную. Состояние обивки дивана и кресла красноречиво свидетельствовало, что пес любит отдыхать на них не меньше, чем хозяин. Продолжая идти следом за мистером Белоу, я очутился на мощеном дворике, осененном ветвями кладбищенских платанов, и увидел маленький пруд, в который сочилась вода из крана; посреди пруда на каменной горке стоял гипсовый купидон. В воде сновали полчища золотых рыбок, а у дальнего конца пруда стояла большущая банка из-под варенья с клубком ручейников внутри. Взяв другую, пустую банку, мистер Белоу переправил в нее часть этого клубка и вручил мне.

— Вы очень добры,— сказал я.— Сколько я вам должен?

— О, не вздумай платить,— ответил мистер Белоу.— Платить вовсе не надо, прими это как подарок.

— Но... но это очень дорогой подарок,— озадаченно возразил я.

— Ничего, прими от меня этот подарок,— настаивал он. Вместе мы возвратились в лавку.

— Скажите, мистер Белоу,— спросил я,— почему на клетках всех птиц в вашей витрине прикреплены бумажки с надписью «Продано»?

Он пристально посмотрел на меня своими синими глазами.

— Потому что они и впрямь проданы.

— Но они проданы давным-давно. Когда я первый раз проходил этим переулком, бумажки уже висели, а это

было больше двух месяцев назад. Что — владельцы не приходят за ними?

— Нет, просто я... ну, держу птиц у себя, пока хозяева не смогут их забрать. Кто-то из них строит вольеры, кто-то еще не обзавелся клетками и все такое прочее,— сказал мистер Белоу.

— Они были проданы в благоприятное время года?

По его губам скользнула тень улыбки.

— Да, конечно же.

— У вас есть еще птицы?

— Да, наверху. На втором этаже.

— Если я приду к вам в другой раз, когда у меня будет больше времени, я смогу на них посмотреть?

Мистер Белоу задумчиво посмотрел на меня, потер пальцами щеку.

— Что ж, пожалуй, это возможно. Когда ты хотел бы прийти?

— Ну, в субботу я работаю до обеда. Можно мне прийти тогда, в субботу?

— Обычно в субботу у меня закрыто,— ответил мистер Белоу,— но если ты позвонишь в дверь три раза, я впущу тебя.

— Большое спасибо,— сказал я.— И спасибо за ручейников. Мистер Ромилли будет весьма благодарен.

— Не за что,— отозвался мистер Белоу.— Всего доброго.

И я вышел в тихий переулок и направился к себе, в свой зоомагазин.

В последующие два-три дня я упорно думал о мистере Белоу. Я ни минуты не верил, что птицы в его витрине действительно проданы, однако не мог взять в толк, зачем выдавать их за проданных. А еще меня крепко озадачило его нежелание продать птичку женщине в тирольской шляпе. И я решил в субботу во что бы то ни стало добиться от мистера Белоу ответа на эти загадки.

Ровно в два часа в субботу я подошел к дверям его лавки. Картонка за стеклом учтиво извещала, что магазин закрыт, тем не менее я позвонил трижды и стал ждать. Наконец дверь отворилась.

— А,— сказал мистер Белоу,— добрый день.

— Добрый день, мистер Белоу,— отозвался я.

— Входи же,— пригласил он меня.

Я вошел, и он тщательно запер дверь.

— Итак,— напомнил он,— ты хотел посмотреть птиц?

— Да, если можно,— ответил я.

Он повел меня через гостиную и вверх по узкой расшатанной лестнице. Насколько я мог судить, на втором этаже его лавки помещались крохотная ванная, спальня и еще одна комната, чьи стены сплошь занимали клетки с птицами всех видов, цветов и размеров. Тут были маленькие юркие выюрки из Африки и Азии, даже два-три ярко окрашенных австралийских выюрка. Были зеленые попугайчики и словно одетые в королевскую мантию красные кардиналы. Волшебное зрелище... Квалификация мистера Белоу заметно превосходила познания мистера Ромилли: он знал обычное и латинское название каждой птицы, знал, где они водятся, какой корм предпочитают, сколько откладывают яиц. Словом, живая энциклопедия.

— И все эти птицы продаются? — спросил я, пожирая глазами красного кардинала.

— Конечно,— ответил мистер Белоу. И поспешил добавить: — Но только в благоприятное время года.

— При чем тут какое-то благоприятное время года? — озадаченно справился я.— Если вы торгуете птицами, можете продавать их когда угодно, разве нет?

— Ну, некоторые так и поступают,— сказал мистер Белоу.— Но я взял за правило ни в коем случае не продавать птиц в неблагоприятное время года.

Я заметил, что его глаза весело поблескивают.

— Ну и когда же оно бывает — благоприятное время?

— В моем представлении — никогда,— сообщил мистер Белоу.

— Вы хотите сказать, что совсем не продаете птиц?

— Очень редко,— ответил он.— В исключительных случаях, только друзьям.

— И потому вы не стали продавать птиц той женщине?

— Да,— сказал мистер Белоу.

— И все те птицы на витрине на самом деле не проданы, верно?

Мистер Белоу смерил меня взглядом, точно прикидывая, способен ли я хранить тайну.

— На самом деле, между нами говоря, они не проданы,— признался он.

— Ну хорошо, а как насчет прибыли?

— В том-то и дело,— сказал он,— что я не гонюсь за прибылью.

Должно быть, у меня был крайне озадаченный вид, потому что мистер Белоу издал гортанный смешок и сказал:

— Давай-ка спустимся и попьем чаю, ладно? И я все тебе объясню. Только обещай, что это останется между нами. Обещаешь?

Он шутливо погрозил мне толстым пальцем.

— Конечно, обещаю! — воскликнул я. — Клянусь!

— Отлично. Ты любишь сдобные лепешки?

— Э... Ну да, — ответил я, сбитый с толку внезапной переменной темы.

— Я тоже, — сказал мистер Белоу. — Горячие лепешки с маслом и чай. Пошли... Спустимся вниз.

И мы спустились в маленькую гостиную, где охотничий пес мистера Белоу, которого звали, как я теперь обнаружил, Олдрич, гордо возлежал на диване. Мистер Белоу зажег газ, испек несколько лепешек, щедро намазал их маслом и поместил лоснящуюся шаткую стопку на столик между нами. Тут и чайник вскипел, он заварил чай и расставил тонкие, изящные фарфоровые чашки.

Мы приступили к чаепитию, мистер Белоу передал мне лепешку, взял одну сам и вонзил в нее зубы с удовлетворенным вздохом.

— Так что... что вы хотели сказать мне, почему не гонитесь за прибылью? — спросил я.

— Понимаешь, — сказал он, тщательно вытирая платком руки, усы и губы, — это довольно длинная и сложная история. Когда-то весь этот переулок принадлежал одному эксцентричному миллионеру по фамилии Потт, чьим именем и называется до сих пор. Насколько я понимаю, он был, выражаясь современным языком, социалистом. Он построил все здешние лавки и установил правила для их деятельности. Лавки сдавались желающим в бессрочную аренду, причем каждые четыре года арендная плата подлежала пересмотру. Если лавка преуспевала, плата соответственно повышалась, если нет — понижалась. Ну вот, я въехал сюда в 1921 году и с тех пор плачу пять шиллингов в неделю.

Я недоверчиво воззрился на мистера Белоу.

— Пять шиллингов в неделю? Но ведь это гроши за такое помещение. Здесь ведь рукой подать до Кенсингтон-Хай-стрит с ее фешенбельными магазинами.

— Совершенно верно, — сказал мистер Белоу. — В том-то и дело. Я плачу за аренду пять шиллингов в неделю, то есть по фунту за месяц.

— Но почему такая неслыханно низкая аренда?

— Потому, — объяснил мистер Белоу, — что у меня нет прибыли. Как только я обнаружил в контракте условие, о котором тебе сказал, сразу усмотрел удобную лазейку. У меня были отложены кое-какие деньги, немного, но продержаться можно. И я искал такое жилье, где мог бы держать своих птиц. Тут и представилась идеальная возможность. Я обошел всех остальных съемщиков в переулке Потта, поделился своим открытием и обнаружил, что у большинства та же забота, что у меня: располагая небольшими средствами, они нуждаются в дешевой обители. Мы учредили «Общество Потт-Лэйн», объединились и нашли очень хорошего счетовода. Говоря «хорошего», я разумею не этих слабаков, которые во всем цепляются за закон, от них не жди добра. Нет, мы нашли способного, мозговитого молодца. Каждые полгода мы собираемся, и он проверяет нашу бухгалтерию и говорит нам, как вести дела, чтобы пребывать на грани разорения. Мы действуем соответственно, и когда приходит срок пересматривать арендную плату, она либо остается прежней, либо немного снижается.

— Но люди, которым теперь принадлежат эти дома, разве не могут изменить ставки? — спросил я.

— Не могут, — ответил мистер Белоу, — в этом все дело. Я выяснил, что, согласно завещанию мистера Потта, условия аренды не могут быть изменены.

— Но наследники, наверно, пришли в ярость, когда узнали, что вы платите всего один фунт в месяц?

— Еще как, — сказал мистер Белоу. — Чего только ни делали, чтобы выселить меня, — безуспешно. Я нашел хорошего юриста — опять-таки не из тех слабаков, для которых закон выше интересов клиента, — и он живо поставил их на место. Все остальные лавки действовали заодно, и наследникам пришлось сдаться.

Боясь обидеть мистера Белоу, я воздержался от комментариев, хотя был уверен, что он все сочинил. Однажды мне уже довелось иметь дело с домашним учителем явно шизофренического склада, который рассказывал мне длинные замысловатые истории о своих приключениях; на самом деле ничего такого в его жизни не было, но ему

очень уж хотелось, чтобы было. Словом, для меня подобные измышления не были новостью.

— Надо же, как здорово получилось,— сказал я.— Вы просто гений, что додумались до этого.

— Никогда не ленись читать мелкий шрифт.— Он шутиливо погрозил мне пальцем.— А сейчас извини, я должен сходить за Мейбэл.

Он вышел в торговое помещение и вернулся, неся сидящего на его запястье какаду. Сев в кресло, положил птицу на спину, и та застыла, будто выточенная из слоновой кости, закрыв глаза и приговаривая: «Хэлло, хэлло, хэлло». Пригладив оперение Мейбэл, мистер Белоу перенес ее себе на колени и пощекотал перышки на животе. Она лежала, погруженная в блаженную дремоту.

— Она начинает скучать, если слишком долго остается там одна,— объяснил мистер Белоу.— Еще лепешку, дружок?

И мы опять принялись за лепешки, беседуя. Мистер Белоу оказался интереснейшим собеседником. В молодости он изрядно постраниствовал и мог немало порассказать о местах, которые я мечтал посетить. С того дня я заходил к нему попить чай раз в две недели, и это были счастливые часы.

Продолжая сомневаться в правдивости рассказа мистера Белоу о переулке Потта, я задумал провести эксперимент. За несколько дней посетил все лавки в этом ряду. Так, в «Клитемнестру» я наведалься якобы для того, чтобы купить шляпу маме ко дню рождения. Две милейшие пожилые леди, которым принадлежала лавка, долго извинялись. У них как раз кончились шляпы. Они могут предложить мне что-нибудь еще? Скажем, недорогой мех? Дело в том, сообщили мне, что все меха в магазине уже заказаны заранее. Теперь ожидается новая партия. Когда у моей мамы день рождения? В пятницу на следующей неделе, ответил я. О, к тому времени будет новое поступление, непременно будет, заходите.

Владелец табачной лавки, мистер Уоллит, сообщил, что как раз тех сигарет, которые мне нужны, нет в наличии. И сигар нет, и трубок тоже. С великой неохотой он отпустил мне коробок спичек.

Дальше я зашел к водопроводчикам — дескать, меня прислала мама, у нас что-то неладно с баком, не могут ли они прислать человека, чтобы посмотрел, в чем дело?

— Понятно,— сказал мистер Драмлин,— насколько это срочно?

— Крайне срочно,— ответил я.— Вода не идет ни в уборную, ни в умывальники.

— Понимаете,— сообщил он,— у нас есть только один работник, только один, и он сейчас ушел по вызову... это надолго. Не знаю даже, когда он управится... Может быть, день проработает, может быть, два.

— А он не согласится поработать сверхурочно?

— Боюсь, что не согласится,— сказал мистер Драмлин.— Кстати, вы можете найти отличного водопроводчика на Кинсингтон-Хай-стрит. Обратитесь туда, возможно, у них найдется свободный работник. Что до меня, боюсь, не могу обещать вам ничего на ближайшие... да, на ближайшие два-три дня, это в лучшем случае.

Поблагодарив, я отправился к мистеру Уильяму Дроверу, агенту по продаже недвижимости. Меня принял невысокий, убого одетый мужчина в очках, с пушистой жидкой шевелюрой. Я объяснил, что моя тетушка подумывает о том, чтобы переехать в эту часть Лондона, и, поскольку я живу поблизости, попросила меня сходить к агенту и подобрать для нее квартиру.

— Квартиру? Квартиру? — Мистер Дровер поджал губы, снял очки, протер стекла, вернул очки на место и осмотрелся, словно ожидал увидеть спрятанную где-то квартиру.

— Сейчас с квартирами плохо,— сказал он.— Очень плохо. Понимаете, очень уж много желающих переехать в этот район. Квартиры перехватывают перед самым носом.

— И у вас нет ничего на примете? Ничего такого, что я мог бы показать своей тетушке?

— Ничего,— ответил он.— Совсем ничего, к сожалению. Совсем.

— Ну а как насчет маленького дома? — осведомился я.

— С домами тоже плохо, так же плохо. Боюсь, в моей картотеке не найдется ни одного маленького дома, который устроил бы вас. Есть в пригороде дом с десятью спальнями, как вы на это посмотрите?

— Нет, думаю, этот дом великоват,— сказал я.— К тому же она желает поселиться в этом районе.

— Не одна она, не одна. Все стремятся сюда, не считаясь с теснотой.

— Но это хорошо для вашего бизнеса? — заметил я.

— Как сказать, как сказать. При чрезмерной тесноте страдают отношения между соседями.

— Ну что ж, большое спасибо вам за помощь, — сказал я.

— Не за что, не за что. Жаль, что не могу больше ничего для вас сделать.

На очереди было кафе «Пикси». Я увидел довольно обширное меню, однако сейчас мне могли предложить только чашку чая. Как назло — они страшно извинялись — грузовик, который должен был доставить продукты на этот день, сломался где-то в северной части Лондона, поэтому им буквально не из чего готовить.

После этого я поверил наконец тому, что говорил мне мистер Белоу про переулок Потта.

Приблизительно в эту пору круг моих знакомых пополнился еще одной странной личностью. Я уже не один месяц работал у мистера Ромилли, и он полностью доверял мне. Время от времени посылал меня в Ист-Энд за свежими партиями рептилий, амфибий и тропических рыбок. Мы покупали их у оптовиков, тогда как хозяйство, которому фактически принадлежал магазин, снабжало нас всеми необходимыми пресноводными экземплярами. Я любил эти вылазки в сумрачные лавки на задворках, с ящиками в больших ящиках, с полными корзинами черепах, с зелеными от водорослей, протекающими аквариумами, населенными лягушками, тритонами и саламандрами. Во время одной из таких поездок в Ист-Энд я и познакомился с полковником Энстратером.

Мистер Ромилли послал меня к Ван ден Готу, крупному оптовику, который специализировался на импорте из Северной Америки рептилий и амфибий. Мне было поручено привезти полторы сотни расписных черепашек — этих прелестных пресноводных рептилий с зеленовато-коричневым карапаксом и красно-желтыми полосками на коже. Каждый детеныш был величиной с монету. Они пользовались у нас большим спросом как подходящий подарок для детей в городских квартирах. Итак, я отправился в Ист-Энд, где меня принял сам мистер Ван ден Гот — весьма тучный мужчина, этаким орангутан, вылепленный из воска. Он поместил моих черепашек в картонную коробку, выложенную мхом, затем я попросил разрешения посмотреть, чем еще он располагает.

— Валяй, — сказал он, — валяй.

После чего проковылял обратно к своему креслу, развернул голландскую газету, засунул в рот сигару и предоставил меня самому себе. Я бродил по лавке, рассматривая красивых змей, пока не застыл в восхищении перед террариумом с ярко-зелеными игуанами, которым сережки и прочие кожные выросты придавали сходство со сказочным драконом. Поглядев на часы, я с ужасом обнаружил, что задержался сверх положенного на целых полчаса. А потому схватил свою коробку с черепашками, попрощался с мистером Ван ден Готом и поспешил на автобус.

В спешке я, увы, не обратил внимания на то, что от влажного мха, которым мистер Ван ден Гот выложил коробку, дно ее успело промокнуть, пока я любовался его товаром. В итоге, когда я поднялся в автобусе на второй ярус и уже приготовился сесть, дно вывалилось и на пол обрушился каскад черепашек.

Мне повезло, что на этом ярусе кроме меня был только еще один пассажир — по-военному подтянутый, стройный седоусый мужчина с моноклем, в безукоризненного покроя грубошерстном костюме и мягкой шляпе. В петлице рдела гвоздика, в руке он держал ротанговую трость с серебряным набалдашником. Я лихорадочно ползал по полу, отлавливая черепашек, но эти малютки способны при желании двигаться с невероятной скоростью, и численное превосходство явно было на их стороне. Внезапно одна черепашка помчалась по центральному проходу и наткнулась на ногу мужчины с моноклем. Почувствовав, что кто-то царапает его начищенный башмак, он посмотрел вниз. Ну все, подумал я, жди неприятностей! Мужчина поправил монокль и уставился на малютку, которая силилась взобраться на носок башмака.

— Боже мой! — воскликнул мужчина. — Расписная черепашка! Хриземис пикта! Сто лет не видел!

Он повернул голову в поисках источника, откуда возникла крохотная рептилия, и узрел меня, ползающего в окружении разбегающихся во все стороны черепашек.

— Ха! — воскликнул он. — Эта малютка — твоя?

— Да, сэр, — признался я. — Извините, ради Бога, у моей коробки вывалилось дно.

— Видит Бог, тебе не повезло?

— Э... да... есть немного.

Он подобрал черепашонка, который успел-таки вскарабкаться на его башмак, и направился ко мне.

— Держи,— сказал он.— И давай я помогу тебе. Перекрою пути дезертирам.

— Вы очень любезны,— отозвался я.

Он опустился на четвереньки по моему примеру, и мы стали вместе ловить разбежавшихся по полу автобуса черепашек.

— Ату его! — восклицал он то и дело.— Вон тот проказник юркнул под сиденье.

А когда одна черепашка устремилась прямо на него, он прицелился тростью и крикнул:

— Бабах! Назад, сэр, иначе вам не поздоровится!

Минут за пятнадцать нам удалось наконец вернуть всех черепашек в коробку, и я кое-как залатал ее носовым платком.

— Большое спасибо, сэр,— сказал я.— Боюсь, вы испачкали брюки.

— И не жалею,— отозвался он,— нисколько не жалею. Давно уже не доводилось так охотиться.

Поправив монокль, он воззрился на меня.

— А теперь скажи — для чего у тебя полная коробка черепашек?

— Я... я работаю в зоомагазине и вот только что забрал их у оптовика.

— Понятно. Ты не против, если я сяду поблизости и мы поболтаем?

— Нет, сэр,— ответил я,— конечно, не против.

Он опустился на сиденье напротив, поставил трость между коленями, оперся подбородком на набалдашник и задумчиво посмотрел на меня.

— Зоомагазин, говоришь? Гм-м-м. Ты любишь животных?

— Да, очень люблю. Больше всего на свете.

— Гм-м-м. А что еще есть в этой вашей лавке? — спросил он.

В его голосе звучал искренний интерес, и я рассказал ему, чем богат наш магазин, рассказал про мистера Ромилли и уже был готов изложить историю мистера Белоу, однако воздержался, поскольку дал клятву хранить секрет. Когда мы доехали до моей остановки, я поднялся с сиденья.

— Простите, сэр,— сказал я,— но мне тут выходить.

— Ха,— произнес он.— Ха. И мне тоже. Мне тоже.

Было совершенно ясно, что это вовсе не его остановка, просто ему хочется еще поговорить со мной. Мы спустились на тротуар. Благодаря довольно свободному и эксцентричному воспитанию, я вполне представлял себе коварные уловки гомосексуалистов. Знал, например, что даже джентльмены с моноклем и военной выправкой бывают не без греха, и то обстоятельство, что он вышел из автобуса не на своей остановке, настроило меня не в его пользу. Я решил быть настороже.

— Ну, и где тут твой зоомагазин? — спросил он, возвращая трость двумя пальцами.

— Да вон он, сэр.

— Ага, так я пойду с тобой вместе.

Он зашагал по тротуару, разглядывая витрины магазинов.

— Скажи-ка, — заговорил он, — чем ты занимаешься в свободное время?

— О, я хожу в зоопарк, в кино, в музеи и так далее.

— А в Музее наук бываешь? Там, где всякие действующие модели и другие экспонаты?

— Мне очень нравится этот музей, — ответил я. — Нравятся модели.

— В самом деле? Точно? — Он уставился на меня через монокль. — Стало быть, тебе нравится играть?

— Играть? Пожалуй, это слово подходит.

— Ага, — произнес он.

Мы остановились у двери «Аквариума».

— Вы уж извините меня, сэр, — сказал я. — Я... я и так уже опаздываю.

— Догадываюсь... Догадываюсь.

Он достал бумажник и извлек из него визитную карточку.

— Вот моя фамилия и адрес. Если надумаешь навестить меня как-нибудь вечером, поиграем вместе.

— Большое... большое спасибо, сэр, — ответил я, прижимаясь к стене спиной.

— Не за что. Итак, буду ждать тебя. Можешь не звонить заранее... просто приходи. Я всегда дома. Любое время после шести.

И он удалился, по-военному чеканя шаг. Ни малейшего намека на жеманность и женоподобие, но я был не настолько целомудрен, чтобы не знать, что не только эти

черты отличают гомосексуалиста. Засунув в карман визитную карточку, я вошел в магазин.

— Где ты пропадаешь, озорник? — спросил мистер Ромилли.

— Извините за опоздание, — ответил я. — Но... но у меня... приключился несчастный случай в автобусе. У коробки вывалилось дно, и все черепашки высыпались, и хотя один полковник вызвался помочь мне поймать их, все же получилась задержка. Извините меня, мистер Ромилли, прошу вас.

— Ладно, все в порядке, — отозвался он. — Сегодня к нам заходило мало народу... совсем мало. Я уже приготовил аквариум, так что можешь поместить их туда.

Так я и поступил, потом посмотрел, как черепашки плавают в своей новой обители, после чего достал карточку полковника и прочитал: «Полковник Энстратер, 47, Белл Мьюз, Саут-Кенсингтон». Кроме адреса, был еще номер телефона. Поразмыслив, я обратился к мистеру Ромилли:

— Случайно вы не знаете некоего полковника Энстра-тера?

— Энстратер? Энстратер? — Мистер Ромилли нахмурил брови. — Вроде бы нет... Хотя постой, постой. Где он живет?

— Белли Мьюз, — сказал я.

— Это он. Это он! — радостно воскликнул мистер Ромилли. — Да-да, это он... Бравый воин. И прекрасный человек. Это он помог тебе отловить черепашек?

— Он, — ответил я.

— Ага, это в его духе. Всегда готов помочь в беде другу. Такие, как он, в наше время редкость, большая редкость.

— Стало быть, он... э... человек известный и... э... почтенный? — осведомился я.

— Конечно, конечно. Его там все знают. Знают и любят старого полковника.

Поразмыслив над услышанным, я решил, пожалуй, как-нибудь воспользоваться приглашением полковника Энстратера. В крайнем случае, сказал я себе, если что, всегда могу позвать на помощь. И хотя полковник сказал, что звонить не обязательно, я решил соблюсти тон и через несколько дней набрал его номер.

— Полковник Энстратер? — спросил я.

— Да, он самый. Кто это? Кто говорит?

— Это, гм... моя фамилия... Даррелл,— ответил я.— Мы познакомились с вами в автобусе на днях. Вы были так добры, помогли мне ловить черепашек.

— А, да-да,— сказал он.— Точно. И как теперь поживают малютки?

— Отлично,— сообщил я.— Поживают... очень хорошо. Я тут подумал о том... может быть, воспользоваться вашим любезным приглашением навестить вас?

— Ну конечно, дружище, конечно! Буду счастлив! В котором часу ты приедешь?

— Ну а когда вам удобно?

— Приходи около половины седьмого,— предложил он.— Как раз к обеду.

— Большое спасибо,— ответил я.— Непременно приду.

Белл Мьюз оказался коротким тупиком с булыжной мостовой и четырьмя домиками на каждой стороне. Но что такое — номером 47 были обозначены двери сразу четырех строений! Откуда мне было знать, что все они принадлежали полковнику, что он соединил их вместе и с присущей военному человеку страстью к порядку присвоил им один номер. Помешкав, я постучался наконец в ближайшую дверь и стал ждать, что из этого выйдет. А сам в это время думал о том, как это нелепо: в тупике длиной от силы двести метров четыре дома значатся под одним номером 47 — и где все остальные номера? Видимо, разбросаны по разным улицам и переулкам по соседству. «Да,— сказал я себе,— несладко придется почтальону в Лондоне»

Тут дверь, в которую я постучался, распахнулась, и я увидел перед собой полковника. На нем была бутылочно-зеленая домашняя куртка с лацканами из муарового шелка, и в одной руке он сжимал огромный нож. В испуге я сказал себе, что, кажется, мне вовсе не следовало придти сюда.

— Даррелл? — молвил он, вставляя в глаз монокль.— Видит Бог, ты пунктуален!

— Знаете, я сперва запутался,— начал я.

— Ага! Тебя сбила с толку цифра сорок семь? Она всех вводит в заблуждение. Помогает ограждать мое уединение. Входи же! Входи!

Я вошел бочком в холл, и он затворил дверь.

— Рад видеть тебя,— сказал полковник.— Следуй за мной.

И он затрусил через холл, держа нож в поднятой руке так, словно вел в атаку кавалерийский полк. Я успел приметить стоячую вешалку из красного дерева и несколько эстампов на стене холла, затем мы очутились в просто, но уютно обставленной гостиной значительных размеров, с множеством сложенных стопками книг и с цветными репродукциями на стенах, изображающими различные военные мундиры. За гостиной помещалась просторная кухня.

— Извини, что подгоняю тебя,— выдохнул он.— Но у меня стоит в печке пирог, и не хотелось бы, чтобы он подгорел.

Он устремился к печке и заглянул в духовку.

— Ну так, все в порядке,— облегченно произнес полковник.— Отлично... отлично.

Он выпрямился и посмотрел на меня:

— Ты любишь бифштекс и пирог с почками?

— Э... конечно,— ответил я.— Очень люблю.

— Прекрасно. Сейчас все будет готово. А пока присядь и выпей что-нибудь.

Он провел меня обратно в гостиную.

— Садись, садись. Что будешь пить? Херес? Виски? Джин?

— У вас... э... не найдется какого-нибудь вина?

— Вина? Конечно, найдется.

Он достал бутылку, откупорил и налил мне полный бокал рубинового сухого, бодрящего вина. Мы посидели минут десять, болтая о том, о сем (преимущественно о черепках), затем полковник посмотрел на часы.

— Пора,— заключил он,— должно быть, все готово. Ты не против, если мы поедем на кухню? Так будет намного проще.

— Конечно, не против, что вы,— заверил я.

Мы вернулись на кухню, и полковник накрыл на стол, приготовил картофельное пюре, положил на мою тарелку и взгромоздил сверху бифштекс и порядочную порцию пирога с почками.

— Налей себе еще вина,— предложил он.

Бифштекс и пирог были великолепны. Я спросил полковника, сам ли он все приготовил?

— Сам,— ответил он.— Пришлось научиться готовить после смерти жены. И ведь это совсем не сложно, если захотеть. Немножко разных трав, всякие приправы творят чудеса. Ты умеешь готовить?

— Ну, это как посмотреть, — сказал я. — Мама научила меня кое-чему, но серьезно я этим не занимался, хотя люблю готовить.

— Я тоже, — откликнулся полковник, — я тоже. Отдыхаю душой.

Когда мы управились с бифштексом и пирогом, он достал из холодильника мороженое.

После мороженого полковник откинулся в кресле назад и с довольным вздохом погладил себя по животу.

— Хорошо... — произнес он. — Хорошо. Я ем только один раз в день, зато основательно. Как насчет бокала портвейна? У меня есть совсем неплохие марки.

Мы выпили рюмку-другую портвейна, и полковник закурил тонкую манильскую сигару. Покурив и допив портвейн, он решительно вставил в глаз монокль и посмотрел на меня.

— Как насчет того, чтобы подняться наверх и поиграть?

— Гм... О какой игре вы говорите? — осторожно спросился я, полагая, что сейчас может начаться ухаживание, если он к этому расположен.

— Силовая игра, — ответил полковник. — Поединок умов. Модели. Ты ведь любишь такие игры?

— Гм... Ну да, — сказал я.

— Тогда пошли, — распорядился он. — Пошли.

Мы снова проследовали через холл, затем поднялись по лестнице в небольшое помещение, которое явно служило мастерской: у одной стены стоял верстак, над ним висели полки с красками в банках, паяльниками и всякими таинственными предметами. Судя по всему, полковник был не прочь что-нибудь смастерить на досуге. Тем временем он распахнул следующую дверь, и моему взору открылось поразительное зрелище — огромное помещение площадью примерно двадцать на двадцать пять метров. Как я понял, его составили соединенные вместе верхние комнаты всех четырех домов, принадлежащих полковнику. Но больше размеров меня поразило то, что находилось в этом зале. В обоих концах стояло по крепости из папьемаше, высотой около метра, шириной около полутора метров. Вокруг крепостей выстроились сотни поблескивающих оловянных солдатиков в яркой униформе, и рядом с ними стояли танки, военные грузовики, зенитные пушки и прочие виды оружия. Словом, готовое поле битвы.

— Ага,— полковник радостно потер руки,— удивил я тебя!

— Видит Бог! — отозвался я.— Пожалуй, я в жизни не видел столько оловянных солдатиков.

— Не один год собираю,— сообщил полковник.— Не один год. Я покупаю их прямо на фабрике, покупаю некрашенные и раскрашиваю сам. Так оно куда лучше получается. Почище и поаккуратнее. И более реалистично.

Я наклонился, поднял одного солдатика и убедился в правоте полковника. Обычно оловянные солдатик раскрашены кое-как, но над этими поработала искусная рука. Можно было даже различить выражение лица.

— Ну так,— сказал полковник,— теперь мы сыграем, начнем с короткого гейма, проведем, так сказать, репетицию. Конечно, когда ты освоишься, можно придумать что-нибудь посложнее.

Изложенные им правила игры оказались достаточно простыми. У каждого участника была своя армия. Соперники бросают кости, и тот, кто набрал больше очков, начинает игру в роли нападающей стороны. Он снова бросает кости и в зависимости от числа выпавших очков передвигает любой из своих батальонов в желаемом направлении и открывает огонь из полевых пушек или зенитных орудий. Пушки были снабжены пружинками и стреляли спичками. Пружинки были на редкость упругими, и спички с невероятной скоростью летели через весь зал. Там, где они падали, все в радиусе десяти сантиметров считалось выведенным из строя. Так что прямое попадание в какой-нибудь отряд наносило противнику существенный урон. У каждого участника была маленькая мерная лента, которой он определял пораженную площадь.

Я был в восторге от этой затеи, особенно потому, что она напомнила мне игру, которую мы сами придумали, когда жили в Греции. Мой брат Лесли, чье увлечение пушками и кораблями не знает пределов, собрал целую флотилию игрушечных линкоров, крейсеров и подводных лодок, которые мы расставляли на полу и устраивали морской бой, но в отличие от игры, придуманной полковником, мы поражали цель стеклянными шариками. Требовался острый глаз, чтобы на неровном полу попасть шариком в крейсер.

Итак, мы бросили кости, и мне выпало быть агрессором.

— Ха! — воскликнул полковник, проникаясь воинственным пылом. — Мерзкий гунн!

— Цель маневра заключается в том, чтобы попытаться захватить крепость противника? — справился я.

— Что ж, попытайся, — ответил он. — Или попробуй разрушить ее, если сумеешь.

Я скоро понял, что в этой игре важно отвлечь внимание противника от одного из флангов, чтобы быстро продвигнуться там, когда он этого не ожидает. Подвергнув его войско непрерывному артиллерийскому обстрелу — спички так и летали по воздуху, — я одновременно передвинул два батальона вплотную к его передовой.

— Злодей! — кричал полковник всякий раз, когда ему приходилось измерять площадь вокруг упавшей спички. — Грязная свинья! Проклятый гунн!

Лицо его заметно порозовело, и глаза увлажнились так, что он был вынужден то и дело протирать монокль.

— Ты чертовски меток! — негодовал он.

— Вы сами виноваты, — кричал я в ответ. — Собрали в кучу все свое войско. Идеальная мишень.

— Это входит в мою стратегию. Не учи меня стратегии. Я старше тебя и по возрасту, и по званию.

— Как вы можете быть старше по званию, если я команду целой армией?

— Без дерзостей, самонадеянный мальчишка!

За два часа игры я почти полностью уничтожил войско полковника и утвердился перед самой крепостью.

— Сдаетесь? — крикнул я.

— Никогда! — ответил полковник. — Никогда! Сдаться проклятому гунну? Ни за что на свете!

— Что ж, тогда я ввожу в бой саперов.

— Это еще зачем?

— Чтобы взорвать вашу крепость.

— Крепость взрывать нельзя, — возразил полковник. — Это не по правилам.

— Ерунда! — ответил я. — Во всяком случае, немцы никаких правил не соблюдают.

— Грязный прием! — взревел он, когда я успешно взорвал его крепость.

— Теперь сдаетесь?

— Нет, я буду стоять до последнего, проклятый гунн! — крикнул полковник, лихорадочно ползая на четвереньках по полу и передвигая своих солдат.

Однако, как он ни отбивался, я загнал остатки его войска в угол и окончательно разгромил.

— Боже мой! — выпалил полковник, вытирая вспотевший лоб. — В жизни не видел такого боя. Как тебе удастся стрелять так метко, если ты впервые играешь в эту игру?

— Ну, у нас была похожая игра, только мы поражали цель стеклянными шариками, — объяснил я. — Главное — точно оценивать расстояние и направление в стрельбе.

— Черт возьми! — сказал он, глядя на свою разгромленную армию. — Однако мы славно поиграли и славно сразились. Сыграем еще раз?

И мы продолжали играть, и полковник все сильнее горячился, наконец я взглянул на часы и обнаружил, к своему ужасу, что уже час ночи. Очередной бой был в разгаре, а потому мы оставили все как было, и на другой день я снова пришел вечером к полковнику, и мы довели игру до конца. С той поры я проводил у него два-три вечера в неделю, и мы сражались на полу огромной комнаты, и он получал от игры великое удовольствие — почти такое же, как я.

Но вот однажды мама объявила, что нашла наконец подходящий дом, можно уезжать из Лондона. Я здорово огорчился — приходится расстаться со своей работой и с друзьями, мистером Белоу и полковником Энстратером. Мистер Ромилли страшно расстроился.

— Никогда мне не найти достойную замену, — сказал он. — Никогда.

— Что вы, кто-нибудь найдется, — заверил я его.

— Только не такой мастер, как ты, оформлять аквариумы и витрины. Не знаю даже, что я стану делать без тебя.

В день окончательного прощания он со слезами на глазах преподнес мне кожаный бумажник с тисненой внутри надписью золотыми буквами: «Джеральду Дарреллу от товарищей по работе». Я был малость озадачен, поскольку, кроме нас двоих, в лавке никто не служил, но, видимо, он посчитал, что так будет лучше. Горячо поблагодарив его, я в последний раз прошел по переулку Потта, направляясь к лавке мистера Белоу.

— Жаль, что ты уезжаешь, парень, — сказал он. — Право, очень жаль. Вот... это тебе — маленький подарок на прощание.

Он вручил мне маленькую квадратную клетку, в которой сидел самый желанный для меня предмет из его коллекции — красный кардинал. Я был потрясен.

— Нет, вы в самом деле отдаете его мне? — спросил я.

— Конечно, отдаю, парень, конечно.

— Но вы уверены, что сейчас подходящее время года для такого подарка?

Мистер Белоу хохотнул.

— Уверен, — ответил он. — Разумеется, подходящее.

Я простился с ним, а вечером отправился к полковнику, чтобы в последний раз сыграть в его любимую игру. После игры — я дал ему выиграть — мы спустились вниз.

— Знаешь, дружище, я буду скучать по тебе. Сильно скучать. Но ты поддерживай связь, ладно? Не забывай. У меня тут... гм... маленький сувенир для тебя.

И он вручил мне плоский серебряный портсигар. Я с удивлением прочел выгравированную надпись: «С любовью от Марджери».

— О, не обращай внимания, — сказал полковник. — Надпись можно удалить... Подарок одной женщины... которую я когда-то знал. Думал, тебе понравится. Памятный сувенир... гм...

— Большое, большое спасибо, сэр, — произнес я.

— Не за что, не за что. — Он высморкался, протер монокль и подал мне руку. — Что ж, удачи тебе, дружище. Надеюсь, мы еще как-нибудь увидимся.

Мне не пришлось его больше увидеть. Он умер спустя несколько месяцев.

Глава четвертая КАК ДОБИТЬСЯ ПОВЫШЕНИЯ

Городок Мамфе не может похвастать здоровым климатом. Он расположен на высоком мысу над излучиной широкой бурой реки, среди густого влажного леса, большую часть года воздух здесь знойный и душный, как в турецкой бане, и только дождливый сезон вносит какое-то разнообразие, усиливая и зной и духоту.

В те времена население городка составляли пять белых мужчин, одна белая женщина и около десяти тысяч горластых африканцев. В состоянии легкого помешательства я решил, что Мамфе — идеальное место для моей звероловной базы, и разбил на берегу кишашего бегемотами бурого потока шатер, набитый всевозможными дикими животными. Естественно, по ходу работы я близко познакомился с белыми жителями и изрядным числом африканцев. Африканцы работали у меня охотниками, проводниками и носильщиками, потому что, вступая в лес, вы переносились назад во времена Стенли и Ливингстона и все ваше имущество перемещалось на головах дюжих чернокожих мужчин.

Лов зверей — дело трудоемкое, не оставляющее много времени для благодеяний, тем удивительнее, что именно здесь мне представился случай помочь учреждению, именуемому о ту пору Министерством по делам колоний.

В то утро я был занят кормлением бельчат, которые явно ничего не соображали и, похоже, вовсе не желали жить. Тогда еще не были изобретены бутылочки с маленькой соской, рассчитанной на ротики бельчат, а потому надлежало обмотать спичку ваткой, обмакнуть ее в жидкость и сунуть в рот сосунку. Процедура долгая и требующая изрядной выдержки, так как надо было следить, чтобы ватка не слишком намокала, иначе бельчонок мог подавиться молоком, и засовывать ее сбоку, чтобы не застряла на зубах и не была тотчас проглочена, следствием чего была бы смерть от несварения желудка.

Часы показывали десять, и уже царила такая жара, что приходилось поминутно вытирать полотенцем влажные руки, чтобы малютки не простудились. Настроение было соответственное, а тут еще, пока я маялся с упирающимися подопечными, внезапно у самого моего локтя материализовался мой бой Пайес, чье бесшумное появление всегда действовало мне на нервы.

— Будьте добры, сэр, — сказал он.

— Ну, что тебе? — рывкнул я, манипулируя ваткой с молоком.

— НОА прийти, сэр, — доложил он.

— Начальник окружной администрации? — удивился я. — Какого черта ему надо?

— Не говорить, сэр, — бесстрастно ответил Пайес. — Я пойти открыть пиво?

— Что ж, открывай, — сказал я, и поскольку НОА Мартин Баглер в эту минуту показался на гребне холма над моим лагерем, я посадил бельчат обратно в их коробку, высланную банановыми листьями, и вышел из шатра, чтобы встретить его.

Мартин был долговязый молодой мужчина с круглыми черными глазами, косматой черной шевелюрой, курносом носом и широкой обаятельной улыбкой. Привычка лихо жестикулировать длинными руками при разговоре была источником вечных неприятностей для него и для окружающих. Однако это не мешало ему быть весьма достойным начальником администрации, потому что он горячо

любил свою работу и, что еще важнее, не менее горячо любил африканцев, и те отвечали на это добром.

Теперь-то стало модным поносить колониализм, начальников администрации и их помощников изображать воплощениями зла и порока. Конечно, встречались среди них и дурные представители рода человеческого, однако преобладали замечательные люди, выполнявшие чрезвычайно трудную работу в тяжелейших условиях. Представьте себе, что вас в возрасте двадцати восьми лет назначают управлять округом величиной с Уэльс, населенном полчищами африканцев, придав вам только одного помощника. Вы обязаны заботиться о своих подопечных, быть для них отцом и матерью и стоять на страже закона. Причем во многих случаях, поскольку закон — английский, он такой мудреный, что суть его недоступна уму простодушных аборигенов.

Во время моих вылазок в леса я не раз проходил мимо крытого железом просторного здания из кирпича-сырца, где Мартин, обливаясь потом, пытался рассудить очередной спор, причем дело осложнялось еще тем, что в деревнях, разделенных всего несколькими километрами, подчас говорили на разных наречиях. А потому, если возникал конфликт между двумя деревнями, требовалось по переводчику от каждой из них, плюс еще третий толмач, знающий оба наречия, чтобы переводить слова Мартина. Как и во всех судах на свете, было совершенно очевидно, что стороны беззастенчиво лгут, и меня восхищали терпение и невозмутимость Мартина. Предметы разбирательства могли быть самые разные — от подозрения в людоедстве до умыкания невест и споров из-за каждого дюйма земли под ямсом и кокосовыми пальмами.

За все мои поездки в Западную Африку мне только раз встретился антипатичный администратор. Преобладали, как я уже сказал, чудесные молодые люди, и было бы неплохо, если бы когда-нибудь нашелся охотник написать о них добрую книгу.

Появление Мартина на холме над моим лагерем изрядно удивило меня, потому что в это время дня ему следовало корпеть в канцелярии над бумагами. Вниз по склону он спустился чуть ли не бегом, размахивая руками, точно ветряная мельница, и крича что-то неразборчивое. Я терпеливо ждал, пока он не нырнул в шатер.

— Понимаешь, — вымолвил Мартин, вскинув руки в трагическом жесте, — мне нужна твоя помощь.

Я пододвинул складной стул и мягко усадил его.

— Перестань вести себя, словно чокнутый богомол, — сказал я, — посиди минутку молча и расслабься.

Он достал из кармана влажный платок и вытер лоб.

— Пайес! — крикнул я.

— Сэр? — отозвался мой бой из кухни.

— Принеси, пожалуйста, пива мне и администратору.

— Есть, сэр.

Пиво было паршивое и отнюдь не холодное, потому что в нашем довольно примитивном базовом лагере единственным способом охлаждать его было держать бутылки в ведрах с вечно теплой водой. Однако в таком климате, где человек непрерывно обливается потом, даже если сидит без движения, потребность в жидкости велика, и днем ничто не могло сравниться с пивом.

Пайес чинно наполнил наши стаканы, и Мартин, схватив свой стакан дрожащей рукой, поспешно сделал несколько глотков.

— А теперь, — сказал я успокаивающим тоном опытного психиатра, — повтори, пожалуйста, медленно и внятно, что ты кричал, сбегая вниз по склону? Кстати, тебе не следует так носиться в это время дня. Во-первых, это вредно для здоровья, во-вторых, это может повредить твоему имиджу. Я было подумал, что в Мамфе разразился бунт и за тобой гонится толпа африканцев, вооруженных копьями и мушкетами.

Мартин снова вытер платком лицо и сделал еще глоток.

— Хуже, — произнес он, — несравненно хуже.

— Хорошо, рассказывай тихо, спокойно, в чем дело.

— Губернатор, — ответил он.

— Что — губернатор? Он уволил тебя?

— В том-то и дело, — сказал Мартин, — что может уволить. Потому я и нуждаюсь в помощи.

— Не вижу, как я могу тебе помочь. Я не знаком с губернатором и, насколько мне известно, не знаю никого из его родных, так что не могу нигде замолвить за тебя словечко. Но что ты такого ужасного натворил?

— Лучше я расскажу тебе все с начала, — отозвался Мартин, еще раз вытер лицо, подкрепился глотком пива и скрытно осмотрелся, проверяя, не подслушивают ли нас. — Так вот, может быть, ты не обратил внимания, но

я неплохо справляюсь со своей *работой*, однако когда надо принимать гостей или еще что-нибудь в этом роде, непременно все испорчу. Когда я только что получил повышение и был назначен начальником окружной администрации в Умфале, тут же туда является с инспекцией этот чертов губернатор. Все шло прекрасно, в округе царил безупречный порядок, и шеф как будто был мной доволен. Он приехал всего на сутки, и под вечер я уже подумал, что все в порядке. Но, на беду, уборная в моем доме вышла из строя, и я не успел вовремя привести ее в порядок, а потому велел соорудить уютный шалашик вдали от веранды, за кустами гибискуса. А в шалаше, сам понимаешь, глубокая яма и перекладина для ног. Я объяснил губернатору, что и как, и вроде бы он все понял. Но мне было невдомек, что моя африканская обслуга посчитала, что шалаш предназначен для них, и прилежно пользовалась им до прибытия моего шефа. И вот перед самым обедом он направляется туда. То, что он там увидел, вовсе не обрадовало его, ведь он полагал, что уборную соорудили специально для него. Когда же губернатор все-таки пригнулся к перекладине, она сломалась.

Я слегка опешил.

— Господи, ты что же — не проверил эту перекладину?

— В том-то и дело, — ответил Мартин. — Есть вещи, в которых я ничего не смыслю.

— Но ты мог убить его, хуже того — утопить, — сказал я. — Знаю, на что похожа наша уборная здесь, и не хотел бы упасть в эту яму.

— Могу заверить тебя, что шефу происшедшее тоже не понравилось, — уныло отозвался Мартин. — Он, конечно, позвал на помощь, и мы вытащили его, но выглядел он, точно... точно... э... ходячая навозная куча. Не один час ушел на то, чтобы отмыть его самого, постирать и привести в порядок его одежду к утру, когда он должен был уезжать. И скажу тебе, дружище, обедали мы в тот вечер очень поздно, и ел он очень мало и держался очень-очень холодно.

— Он что — лишен чувства юмора? — осведомился я.

— Начисто лишен, — яростно произнес Мартин. — Но не мне его упрекать за это. Не представляю себе человека, который стал бы веселиться, шлепнувшись в кучу навоза.

— Я тебя понял. Налей себе еще пива.

— Беда в том, — продолжал Мартин, — что я не однажды вот так оплошал. Были другие промашки, о которых предпочитаю не рассказывать тебе, потому-то мне пришлось так долго ждать, чтобы меня из помощников перевели в начальники окружной администрации. После того ужасного происшествия с уборной я попал в Умчичи, и ты сам понимаешь, что это означало.

— Да уж, — сказал я, — мне не доводилось там бывать, но я слышал.

Умчичи — этакий Окаянный остров, туда посылали всех попавших в немилость начальников окружной администрации и их помощников. Там обитали прокаженные африканцы, а еще там было больше комаров, чем в любой другой точке побережья Западной Африки.

— Как ни увлекательны эти твои откровения, — заметил я, — не вижу, куда ты клонишь.

— Так ведь я именно об этом толковал тебе, когда спускался с холма, — объяснил Мартин. — Губернатор едет сюда с инспекцией. Будет здесь через три дня, так что мне необходима твоя помощь.

— Мартин, — сказал я, — при всей моей любви к тебе я не специалист по приему и обслуживанию гостей.

— Конечно, дружище, конечно, — отозвался Мартин. — Ты только подсоби мне кое в чем.

Отказать ему в этой просьбе было невозможно. Все белые жители Мамфе и девяносто девять процентов африканцев нежно любили Мартина.

— Мне нужно поразмыслить, — сказал я.

Мы посидели молча; Мартин ерзал на стуле, обливаясь потом.

Наконец я крикнул:

— Пайес, принеси, пожалуйста, еще пива начальнику администрации.

Когда пиво было подано, я наклонился и пристально посмотрел на Мартина.

— Вот в чем твое единственное спасение, — произнес я. — Среди нас есть женщина.

— Женщина? — озадаченно молвил Мартин. — Какая женщина?

— Мэри, жена твоего помощника, если ты помнишь такую. Женщины отлично справляются с такими делами. Еще у нас есть Макгрэйд (он отвечал за ремонт мостов, строительство дорог и тому подобное). Есть Гэртон (пред-

ставитель «Объединенной Африканской компании», который занимался продажей хлопчатобумажных тканей белым жителям Мамфе, консервов и пива африканцам). Уж как-нибудь совместными усилиями мы справимся с задачей.

— Дружище,— торжественно произнес Мартин,— я твой вечный должник. Блестящее предложение.

— Итак, для начала,— продолжал я,— следует посмотреть твой дом.

— Но ты столько раз бывал у меня,— удивился Мартин.— Несколько раз приходил перекусить и тысячу раз приходил выпить стаканчик.

— Верно, но я видел только твою гостиную и веранду.

— Ну да, конечно. Что ж, пошли, сейчас и посмотришь.

— Я захвачу Пайеса,— сказал я.— Потому что одолжу его тебе на вечер. Он куда лучше твоего недотепы и сумеет стол обслужить на высшем уровне. А то ведь твой бой способен облить супом колени губернатора.

— Ты что! — страдальчески воскликнул Мартин.— Не смей даже говорить такие вещи.

Итак, мы захватили Пайеса и поднялись в дом окружного начальника, стоящий на макушке утеса, с видом на реку. Дом был внушительный, с толстыми стенами и просторными помещениями, потому что его построили еще тогда, когда Камерун был немецкой колонией, а немцы знали, как надо строить в жарком климате — выбрали место, где дом хоть немного обдувало ветром, а благодаря толстым стенам внутри было прохладно, насколько это вообще возможно в таком месте. Поднимаясь по склону, я объяснил Пайесу суть дела.

— Учти,— добавил я,— это очень важно, все мы должны постараться хорошенько помочь окружному начальнику.

— Да, сэр,— расплылся в улыбке Пайес; он всегда считал, что я чересчур много времени уделяю уходу за животными и совсем не оставляю ему времени проявить свой талант буфетчика.

Дойдя до обители Мартина, я внимательно осмотрел гостиную и веранду. Оба помещения были просторные и совсем недурно обставленные с учетом потребностей холостого начальника окружной администрации.

— Мне кажется, для начала тебе следует снять со стены этот календарь,— предложил я Мартину.

— Почему? — спросил он.— По-моему, картинки классные.

— Мартин,— сказал я,— если губернатор увидит, что у тебя вся гостиная увешана голыми красотками, он может невесть что подумать о тебе, так что лучше убери.

Пайес, внимательно слушавший наш диалог, снял со стены календарь с девицей в чувственной позе и с такими ярко выраженными признаками млекопитающего, что даже я был несколько смущен.

— Так,— произнес я,— теперь — спальня.

Спальня тоже была большая, с широченной двуспальной кроватью под сеткой от комаров.

— Пайес,— распорядился я,— ну-ка проверь кровать — не сломается?

Тихонько хихикая, Пайес опустился на четвереньки и пополз вокруг кровати, проверяя каждый винт и каждую гайку.

— А теперь,— обратился я к Мартину,— попрыгаем на ней вдвоем.

Мы попрыгали и убедились, что с пружинами все в порядке.

— Так, отлично,— заключил я.— Похоже, здесь ему ничто не грозит. А где ты собираешься его кормить?

— Кормить? — озадаченно справился Мартин.

— Ты ведь собираешься кормить губернатора, пока он будет находиться здесь?

— Ну, на веранде,— ответил Мартин.

— Что — других помещений нет?

— Еще есть столовая.

— Если у тебя есть столовая, пользуйся ею, ради Бога. Ты ведь намерен принять его возможно лучше. Где находится эта твоя столовая?

Вернувшись со мной в гостиную, Мартин распахнул массивные деревянные двери, и моему взору предстало великолепное помещение с длинным столом по меньшей мере на десяток мест. Столешница была тщательно отполирована, но, поскольку Мартин никогда не пользовался этой комнатой, покрыта толстым слоем пыли, как и довольно красивые, хотя и тяжеловатые деревянные стулья. С потолка над столом на всю его почти пятиметровую длину свисала конструкция, которую в Индии называют «пунка»

и которая, по сути, представляет собой огромное опахало. К бамбуковой жерди толщиной десять — двенадцать сантиметров были прикреплены пальмовые листья полутора-метровой длины. К середине жерди привязана веревочка, которая через ролики под потолком и дырку в стене тянулась на кухню. Смысл этого устройства заключался в том, что какой-нибудь нанятый вами мальчуган дергал веревочку и заставлял опахало покачиваться над столом, обдавая вас жарким дуновением в разгар трапезы.

— Великолепная штука, — сказал я Мартину. — Губернатор будет поражен.

— Я никогда не пользуюсь этим чертовым устройством, — сообщил Мартин. — Понимаешь, здесь мне было бы очень уж одиноко.

— Тебе нужно жениться, дружище, — произнес я покровительственно.

— Да я пытаюсь, — отозвался он, — всякий раз, когда приезжаю в Англию в отпуск. Но стоит моим невестам услышать, где я работаю, как они сразу расторгают помолвку.

— Ничего, — утешил я его. — Ты только не сдавайся. Глядишь, и найдется простутка, которую ты успеешь охмурить, а затем уже привезешь сюда.

По нашей просьбе Пайес тщательно проверил огромный стол и все стулья. Мы посидели вдвоем на каждой стуле и исполнили что-то вроде танго на столе; он стоял нерушимо как скала.

— Теперь послушай, — сказал я Мартину. — Я хочу, чтобы Пайес возглавил твою службу, потому что очень уж они у тебя недотепистые. Пайес — парень расторопный и умелый.

— Как скажешь, дружище, — отозвался Мартин. — Как прикажешь. Ты только скажи.

— Пайес, — обратился я к моему слуге. — В нашем распоряжении три дня. Все это время ты будешь наполовину моим буфетчиком, наполовину буфетчиком окружного администратора. Слышишь?

— Слышу, сэр, — ответил он.

Мы вышли на веранду и сели там.

— А пока, — сказал я Пайесу, — пойдешь скажи здешнему буфетчику, чтобы принес нам чего-нибудь выпить. Кстати, Мартин, как звать твоего буфетчика?

— Амос.

— Отлично,— продолжал я,— давай, Пайес, скажи Амосу, чтобы принес нам чего-нибудь выпить, потом приведи сюда его, повара и младшего боя, чтобы мы поглядели на них и потолковали с ними.

— Да, сэр.— И Пайес чуть ли не гусиным шагом направился на кухню.

— Думаю, все, что касается питания, можно спокойно предоставить усмотрению Мэри,— сказал я.— Возможно, и другие могут что-нибудь посоветовать, так что, по моему, не мешает созвать сегодня вечером военный совет. Если ты разошлешь им приглашения, они соберутся здесь, чтобы выпить по стаканчику и обсудить твою проблему.

— Ну ты прямо мой спаситель,— заключил Мартин.

— Вздор,— отозвался я.— Я только помогаю тебе сориентироваться. Ты явно не приучен возвращаться в обществе.

Вошел Пайес, неся на подносе пиво, за ним следовали Амос в коричневых шортах и куртке, затем младший бой, на вид достаточно смышленный, но совсем ничему не обученный (каким он явно был обречен оставаться, если его наставником был Амос), и замыкал шествие совершенно удивительный экземпляр — высоченный худой африканец из племени хауса, которому на вид можно было дать все сто десять лет, одетый в белый пиджак и шорты, на голове — здоровенный поварской колпак с неровно вышитыми впереди буквами «В. С.».

— Так вот,— сурово произнес я,— через три дня начальник администрации будет принимать здесь губернатора. Начальник хочет, чтобы мой буфетчик присмотрел за вами и проследил, чтобы все было в порядке. Если не будет порядка, губернатор сильно рассердится на администратора, и мы с администратором сильно рассердимся на вас и дадим вам пинка пониже спины.

Несмотря на мой строгий тон, они дружно заулыбались. Все четверо понимали, какая важная персона прибывает, понимали и серьезность моей угрозы. Но они оценили использованный мной шуточный оборот.

— Ну так,— продолжал я, показывая на буфетчика,— тебя зовут Амос?

— Да, сэр,— ответил он, вытянувшись в струнку.

— А тебя как звать? — обратился я к младшему бою.

— Иоанн, сэр.

— Имя повара, — извиняющимся тоном вмешался Мартин, — Иисус.

— Дружище, — отозвался я, — тебе повезло. С Пайесом и Иисусом мы не можем оплошать. Кстати, что это за диковинная вышивка у него на колпаке?

Мартин заметно смутился.

— Понимаешь, — начал он, — ему как-то удалось случайно приготовить очень хорошее блюдо, а у меня в одном журнале была фотография шеф-повара одного лондонского отеля, и чтобы поощрить его, я пообещал привезти из следующего отпуска колпак, какие носят только самые вкусные повара.

— Очень благородная идея, — сказал я, — но что все-таки означают эти вышитые буквы «В. С.»?

Смущение Мартина еще больше возросло.

— Он попросил жену вышить их и очень гордится ими.

— Но что они означают? — настаивал я.

Мартин совершенно смешался:

— «БиСи» — сокращение английских слов «повар Баглера».

— А он понимает, что эти буквы на колпаке означают еще «до рождения Христа» (Before Christ) и вместе с его именем «Иисус» могут вызвать смятение в умах непосвященных людей?

— Не понимает, и я не стал его просвещать, чтобы не волновать понапрасну, — ответил Мартин. — Он и без того немного не в себе.

— А сейчас, Пайес, — сказал я, — сходи за полиролем, слышишь?

— Да, сэр, — откликнулся он.

— И проследи за тем, чтобы в столовой был наведен порядок и чтобы стулья и стол были как следует отполированы. Слышишь?

— Слышу, сэр, — сказал он.

— Я хочу, чтобы стол блестел, как зеркало. И если ты не позаботишься об этом, получишь пинка ниже спины.

— Да, сэр.

— А накануне приезда губернатора все полы должны быть чисто вымыты и вся остальная мебель отполирована. Слышишь?

— Да, сэр, — сказал Пайес.

По гордому выражению его лица было видно, как он предвкушает свое участие в столь важном событии и возможность командовать своими соотечественниками.

Мартин наклонился и прошептал мне на ухо:

— Этот младший бой — из племени ибо.

Надо сказать, что люди этого племени славятся своей смекалкой; приходя в Камерун из Нигерии, они околпачивали камерунцев, после чего уходили обратно через границу. А потому камерунцы относились к ним с великим недоверием и отвращением.

— Пайес,— сказал я,— этот младший бой — из племени ибо.

— Я знаю, сэр,— ответил Пайес.

— Так что последи, чтобы он работал как следует, но чересчур не нажимай на него, потому что он ибо. Слышишь?

— Да, сэр.

— Отлично,— сказал я и распорядился совсем по-хозяйски: — Теперь принеси еще пива.

Вся компания прошагала на кухню.

— Слушай,— восхищенно произнес Мартин,— у тебя здорово получается, верно?

— В жизни не занимался такими делами,— отозвался я.— Однако тут не требуется большое творческое воображение.

— Боюсь, его-то мне и не хватает,— заключил он.

— Не могу с тобой согласиться,— возразил я.— Человека, которому достало выдумки привезти своему повару колпак мастеров кулинарного искусства, никак не назовешь тупицей.

Мы добавили пива, и я попытался представить себе, каких еще катастроф следует опасаться.

— Сортир действует? — подозрительно осведомился я.

— Полный порядок,— ответил Мартин.

— Так проследи, ради Бога, чтобы твой младший бой не вздумал им воспользоваться,— сказал я,— во избежание повторения того случая, про который ты мне рассказал. А теперь разошли приглашения, как мы договорились, и около шести я приду, и мы проведем военный совет.

— Отлично,— отозвался Мартин и ласково похлопал меня по плечу.— Не знаю, что бы я стал делать без тебя. Даже Стэндиш не сумел бы все так замечательно организовать.

Он подразумевал своего помощника, который в это время парился в горах к северу от Мамфе, разбираясь в проблемах отдаленных деревень.

Я поспешил вернуться в шатер к своему горластому семейству. Визит к Мартину выбил меня из собственного графика, и теперь детеныши шимпанзе кричали, требуя еды, дикобразы грызли прутья своей клетки, и галаго негодующе смотрели на меня огромными глазами, устав дожидаться мисок с мелко нарезанными фруктами.

В шесть часов я прибыл в резиденцию начальника окружной администрации. Там была уже Мэри Стэндиш — молодая миловидная женщина, склонная к полноте и наделенная весьма спокойным нравом. Из каких-то закоулков Большого Лондона Стэндиш перенес ее прямо в Мамфе, она жила здесь всего полгода, но это было такое милое и кроткое создание и она воспринимала все и всех с таким спокойствием и добродушием, что казалось — приди к ней с дикой головной болью, и ее маленькая пухлая ручка, коснувшись вашего лба, произведет такое же действие, как носовой платок, смоченный одеколоном.

— Джерри, — приветствовал меня тонкий голосок, — это так интересно, ты согласен?

— Для тебя — возможно, — ответил я, — но для Мартина — мука мученическая.

— Но ведь сам губернатор! Может быть, это обернется повышением для Мартина, а там и для Алека.

— Если все организовать как следует, — сказал я. — Мы собираем военный совет именно для того, чтобы предупредить какие-либо происшествия. Сама знаешь, с Мартином вечно что-нибудь случается...

Решив, что я приготовился рассказать ту жуткую историю с уборной, Мартин замахал руками, чтобы остановить меня, и конечно же сшиб со стола свой стакан с пивом.

— Виноват, сэр, — сказал Амос.

У камерунцев восхитительная привычка говорить «виноват, сэр», когда с вами случается неприятность, как будто это их вина. Например, вы, идя во главе колонны носильщиков, споткнулись в лесу о корень и ушибли колено, тут же одно за другим зазвучат «виноват, сэр», «виноват, сэр», «виноват, сэр», отдаваясь, словно эхо, до самого конца колонны.

— Поняла, о чем я говорю? — повернулся я к Мэри, меж тем как Амос вытирал пол и подавал Мартину другой стакан.

— Поняла,— откликнулась она.

Ожидая, когда придут остальные, мы задумчиво потягивали пиво и слушали, как в реке в ста метрах внизу кряхтят, режут и фыркают бегемоты.

Наконец явился Макгрэйд, ирландец могучего телосложения, с пламенной шевелюрой и ярко-голубыми глазами, обладатель прелестного ирландского акцента, мягкого как бархат. Водрузив свою тушу на стул, он схватил стакан Мартина, сделал добрый глоток и сказал:

— Значит, ожидаешь королевского визита?

— Что-то вроде того,— ответил Мартин.— И верни мне, пожалуйста, мое пиво, я в нем остро нуждаюсь.

— Он прибудет по суше? — тревожно осведомился Макгрэйд.

— Наверно. А что?

— А то, что наш старый мост долго не протянет. Боюсь, если он пойдет через мост, придется нам хоронить его здесь.

Речь шла о переброшенном в начале века через реку железном висячем мосте. Я сам не раз ходил по нему и знал, что он весьма ненадежен, но только этим путем мог я попасть в лес, а потому всегда следил за тем, чтобы носильщики шли по одному. Кстати, пророчество Макгрэйда оправдалось: через несколько месяцев спустилась с гор, неся на голове мешки с рисом, группа африканцев, которые двинулись через мост все разом, и он не выдержал такой нагрузки, так что люди полетели вниз в ущелье глубиной около трех десятков метров. Но африканцы чем-то похожи на греков, они спокойно относятся к неожиданным инцидентам такого рода. Ни один носильщик не пострадал, и только потеря риса вызвала у них досаду.

— Но как же он попадет к нам с той стороны? — Мартин беспокойно посмотрел на нас.— Его ведь сопровождают носильщики.

Макгрэйд наклонился и погладил его по голове:

— Я пошутил. Все дороги и все мосты, по которым он должен пройти, чтобы попасть сюда, в полном порядке. Хочешь, чтобы работа была выполнена качественно, поручи ее ирландцу.

— Ну вот,—заметил я,— теперь среди нас есть еще и католик, в дополнение к Пайесу и Иисусу.

— А ты,— сказал Макгрэйд, нежно улыбаясь мне и ероша свою рыжую шевелюру,— чертов языческий зверолов, вот ты кто.

— А ты,— парировал я,— проводишь больше времени в твоей чертовой исповедальне, чем за ремонтом здешних отвратительных дорог и мостов.

В эту минуту появился Робин Гэртон — смуглый коротыш с орлиным носом и большими карими глазами, от мечтательного выражения которых вам казалось, что его мысли витают где-то очень далеко. На самом деле это был, как и все сотрудники «Объединенной Африканской компании», с которыми я встречался, весьма проницательный деятель. Он не открывал рта без крайней нужды, обычно сидел с таким видом, словно погрузился в транс, чтобы вдруг тихим голосом жителя северной Англии выдать краткое, умное, дельное замечание, подытоживая все, о чем полтора часа спорили другие. Это производило ошеломляющее впечатление.

Робин сел, приняв элегантную позу, согласился выпить стакан пива и обвел присутствующих взглядом.

— Правда, это интересно? — горячо произнесла Мэри. Робин сделал глоток и важно кивнул.

— Насколько я понимаю, нас пригласили сюда, чтобы мы выполнили за Мартина его работу.

— Ну, знаешь,— возмутилась Мэри.

— Если ты явился сюда в таком настроении, лучше сразу уходи,— сказал Мартин.

— Мы все уйдем, когда кончится пиво,— возразил Макгрэйд.

— Как понимать твои слова насчет того, чтобы выполнить за меня мою работу? — осведомился Мартин.

— А вот как,— ответил Робин.— Я приношу гораздо больше пользы здешнему люду, продавая им бобы в банках и расписанные самолетами хлопчатобумажные ткани, чем ты, когда носишься кругом и вешаешь налево и направо людей за убийство своих бабушек, которые, надо думать, ничего, кроме смерти, не заслуживают.

— С того дня, как меня прислали сюда, еще никого не повесил,— заявил Мартин.

— Удивительная новость,— откликнулся Робин.— Ты так скверно управляешь этим округом, что я думал — ни одна неделя не обходится без виселицы.

Послушать их, можно было подумать, что они ненавидят друг друга, на самом же деле они были закадычные друзья. Живя в таком маленьком европейском коллективе, следовало уметь ладить с людьми одного с тобой цвета кожи. И не из-за каких-то расовых барьеров, просто в ту пору многочисленные весьма умные африканцы, живущие в Мамфе или посещающие этот городок, с присущим им тактом избегали смешиваться с белыми, чтобы не создавать тягостных для обеих сторон ситуаций.

Чувствуя, что самое время призвать собравшихся к порядку, я вооружился бутылкой и постучал ею по столу. Из кухни донеслись дружные возгласы: «Да, сэр», «Иду, сэр».

— Первый разумный поступок с той минуты, как я пришел,— заметил Робин.

Появился Пайес, неся на подносе подкрепление, и когда все стаканы были наполнены, я объявил:

— Прошу собравшихся соблюдать порядок.

— Господи,— мягко произнес Робин,— какие диктаторские замашки.

— Дело в том,— продолжал я,— что хотя мы все знаем Мартина как чудеснейшего парня, он никуда не годится как начальник окружной администрации и, что еще хуже, совершенно лишен светского лоска.

— Что верно, то верно,— жалобно подтвердил Мартин.

— Абсолютно справедливое суждение,— сказал Робин.

— А я считаю, что вы слишком жестоки по отношению к Мартину,— возразила Мэри.— По-моему, он очень хороший администратор.

— Ладно,— поспешил я вмешаться,— не будем уточнять. Цель настоящего военного совета заключается в следующем. Пока Мартин займется наведением порядка в округе, мы возьмем на себя заботу о приеме гостя, чтобы все прошло без сучка без задоринки. Для начала я осмотрел дом и назначил Пайеса руководить обслугой Мартина.

— Это один из тех редких случаев, когда тебя на миг посещают гениальные мысли,— заметил Макгрэйд.— Что

можно объяснить только наличием крохотной капли ирландской крови в твоих венах. Я давно завидую тебе, что ты обзавелся таким буфетчиком.

— И продолжай завидовать, — отозвался я. — Тебе не удастся его заполучить. Я слишком дорожу им. Теперь — о еде. Тут, я думаю, мы можем положиться на помощь Мэри.

Мэри зарделась как розовый бутон.

— Конечно, конечно, — сказала она. — Все будет сделано. Что у тебя намечено?

— Мартин, — поинтересовался я, — насколько я понимаю, он задержится здесь всего на один день, так что нам следует предусмотреть только три трапезы. В котором часу он прибывает?

— Думаю, что-нибудь около семи-восьми часов, — ответил Мартин.

— Ясно, — заключил я. — Что ты можешь предложить, Мэри?

— Ну, авокадо сейчас очень хороши, — ответила она. — Если фаршировать их креветками и приготовить соответствующую приправу — у меня как раз есть рецепт...

— Мэри, дорогая, — перебил ее Робин. — У меня нет на складе консервированных креветок, и, если ты полагаешь, что ближайшие два дня я стану бродить по колону в воде с сеткой для ловли креветок, подвергая себя опасности атак со стороны бегемотов, ты глубоко заблуждаешься.

— Ладно, — вмешался я, — остановимся просто на авокадо. Что он предпочитает — чай или кофе?

— Право, не знаю, — сказал Мартин. — Понимаешь, мы в тот раз не успели поближе узнать друг друга, так что я ничего не могу сообщить о его вкусах.

— Хорошо, приготовим и то и другое.

— И еще, — взволнованно добавила Мэри, — что-нибудь простенькое — омлет, например.

Мартин сосредоточенно записывал все в блокнот.

— Ну и хватит ему на первых порах, — сказал я. — Очевидно, тебе надлежит провести его по городу, познакомиться с обстановкой?

— Да, — ответил Мартин, — с этим все будет в порядке.

Мы все наклонились и пристально посмотрели на него.

— Ты уверен? — спросил я.

— Конечно, уверен. Честное слово, тут я все подготовил. Вот только этот чертов прием...

— Ясно,— продолжал я.— Вероятно, он пожелает также проверить некоторые окрестные селения?

— Обязательно,— подтвердил Мартин.— Он обожает всюду совать свой нос.

— В таком случае, я предложил бы ленч на природе. Не станет же человек требовать от ленча на природе таких же яств, как в роскошном ресторане?

— В этой глуши,— вступил Робин,— все наши трапезы подобны ленчам на природе, так что вряд ли он сильно удивится.

— Я позабочусь о ленче,— заверила Мэри.— У меня есть козий окорок, его можно есть холодным. А еще могу предложить латук. Наш бой, бедняга, забыл поливать его, так что почти весь урожай пропал, но, думаю, двух уцелевших пучков нам хватит. Они малость вялые, но все-таки годятся для салата.

Мартин и это старательно записал.

— А что на десерт? — беспокойно осведомился он.

— Что вы скажете о сур-сур? — предложил я.

Так мы называли диковинный плод, похожий на шишковатую дыню с белой сочной мякотью. Если взбить эту мякоть, получалось освежающее блюдо с нежным лимонным привкусом.

— Отлично,— заключила Мэри.— Прекрасная идея.

— Ну так, с завтраком и ленчем все ясно,— продолжал я.— Дальше у нас идет обед, чрезвычайно важное мероприятие. Я обнаружил, что у Мартина роскошная столовая.

— У Мартина есть столовая? — удивился Макгрэйд.

— Ну да, и притом совершенно роскошная.

— Но тогда почему,— осведомился Макгрэйд,— в тех редких случаях, когда этот скряга приглашает нас отобедать, мы вынуждены есть на веранде, точно какие-нибудь бродячие протестанты?

— Сейчас не время выяснять, что и почему,— сказал я,— лучше пойдем посмотрим.

И мы торжественно проследовали в столовую. Я с удовольствием отметил, что Пайес (когда он только успел?) уже отполировал стол и стулья до блеска. Столешница отражала ваше лицо так, словно вы смотрели на поверхность тихого пруда с коричневой водой.

— О, восхитительно! — воскликнула Мэри. — Мартин, ты никогда не говорил нам, что у тебя есть такая комната.

— Стол действительно великолепный, — заметил Макгрэйд, ударяя по нему кулачищем с такой силой, что я испугался, как бы столешница не раскололась пополам.

— Право, здесь можно устроить замечательный обед, — сказала Мэри. — *Изумительная обстановка.* Сюда бы еще канделябры.

Только я собрался призвать ее не усложнять наши проблемы, как Робин вдруг объявил:

— У меня есть четыре штуки.

Мы удивленно воззрились на него.

— Конечно, — продолжал он, — они не серебряные и не очень шикарные, но это вполне приличная бронза, я купил их в Кано. Их не мешает почистить, а так-то смотрятся недурно.

— Чудесно, — просияла Мэри. — Обед при свечах! Он будет доволен.

— Если почтенному ирландскому католику дозволено вставить словечко в трескотню говорливых язычников, — сказал Макгрэйд, — хотел бы задать один вопрос.

Мы выжидательно посмотрели на него.

— Откуда мы возьмем свечи?

— Боже, я совсем не подумала об этом, — всколыхнулась Мэри. — Нельзя же ставить канделябры без свечей.

— Хотел бы я знать, почему это люди всегда склонны недооценивать мой интеллект, — сказал Робин. — Я купил канделябры потому, что они мне понравились и я собирался пользоваться ими. Дом, который я сейчас занимаю, не располагает к подобного рода средневековому шику, однако я предусмотрительно запасся значительным количеством свечей, и они постепенно тают в шкафу с тех пор, как меня перевели в Мамфе. Если они еще не расплавились совершенно, не слились в один комок, может быть, нам удастся еще спасти две-три штуки. Словом, предоставьте мне заняться этой проблемой.

Зная Робина, мы не сомневались, что свечи вовсе не обратились в сплошной безобразный ком стеарина; я был уверен, что он проверяет их не меньше четырех раз в день.

— Ну так, Мэри, — сказал я, — ты возьмешься украсить столовую цветами?

— Украсить цветами? — опешил Мартин.

— А как же, — откликнулся я. — Несколько букетиков бегонии или каких-нибудь других цветов, развешанных на стенах, придадут нарядный вид помещению.

— Вот это как раз сейчас непросто, — сообщила Мэри. — С цветами дело плохо обстоит. Разве что гибискус...

— Пресвятая Дева, — сказал Макгрэйд, — этот чертов гибискус все время окружает нас. Ничего себе украшение. Это все равно что превратить дом в чертовы джунгли.

— Ладно, — вступил я. — У меня есть охотник, мастер лазить на деревья, и на днях он принес мне не только животных, но и чудесную орхидею, которую сорвал на самой макушке. Я вызову его и пошлю в лес, пусть поищет для нас орхидеи и еще что-нибудь. А ты, дорогая Мэри, украсишь ими помещение.

— О, я обожаю это занятие, — ответила Мэри. — И если будут орхидеи, получится просто замечательно.

Мартин продолжал лихорадочно черкать что-то в своем блокноте.

— Ну, — обратился я к нему, — что у нас уже сделано?

— Значит, так, — сообщил он, — мы проверили кровати и прочую мебель, решили вопрос с обслуживанием и с завтраком. Мэри организует ленч на природе и займется цветами, вот пока и все.

— Напитки, — сказал я.

— Не вижу причин для беспокойства, — заявил Робин. — Поскольку в моем распоряжении единственная торговая точка, снабжающая вас этим товаром, я давно установил, что Мартин — запойный пьяница, и могу с точностью до одной бутылки сказать, чем он располагает.

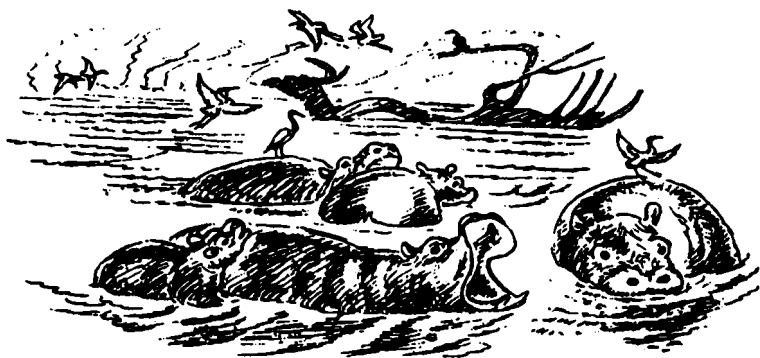
Он поглядел меланхолично на свой пустой стакан и добавил:

— Никогда не любил скупердяев.

— Остановись, ради Бога, — взмолился Мартин. — Если хочешь еще пива, позови Амоса.

— Тише, дети, — вмешался я. — Вернемся лучше на веранду и попробуем перекричать занятых брачными играми бегемотов — нам еще предстоит обсудить самое важное.

Возвратясь на веранду, мы наполнили наши стаканы и с минуту посидели молча, слушая чудные звуки вечернего африканского леса. В воздухе мелькали изумрудно-зеленые

светлячки, цикады и сверчки исполняли сложные фуги, время от времени со дна ущелья к нам доносилось хрюканье, мычанье или рев бегемота.

— Если я верно представляю себе вашу психологию, заблудшие, нечестивые протестанты, — произнес Макгрэйд, опустошая свой стакан и ставя его на стол с явной надеждой на добавку, — то под самым важным вы подразумеваете обед.

— Вот именно, — дружно ответили мы с Мартином.

В таком отдаленном поселении, как Мамфе, когда прибывало высокопоставленное лицо вроде губернатора, само собой полагалось приглашать на обед всех белых жителей.

— И я думаю, Мэри тут проявит себя в полном блеске, — продолжил я.

— Конечно, конечно, — отозвалась Мэри. — Можете положиться на меня. Сколько блюд должно быть — четыре, пять?

— Не желая останавливаться на оскорбительном выпаде этого католика, — сказал Робин, — выскажусь по существу. Должен признаться, поскольку река сильно обмелела и пароход не пришел, у меня с запасами не густо. Но если предвидится участие Макгрэйда в этом обеде, предлагаю выделить ему тарелку сладкого картофеля. Насколько я понимаю, это основная пища большинства ирландских католиков.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я страдаю ожирением? — спросил Макгрэйд.

— Нет, — ответил Робин, — ты страдаешь словоблудием.

Я стукнул по столу бутылкой.

— Призываю к порядку! Мы собрались здесь не затем, чтобы обсуждать физические и духовные изъяны друг друга, нам нужно разработать меню.

— Ну так,— сказала Мэри,— думаю, нам следует начать с закуски. Что-нибудь аппетитное, возбуждающее вкусовые сосочки.

— Господи,— произнес Макгрэйд,— я живу здесь уже три года и за все это время ничто не возбуждало меня и мои сосочки.

— Но если у нас будут канделябры и все такое прочее, то и пища должна быть соответствующая,— настаивала Мэри.

— Сердце мое,— сказал Макгрэйд,— я всецело согласен с тобой. Но поскольку здесь нет продуктов, я просто не представляю себе, как ты приготовишь пять блюд, если этот убудок из «Объединенной Африканской компании» посадил свой пароход на мель и может предложить нам разве что пару банок консервированных бобов.

Чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, я опять стукнул по столу бутылкой. Тотчас из кухни донеслось дружное «да, сэр», и появились новые порции пива.

— Давайте остановимся на трех блюдах,— предложил я,— и пусть они будут возможно более простыми.

— Тогда на первое,— горячо произнесла Мэри,— подадим суфле.

— Иисус не умеет готовить суфле,— возразил Мартин.

— Кто? — удивилась Мэри.

— Иисус, мой повар.

— Впервые слышу, что твоего повара звать Иисус,— заявил Макгрэйд.— Почему ты не возвестил на весь мир, что он воскрес?

— Понимаешь, он воскрес в весьма своеобразном облике,— сообщил Робин.— Трехметрового роста африканец из племени хауса с глубокими племенными клеймами на щеках, выглядит так, словно вот-вот отдаст концы, и готовит отвратительно.

— Вот-вот,— подхватил Мартин.— Так что суфле не будет.

— Как насчет кусочка оленины? — вопросительно посмотрел на меня Робин.

— Как бы мне ни хотелось выручить Мартина,— сказал я,— не ждите, чтобы я по случаю приезда губернатора пустил под нож моих телят дукера.

— Что вы скажете о гренках с яйцом пашот? — спросил Макгрэйд, который допивал пятую бутылку пива и с трудом соображал, какую важную тему мы обсуждаем.

— Боюсь, все это недостаточно изысканно,— посчитала Мэри.— Сами знаете, губернатор любит, чтобы его обихаживали.

— Вот что,— вступил я,— вы когда-нибудь ели копченого дикобраза?

— Нет,— последовал дружный ответ.

— Так вот, это дивное блюдо, если как следует приготовить. Один охотник постоянно приносит мне дикобразов на продажу, но он ловит их этими ужасными петлями из стального тросика, которые калечат животных, а потому я покупаю их и избавляю от страданий, после чего скапливаю мясо моим животным. Однако иногда я отдаю дикобразов одному старику по имени Иосиф,— кажется, наш военный совет скоро уподобится духовному синклиту,— и он коптит мясо, используя какие-то особые, неизвестные травы и дрова. Получается нечто восхитительное.

— И ты, протестантская свинья,— возмутился Макгрэйд,— держал это в тайне от нас.

— Только потому, что на всех все равно не хватит дикобразов,— парировал я.— Но как раз сегодня мне принесли двух, которые были так сильно искалечены, что пришлось пустить их под нож. Я думал скормить моим подопечным, однако, учитывая чрезвычайные обстоятельства, мог бы передать их для обработки Иосифу, и у нас будет, что положить на гренки.

— Я все больше убеждаюсь,— объявил Макгрэйд,— что в твоих жилах есть ирландская кровь. Идея блестящая.

— Но разве можно кормить губернатора мясом дикобраза,— ужаснулась Мэри.

— Мэри, дорогая,— сказал я,— а ты не говори ему, что это дикобраз. Скажи, что это оленина. Это копчение придает мясу такой изысканный вкус, что даже губернатор не отличит его от оленины.

Мартин снова заглянул в свой блокнот.

— Хорошо, а что будет у нас напоследки?

— Могу я попросить тебя выражаться более литературным языком? — спросил Робин.— А то я сразу вспоминаю

Уэртинг, где мне, к несчастью, довелось расти. Очевидно, ты хотел сказать: «Что у нас будет на второе и на третье?»

— Пожалуйста, перестаньте критиковать Мартина,— взмолилась Мэри.— Мы собрались, чтобы помочь ему.

Робин поднял стакан, салютуя ей.

— Пресвятая Мэри, я преклоняюсь перед тобой по ряду причин, но главная заключается в том, что я желал бы, прежде чем мы разойдемся, измерить глубины твоего неведения.

— До чего же вы, мужчины, глупы,— сердито сказала Мэри.— Я думала, нам надлежит обсудить, что еще подавать на стол.

— Давайте исходить из предположения,— вступил Макгрэйд,— что он отдаст концы после копченого дикобраза и никакие другие блюда не понадобятся.

— Ты что,— воскликнул Мартин, приняв его слова за чистую монету,— такой вариант исключается.

— Поминки,— не унимался Макгрэйд.— Ничто так не облегчает душу, как добрые ирландские поминки.

— Ну хватит,— сказал я.— Помолчите и послушайте меня. Итак, мы начинаем копченым дикобразом. Затем — тушеное мясо с арахисовым соусом.

Общий стон.

— Но мы только и едим, что арахис,— заявил Робин.— Это наша основная пища.

— Да нет же,— горячо возразил Мартин.— Я недаром купил Иисусу поварской колпак.

Мясо с арахисовым соусом в чем-то похоже на ирландскую тушеную баранину с луком и картофелем. Тушите любое мясо, каким располагаете, поливаете густым соусом из дробленых земляных орехов и подаете вместе с маленькими порциями различного гарнира. Может получиться очень вкусно, а может и так, что в рот не возьмешь.

— Что ж,— заключил я,— если Иисус мастер готовить мясо с арахисом, то Пайес бесподобно делает гарниры. Стало быть, проблема главного блюда решена.

— Ну а на сладкое чем мы богаты? — осведомился Робин. Мы подумали, посмотрели друг на друга.

— Придется, пожалуй, обратиться к испытанной, старой палочке-выручалочке,— безнадежно молвила Мэри.

— Ясно,— сказал Макгрэйд.— Фруктовый салат.

Это блюдо тоже было неременной частью нашего стола.

— Да, пожалуй, ничего другого не остается,— уныло протянул Робин.

— Как раз сейчас поспело много чудесных фруктов,— сказала Мэри.— Постараемся придумать что-нибудь совсем особенное.

— Отлично,— подвел я итог.— Значит, с этим вопросом мы разобрались.

— Дальше — чай и кофе на веранде, после чего постараемся возможно раньше уложить старую переносную кровать в постель,— добавил Макгрэйд.

— Надеюсь,— сурово произнес Мартин,— ты не станешь слишком напиваться, не позволишь твоей ирландской натуре проявиться во всей красе. Это может весь вечер испортить.

— Я буду образцом пристойности,— заверил Макгрэйд.— Вы сможете невооруженным глазом наблюдать нимб вокруг моей головы, когда я стану рассказывать ему о всех развалившихся мостах и о дорогах, нуждающихся в ремонте.

— Не смей говорить ничего такого,— забеспокоился Мартин.— Мой долг убедить его, что в нашем округе царит образцовый порядок.

— Подумаешь, какой дурью мы маялись тут сегодня вечером,— меланхолично заметил Робин,— невольно спросишь себя — и как только Англия ухитрилась править своей империей, если все англичане вели себя в таком духе. Тем не менее я пошел к себе готовить канделябры.

Он поднялся на ноги и вышел, однако тут же снова возник.

— Кстати,— сказал он,— у меня нет белой бабочки и фрака. Это очень важно?

— Да нет,— отозвался Мартин,— ничего страшного. Приходи в пиджаке и при галстуке, и через каких-нибудь пять минут жара все равно заставит всех рассупониться. Главное *прийти* одетым по форме.

«Господи»,— подумал я. Единственный галстук, которым я успел обзавестись к тому времени, лежал в чемодане в пятистах километрах от Мамфе. Впрочем, эта проблема была не такая уж сложная, и я справился с ней на следующий день.

После того как Пайес принес мне утреннюю чашку чаю и я освободил свою постель от одной белки, четырех мангустов и шимпанзенка, которые разделяли ложе со мной, как им казалось, из нежной привязанности к ним, тогда как я просто оберегал их от простуды, итак, после

всего этого я велел Пайесу сходить на базар и купить мне галстук.

— Есть, сэр, — ответил он и, отдав необходимые распоряжения прочей обслуге, важно зашагал в город, чтобы вернуться через некоторое время с таким психоделическим галстуком, что это изделие, по моему мнению, могло произвести пагубное воздействие на органы зрения губернатора. Хотя Пайес уверял меня, что выбрал самый тусклый экземпляр, и я вынужден был поверить ему на слово.

Надо ли говорить, что последующие два дня все мы жутко нервничали. Макгрэйд, который так гордился своими дорогами и мостами, обнаружил, что дорожка, ведущая к дому Мартина, изобилует рытвинами. Пришлось ему мобилизовать всех заключенных местной тюрьмы, чтобы они засыпали выбоины и обновили гравийный покров, после чего жилище Мартина вполне можно было сравнить с небольшой, но весьма шикарной загородной усадьбой. Я сходил к моему знакомому старику Иосифу и уговорил его закоптить для меня двух дикобразов, поговорил также с моим охотником, который пообещал накануне приезда губернатора сходить в лес за цветами. Робин обшарил склады «Объединенной Африканской компании» и пришел в отчаяние, не найдя ничего заслуживающего внимания; пароход так и не смог подняться вверх по реке, и нигде было взять изысканные деликатесы, которые было бы не стыдно предложить губернатору. И как же он гордился, обнаружив под конец оставшиеся после его предшественника и невесть как вообще попавшие в наши края три баночки икры.

— Не знаю даже, что из этого выйдет, — заметил он, мрачно созерцая свою находку. — Эти банки пролежали здесь не меньше трех лет. Как бы нам не отравиться насмерть трупным ядом, но все-таки — икра.

Мэри, выяснив, что в доме Мартина нет ни одной вазы для цветов, догадалась сходить на базар и купить пять довольно изящных сосудов из тыквы-горлянки. Кроме того, она в сотрудничестве с Иисусом испытала полтора десятка разных способов приготовления суфле; результаты были самые плачевные, и мы безжалостно забраковали их.

Поскольку Пайес почти все время трудился у Мартина, я не сомневался, что он отлично справится со своей за-

дачей, пусть даже Иисус воспримет это как личное оскорбление.

Вечером накануне прибытия губернатора мы снова устроили военный совет, чтобы проверить состояние наших дел, и убедились, что все идет как по маслу. Сырокопченые дикобразы пахли восхитительно. Мой друг-охотник принес из леса целую охапку орхидей и прочих растений; Мэри держала их у себя в уборной — самом прохладном помещении в доме. Отважившись на эксперимент, мы открыли одну баночку с икрой и с удивлением обнаружили, что она вполне съедобна; сверх того, Робин где-то откопал пачку мелкого печенья, которое, посчитали мы, вместе с арахисом годилось вприкуску к напиткам перед обедом. Начищенные до блеска бронзовые канделябры Робина украсили бы любую, самую роскошную столовую. Я даже позавидовал ему. Нашлись у него и свечи, притом в таком количестве, что их, как пронизательно заметил Макгрэйд, хватило бы для освещения всего государства-города Ватикан.

Мы с такой страстью занялись всеми этими приготовлениями отчасти из любви к Мартину, но в такой же мере обуреваемые чувством, какое владеет детьми перед Рождеством. Изюм всей нашей компании, пожалуй, я один ежедневно был занят чем-то увлекательным, поскольку мог только гадать, какими еще странными повадками удивят меня мои звери. Остальные влачили весьма тусклое существование в краю с крайне неблагоприятным климатом. А потому, хотя мы делали вид, что с ужасом думаем о предстоящем визите, и всячески проклинали высокого гостя, на самом деле все получали удовольствие от наших хлопот. Все, кроме Мартина, который с каждым часом выглядел все более несчастным.

Когда наступил решающий день, все мы как бы случайно собрались под фруктовым деревом, откуда открывался вид на подходы к резиденции Мартина. Мы нервно толковали о поведении разных животных, о росте цен на мануфактуру, о том, как непросто строить мосты, а Мэри прочла нам длинную лекцию об искусстве приготовления пищи. При этом мы совсем не слушали друг друга, так как ждали затаив дыхание появления начальства.

Наконец, к великому нашему облегчению, вдали показалась его большая роскошная машина и стремительно поднялась по дорожке к дому нашего друга.

— Слава Богу, — вымолвил Макгрэйд, — не зря я потрудился над дорожкой, эти выбоины не давали мне покоя.

Мы увидели, как выходит из дома Мартин, как выбирается из машины губернатор. Издали он походил на маленького жучка, вылезающего из большого черного кокона. Мартин выглядел безупречно. Вот он ввел губернатора в дом, и мы облегченно вздохнули.

— Я уверена, что ему понравятся авокадо, — сказала Мэри. — Представьте себе, мне пришлось перебрать сорок три штуки, отбирая самые хорошие плоды.

— И мои выбоины не подвели, — гордо повторил Макгрэйд. — Только ирландцу по плечу такая задача.

— Подожди, когда настанет очередь икры, — вступил Робин. — На мой взгляд, это будет кульминация сегодняшнего вечера.

— А как насчет копченого дикобраза? — не выдержал я.

— А мои цветы? — сказала Мэри. — Послушать тебя, Робин, так можно подумать, ты один все сделал.

— А что, — отозвался Робин, — так оно и есть, мой ум сыграл не последнюю роль.

После чего мы разошлись по домам, где нас ожидал поздний завтрак. До самого вечера мы ничем не могли помочь Мартину, однако, зная его добросовестность, не сомневались, что губернатор вряд ли найдет к чему придраться в деятельности начальника окружной администрации.

В пять часов (меня только что укусила за палец негодующая сумчатая крыса, которую я осматривал, проверяя — не беременна ли она) у самого моего локтя материализовался Пайес.

— Сэр, — сказал он.

— Ну что там еще, — отозвался я, облизывая кровотокащий палец.

— Ванна готова, сэр.

— Какая, к черту, может быть ванна в это время дня? Я совершенно забыл, какое важное событие ждет меня. Пайес удивленно посмотрел на меня.

— В шесть часов вам надо быть в доме начальника окружной администрации, сэр, — сказал он.

— Черт возьми, совсем из головы вылетело. Ты приготовил мне одежду?

— Да, сэр. Младший бой погладить ваш брюки. Чистая рубашка, сэр. Пиджак готов и галстук тоже.

— Силы небесные,— выдохнул я, поймав себя на оплошности.— Кажется, я не привез с собой носков.

— Я купить вам носки, сэр, на базар, сэр,— ответил Пайес.— Я почистить ваш ботинки.

Неохотно оторвавшись от своих исследований, я отправился принимать ванну в таком парусиновом гробу, наполненном теплой водой. Несмотря на это омовение и на близость вечера, после ванны я продолжал обливаться потом. Шлепнулся на стул, надеясь хотя бы немного остыть и поразмыслить о том, что мне предстояло. От ужасающей перспективы, открывшейся мысленному взору, меня бросило в дрожь.

— Пайес! — крикнул я.

— Сэр,— отозвался он.

— Принеси чего-нибудь выпить.

— Пива, сэр?

— Нет,— сказал я,— хорошую порцию виски с водой.

Подкрепившись, я малость повеселел. Тщательно оделся; правда, из-за жары и пота прекрасно выстиранная жемчужно-белая рубашка почти сразу стала серой и влажной. Купленные Пайесом цветастые носки образовали чудовищное сочетание с галстуком. Пиджак я не стал надевать, только накинул на одно плечо, зная, что в конце подъема к дому Мартина буду выглядеть, словно тюлень, поднявшийся из глубины вод. Пайес сопровождал меня.

— Ты уверен, что все в порядке? — осведомился я.

— Да, сэр,— ответил он.— Но бои наш администратор совсем плохой бои.

— Знаю. Потому и поручил тебе заняться этим делом.

— Да, сэр. Пожалуйста, сэр. Иисус помешаться.

«Господи,— подумал я,— что там еще приключилось?»

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Он хороший человек,— серьезно сказал Пайес.— Но он старый человек, и, когда нужно делать такой вещи, он помешаться.

— Ты хочешь сказать, он чего-то боится?

— Да, сэр.

— И ты думаешь, он может приготовить плохую еду?

— Да, сэр.

— И как же ты предлагаешь нам поступить?

— Я послать туда наш повар, сэр,— сказал Пайес.— Он помогать Иисусу, и тогда Иисус быть в порядке.

— Отлично,— отозвался я.— Прекрасная идея.

Пайес гордо улыбнулся. С минуту мы шли молча.

— Пожалуйста, сэр.

— Что тебе? — раздраженно спросил я.

— Еще я послать наш младший бой, сэр. Тот младший бой хороший, но Амос его не учить.

— Замечательно. Я предложу премьер-министру включить тебя в список кандидатов на награды по случаю Нового года.

— Спасибо, сэр.

Конечно, он ничего не понял из моей тирады, однако воспринял ее как полное одобрение решений, принятых им по собственному почину.

Когда мы дошли до резиденции Мартина, Пайес, облаченный в нарядную униформу с латунными пуговицами, за которую я уплатил непомерную цену и которой ему так редко доводилось похвастаться, покинул меня и удалился в сторону кухни.

Парадная дверь была открыта, и рядом с ней стоял мой младший бой в тщательно выстиранных и выглаженных шортах и жакете, способных поспорить белизной с девственной швейцарской лыжной трассой.

— Здравствуйте, сэр,— приветствовал он меня с лучезарной улыбкой.

— Здравствуй, Бен, и постарайся как следует поработать сегодня вечером, не то я убью тебя завтра.

— Да, сэр,— продолжал он улыбаться.

Я обнаружил, что по причине медлительности, с которой я принимал ванну, подкреплялся виски и облачался в совершенно не подходящую к местному климату одежду, остальные опередили меня и успели разместиться на веранде.

— О,— воскликнул Мартин, живо вставая со стула и устремляясь мне навстречу,— я уже думал, ты не придешь.

— Дружище,— прошептал я,— разве мог я бросить тебя в беде.

— Позволь представить тебя.— Он подвел меня к собравшейся компании: — Мистер Федэстэн Хью, губернатор.

Мистер Федэстэн был мелковатый мужчина с лицом, напоминающим скверно приготовленный мясной пирог, редющей седой шевелюрой и светло-голубыми острыми глазами. Поднявшись со стула, он поздоровался со мной, и сила его рукопожатия поразила меня, потому что с первого взгляда он показался мне бесцветным субъектом из тех, что отличаются скорее политическим нюхом, чем глубокой интуицией.

— А, Даррелл,— сказал он,— рад познакомиться.

— Простите, сэр, за опоздание,— ответил я.

— Ничего, ничего. Садитесь. Я уверен, что у Баглера здесь припасено для вас что-нибудь выпить, верно, Баглер?

— Да-да, сэр, конечно.— Мартин хлопнул в ладони, и с кухни донеслось дружное «да, сэр».

Вслед за чем, сверкая латунными пуговицами, на веранде появился Пайес.

— Сэр? — обратился он ко мне таким тоном, точно впервые увидел меня.

— Виски с водой,— сухо распорядился я, как это принято в обращении к слугам, полагая, что прибывший из Нигерии губернатор оценит мою верность британским обычаям.

Затем я быстро обвел взглядом лица собравшихся. Мэри, с широко раскрытыми глазами, ловила каждое слово губернатора. Казалось, над головой ее светятся неоновые буквы: «Уповаю на повышение моего мужа». Робин глянул на меня, подняв брови, после чего погрузился в характерное для него состояние, подобное трансу. Исполненный самодовольства Макгрэйд доброжелательно улыбнулся мне.

На длинной кушетке лежали в беспорядке галстуки и пиджаки, и от реки тянуло подобием прохладного ветерка.

— Простите, сэр,— обратился я к губернатору,— вы не станете возражать, если я, по местному обычаю, сниму пиджак и галстук?

— Конечно, конечно,— отозвался губернатор.— Забудьте об условностях. Я только что говорил Баглеру — это чисто рутинное мероприятие. Я выезжаю раз-другой в году, чтобы быть в курсе, чем тут занимаются мои парни. Проследить, чтобы они не набедокурили.

С великим облегчением я освободился от пиджака и от галстука всех цветов радуги и швырнул их на кушетку. Пайес подал мне заказанное виски и удалился,

не дожидаясь слов благодарности. В Западной Африке не было принято говорить «спасибо» слугам. А также звать их по имени. Вы просто хлопали в ладони и кричали: «Бой!»

Мое появление временно нарушило течение беседы. Было очевидно, что первенство принадлежит губернатору и никто не смеет проявлять инициативу. Задумчиво потягивая виски с водой, я спрашивал себя: какие общие интересы могут быть у меня с губернатором? И дотяну ли я до конца этого вечера без ущерба для моих умственных способностей?

— Будем здоровы,— сказал губернатор, глядя на мой стаканчик.

— Ваше здоровье, сэр,— откликнулся я.

Губернатор уселся поудобнее, утвердил свой стаканчик на ручке кресла и обвел аудиторию взглядом, убеждаясь, что все внимают его речам.

— Как я уже говорил тут, Даррелл, перед тем как вы появились, я чрезвычайно доволен тем, что наш Баглер содержит округ в отличном порядке. Сами знаете, нам, боссам, приходится иногда выбираться из дома, чтобы удостовериться, что в округах действительно все в порядке.

Сопроводив эти слова далеко не привлекательным смешком, он сделал большой глоток.

— Вы страшно добры, сэр,— сказал Мартин. И, увидев направленный на него полный страдания, умоляющий взгляд Мэри, поспешил добавить: — Но разумеется, я не смог бы ничего добиться без помощи моего превосходного помощника.

— Не надо скромничать, Баглер,— возразил губернатор.— Что ни говори, от этих помощников не только польза, бывают и помехи.

— О, что вы, заверяю вас: Стэндиш просто молодец,— заверил Мартин и лихо взмахнул рукой, опрокидывая на колени босса миску с жареными орешками.

— Виноват, сэр,— дружно воскликнули Пайес, Амос и два младших боя, которые стояли в тени наготове, словно охотничьи псы.

Окружив губернатора и приговаривая: «Виноват, сэр. Виноват, сэр», они сгребли обратно в миску жирные орешки с чистых брюк губернатора и поспешно унесли на кухню.

— Извините, ради Бога, извините, сэр,— вымолвил Мартин.

— Пустяки, несчастный случай,— сказал губернатор, созерцая пятна на своих брюках.— С кем не бывает. А вообще-то с тобой это не первый раз, верно? Как называется то селение, где я навещал тебя?

— Верно, верно,— поспешно перебил его Мартин.— И я страшно сожалею о том случае, но то было сплошное недоразумение, понимаете. Заверяю вас, здесь уборная в полном порядке.

Макгрэйд, Робин и Мэри озадаченно переглядывались, им явно было невдомек, о чем идет речь.

— Ну ладно,— губернатор еще раз посмотрел на жирные пятна на брюках,— как я уже говорил — сдается мне, что Баглер отлично потруился.

Он сделал паузу, отхлебнул еще джина.

— И конечно же,— обратился он к Мэри с нарочитым поклоном,— при вашей помощи и помощи вашего супруга. Да, Баглер просто молодец. Дороги и мосты, судя по всему, в превосходном состоянии.

Он поглядел на Макгрэйда.

— Спасибо, сэр,— отозвался тот с притворной учтивостью.

— И насколько я понимаю,— губернатор повернулся к Робину,— хотя вы, снабженцы, не подчиняетесь нам, боссам, именно вам мы обязаны этой изумительной икрой. Великая редкость здесь в Мамфе.

Робин кивком поблагодарил его.

— Глубоко ценю вашу высокую оценку, сэр,— сказал он.— Поскольку, как вам отлично известно, эту икру получают от неоплодотворенных осетров.

— По-моему, здесь все отлично,— объявил губернатор.— По правде говоря, эта поездка — одна из самых лучших на моей памяти, но смотрите, не перестарайтесь, как бы кто-нибудь не обиделся на вас. Ха-ха!

Мы все почтительно рассмеялись. Я внимательно следил за уровнем джина в стаканчике губернатора, ибо заранее рассчитал все с Пайесом, зная, что мы рискуем свихнуться, если такого рода беседа затянется чересчур долго. И как только босс допил последние капли, появился, блестя своими пуговицами, Пайес и доложил Мартину:

— Иисус говорит — обед готов, сэр.

— Ага, обед.— Губернатор погладил себя по животу.— Как раз то, что надо нам, вы согласны, моя леди?

Он игриво посмотрел на Мэри.

— О, конечно,— отозвалась она, волнуясь.— Я считаю, что еда играет очень важную роль, особенно в здешнем климате.

— По правде говоря,— заявил Робин, направляясь вместе со всеми в столовую,— я всегда полагал, с биологической точки зрения, что еда играет важную роль в любом климате.

К счастью, губернатор не слышал это его утверждение.

Мартин схватил меня за плечо и лихорадочно прошептал на ухо:

— Как их рассадить?

— Посади Мэри у одного конца стола, губернатора у другого.

— Хорошо,— сказал он.— И мне пришла в голову отличная мысль.

— Господи,— выдохнул я.— Что еще ты придумал?

— Не беспокойся, все в полном порядке. Просто вы все так здорово помогли мне, и я захотел сам хоть что-то придумать. Я наладил опахало, и сын Амоса на кухне будет дергать за веревочку, чтобы воздух в столовой был посвежее.

— А мы явно хорошо действуем на тебя, Мартин. Глядишь, в конце концов ты станешь мастак по части проведения приемов. Ладно, ступай проследи, чтобы все заняли положенные места.

— Беда в том, что нас нечетное число,— сказал Мартин.

— Ничего. Главное — посадить Мэри у одного конца, а губернатора у другого, остальных рассаживай так, чтобы казалось, будто нас целая куча.

Ничего не скажешь — столовая выглядела великолепно. Стол и стулья при свечах поблескивали, точно свежие каштаны. Три канделябра выстроились по центру стола, четвертый стоял на массивном буфете. Пайес славно потруился. Приборы и фарфор сверкали. «Если губернатор не придет в восторг,— подумал я,— значит, его вообще ничем не поразишь».

Мы заняли места, и Пайес, который явно верховодил Амосом и младшим боем Иоанном, разнес всем напитки.

— Видит Бог,— произнес губернатор, глядя на поблескивающие канделябры, полированный стол и плавно покачивающееся опахало,— ты здесь недурно устроился, Баглер, а? Не дом, а правительственная резиденция, а?

— Ну что вы, сэр,— поспешно отозвался Мартин, явно испугавшись, что губернатор подозревает его в чрезмерной расточительности.— Мы совсем не каждый день обедаем вот так. Обычно едим в обстановке, которую я назвал бы походной, если это вам что-то говорит. Но сегодня особый случай.

— Совершенно верно,— сказал губернатор.— Я тебя отлично понимаю.

Пайес, с почтительными манерами, не хуже старшего официанта какого-нибудь роскошного лондонского ресторана, подал квадратные ломтики копченого дикобраза на грилях.

— Силы небесные,— воскликнул губернатор,— что это такое?

С языка Мартина, чьи нервы явно были на пределе, едва не сорвалось «дикобраз», но Мэри опередила его.

— А вот вы отведайте и попробуйте угадать,— произнесла она спокойным, безмятежным голосом.

Дикобраз был, в чем я не сомневался, великолепен. Губернатор уписывал его с явным удовольствием.

— Ха! — вымолвил он, управившись со своей порцией.— Меня не проведешь! Оленина — точно?

Облегчение, написанное на лице Мартина, чуть все не испортило, но Мэри снова пришла на выручку.

— Надо же — в самую точку попали. Мы-то думали, вам ни за что не угадать, ведь она приготовлена особым способом.

— Меня такими штуками не проведешь,— приосанился губернатор.— Не забывайте, когда-то и я был помощником начальника окружной администрации, ел в походной обстановке и вел самый простой образ жизни. Чего только не приходилось есть. Мясо здешних антилоп ни с чем не спутаешь, но должен признать, что это замечательно приготовлено.

— Могу вам сообщить,— вступил я,— что мы иногда воздаем должное этому блюду, и Мартин молодец — он отыскал тут одного человечка, который знает специальный рецепт и умеет отлично коптить мясо. Так что в тех редких случаях, когда удастся добыть

оленину, Мартин любезно делится с нами, чтобы все могли насладиться.

Пока длилась эта довольно хитрая беседа, на столе перед Мэри появилось огромное блюдо с тушеным мясом под ореховым соусом, а на всем протяжении сверкающего стола возникло два десятка тарелочек с различным гарниром. Картина была великолепная.

— К сожалению, сэр, мы не смогли придумать ничего, кроме этого мяса с соусом,— заявил Мартин, с присущей ему склонностью извиняться авансом, открывая тем самым дверь для выражений недовольства противной стороне.— Но обычно мой повар превосходно готовит это блюдо.

— Знаю, знаю, есть склонность чересчур налегать на него,— отозвался губернатор.— Хотя, по правде говоря, считаю это блюдо очень хорошим, весьма питательным.

Мэри разложила тушеное мясо с рисом по тарелкам, которые Амос и Пайес торжественно расставили перед нами. Затем началась этакая игра в шахматы, когда мы сами стали выбирать себе гарниры.

Губернатор добавил к горке мяса на своей тарелке четыре больших куска розовой папайи и удовлетворенно посмотрел на этот натюрморт.

— Замечательно,— заключил он.— Просто замечательно.

Лицо Мартина малость просветлело, так как он знал, что мой повар помогал Иисусу готовить это блюдо, а потому можно было надеяться на отличный результат.

Мэри, соблюдая этикет, посмотрела на губернатора, тот важно кивнул, и она взялась за ложку и вилку. Босс следовал ее примеру, тут и мы вооружились и атаковали тарелки. Опахало над нами покачивалось, тихо поскрипывая и обдавая нас жарким дуновением.

— В жизни не ел такого вкусного мяса под ореховым соусом,— заметил губернатор, проглотив изрядный кусок.

Сидящий напротив меня Мартин сиял.

— Мартин — прекрасный организатор,— сказал Макгрэйд.

— Это точно,— подхватил Робин.— Я согласен с тобой. Боюсь, на этот раз я всех подвел.

— Подвел? — спросил губернатор.— В каком смысле подвел?

— Дело в том, что мы могли бы приготовить для вас куда более роскошную трапезу. К сожалению, река сильно

обмелела, и пароход с продуктами не дошел до нас. Так что бедняга Мартин сделал все, что только мог при таких обстоятельствах.

— Да-да,— сказала Мэри.— Мы так надеялись, что сможем предложить вам действительно хорошую трапезу.

— Ерунда,— протестующе взмахнул руками губернатор.— Ерунда — обед превосходный.

Мартин окончательно расслабился.

— Скажите-ка, Даррелл,— обратился ко мне губернатор,— вы зверолов, насколько мне известно.

— Да, сэр,— ответил я.

— Но вряд ли здесь водится много разной живности?

Пока мы выпивали на веранде, я заметил, как Пайес тихо и незаметно снял с кресла губернатора одного богомола и одного геккона.

— Когда я был помощником администратора и бродил по лесу,— продолжал губернатор,— ни черта не видел.

— О, здесь поразительно много животных, если знать, где искать, сэр,— сказал я.— Вот на днях я прямо в саду Мартина поймал диковинный экземпляр. Здесь богатейший животный мир, только не ленись искать.

— Удивительно,— пробурчал губернатор, заталкивая в рот очередной кусок мяса с ореховым соусом.— Никогда бы не подумал, учитывая такую близость этих мест к цивилизации, так сказать.

В эту минуту послышался такой звук, будто кто-то сломал хребтину кита, сопровождаемый шумом, подобным шелесту миллионов сухих листьев под ураганным ветром, и опахало шлепнулось прямо на стол, совершенно накрыв одним концом высокого гостя.

К счастью, опахало погасило свечи, так что обошлось без пожара, однако в гуще напоминающих балетные пачки пальмовых листьев обосновались чрезвычайно интересные образчики местной фауны, обитающей вблизи от цивилизации.

Эффект происшедшего был весьма впечатляющим.

— О Боже мой, Боже мой! — вскричала Мэри и вскочила на ноги, изменяя своему обычно спокойному нраву и опрокидывая свой джин с тоником.

— Почему ты не дал мне проверить его, ублюдок несчастный! — взревел Макгрэйд.

— Бывают времена, когда я начинаю сомневаться в твоих способностях, Мартин, — сурово заметил Робин.

— Извините, ради Бога, извините, сэр, — взмолился Мартин, обращаясь к скрытому под листьями боссу. — Просто не знаю, как мне оправдаться перед вами.

Беднягу Мартина била дрожь.

Сухие пальмовые листья снова зашуршали, и показалась голова губернатора. Это можно было сравнить с тем, как африканский альбинос вылезает из своей хижины. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут глаза его остановились на громадном, шоколадного цвета волосатом пауке, который ковылял к нему по опахалу. Многоликая маленькая община, не один год счастливо, без помех населявшая опахало, уже пришла в движение. Губернатор оттолкнул свой стул назад и вскочил на ноги.

Я понимал, что, с точки зрения Мартина, худшей катастрофы нельзя было придумать, однако жизнь научила меня не упускать ни одной благоприятной возможности. Похоже было, что сейчас мне предоставляется случай пополнить свою коллекцию кое-какими интересными образцами.

— Предлагаю всем перейти в соседнее помещение, — возвестил я, наблюдая, как из гущи пальмовых листьев появляется незнакомый мне представитель племени гекконов. — Я наведу здесь порядок.

Видимые части стола стремительно занимали негодующие жуки и прочая мелюзга, причем даже самые безобидные выглядели крайне агрессивно.

Мэри взяла себя в руки и грациозно удалилась на веранду; остальные последовали за ней.

Слуги стояли неподвижно; пока мы еще сидели на своих местах, все равно им было бы чрезвычайно трудно убрать опахало, делая вид, что обед продолжается, как положено. Никто из них не попадал прежде в такую ситуацию, и даже Пайесу было не под силу справиться с ней.

— Пайес! — крикнул я, чтобы вывести моего испуганного буфетчика из оцепенения. — Ступай за бутылками, банками, будем ловить добычу.

Добычей в Западной Африке называют все, что ходит, летает или ползает. Пайес схватил за шиворот Амоса и двух младших боев и исчез вместе с ними.

К этому времени из опахала стали появляться другие интересные обитатели, желая выяснить, что могло нарушить их безмятежное существование. Первой на стол выскользнула молодая, крайне возмущенная зеленая мамба, одна из самых ядовитых африканских змей. Длиной около полуметра, она напоминала кусок желто-зеленого каната, и по всему ее поведению было видно, как пагубно происходящее подействовало на ее настроение. Я попытался вилкой прижать мамбу к столешнице, но она высвободилась и упала на пол. Только тут я обнаружил, что не все бежали на веранду, предоставив мне устранять последствия катастрофы, — губернатор остался со мной. Зеленая мамба, верная отвратительным навыкам всех змей, при том, что в ее распоряжении была вся площадь столовой, направилась прямо к нему, а он стоял как истукан, и лицо его приобрело довольно интересный голубой оттенок. Повторная атака позволила мне крепко прижать мамбу вилкой к полу и схватить рукой позади головы. Тем временем вернулся с кухни Пайес, неся банки, бутылки, коробки и прочую тару. Я сунул змею в бутылку и прочно закупорил.

Губернатор по-прежнему таращился на меня выпученными глазами. Следовало сказать что-нибудь, чтобы придать случившемуся вид пустячного происшествия и защитить Мартина.

— Что я говорил, сэр? — сказал я, мило улыбаясь и извлекая из орехового соуса крупного жука, который лежал на спине, беспомощно перебирая ножками и издавая пронзительные скрипучие звуки. — Тут кругом животные. Все дело в том, чтобы выяснить, где они обосновались.

Он еще раз посмотрел на меня, потом заговорил:

— Ну да, конечно, теперь вижу.

И добавил:

— Мне бы чего-нибудь выпить...

— Вы очень умно поступили, сэр, что не стали двигаться, — сообщил я.

— Это почему же? — подозрительно осведомился губернатор.

— Понимаете, большинство людей в такой ситуации перепугалось бы насмерть, вы же сохранили присутствие духа. Если бы не ваша замечательная выдержка, вряд ли мне удалось бы поймать эту змею.

Губернатор опять подозрительно посмотрел на меня, но я сохранял самое невинное выражение лица.

— Хха! — выдохнул он. — Ладно, пошли, выпьем по стаканчику.

— Понимаете, мне бы хотелось поймать тут еще два-три экземпляра, и хорошо, если бы Мартин вернулся и навел здесь порядок. А я присоединюсь к вам через минуту, если не возражаете, сэр.

— Конечно, конечно. Я пришлю Мартина.

Мартин вошел, шатаясь, в столовую, словно последний уцелевший пассажир «Титаника».

— Господи Иисусе, — сказал он, — вот уж не думал...

— Ну вот что, — твердо произнес я. — Кончай думать. Делай, что я скажу.

— Это похуже того случая с уборной!

— Хуже того случая быть не может. А теперь успокойся.

Разговаривая, я продолжал вместе с Пайесом собирать обитателей опакхала. Тут были множество гекконов, восемь квакш, истеричная соня с ее гнездом и потомством, три летучих мыши, парочка вспылчивых скорпионов и несметные полчища жуков.

— Что делать, что делать? — отчаянно вопрошал Мартин.

Повернувшись к Пайесу, я по лицу его понял, что он не меньше Мартина потрясен ужасной катастрофой. Что до меня, то я, увы, с величайшим трудом сдерживал неодолимое желание расхохотаться; мне помогало в этом только опасение задеть чьи-нибудь чувства.

— Слушай, — сказал я Пайесу, — ступай в дом к масса Макгрэйд и найди там еду. Потом зайди в дом масса Гэртон и там найди еду. Потом пойди в дом помощника администратора и там найди еду. Потом спустись в наш шатер и там найди еду. Через час чтобы еда была здесь, слышишь?

— Слышу, сэр, — ответил Пайес и исчез.

— Господи, меня переведут обратно в Умчичи, — сказал Мартин.

— Не исключено, — отозвался я, — хотя, судя по реакции губернатора, маловероятно.

— Но ему вряд ли понравилось случившееся.

— А кому это могло понравиться? Разве что мне — я заполучил несколько отличных экземпляров.

— Но что мы теперь станем делать? — спросил Мартин, созерцая беспорядок на обеденном столе.

Я посадил его на стул.

— Я послал губернатора за тобой, заверив его, что ты сумеешь навести порядок, — объяснил я. — Пайес отправился за продуктами. Что он там сможет собрать, одному Богу известно, но во всяком случае, что-то мы сможем поставить на стол. А ты пока постарайся хорошенько накачать губернатора джином.

— У меня хороший запас джина, — серьезно сообщил Мартин.

— Ну вот, видишь, — успокоительно произнес я. — Проблема почитай решена.

— Но я не вижу как... — возразил он.

— Слушай, выкинь ты все из головы. Предоставь мне действовать. Главное, держись так, будто ты контролируешь ситуацию.

— О, да-да, я понимаю.

Я вызвал с кухни Амоса и Иоанна.

— Уберите все со стола, отполируйте его и расставьте тарелки, — распорядился я.

— Да, сэр, — дружно ответили они.

— Пайес пошел за едой. Скажите Иисусу и моему повару, пусть приготовят новую еду.

— Да, сэр.

— А вы постарайтесь сделать так, чтобы стол выглядел не хуже прежнего, слышите?

— Пожалуйста, сэр, — сказал Амос.

— Что тебе?

— Масса собрать весь змея оттуда? — Он показал на обломки опахала.

— Собрал, не бойтесь. Я собрал всю добычу.

— Мне бы твое умение все так здорово организовать, — вздохнул Мартин.

— Послушай, — ответил я. — Губернатор должен думать, что это *ты* все организовал. И когда мы теперь присоединимся к ним, держи хвост пистолетом. Потрудишься создать впечатление, будто я был по горло занят живностью, ты же полностью владел ситуацией. И не извиняйся каждые пять минут! Мы накачаем его джином, а Пайес проследит, чтобы была приготовлена новая трапеза, об этом можешь не беспокоиться. От тебя требуется только вести себя так, словно речь идет о пустяковом происше-

ствии и ты не сомневался, что губернатор, поразмыслив, найдет в нем даже что-то забавное.

— Что-то забавное? — еле слышно молвил Мартин.

— Да, — твердо произнес я. — Ты давно служишь в Министерстве по делам колоний?

— Начал, когда мне исполнился двадцать один год.

— И ты не понимаешь, что типы вроде этого надутого осла упиваются подобными историями? Думаю, тебе от случившегося будет больше пользы, чем вреда.

— Ты уверен? — усомнился Мартин.

— Сам сообрази, — ответил я. — А теперь пошли на веранду.

Выйдя на веранду, мы обнаружили, что остальные члены нашей компании доблестно исполняли свою повинность. Мэри прочитала губернатору длинную лекцию про орхидеи и искусство аранжировки цветов. Макгрэйд прочел такой мудреный трактат о строительстве мостов и ремонте дорог, что вряд ли губернатор что-либо понял. А Робин вовремя затеял дискуссию о литературе и искусстве — предметах, в которых высокий гость вовсе ничего не смыслил.

Я толкнул Мартина в бок, и он приосанился.

— Весьма сожалею, сэр, — сказал он, — надо же было такому случиться. Боюсь, мой бой не проверил крючки в потолке. Однако я... э... все организовал, и примерно через час будет готова новая трапеза. Весьма сожалею, что вам придется подождать.

Он плюхнулся в кресло и вытер лицо носовым платком.

Губернатор задумчиво посмотрел на него и опрокинул десятый стаканчик джина.

— Я как-то не привык, — едко произнес он, — чтобы во время моих служебных поездок мне на голову обрушивались опакхала.

Наступила короткая, но зловещая тишина. Чувствуя, что Мартин не способен что-либо ответить, я поспешил ему на выручку.

— Должен признаться, сэр, я жутко рад, что вы там оказались. — Я повернулся к остальным. — Вы этого, конечно, не видели, но в опакхале находилась мамба. И если бы не наш гость, вряд ли мне удалось бы поймать ее.

— Мамба! — пропищала Мэри.

— Вот именно, и весьма агрессивно настроенная, поверьте мне. К счастью, наш гость сохранил присутствие духа, так что мы сумели ее поймать.

— Ну-ну,— заговорил губернатор,— не берусь утверждать, чтобы от меня при этом был какой-то прок.

— Не надо скромничать, сэр,— возразил я.— Большинство людей перепугались бы насмерть. Как-никак мамба считается одной из самых ядовитых африканских змей.

— Мамба! — повторила Мэри.— Надо же! Подумать только — висела там у нас над головой, готовая атаковать! По мне, так вы оба проявили огромное мужество.

— Клянусь небом,— произнес Робин льстивым голосом,— лично я пустился бы наутек, словно заяц.

— Я тоже,— подхватил крепыш Макгрэйд, который не боялся ничего на свете.

— Что ж,— сурово молвил губернатор, внезапно ощутив себя героем,— а ведь вы должны бы привыкнуть к ситуациям такого рода, столько бродите по здешним лесам.

И он принялся не очень связно рассказывать, как однажды чуть не застрелил леопарда, и мы все облегченно вздохнули, когда из тьмы появился Пайес и доложил, что второй обед готов.

Холодные бобы и консервированный лосось — не самое лакомое блюдо, но они исполнили свое предназначение, и под конец трапезы налакавшийся джина губернатор излагал нам самые невероятные истории про змей.

К счастью, фруктовый салат остался вне пределов досягаемости для опахала, его удалось спасти, и после десерта мы все согласились, что Мэри, вложившая всю душу в его приготовление, заслужила нашу благодарность и что салат был просто превосходен.

Когда мы встали из-за стола, я еще раз поблагодарил губернатора за то, как отважно он помог мне поймать мамбу.

— Не за что, приятель,— отозвался он, небрежно взмахнув рукой.— Право, не за что. Рад, что оказался вам полезен.

На другой день Мартин, сколько мы ни успокаивали его, был безутешен. Сказал, что губернатор весьма сухо простился с ним, что он уверен — не миновать ему перевода в эту чертову дыру Умчичи.

Нам оставалось только направить губернатору учтивые письма, благодаря его за участие в злополучном обеде. Я не преминул подчеркнуть при этом, как я благодарен начальнику окружной администрации за огромное содействие в выполнении моих задач. Дескать, Мартин — один из лучших и самых дельных администраторов, с какими мне доводилось иметь дело в Западной Африке.

Вскоре после того пришло время перевозить моих животных к побережью, чтобы захватить пароход, идущий в Англию, и случай в Мамфе изгладился из моей памяти.

А спустя полгода я получил от Мартина коротенькое письмецо. Он сообщал: «Ты был совершенно прав, старина, говоря о склонности некоторых людей упиваться историями. Губернатор теперь только и делает, что рассказывает всем, как он поймал для тебя в столовой зеленую мамбу, тогда как ты стоял как пень, потеряв голову от страха. Меня повысили, в следующем месяце перебираюсь в Энугу. Нет слов, чтобы сказать, как я благодарен тебе за успешное завершение того приема».

Глава пятая КАК СТАТЬ УЧЕНЫМ

Семейный врач покачал головой скорее сочувственно, чем сердито.

— Стресс, — повторил он. — Ты перетрудился и перенервничал. Три недели в Абботсфорде, вот что тебе нужно.

— Ты говоришь о психушке?

— Никакая это не психушка. Это весьма почтенный санаторий, специализирующийся на нервных заболеваниях.

— Другими словами — психушка, — сказал я.

— Будто ты не понимаешь разницу, — печально произнес наш семейный врач.

— Так их называют в народе, — ответил я. — Ты говоришь об этом размашистом сооружении готического вида по пути к Сербитону на юго-западе Лондона, напоминающем замок Дракулы в голливудском исполнении?

— Совершенно верно.

— Что ж, пожалуй, это не так уж и плохо, — рассудительно произнес я. — Смогу наведываться в город, навещать друзей, посещать различные шоу...

— Исключено, — твердо перебил меня семейный врач. — Полный покой и отдых — вот что тебе сейчас нужно.

— А можно, я устрою напутственную вечеринку? — взмолился я.

— Напутственную вечеринку?

— Ну да. Приглашу избранный круг друзей, чтобы пожелали мне успеха в продвижении к палате, обитой войлоком.

Семейный врач поморщился и вздохнул.

— Ты ведь все равно не послушаешься, если я отвечу отрицательно, — сдался он. — Так что давай, устраивай.

Маленькая вечеринка состоялась в отличном ресторане в Сохо. В разгар сего мероприятия я ощутил, как что-то стекает мне на подбородок, и, вытерев это салфеткой, с удивлением узрел пятна крови. У меня явно пошла кровь носом. К счастью, освещение и декор ресторана способствовали сокрытию маленького происшествия, и обошлось без неуместных комментариев. На другой день все сложилось куда хуже.

Шла пред рождественская неделя, посему мне — по пути в Абботсфорд — понадобилось заехать на Кингз-роуд, чтобы вручить игрушечного медвежонка чуть ли не в натуральную величину, важно восседающего в прозрачном пластиковом мешке и облаченного только в красивый галстук темно-бордового цвета.

Я вышел из такси, сжимая в объятиях тучного медвежонка, позвонил в дверь, и тут у меня из носа хлынула кровь. Убедившись, что остановить кровотечение, освободив одну руку и держа медвежонка под мышкой, абсолютно невозможно, я зажал его между коленями.

— Что ты делаешь? — осведомилась моя супруга, сидя в машине.

— У беда опять кровь носом пошла, — пробурчал я сквозь окровавленный носовой платок.

С зажатым между ног медвежонком и стекающей по лицу кровью я даже на Кингз-роуд являл собой не совсем обычное зрелище. Вокруг меня собралась небольшая толпа.

— Оставь медвежонка рядом в кондитерской и попроси их передать его Питеру, — прошипела жена. — Не стоять же тебе тут в таком виде.

Поначалу толпа молча переваривала жутковатое зрелище. Но вот к ней присоединилась еще одна любопытствующая особа.

— Что тут происходит? — осведомилась она, адресуя свой вопрос всему миру.

— Его укусил этот игрушечный медведь, — ответил один мужчина, и толпа громко расхохоталась.

Я юркнул в кондитерскую, оставил там медвежонка и подбежал, запыхавшись, к такси.

— Напрасно ты так носишься, — заметила жена, когда машина тронулась с места. — Тебе предписан покой.

— О каком покое боже идти речь? — огрызнулся я. — Когда бой нос кровоточит, а руки заняты огробным бедвежонком?

— Откинь назад голову и расслабься, — постаралась успокоить меня жена.

«Расслабиться, — подумал я, — вот именно». Впереди у меня три чудесные недели, меня будут обслуживать чуткие медицинские сестры, и все решения, какие придется принимать, сведутся к пожеланиям, чего я хотел бы съесть на завтрак и какой температуры должна быть вода в ванне. Расслабиться, конечно же. Полный мир и покой. Твердо настроенный отдыхать прибыл я в Абботсфорд.

Не успел я толком осмотреться (заметил только, что обстановка и декор моей комнаты напоминают дешевые гостиницы двадцатых годов и что сестры весьма хорошенькие), как меня облекли, так сказать, в золотой кокон из разных снадобий, и на сутки я погрузился в сладостную спячку, лишь изредка поворачиваясь с одного бока на другой. Проснувшись бодрый и живой, как белка, я принялся обозревать окружающий меня новый мир. Пришел к выводу, что мое первое впечатление от сестер не было ошибочным. Каждая по-своему, они были очень привлекательны. Казалось, меня окружают участницы конкурса на звание «Мисс Вселенная».

Днем дежурили — мисс Лорейн, шведская блондинка, цвет глаз которой менялся, точно поверхность фьорда в солнечных лучах; Зинэ, наполовину немка, наполовину англичанка, с оранжевыми волосами и совершенно круглыми, вечно удивленными голубыми глазами; Нелли — очаровашка из Басутоленда, отлитая из молочного шоколада, с круглым носиком, напоминающим коричневую шляпку молодого белого гриба. Ночную смену составляли — Брида, заботливая коротышка с волосами медового цвета, и Пимми (происхождение этого прозвища одному Богу известно), без сомнения, самая симпатичная из них, высокая, стройная, похожая на фею, с огромными зеленоватыми глазами цвета весеннего горного ручья. Все се-

стры были молоды и жизнерадостны, напоминая своей веселостью и стремлением доставить пациентам удовольствие милых щенят. Надзирали за резвушками две старшие сестры, обе француженки, с акцентом, какой был бы у Мориса Шевалье, если бы он учился в Оксфорде и несколько лет проработал на Би-би-си. Звали их сестра Луиза и сестра Рене, наблюдать их французскую категоричность в поступках и слушать энергичную речь было одно удовольствие.

На второй день я, все еще малость сонный, отчасти по нужде, отчасти из желания сменить обстановку, направился по коридору в сортир. Дойдя до цели, присел, погружаясь в глубокое раздумье, и вдруг мое внимание привлекло пятно крови на полу. «Ишь ты,— тупо сообразил я, как и следовало человеку, оглушенному наркотическими средствами,— кто-то порезался... до крови. Брился, что ли? Здесь в уборной? Маловероятно». В эту минуту к первому пятну присоединилось второе, и до меня вдруг дошло, что эта кровь — опять из моего носа. Пока я осмысливал этот факт, кровотечение усилилось. Прижав к лицу несколько метров туалетной бумаги, я поспешил обратно в свою комнату и нажал кнопку звонка. Кровотечение было таким сильным, что сменившее туалетную бумагу бумажное полотенце тотчас промокло насквозь.

Мой сигнал бедствия возымел действие — дверь распахнулась, и появилась шоколадка Нелли, одетая в пальто. Она явно только что сдала дежурство.

— Господи,— выпалила Нелли, впитывая округлившимися глазами кровавое зрелище.— Господи, вы истекаете кровью.

— Мне тоже так кажется,— отозвался я.— Ты не могла бы помочь мне, милая Нелли?

— Погодите... только не двигайтесь,— распорядилась Нелли и выбежала в коридор. Вскоре она вернулась, и лицо ее выражало крайнее отчаяние.— Я не могу найти их. Не могу найти.

— Что ты не можешь найти?

— Ключи, ключи,— простонала Нелли.

«Видимо, речь идет о ключах от какого-то шкафа, где хранятся кровоостанавливающие снадобья»,— сказал я себе.

— Ничего,— попытался я утешить ее,— может быть, найдется что-нибудь еще?

— Нет-нет,— ответила Нелли,— только ключи, чтобы приложить вам к спине.

Ее слова сильно поколебали мою веру в будущее европейской медицины в Африке.

На шум явились Лорейн и Зинэ.

— У вас идет кровь носом,— удивленно заметила Зинэ.

— Ага,— подтвердил я.

— Я не могу найти ключи, Зинэ,— не унималась Нелли.— Ты не видела их, Лорейн?

— Ключи? Нет, не видела,— ответила Лорейн.— Какие ключи?

— Чтобы приложить к его спине.

— Может, следует жечь перья перед ноздрями? — осведомилась Лорейн.

— Нет-нет, перья жгут от обморока,— сообщила Нелли, знаток современной медицины.

— Как насчет того, чтобы нарисовать мелом на полу белый круг и принести в жертву черного петуха? — весело справился я.

— Государственная служба здравоохранения не признает таких средств,— совершенно серьезно сказала рассудительная Зинэ.

В эту минуту пришли заступать на ночное дежурство Брида и Пимми. Последняя повела прожекторами своих огромных влажных глаз и мигом оценила ситуацию.

— Живо в постель,— распорядилась она.— В постель, и ложитесь возможно ровнее.

— Но... я... я...

— Кончайте лепетать и ложитесь. Брида, ступай принеси узкий бинт и адреналин. побыстрее.

Я послушно лег и немедленно обнаружил, что кровь, которая до той поры вытекала из носа, теперь потекла в обратную сторону, грозя задушить меня. Я поспешил сесть.

— Лежать, было сказано,— угрожающе произнесла Пимми.

— Пимми, дорогая, я не могу лежать,— объяснил я.— Я захлебнусь своей собственной кровью.

Пимми привычными движениями подсунула мне под голову пару подушек.

— Так лучше? — осведомилась она.

— Да.

Вернулась Брида, неся на подносе то, что было велено. Моя кровать была усеяна окровавленными бумажными по-

лотенцами, вокруг кровати с моим телом сгрудились пять медицинских сестер.

— Поцелуй меня, Неустрашимая,— взмолился я, протянув руки к Пимми.

— Бросьте дурачиться,— сурово сказала она,— и подставляйте нос, чтобы я его закупирила.

И она живо затолкала мне в правую ноздрю около метра марли, смоченной адреналином, действуя так ловко и бесстрастно, словно фаршировала кролика. Затем она крепко сжала мою переносицу двумя пальцами, одновременно прикладывая лед к вискам. Струйки крови с водой намочили мою пижаму, не помогла и марля, кровь брызнула на простыни и наволочки. Пимми засунула мне в нос свежий кусок бинта. Кровать и комната теперь напоминали нечто среднее между скотобойней и салоном маркиза де Сада после званого вечера. Сколько ни манипулировала Пимми марлей, кровь не желала останавливаться. Сестры дневной смены ушли, остались только Пимми и Брида.

— Плохо дело.— Пимми грозно нахмурилась.— Придется мне позвать врача. Лежите тихо. Брида, следи за тем, чтобы он лежал тихо.

С этими словами она вышла.

— Надеюсь, она не за доктором Граббинсом пошла,— забеспокоился я.— Он обаятельный человек, но как врачу я ему не очень доверяю.

— Я тоже надеюсь,— спокойно произнесла Брида.

— Почему? — тревожно осведомился я.

— Ну, не такой уж он хороший врач. По правде говоря, я не пригласила бы его к серьезному больному. В два счета может угробить.

— Вот и у меня осталось такое впечатление,— признался я.— Есть в нем что-то такое, из-за чего мне кажется, что он застрял на уровне коновала, заливающего кутью кипящей смолой.

— Невежда,— мрачно молвила Брида.— Думает, что пастеризация — способ обработки лугов, где пасутся коровы.

— И что Листер — фамилия известного композитора,— включился я в игру.

— Наверно,— согласилась Брида.— А Гарвей — фамилия изобретателя хереса.

— И что ангина — нехорошее женское имя?

— Я уж не говорю про пенициллин,— продолжала Брида.

— Магазин, где торгуют пенобетоном?

— Вот именно. Когда-нибудь...

Однако что собиралась изречь Брида, останется неизвестным, ибо в эту минуту в комнате вновь появилась Пимми.

— Поднимайтесь,— распорядилась она.— Доктор Граббинс велел отвезти вас в больницу Ватерлоо, там вам сделают прижигание.

— Господи,— произнес я.— То, чего я боялся. Мне за- толкают в правую ноздрю раскаленную кочергу.

— Не говорите ерунду,— сказала Пимми, подавая мне пальто.— Для этого есть особая палочка.

— *Палочка? Горящая лучина?* Кажется, я пришел к вам за миром и покоем?

— Не будет мира и покоя, пока мы не остановим ваше кровотечение,— деловито возвестила Пимми.— А теперь надевайте пальто. Я еду с вами. Так предписал врач.

— Единственное толковое предписание, выданное им после того, как он получил диплом,— тепло откликнулся я.— И как мы туда поедем?

— Такси,— коротко ответила Пимми.— Машина ждет.

Водитель, как мы выяснили вскоре, был ирландец, коротыш с лицом, напоминающим грецкий орех.

— Куда поедем? — справился он.

— Больница Ватерлоо,— внятно произнесла Пимми.

— Ватерлоо... Ватерлоо...— задумался водитель.— Это где же будет?

— У Вестминстерского моста,— пояснила Пимми.

— Ну да, конечно, конечно.— Водитель хлопнул себя по лбу.— Доставлю вас в два счета.

Мы забрались в машину и укрылись одеялом, ибо вечер выдался очень холодный. Некоторое время ехали молча.

— А я-то собиралась сегодня вечером вымыть голову,— вдруг сообщила Пимми с укоризной.

— Весьма сожалею,— ответил я покаянно.

— А, не берите в голову,— успокоила меня Пимми и добавила нечто загадочное: — Я могу сидеть на них.

— Сидеть на волосах? — спросил я, полагая, что речь идет о каком-то новом способе приводить в порядок шелвелюру.

— Ну да,— гордо возвестила Пимми.— У меня длинные волосы. Недавно мне предлагали за них семьдесят фунтов.

— Но с лысой головой вы будете выглядеть отнюдь не привлекательно,— заметил я.

— Я так и подумала,— сказала Пимми, и снова воцарилась тишина.

Машина остановилась перед светофором, и водитель повернулся, чтобы посмотреть на нас. Бело-голубое уличное освещение придавало не совсем обычный вид моему окровавленному лицу.

— Слушайте, у вас там все в порядке? — тревожно осведомился водитель.— Я смотрю, кровяшка так и хлещет. Может, лучше остановиться, чтобы вы могли прилечь, а?

Я поглядел на осыпаемую крупой гололедицу на тротуаре.

— Нет, спасибо, пожалуй, не стоит,— ответил я.

— Вы не пробовали запихать что-нибудь в нос? — внезапно осенило водителя.

Я объяснил, что моя правая ноздря и без того уже напоминает забитый мусоропровод. И что в больнице мне сделают прижигание.

— Это как делали в старину? — живо заинтересовался водитель.

— В каком смысле? — не понял я.

— Ну как же, человека подвешивали за руки, распинали и жгли.

— Нет-нет, это нечто совсем другое,— заверил я. И добавил: — Надеюсь.

Поднявшись по пандусу (мимо знака, на котором, как мне тогда показалось, должно быть из-за общения с ирландским шофером, было написано: *«Не для протестантов»*, на самом же деле значилось: *«Не для пешеходов»*) к входу в больницу, мы живо вошли внутрь и не увидели ни накурившихся хиппи, ни пьяниц, хлебнувших метилового спирта, ни маленьких мальчиков с головой, застрявшей в оловянной миске. Даже в амбулаторном отделении не было никого, кроме дежурной сестры. Она завела нас в какую-то палату и осторожно уложила меня на некое подобие операционного стола.

— Врач придет сию минуту,— сообщила она с таким благоговением в голосе, точно провозвещала второе пришествие.

Вскоре явился некий подросток в белом халате.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер,— радушно приветствовал меня, потирая руки, юный практикант.— Насколько я понимаю, у вас кровотечение из носа, сэр.

Если учесть, что мои борода и усы затвердели от застывшей крови, что из правой ноздри продолжала капать кровь и вся моя одежда была покрыта красными пятнами, я не был склонен называть его диагноз особенно блестящим и проницательным.

— Да,— произнес я.

— Ну так,— сказал врач, вооружаясь двумя хирургическими щипцами,— давайте-ка посмотрим, что там у вас происходит, сэр.

Одними щипцами он расширил мою ноздрю до африканских размеров, другими извлек несколько десятков сантиметров пропитанного кровью бинта.

— Так-так,— глубокомысленно заметил он, заглядывая в кровоточащую полость.— Похоже, сэр, у вас там есть кое-что еще.

— Они затолкали мне в нос все, что попало под руку,— сообщил я.— Не удивлюсь, если в лабиринтах пазух вы обнаружите слоняющихся без дела двух дежурных и одну старшую сестру.

Врач нервно усмехнулся и вытащил из моей ноздри шматок ваты.

— Ага,— произнес он, направив в ноздрю луч маленького осветительного прибора,— вижу, точно. Я нашел место, откуда сочится кровь. Понимаете, сэр, у вас там есть парочка крупных сосудов, за которыми стоит присматривать.

— Спасибо,— сказал я, пытаясь сообразить, как это можно присматривать за сосудом, таящимся где-то в темных закоулках моего носа.

— А теперь,— продолжал врач,— немного кокаина для обезболивания.

Вооружась подобием баллончика с дезодорантом, он прыснул мне в нос кокаином.

— Вот так,— приговаривал он.— А теперь, сестра, подайте термокаутер. Вот так. Не бойтесь, больно не будет, сэр.

Как ни странно, я и впрямь не почувствовал боли.

— Вот так,— повторил врач, выпрямляясь с видом фокусника, выполнившего сложнейший трюк.

— Как, это все? — удивился я.

— Да,— сказал врач, еще раз направив лучик света в мою ноздрю.— Это все. Больше не должно быть никаких проблем, сэр.

— Я вам чрезвычайно благодарен,— молвил я, проворно освобождая операционный стол.

Мы с Пимми вышли из больницы туда, где ожидало наше такси.

— Ух ты, как скоро,— восхищенно заметил водитель.— Я думал, вас продержат там час, а то и два.

— Да нет, они быстро управились,— сообщил я, с наслаждением глубоко, без помех дыша носом.

Машина скатилась по пандусу на улицу.

— Пресвятая Дева, Матерь Божья! — воскликнула вдруг Пимми.

— В чем дело? — испуганно осведомились мы с шофером.

— Мы попали не в ту больницу,— пролепетала Пимми.

— Не в ту больницу? Как это понимать?

— Не в ту больницу? Но ведь вы именно эту назвали,— обиженно заявил водитель.

— Ничего подобного,— возразила Пимми.— На стене написано «Больница Св. Фомы». А нам надо было попасть в больницу Ватерлоо.

— Но ведь вот он — мост.— Водитель показал в окошко.— Вы сказали — мост. Видите, вот он.

Он явно полагал, что в жизни хватает проблем без таких пассажиров, которые запросто меняют местами все лондонские больницы.

— Мне все равно, где мост,— настаивала Пимми.— Больница не та. Это не Ватерлоо.

— Это так важно? — спросил я.— Главное — мне помогли.

— Конечно, но я предупредила Ватерлоо,— объяснила Пимми.— Ночные дежурные ждали нас.

— Между прочим,— задумчиво произнес водитель,— на слух Ватерлоо вполне можно спутать со Святым Фомой, особенно когда сидишь за рулем.

У меня не нашлось адекватного ответа на эту реплику.

Мы возвратились в Абботсфорд, и пока я литр за литром поглощал теплый чай, Пимми пошла объясняться по телефону с больницей Ватерлоо.

— Я сказала им, что это случилось по вашей вине,— торжествующе доложила она мне.— Сказала, что вы ма-

лость помешались, что мы усадили вас в такси и вы назвали водителю не тот адрес.

— Большое спасибо,— сказал я.

Ночь и последующий день прошли без приключений, если не считать, что один пациент пытался продать мне стоящий в холле стол якобы в стиле Луи XV, а другой упорно выстукивал азбуку Морзе по моей двери. Но это все были пустяки, и мой нос вел себя замечательно.

Придя вечером на дежурство, Пимми уставилась на меня взором василиска.

— Ну,— осведомилась она,— ваш нос вас больше не беспокоил?

— Ни капли,— гордо сообщил я и не успел договорить, как кровотечение возобновилось.

— Господи! Обязательно надо было ждать, когда начнется мое дежурство? — спросила Пимми.— Почему было не доставить удовольствие дневной смене?

— Это все ваша красота, Пимми. При виде вас у меня поднимается давление и сосуды не выдерживают.

— Как вы говорили, из какой части Ирландии вы родом? — допытывалась Пимми, запихивая мне в нос марлю с адреналином.

— Гоморра, на границе Содомы,— незамедлительно ответил я.

— Не верю я вам,— сказала Пимми,— хотя трепаться вы мастер за пятерых ирландцев.

Тем временем ее манипуляции с бинтами не дали никакого результата. Кровь продолжала сочиться из носа, как из неисправного крана. В конце концов Пимми сдалась и пошла звонить доктору Граббинсу.

— Доктор Граббинс велел вам ехать в больницу Ватерлоо,— доложила она мне.— Говорит, что постарается, чтобы на этот раз вы не ошиблись адресом.

— А разве ты не поедешь?

— Нет.

— Это почему же?

— Не имею понятия,— ответила Пимми.— Вас отвезет шофер нашей служебной машины.

Шофер служебной машины был полон решимости отвлечь внимание своего пассажира от мрачных мыслей.

— Паршивая штука — носовое кровотечение,— с ходу начал он рассуждать.— У нас хватало этой печали, когда я играл в регби, но теперь-то я слишком стар.

- Стар для кровотечения? — осведомился я.
- Нет, для регби. А вы, сэр, играете в регби?
- Нет, изю всех командных игр я признаю только одну.
- Это какую же, сэр? — заинтересовался водитель.

Было очевидно: какую игру ни назови, он будет продолжать докучать мне болтовней. Во что бы то ни стало надо было заставить его замолчать.

— Секс, — грубо отрезал я.

Остаток пути мы ехали молча.

В больнице симпатичная дежурная сестра провела меня в палату, которую можно было назвать пустой, если не считать лежавшего у стены, одержимого кашлем и предсмертными судорогами старика и семейства в составе матери, отца, дочери и сына, которые играли в «Монополию» за столом метрах в двух от моей койки. Устраиваясь на койке, как мне было велено, я слушал вполуха их болтовню.

— Ты уверена, мама, что это не больно? — спросил мальчик, энергично перемешивая кости.

— Конечно, не больно, мой драгоценный, — заверила мать. — Ты же слышал, что сказал врач.

— Конечно, не больно, — подхватил отец. — Это же всего-навсего гланды и аденоиды. Ничего серьезного.

— Конечно, пустяковая операция, — продолжала мать. — Ты ничего не почувствуешь.

— Я покупаю «Пиккадилли», — пронзительным голосом объявила девочка.

— Ты же видел это по телевизору, верно? — спросил отец. — Человек ничего не чувствует. Даже когда аборт делают.

— Генри! — укоризненно воскликнула мать.

— «Пиккадилли», «Пиккадилли», хочу «Пиккадилли», — талдычила девочка.

— Ну а потом, — сказал мальчик. — Потом, когда пройдет заморозка. Все равно ведь будет больно.

— Нет, — возразил отец. — Ничего подобного. Тебе дадут успокаивающее.

— А это что такое?

— Наркотики и все такое, — успокоила его мать. — Честное слово, ничего не чувствуешь. А сейчас давай ходи, твоя очередь.

«Бедняга, — подумал я. — Смертельно боится, а тут еще я весь в запекшейся крови, эта картина смелости ему не

прибавит. Ничего, я сам поговорю еще с ним после того, как меня приведут в порядок».

Тут возвратилась сестра.

— Сейчас придет врач и займется вашим носом, — сообщила она, задерживая занавески перед моей кроватью.

— Ага, — довольно заметил я, — опять будет прижигание?

— Не думаю, — ответила она. — Доктор Верасвами предпочитает тампонаду.

Тампонада, подумал я. Какое дивное слово. Сродни тампонажу. Я тампонирую, вы тампонируете, он тампонирует... Мы тампонируем, ты тампонируешь, они тампонируют... Я набиваю, вы набиваете, он набивает...

Мои глагольные вариации нарушило появление доктора Верасвами, созерцающего мир через огромные линзы из горного хрусталя. Мне понравились его руки — тонкие, как у девушки, средние пальцы чуть толще обычной сигареты. Изящные руки, чем-то напоминающие бабочек. Легкие, нежные, трепетные, неспособные причинить боль. Руки целителя. Доктор Верасвами исследовал мой нос, выражая тихими вибрирующими звуками тревогу по поводу увиденного.

— Придется нам тампонировать нос, — произнес он наконец, улыбаясь.

— Валяйте, — радушно отозвался я. — Что угодно, только остановите кровь.

— Сестра, будьте любезны, принесите все необходимое, — распорядился врач, — и приступим.

Сестра удалилась, и врач застыл в ожидании, стоя у изножья моей кровати.

— Из какой части Индии вы родом? — непринужденно справился я.

— Я не из Индии, я с Цейлона, — ответил он.

«Неуд, — сказал я себе. — Будь осторожнее».

— Чудесный край — Цейлон, — молвил я с жаром.

— Вы хорошо его знаете?

— Как сказать. Мне довелось однажды провести неделю в Тринкомали. Конечно, это вовсе не значит, что я знаю Цейлон хорошо. Но полагаю, что это дивная страна.

Врач заглотал наживку и принялся вещать, точно рекламный путеводитель:

— Чудесная. Побережье изобилует пальмами, песчаными пляжами, там дует свежий морской ветерок. Внутри страны водится много дичи. Еще у нас есть предгорья, банановые плантации и все такое прочее. Очень богатый,

очень зеленый край. Много дичи. Есть горы. Очень высокие, очень зеленые, свежий воздух. Фантастические виды. Изобилие дичи.

— Да, замечательно,— неуверенно произнес я.

От дальнейших панегириков Цейлону меня избавило появление сестры, которая принесла необходимое снаряжение для тампонирования моего носа.

— А теперь, сестра,— деловито сказал врач,— попрошу вас крепко держать голову джентльмена. Вот так.

С этими словами он длинными острыми щипцами захватил конец бинта длиной не меньше пяти километров, потом надел себе на голову обруч с фонариком и подошел ко мне вплотную. Я спрашивал себя, почему сестра так крепко стискивает мой череп. Когда Пимми заталкивала мне марлю в нос, это было совсем не больно. Врач воткнул мне в ноздрю щипцы с марлей и заталкивал их до тех пор, пока острые концы не уперлись, как мне показалось, в основание черепа, пробив все пазухи и проложив по пути трассу жгучей боли, до того сильной, что она парализовала мои голосовые связки и я не был в состоянии протестовать. Вытащив щипцы, врач намотал на них с полметра марли и затолкал мне в нос с решимостью дуэлянта, прочищающего шомполом ствол своего пистолета. При этом он настолько увлекся процедурой, что острые концы щипцов царапали нежную слизистую оболочку пазух. У меня было такое ощущение, будто ноздрю набили раскаленными углями. Хотя голосовые связки вернулись к норме, я по-прежнему не мог протестовать, однако по иной причине. Игроки в «Монополию» притихли и жадно прислушивались к доносящимся через занавеску слабым звукам. Если бы я, подчиняясь голосу разума, дико заорал, пнул Верасвами в пах ногой и сорвался с кровати, волоча за собой несколько метров марли, это могло бы пагубно повлиять на мальчугана, нервно ожидающего своей очереди. Оставалось только терпеть. Сестра, послушная воле Верасвами, сжимала мою голову словно в тисках. Сжимала так сильно, что ее большие пальцы оставили у меня над бровями круглые синяки, которые потом не проходили несколько дней.

А Верасвами продолжал запихивать метры марли в строптивую ноздрю; его усердие напоминало черного дрозда, ранним утром очищающего газон от червей. Когда мне показалось, что половина бинта уже перекочевала в мои пазухи, я хрипло попросил прервать на время истязание.

— Вам больно? — осведомился Верасвами не столько даже с академическим интересом в голосе, сколько, как мне показалось, с удовольствием.

— Да, — ответил я.

Вся правая сторона черепа, лица и шеи болели так, словно по ним били кувалдой, а пазухи горели так, что в них, наверно, можно было бы поджарить яйцо.

— Добро должно быть с кулаками, — объяснил Верасвами, явно довольный тем, что ему известна эта избитая фраза. Остатки бинта (три с лишним метра, как я после установил) он решительно затолкал в ноздрю большими пальцами, которые давно перестали казаться мне нежными и хрупкими, как крылья бабочки. Мне доводилось читать, как у людей, когда от боли, когда от горя, слезы брызгали из глаз, и я всегда считал это поэтической вольностью. Пришлось убедиться, что это не так. Под действием больших пальцев Верасвами слезы брызнули пулями из моих зажмуренных глаз. Он еще раз для верности нажал на марлю и отступил назад с довольной улыбкой.

— Ну так, — сказал он. — Теперь порядок.

Я оторвал от подушки раскаляющуюся от боли голову и посмотрел на Верасвами.

— Доктор, вам никто не предлагал сменить профессию врача на ремесло чучельника?

— Нет, — удивился доктор Верасвами.

Я слез с кровати и стал одеваться.

— Советую попробовать, — сказал я. — Вы будете избавлены от жалоб пациентов.

Верасвами с тревогой следил, как я одеваюсь.

— Постойте, куда вы? — спросил он. — Вам нельзя уходить. Еще нельзя. Вдруг опять начнется кровотечение, и выйдет, что я зря старался.

— Пойдите со своими щипцами в какой-нибудь тихий уголок и сядьте на них, — устало предложил я. — А я поехал в Абботсфорд.

Найдя такси, я направился обратно в санаторий, мысленно проклиная медицинскую профессию вообще и доктора Верасвами в частности. Мне вспомнилось, как в двадцатых годах во Франции выпускникам медучилищ выдавали дипломы: «Действительно для стран Востока»; в самой Франции практиковать им не разрешалось. Уж не месть ли Востока обратилась на меня?..

Еще мне вспомнилась история, вероятно вымышленная, про индийца, величайшей мечтой которого было получить звание бакалавра наук. Он год за годом сдавал экзамены и каждый раз проваливался. Доведенное до отчаяния начальство посоветовало ему оставить тщетные попытки и заняться чем-нибудь другим. И стал индеец консультантом по вопросам, как получить звание бакалавра наук, а в подтверждение своей квалификации заказал визитные карточки, где значилось: «Мистер Рам Синг, Б. Н. (провал.)». «Без сомнения,— сказал я себе, поглаживая ноющую голову,— Верасвами в медицинских кругах известен как Чипати Верасвами, доктор медицины (провал.)».

В Абботсфорде меня встретила Пимми.

— Ну как,— спросила она.— Все в порядке?

— Не прикасайся ко мне,— ответил я.— Они подвергли меня пыткам, и я теперь один сплошной обнаженный нерв. Предложи мне эвтаназию, и я твой друг до гроба.

— В постель,— скомандовала Пимми.— Я сейчас приду.

Я устало разделся и плюхнулся на кровать. «Все что угодно, даже смерть лучше этих мучений,— говорил я себе.— Кажется, меня направили в Абботсфорд, чтобы я здесь обрел мир и покой?»

Возвратилась Пимми, держа в руке шприц.

— Повернитесь спиной,— велела она.— Морфий. Предписание врача.

Проворно исполнив предписанную процедуру, она озабоченно посмотрела на меня. Мое лицо являло отнюдь не располагающее зрелище. Правый глаз опух и наполовину закрылся, ноздря из-за напичканной в нее марли напоминала расплющенный нос боксера, усы и борода казались сплетенными из красных нитей с матовым отливом. Пимми глубоко вздохнула и нахмурилась.

— Будь я там с вами, они слышали бы, что я о них думаю,— молвила она с внезапной яростью.

— Спасибо тебе за заботу,— пробормотал я сонно.— Не знал, что ты так беспокоишься обо мне.

Пимми резко выпрямилась.

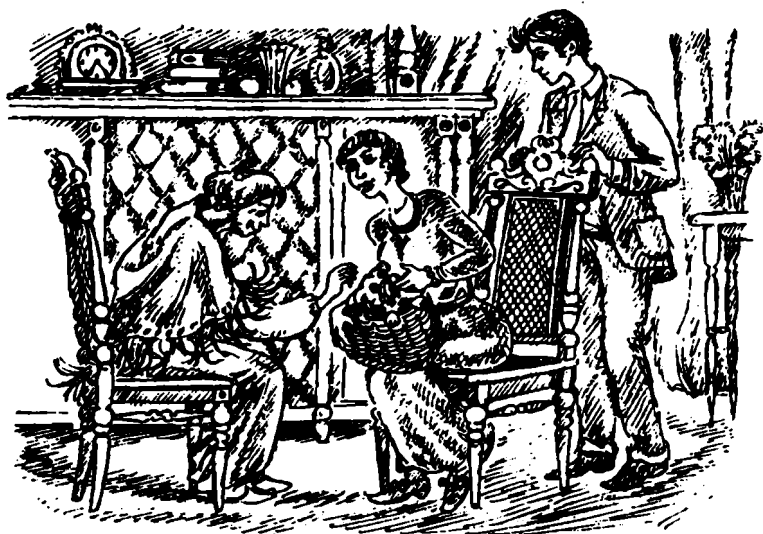
— Беспокоюсь о вас? — сердито спросила она.— Я не о вас беспокоюсь, я думаю о том, сколько хлопот они мне прибавили. Вот что меня беспокоит. А теперь кончайте трепаться и спите.

Пимми направилась к двери.

— Я скоро вернусь,— добавила она на ходу,— и чтобы вы к тому времени крепко спали.

«Чипати Верасвами,— думал я, убаюканный морфи-ем,— доктор медицины (провал.), Пимми могла бы его кое-чему научить. Она не провал.»

Глава шестая

УРСУЛА

Когда мне было двадцать с небольшим, жизнь сводила и разводила меня с немалым числом привлекательных молодых особ, но ни одна не произвела на меня очень глубокого впечатления. Ни одна, кроме Урсулы Пендрагон Уайт. Несколько лет она регулярно возникала и вновь исчезала, точно кукушка в стенных часах, и я обнаружил, что изо всех моих подруг только ей было дано будить во мне широчайший спектр чувств — от тревоги и уныния до безудержного восхищения и сущего ужаса.

Впервые она возникла в моем поле зрения на втором ярусе автобуса номер 27, который величественно катил по улицам целебнейшего среди морских курортов Борнмута, где я тогда жил. Я сидел в автобусе сзади, Урсула со своим спутником занимала сиденье передо мной. Возможно, я не обратил бы на нее внимания, если бы не голос Урсулы, такой же мелодичный и пронзительный, как голос певчей канарейки. Вращая головой в поисках источника сладкозвучного родосского акцента, я увидел профиль Урсулы и уже не мог оторвать глаз от нее. Короткие темные

кудри словно нимбом обрамляли ее головку, оттеняя красоту необыкновенного лица. Огромные глаза были сочного синего цвета — так выглядят на солнце незабудки, их обрамляли длинные темные ресницы под очень темными, неизменно поднятыми бровями. Губы ее по форме и складу были предназначены отнюдь не для потребления копченой сельди, или лягушачьих лапок, или кровяной колбасы, ровные зубы отличались совершенной белизной. Но самой изумительной чертой ее лица был нос. Я в жизни не видел ничего подобного. В меру длинный, он сочетал три различных стиля. В основе прямой, классический, греческий, он у кончика странно преображался, задираясь кверху, точно у китайского мопса, а самый кончик был совсем плоский, словно его кто-то аккуратно сточил. При таком описании он покажется вам скорее безобразным, но могу заверить вас, что это был просто очаровательный нос. Молодые люди при первом же взгляде на этот нос безнадежно и слепо влюблялись в него. Он был такой чарующий, такой уникальный, что вас немедленно обуревало желание познакомиться с ним поближе. Меня он так обворожил, что я не сразу смог сосредоточиться на подслушивании. Зато, прислушавшись к беседе Урсулы с ее спутником, я открыл еще одну прелестную черту обладательницы необыкновенного носа — беспрестанную, суровую, решительную расправу с английским языком. Если другие люди покорно изъясняются на родном языке так, как их учили с детства, то в обращении Урсулы с ним просматривались черты древней кельтской воительницы. Она, если можно так выразиться, хватала английскую речь за загривок, основательно встряхивала ее и выворачивала наизнанку, заставляя слова и обороты покорно выражать понятия, отнюдь не свойственные им.

Сейчас, наклонясь к своему спутнику, она продолжала дискуссию, которая началась до того, как я вошел в автобус.

— И папочка говорит: «Что в лоб, то на лбу», но я не согласна. Тут явно огонь без дыма, и, по-моему, кто-то обязан сказать ей об этом. А ты как считаешь?

Молодой человек, похожий на ищейку, страдающую несварением желудка, явно был не меньше моего озадачен ее утверждением.

— Не знаю, — ответил он. — Щекотливая ситуация, верно?

— Это совсем не смешно, дорогуша, это серьезно.

— У некоторых людей,— сказал молодой человек с видом греческого философа, рассыпающего жемчуг мудрости,— у некоторых людей так уж заведено, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

— Боже! — воскликнула Урсула.— Мои руки никогда не знают, что я делаю, но суть не в этом. Я хочу сказать... О-о-о! Нам здесь сходить. Дорогуша, пошевеливайся.

Я провожал взглядом ее движение по проходу. Высокая, одетая небрежно, но элегантно, гибкая, подвижная фигура из тех, при виде которых у молодых людей роятся в голове распутные мысли, длинные ноги дивной формы. Я смотрел, как она спускается на тротуар и, все так же оживленно беседуя со своим спутником, исчезает в толпе праздных гуляк и посетителей торговых точек.

Я вздохнул. Такая прелестная девушка, и как же жестоко поступила судьба, подразнив меня этим видением, чтобы тут же разлучить с ним. Однако я ошибался — не прошло и трех дней, как Урсула вновь возникла на моем жизненном пути, чтобы оставаться там с перерывами следующие пять лет.

Один друг пригласил меня к себе на день рождения, и, входя в гостиную, я услышал похожий на флейту, звонкий голос девушки из автобуса.

— Я прирожденный беспутник,— серьезно объясняла она высокому молодому человеку.— Страсть к путешествиям у меня в крови. Папочка говорит, что я настоящая недоседа.

— С днем рождения,— поздравил я хозяина.— И за то, что я принес тебе такой драгоценный подарок, прошу представить меня тому поразительному носу.

— Ты говоришь про Урсулу? — удивился он.— В самом деле хочешь познакомиться с ней?

— Превыше всего на свете,— заверил я его.

— Ладно, только я ни за что не отвечаю. Если она за тебя возьмется, быть тебе в сумасшедшем доме. Местная психушка уже битком набита ее приятелями.

Мы подошли к девушке с восхитительным носом.

— Урсула,— обратился к ней мой друг, стараясь говорить безучастно,— позволь познакомиться тебя. Джерри Даррелл... Урсула Пендрагон Уайт.

Урсула обернулась, обвела меня пристальным взглядом синих очей и одарила дивной улыбкой. В анфас ее нос

выглядел еще очаровательнее, чем в профиль. И я был сражен наповал.

— Привет,— сказала она.— Это ведь ты слынешь жуковедом?

— Я предпочел бы славу элегантного, симпатичного, остроумного, бесшабашного прожигателя жизни,— печально ответил я.— Но если ты предпочитаешь, чтобы я был жуковедом, так тому и быть.

Она рассмеялась, и смех ее был подобен звону бубенчиков.

— Прости, я грубо выразилась. Но ведь это ты человек, который любит животных, верно?

— Да,— признался я.

— Тогда ты как раз тот, кто мне нужен. Я уже несколько дней спорю с Седриком. Он жутко упрямый, но я уверена в своей правоте. Собаки ведь могут предсказывать, верно?

— Ну...— рассудительно произнес я,— если битьем научить их говорить...

— Да нет же, нет! — нетерпеливо отрезала Урсула, точно разговаривала с несмышленным ребенком.— *Предсказывать*, понимаешь? Они видят призраков, могут предупредить тебя о близости смерти и так далее.

— Ты хочешь сказать — они *предчувствуют*? — осторожно справился я.

— Ничего подобного,— отрезала Урсула.— Я подразумеваю именно то, что сказала.

После того как мы основательно обсудили благородные свойства и пророческий дар собак, я ловко перевел разговор на музыку. Мне удалось добыть билеты в концертный зал, и я подумал, что вот достойный и культурный способ завязать дружбу с Урсулой. Итак, я спросил, любит ли она музыку.

— Просто *обожаю*.— Она восторженно закатила глаза.— Если музыка, как говорят, язык любви, давай закусим.

Она с улыбкой посмотрела на меня.

— Ты хочешь сказать...— неосторожно начал я.

Теплый, отуманенный любовью взгляд Урсулы разом преобразился, глаза ее уподобились подернутым льдом цветкам барвинка.

— Только не объясняй мне, что я хочу сказать,— взбунтовалась она.— Все мои приятели этим занимаются,

меня это приводит в бешенство. Без конца исправляют и исправляют меня, точно я... какая-нибудь контрольная работа.

— Ты не дала мне договорить,— мягко ответил я,— я собирался спросить: «Не хочешь ли ты сказать, что твоя любовь к музыке так велика, что ты с удовольствием примешь приглашение пойти со мной в концертный зал завтра вечером?»

— О-о-о! — просияла Урсула.— У тебя что — и билеты есть?

— Так уж заведено — на концерты ходить с билетами,— заметил я.

— Ты молодец. На прошлой неделе я хотела купить билеты, но они уже были распроданы. Я буду счастлива!

Когда я, весьма довольный собой, собрался уходить, хозяин полюбопытствовал, как я поладил с Урсулой.

— Отлично,— ответил я, окрыленный своим успехом.— Завтра она идет со мной в ресторан, оттуда — на концерт.

— Что? — с ужасом воскликнул хозяин.

— Ревность тебе не поможет,— сказал я.— Конечно, ты достаточно мил, этакий неотесанный, скромный парень, но для успеха у такой прелестной девушки, как Урсула, тебе недостает чуточки шарма, живости ума, чего-то эдакого.

— Я не могу этого допустить,— всколыхнулся он.— Несмотря на твою возмутительную заносчивость, не могу в час, когда ты, мой друг, готов очертя голову ринуться в зияющие бездны преисподней, не протянуть руку помощи, чтобы остановить тебя.

— О чем ты? — спросил я с искренним интересом, настолько серьезно он говорил.

— Слушай и не говори потом, что тебя не предупреждали. Лучше всего, если бы ты позвонил ей сегодня вечером и сказал, что заболел гриппом, или тебя укусила бешеная собака, или еще что-нибудь. Однако я знаю, что ты этого не сделаешь, ты одурманен. Но ради Бога, послушай мой совет. Если пойдешь с ней в ресторан, ни за что не давай ей в руки меню, разве что тебе сейчас досталось по наследству несколько сот фунтов стерлингов. У нее аппетит как у самого прожорливого удава, и она ничего не смыслит в деньгах. Что же касается концерта... так вот, дружище, тебе не известно, что администрацию концертного зала бросает в дрожь при одном упоминании

ее имени? Что они не один год изыскивают возможность по закону запретить ей посещать концерты?

— Но она заверила, что очень любит музыку, — неловко произнес я.

— Это чистая правда, и музыка действует на нее самым ужасным образом. Однако еще ужаснее она действует на музыку. Мне довелось видеть, как музыкант, дирижировавший «Волшебной флейтой», весь в слезах, припал к флакону с нюхательной солью, словно младенец к соске. Рассказывают также, и я готов в это поверить, что другой дирижер проснулся наутро седой, после того как накануне Урсула присутствовала на представлении «Весны священной» Стравинского. Разве тебе не известно, что когда здесь гастролировала Айлин Джойс, то Урсула, явившись на концерт, так пагубно воздействовала на несчастную пианистку, что та *забывала переодеваться* в паузах?

— Может быть... может быть, виной был просто какой-то недосмотр?

— Недосмотр? Недосмотр! Ты когда-нибудь слышал, чтобы у Айлин Джойс *недоставало платьев*?

Пришлось признать, что он меня убедил.

Хозяин проводил меня до дверей с учтивостью мягко-сердечного палача.

— Помни, — тихо сказал он, сочувственно сжимая мою руку, — я твой друг. Звони, если я тебе понадобится. Звони в любое время дня и ночи.

С этими словами он решительно захлопнул дверь у меня перед носом, и я отправился домой, полный тревожных предчувствий.

Однако на другой день я проснулся утром в бодром расположении духа. «Как-никак, — говорил я себе, — Урсула восхитительная девушка, такое очаровательное создание просто не может вести себя так невоспитанно, как это изображал мой друг. Скорее всего, он попытался назначить ей свидание, и она с рассудительностью, равной ее красоте, отшила его». Утешив себя таким образом, я оделся особенно тщательно и отправился на вокзал встречать Урсулу. С ее слов мне было известно, что она живет в Нью-Форест и в Борнмут едет поездом, потому что: «Когда мне нужен наш «роллс-ройс», папочка непременно куда-нибудь уезжает на нем». Выйдя на платформу, я стал нетерпеливо ждать прибытия поезда. Когда я в двадцатый раз поправлял свой галстук, ко мне вдруг обрати-

лась пожилая леди, одна из столпов местной церкви, каким-то образом подружившаяся с моей матерью. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу и всей душой желая, чтобы старая карга поскорей испарилась, потому что, когда впервые встречаешься с девушкой, которой ты назначил свидание, меньше всего желаешь, чтобы при сем присутствовала критическая благочестивая аудитория. Однако она пристала ко мне как клещ и все еще продолжала рассказывать о последнем благотворительном базаре, когда на станции появился, чуфыкая, чумазый паровоз. Нетерпеливо обводя взглядом вагоны в поисках Урсулы, я не слишком внимательно прислушивался к рассказу о том, что говорил приходской священник.

— И священник сказал: «Я лично, миссис Дарлингхерст, сообщу епископу, как самоотверженно вы трудились во время сбора средств на орган». Конечно, он вовсе не обязан это делать, но он поступил как истинный христианин, правда?

— О, конечно... конечно... весьма... э... мудрый человек.

— И я так думаю. И я сказала ему: «Господин священник, я всего лишь скромная вдовица...»

Мне не пришлось узнать, какими еще секретами своей личной жизни она поделилась со священником, потому что откуда-то сзади до моих ушей донесся звонкий радостный голос Урсулы:

— Дорогой! *Дорогуша!* Я здесь!

Я развернулся кругом, и сделал это как раз вовремя, потому что Урсула бросилась в мои объятия и впилась своими губами в мои с алчностью шмеля, завидевшего первый в сезоне цветок клевера. Вырвавшись наконец из осьминожьей хватки Урсулы, я попытался найти взглядом миссис Дарлингхерст и обнаружил, что она пятится вдоль платформы с видом пустытника, который стал вдруг свидетелем римской оргии самого дурного пошиба. Я робко улыбнулся, помахал рукой, после чего схватил Урсулу за руку и повлек за собой, на ходу пытаясь стереть с губ около килограмма помады.

На Урсуле было эффектное синее платье, превосходно сочетающееся с ее огромными глазами, и элегантные белые замшевые перчатки. На одной руке висела на ремне необычная корзиночка, похожая на те, в которые кладут припасы, отправляясь на пикник. Должно быть, в этой

таре она держала запас косметики, рассчитанный не на один год.

— Дорогой,— сказала Урсула, устремив на меня восторженный взгляд,— я *предвкушаю* все это. Такой чудесный день! Ленч наедине с тобой, потом концерт... О-о-о-о! *Райское наслаждение!*

В это время мы проходили мимо билетных касс, и несколько мужчин, уловив игриво-страстную интонацию, с которой были произнесены слова «райское наслаждение», посмотрели на меня с такой завистью, что я сразу присосанился.

— Я заказал столик...— начал я.

— Дорогой,— поспешно перебила меня Урсула.— Мне позарез нужно в уборную. В поезде не было туалета. Купи мне газету.

С разных сторон на нее устремились удивленные взгляды.

— Потихе! — сказал я.— Не надо так громко. Зачем тебе газета? Там есть туалетная бумага.

— Конечно, дорогой, но она слишком *тонкая*. Я предпочитаю подстелить бумагу потолще,— объяснила Урсула, и голос ее разносился кругом, как звон колоколов в морозной ночи.

— Подстелить? — спросил я.

— Ну да. Я никогда *не сажусь* прямо на сиденье. Потому что одна моя знакомая, посидев вот так, схватила скарабея.

— Ты хочешь сказать — скарлатину?

— Да нет же, *нет!* — нетерпеливо возразила она.— Скарабея. Вся так и пошла отвратительными красными пятнами. Прошу тебя, дорогой, скорее купи мне газету, я просто *умираю*.

Я исполнил просьбу Урсулы, и она направилась в женскую уборную, размахивая газетой так, словно разгоняла бактерий. «Интересно,— спросил я себя,— от кого из своих друзей могла она слышать слово «скарабей» и по какому поводу?»

Через несколько минут она возникла вновь с улыбкой на лице и, очевидно, без бактерий, я затолкал ее в такси и отвез в ресторан. Мы быстро нашли свободный столик, и официант разложил перед нами огромные меню. Памятуя советы моего друга, я живо выхватил меню из рук Урсулы.

— Я сам выберу для тебя блюдо,— объяснил я.— Я гурман.

— Правда? — удивилась Урсула.— Разве ты индиец?

— При чем тут Индия?

— Ну, я думала, что они приезжают оттуда.

— Кто? Гурманы? — все больше удивлялся я.

— Ну да. Разве это не те люди, которые проводят время, созерцая свой живот?

— Совсем не те. Ты подразумеваешь нечто совершенно другое. Ладно, не ломай себе голову, лучше давай я покажу, что нам есть.

Я заказал недорогой, но плотный ленч и к нему бутылку вина. Урсула тараторила без перерыва. У нее было несметное количество друзей, которых, считала она, я должен был знать и дела которых чрезвычайно ее интересовали. Судя по рассказам Урсулы, большую часть своего времени она тратила на то, чтобы перекраивать их жизнь, невзирая на их собственное мнение на этот счет. Голос ее журчал как ручей, и я слушал как замороженный.

— Меня страшно беспокоит Тоби,— доверительно сообщила она мне, уписывая креветки.— Честное слово, беспокоит. Похоже, его гложет тайная страсть к кому-то. Но папочка не согласен со мной. Папочка говорит, что Тоби склонен к алогизму.

— Алогизму?

— Ну да. Понимаешь, он слишком много пьет.

«Что ж,— сказал я себе,— пьяницы и впрямь не слишком логично мыслят...»

— Ему следует обратиться в Общество анонимных алогистов,— ляпнул я.

— Это кто же такие? — живо заинтересовалась Урсула.

— Ну, это такое тайное общество... Э... Э... алогистов, они стараются помочь друг другу... Э... избавиться от дурной привычки и стать... Э... стать...

— Стать логистами! — радостно воскликнула Урсула.

Должен сознаться, что такая мысль не пришла мне в голову.

Когда нам подали котлету из филе, Урсула наклонилась над тарелкой и пристально посмотрела на меня своими синими глазищами.

— Ты слышал про Сьюзен? — прошептала она, причем шепот ее прозвучал куда явственнее, чем если бы она говорила полным голосом.

— Э-э... нет, не слышал, — признался я.

— Так вот, она забеременела. У нее должен был родиться неграмотный ребенок.

Я поразмыслил над этой новостью.

— Что ж, при нынешнем уровне просвещения...

— Не говори глупости! Она *ничего* не применяла, — продолжала шептать Урсула. — Дуреха такая. А ее отец, естественно, заявил, что не желает, чтобы его существование омрачала ватага неграмотных.

— Еще бы, — сказал я. — Кому же захочется, чтобы его дом превратился в убежище обманутых девиц.

— Вот-вот! И отец велел ей сделать аборт.

— Напасть на отца ребенка? — спросил я.

— Да нет же, дурачок! Избавиться от младенца.

— Ну и как? Она послушалась?

— Послушалась. Он послал ее в Лондон. Это обошлось страшно дорого, и бедняжка вернулась домой в жутком состоянии. По-моему, ее отец был не прав.

К этому времени большинство других посетителей ресторана слушали нашу беседу затаив дыхание.

За кофе Урсула принялась рассказывать мне длинную и весьма замысловатую историю про одного своего друга, который попал в беду и которому она жаждала помочь. Я слушал вполуха, пока она вдруг не сказала:

— Как раз тогда я не могла ничего поделать, потому что мама лежала в постели с гриппом, а папочка попросил меня пораньше приготовить завтрак, потому что собирался отвезти быка к ветеринару, чтобы хлестать его. Поэтому...

— *Что* собирался сделать твой папа? — спросил я.

— Отвезти к ветеринару быка, чтобы хлестать его. Он стал совсем буйный и опасный.

Я тщетно пытался сообразить, зачем надо хлестать опасного и буйного быка, однако у меня достало ума не расспрашивать об этом Урсулу.

— Послушай, — сказал я, — давай-ка допивай поскорей кофе. Не то мы можем опоздать на концерт.

— О, конечно, — отозвалась она. — Нам нельзя опаздывать.

Урсула поспешно допила кофе, я рассчитался с официантом и вывел ее из ресторана. Мы проследовали через так называемый Борнмутский увеселительный сад, мимо чахлах рододендронов и прудов к концертному залу.

Когда мы взяли курс на свои места, Урсула настояла на том, чтобы нести с собой свою корзинку.

— Почему бы тебе не оставить ее в гардеробе? — спросил я, уж больно громоздкой казалась мне эта корзина.

— Я не доверяю гардеробам, — загадочно ответила Урсула. — Там происходят странные вещи.

Чтобы не усложнять себе жизнь, я не стал выяснять, что за странные вещи происходят в гардеробах. Мы заняли свои кресла и втиснули корзинку между ногами.

Постепенно зал заполнили серьезные любители музыки. И когда вышел концертмейстер, Урсула с жаром присоединилась к аплодисментам, потом наклонилась ко мне и прошептала:

— Правда, дирижер очень симпатичный?

Я посчитал, что сейчас не время поправлять ее. Наконец появился дирижер, и Урсула снова принялась бить в ладоши, потом откинулась в кресле и глубоко вздохнула. Посмотрела на меня с очаровательной улыбкой:

— Я предвкушаю, *как* это будет чудесно, дорогой.

Программа концерта состояла из произведений Моцарта, моего любимого композитора, и мне быстро стало понятно, что подразумевали мои друзья, говоря о пагубном воздействии Урсулы на музыку. Стоило инструментам смолкнуть на секунду, как она тотчас принималась аплодировать. Со всех сторон на нас шикали, и я быстро наловчился вовремя хватать ее за руки. Каждый раз она обращала на меня страдальческий взгляд и шептала:

— *Прости*, дорогой. Я думала, он уже закончил.

Кажется, после четвертого номера программы я почувствовал, что корзинка шевелится. Подумал сперва, что ошибся, но, придавив ее ногой, убедился, что там происходит какое-то шевеление. Посмотрел на Урсулу, она сидела с закрытыми глазами, покачивая в такт музыке указательным пальцем.

— Урсула! — прошептал я.

— Да, дорогой, — отозвалась она, не открывая глаз.

— Что у тебя там в корзине?

Она озадаченно уставилась на меня.

— Ты о чем это?

— В твоей корзинке что-то шевелится.

— Тс-с-с! — донесся сзади сердитый хор.

— Не может быть, — сказала Урсула. — Разве что кончилось действие таблеток.

— Что у тебя в корзине? — спросил я.

— Ничего особенного, просто подарок для одного человека.

Она наклонилась, подняла крышку и извлекла из корзины крохотного мопса с огромными черными глазами.

Я был потрясен. Боримутские любители музыки очень серьезно относились к концертам, меньше всего на свете они желали и допускали, чтобы в священные покои вторгались собаки.

— Черт возьми! — сказала Урсула, глядя на очаровательную мордочку мопса. — Действие таблеток кончилось.

— Слышишь, немедленно посади его обратно в корзину, — прошипел я.

— Тс-с-с! — шикали на нас со всех сторон.

Урсула наклонилась, чтобы вернуть щенка в корзину, он широко зевнул, потом вдруг дернулся, и она выпустила его.

— О-о-о! — пропищала Урсула. — Я уронила его! Уронила!

— Замолчи! — рявкнул я.

Шиканье продолжалось.

Я нагнулся, пытаюсь нащупать щенка, однако мопсик, явно ободренный тем, что вырвался из заточения, уже трусил мимо кресел, сквозь лес из чужих ног.

— Что мы теперь будем *делать*? — спросила Урсула.

— Вот что, ты лучше помалкивай, — ответил я. — Заткнись и предоставь действовать мне.

Шиканье не прекращалось.

Мы помолчали, я лихорадочно соображал. Как отыскать щенка мопса среди всех этих кресел и ног, не срывая концерт?

— Придется оставить его в покое, — заключил я. — Я поищу после концерта, когда все разойдутся.

— Ты что! — всколыхнулась Урсула. — Разве можно бросить вот так этого крошку, на него могут наступить, могут его покалечить.

— Хорошо, а что ты сейчас предлагаешь мне делать?

— Тс-с-с! — неслось отовсюду.

— Пойди отыщи его среди этой чащи кресел и ног, — продолжал я.

— Но дорогой, ты *обязан* его найти. Ему так страшно, страшно одиноко.

«Одиноко среди семи сотен людей в зале», — подумал я.

— Ладно, сделаю вид, что мне понадобилось пойти в уборную.

— Чудесная идея, — просияла Урсула. — Наверно, он как раз в ту сторону направился.

Встав на ноги, я прошел сквозь строй негодующих лиц и произносимых вполголоса проклятий. Очутившись в проходе, прямо перед собой увидел мопсика, который присел, как приседают щенята до того, как научатся поднимать ножку, и по-своему декорировал красную ковровую дорожку. Осторожно подкравшись, я схватил его и поднял, при этом мопсик громко взвизгнул, заглушая бурные звуки музыки. Послышался нестройный шум — это возмущенные меломаны повернулись в мою сторону. Щенок продолжал визжать, тогда я затолкал его под пиджак и выбежал из зала.

К счастью, в гардеробе дежурила одна моя знакомая девушка.

— Привет, — сказала она. — Уже уходишь? Тебе не понравился концерт?

— Н-нет... меня... меня вынудили обстоятельства. — Я достал щенка из-под пиджака и показал ей. — Ты не придержишь за ним для меня?

— Ой, какой миленький! — воскликнула она. — Надеюсь, ты не носил его в зал? У нас ведь строго запрещено приводить с собой собак.

— Знаю, знаю. Произошло недоразумение. Это не мой щенок, моего друга. Ты придержишь за ним до конца концерта?

— Конечно, присмотрю. Он такой миленький!

— Совсем не такой уж миленький, когда попадает на концерт, — ответил я.

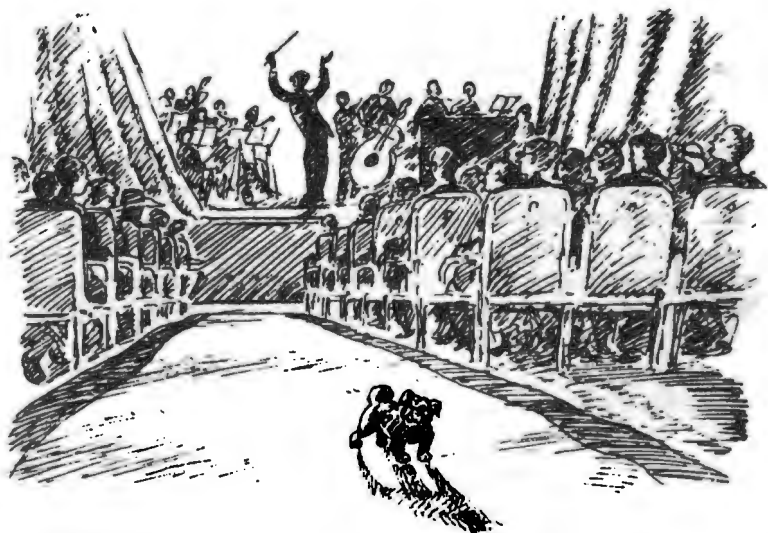
Передав мопсика в заботливые руки гардеробщицы, я возвратился в зал и тихо постоял в тени, пока не кончилось исполнение очередного номера. После чего прошел вдоль рядов к Урсуле.

— Ты принес его, милый? — осведомилась она.

— Нет, я оставил его у гардеробщицы, мы с ней знакомы.

— Ты уверен, что с ним ничего не случится? — В представлении Урсулы, в гардеробах с щенками мопсов происходили какие-то ужасные вещи.

— Все будет в полном порядке, — ответил я. — Его будут нежить и лелеять до конца концерта. Ума не приложу, зачем тебе понадобилось приносить собаку в зал.

— Но, дорогой, это подарок одному моему другу. Я... я собиралась все объяснить тебе, но ты все время говорил, говорил, не давал мне слова вставить. Я отвезу его после концерта.

— Ладно, только, ради Бога, не повторяй больше этот номер. Концертный зал не предназначен для собак. А теперь давай посидим спокойно, постараемся наслаждаться музыкой, хорошо?

— Конечно, милый, — отозвалась Урсула.

Когда закончился концерт и Урсула, как она выразилась, поаплодировала до хрипоты, мы извлекли щенка из гардероба, вернули его в корзину и покинули зал вместе с толпой любителей музыки, оживленно обсуждавших достоинства Борнмутского симфонического оркестра.

— Дорогой, я *так* счастлива, — говорила Урсула. — Все эти архипелаги, у меня от них мурашки по спине. Никто не сравнится с Бетховеном, верно? — громко и отчетливо спросила она, вися на моей руке, точно хрупкая девственная тетушка, заглядывая мне в глаза и сжимая в одной руке программу, на которой большими буквами было написано: «Концерт из произведений Моцарта».

— Никто, — поспешил я согласиться. — Но ты собиралась рассказать про щенка.

— Так вот,— начала она.— Я хочу отвезти его моему другу, которая живет на окраине Пула. Ее зовут миссис Голайтли.

— Я нисколько не удивлен,— ответил я.— Только объясни мне, зачем ты везешь щенка миссис Голайтли.

— Он нужен ей. Страшно нужен. Понимаешь, она только что потеряла своего Бов-вов.

— Что она потеряла?

— Своего Бов-вов.

— Ты говоришь о собаке?

— Ну да. Это такая кличка была — Бов-вов.

— И теперь ей нужна другая собака?

— Конечно. Не то чтобы она сама этого *хотела*, но она нуждается в собаке.

— Другими словами, ты... гм... хочешь подарить ей щенка, потому что считаешь, что она в нем нуждается?

— Ну конечно! — воскликнула Урсула.— Это же сразу видно, как ей нужна собака!

— Сдается мне, большая часть твоего времени уходит на вмешательство в дела твоих друзей, когда они этого вовсе не желают.

— Конечно, желают,— серьезно возразила Урсула.— Желают, хотя не отдают себе в этом отчета.

Я сдался.

— Ладно. Поехали в Пул.

И мы двинулись в путь. Когда мы добрались до Пула, Урсула повела меня по каким-то закоулкам, пока не остановилась перед крохотным домиком, отчужденно смотрящим на своего соседа через улицу. Бронзовая дверная ручка этого домика была тщательно отполирована, и я обратил внимание на удивительную белизну ступенек, свидетельство пристрастия хозяйки к чистоте. Урсула энергично постучала дверным молотком, наконец дверь открылась, и я увидел маленькую, хрупкую седую старушку.

— Кого я вижу! — воскликнула она.— Мисс Урсула — это ты!

— Эмма, дорогая! — Урсула заклопочила в свои объятия эту пушинку.— Мы пришли навестить тебя. Это — Джерри.

— О, входите... входите же,— пригласила старушка.— Но почему вы не предупредили меня? Я не одета как следует, и в доме ужасный беспорядок.

Она провела нас в комнату, обставленную допотопной мебелью, заботливо отполированной и являющей собой об-

разец безукоризненно дурного вкуса. С этой комнатой обращались как с дорогим музейным экспонатом. Все стояло на своих местах, все блестело и сверкало, и в воздухе слабо пахло политурой и антисептиком. На крышке пианино, которое выглядело так, словно им никогда не пользовались, выстроились фотографии. Две из них изображали стоящего очень прямо джентльмена с пышными усами, остальные — косматую собаку смешанной породы в самых различных позах. Большинство снимков — неясные, расплывчатые, однако было совершенно очевидно, что джентльмен играл второстепенную роль, главная отводилась собаке. Я предположил, что это и есть Бов-вов.

— Садитесь же, садитесь, — уговаривала старушка. — Сейчас я приготовлю чай. И у меня еще есть торт. К счастью, я испекла торт на днях. Вы не откажетесь от куска торта и чашки чая?

Мне в эту минуту больше всего на свете хотелось выпить несколько добрых кружек пива, но я ответил, что с удовольствием выпью чая.

За чаем и куском торта, таким же легким и воздушным, как слиток свинца, Урсула говорила без умолку. Я понял, что Эмма Голайтли одно время служила в доме ее отца и явно чтילה его очень высоко. Было интересно наблюдать, как бурлящая энергия Урсулы воздействует на Эмму. Когда хозяйка открыла нам дверь, лицо ее казалось серым и изможденным, теперь же она порозовела и улыбалась, явно зараженная энтузиазмом гостя.

— Да-да, — приговаривала она. — А помнишь...

— Конечно! — подхватывала Урсула.

— А помнишь еще тот раз...

Казалось, этому не будет конца. Право, старушка выглядела так, словно ей сделали переливание крови. Я был готов воочию убедиться, что Урсула, в свою очередь, совершенно обескровлена.

В конце концов она искусно перевела речь на Бов-вов.

— Понимаешь, Джерри совсем ничего не знает про Бов-вов, — Урсула сочувственно поглядела на Эмму. — Расскажи ему.

Глаза Эммы наполнились слезами.

— Такая была чудесная собака, — заговорила она. — Чудная. Право, он разве что не говорил, да-да. И вот однажды я выпустила его погулять и какой-то тип на машине задавил его. Задавил и даже не остановился... не

остановился. Я отвезла Бов-вов к ветеринару... он был весь в крови. И я сказала ветеринару, я сказала... я заплачу, сколько скажете, только спасите его. Понимаете, после смерти моего мужа у меня только он и остался. Такая милая собака, такая славная. Уверена, вы сразу полюбили бы его. Он был весь в крови и как будто не очень страдал, но они сказали, что ничего не могут сделать. Сказали, лучше всего для Бов-вов будет умертвить его. А ведь он был моим товарищем с тех самых пор, как умер муж. Много... много лет... он жил здесь... почти двенадцать лет. Можете себе представить, какой это был удар для меня. И когда они сказали, что другого выхода нет, я ответила: «Ладно, давайте делайте, как говорите». И они... они умертвили его.

Она помолчала, энергично высморкалась.

— Конечно, это был для вас страшный удар,— сказал я.

— О, да-да. Ужасный удар. Это было все равно что потерять часть моей собственной жизни, ведь он, как я уже сказала, был моим единственным товарищем после смерти мужа.

Я не очень представлял себе, как продолжать беседу, ведь если Эмма и дальше будет вспоминать Бов-вов, это кончится рыданиями. И в этот миг, когда я совсем растерялся, Урсула рассекретила свое боевое средство.

— *Милая Эмма*,— вступила она,— потому что ты так заботилась о Бов-вов... так старалась, чтобы ему было хорошо... да, именно поэтому я хочу... хочу попросить тебя сделать мне *великое* одолжение. Конечно, ты можешь отказаться, но мне хотелось бы, чтобы ты подумала.

— Одолжение, мисс Урсула? — сказала Эмма.— Конечно, сделаю тебе одолжение. И чего же ты хочешь?

— Понимаешь,— принялась Урсула лихо сочинять,— этот мой друг завел щеночка, и, на беду, у них в семье сейчас серьезное заболевание, его жена больна, *тяжело больна*, а потому он не может следить за щеночком так, как тот заслуживает, и они ищут кого-нибудь, кто мог бы присмотреть за ним недельку. Человека, который обращался бы ласково с щеночком, заботился о нем. И я сразу подумала о тебе.

— Как,— сказала Эмма,— щеночек? Право... не знаю даже. Понимаешь, после Бов-вов... ну, к другой собаке как-то сердце не лежит.

— Но это всего лишь *щеночек*,— твердила Урсула со слезами на глазах.— Маленький, совсем крохотный щенок. И ведь всего-то на какую-то неделю. И я уверена, что ты смогла бы замечательно заботиться о нем.

— Ну, я даже не знаю, мисс Урсула,— повторила Эмма.— Я... я не хотела бы *заводить* другую собаку.

— Но я и не прошу тебя заводить другую собаку. Прошу только присмотреть за щенком для этого несчастного человека, жена которого болеет, тяжело болеет. Он разрывается между женой и щенком.

— Да-да,— подхватила Эмма.— В точности как я, когда Билл болел. Помню, помню. Как я иной раз не знала, то ли идти гулять с Бов-вов, то ли оставаться дома с Биллом, он так сильно болел. А что это за собака, мисс Урсула?

— Я покажу тебе.— Урсула нагнулась и открыла корзинку.

Мопс крепко спал, свернувшись калачиком, утомленный культурным мероприятием на концерте. Урсула бесцеремонно схватила его за шиворот и предъявила оторопелому взору Эммы.

— Посмотри,— сказала она.— Погляди на бедного крошку.

— О,— произнесла Эмма, машинально повторяя за Урсулой,— *бедный крошка*.

Урсула сделала попытку покачать щенка на руках, и он крепко тяпнул ее за указательный палец, чем доставил мне немалое удовольствие.

— Ты только посмотри на него,— дрожащим голосом твердила Урсула, с трудом удерживая вырывающегося мопсика.— Маленькое глупое создание, бедняжка, который еще ничего не смыслит. Вырванный из семьи, из обстановки, к которой только начал привыкать. Неужели, Эмма, ты не сжалишься над ним?

Чем-то вся эта сцена стала напоминать мне «Джен Эйр», однако я был так восхищен искусной игрой Урсулы, что не стал вмешиваться.

— Бедный сиротка,— продолжала она, силясь высвободить палец из острых зубиков щенка,— бедный сиротка нуждается в малой толике тепла, в малой толике помощи в трудную минуту... и мой друг тоже нуждается.

— Что ж, должна признать, что он очень, очень милый,— сказала явно тронутая Эмма.

— Конечно,— подхватила Урсула, сжимая мордочку мопса, чтобы не дать ему укусить ее снова.— Просто очаровательный, и, по-моему... я не уверена, но кажется, он хорошо воспитан... Всего только на неделю, Эмма, дорогая. Может он... можешь ты принять его как... как платного постояльца, так сказать, или что-то в этом роде?

— Ну, для кого-нибудь другого я бы этого не сделала,— ответила Эмма, глядя как загипнотизированная на извивающийся пушистый комочек с круглым розовым животиком и большими черными глазами.— Но он, похоже, славный маленький песик, и раз уж ты так просишь... я... я согласна поддержать его недельку у себя.

— Дорогая, да благословит тебя Бог,— выдохнула Урсула.

Поспешно вернув отчаянно вырывающегося щенка в корзину, она бросилась к Эмме, обняла ее и расцеловала.

— Я всегда знала,— сказала она, устремив на Эмму взгляд своих ярких синих прожекторов, чье всесильное действие я испытал на себе,— я знала, что кто-кто, но только не ты отвернешься от крохотного щеночка в трудную для него минуту.

Что всего удивительнее — она произнесла это так убежденно, что я сам едва не прослезился.

Наконец, отказавшись от второй чашки чая и второго куска неудобоваримого торта, мы откланялись. По пути к станции Урсула вдруг крепко-крепко обняла меня.

— Огромное спасибо, дорогой,— сказала она.— Ты меня здорово выручил.

— Как это — выручил? Я ничего не делал.

— Но ты был там со мной. Помогал... помогал своим воздействием, так сказать, своим присутствием, понимаешь?

— А теперь объясни мне,— спросил я,— зачем ты навязала бедной женщине этого своенравного щенка, который ей совсем не нужен?

— О, да ты ничего не знаешь про Эмму,— ответила Урсула.

И была совершенно права.

— Расскажи.

— Так вот,— начала она.— Во-первых, ее муж заболел, а тут они завели Бов-вов, и она разрывалась между мужем и Бов-вов, а когда муж умер, она перенесла весь своей рецидив, или как это там называется, на Бов-вов.

А тут Бов-вов сбила машина, и с тех пор ей все хуже и хуже. Дорогой, это было видно по ней. Каждый раз, когда я навещала ее, мне бросалось в глаза, как она все больше дряхлеет и... как это сказать, походит на ведьму.

— И ты считаешь, что щенок ей поможет?

— Конечно, поможет. Он самый злобный изo всего помета. Он станет бросаться на почтальона или на зеленщика, вообще на всякого, кто занимается доставкой чего-либо, и у него очень длинная шерсть для мопса, так что все будет осыпано его волосами, и он совсем невоспитанный, будет гадить на каждом шагу, дорогой.

— Постой,— перебил я ее.— По-твоему, это самый удачный подарок хрупкой старушке, которая только что потеряла своего любимого Бов-вов?

— Но дорогой, это самый *подходящий* подарок! — Урсула остановилась подле уличного фонаря и уставилась на меня.— Бов-вов вел себя точно так же. Кругом валялись его волосы, и когда она забывала вывести его вовремя, он гадил в передней, и она целыми днями жаловалась на его дурное поведение... Теперь ей будет чем заняться. Понимаешь, после смерти мужа, а потом и Бов-вов, ей совсем нечем было себя занять, и она, так сказать, на глазах увядала. А этот новый щенок станет кусать ее и вообще всех подряд, и пострадавшие будут обращаться в суд. И он будет рассыпать кругом свою шерсть и гадить на ковер, и она будет просто счастлива.

Я посмотрел на Урсулу и впервые по-настоящему оценил ее.

— Знаешь,— сказал я, обнимая и целуя ее,— по-моему, ты настоящая прелесть.

— При чем тут прелесть,— возразила Урсула, прильнув ко мне,— прелесть тут ни при чем. Просто она очень славная старушка, и мне хочется, чтобы ей жилось веселей оставшиеся годы. Этот щенок не даст ей соскучиться.

— А вот мне такое ни за что не пришлось бы в голову,— признался я.

— Разумеется пришлось бы, дорогой! — Она наградила меня ослепительной улыбкой.— Ты такой умный.

— Иногда,— сказал я, беря ее под руку и ведя дальше к станции,— иногда я начинаю в этом сомневаться.

Последующие несколько месяцев даровали мне много блаженных дней. Урсула была ясная голубиная душа, заслуживающая всяческого уважения. Очень скоро я обна-

ружил, что во избежание затруднительных положений лучше вывозить ее за город, чем замыкать в стенах театров или ресторанов. За городом кукушки, жаворонки и ежи воспринимали ее как очень естественного и славного человека. А в светском обществе в Борнмуте она постоянно, как говорится, роняла кирпичи, словно новичок на стройплощадке.

Впрочем, вылазки с Урсулой на лоно природы тоже были чреваты некоторым риском. Я показал ей перелесок, где, как мне довелось убедиться, в то время на квадратный дециметр приходилось больше птичьих гнезд, чем где-либо еще. Охваченная горячим волнением, она заглядывала в гнездышки, заполненные до краев пухлыми горластыми птенцами или яйцами разных цветов, и восторженно ахала. Пришлось мне потом каждый день навещать этот перелесок и докладывать ей по телефону о том, что происходит в мире птиц. Две-три недели спустя я снова привел ее туда, и мы с ужасом обнаружили, что кто-то — скорее всего группа подростков — кроме нас побывал в перелеске и систематически разорил все гнезда. На траве лежали мертвые птенцы, яйца исчезли. Страданиям Урсулы не было предела. Горе и ярость ее вылились в безудержном рыдании, и я не скоро смог успокоить ее.

Она все еще изредка всхлипывала, когда я привел ее в чистенький бар «Квадрант и Компас» — одну из моих любимых пивнушек в этом районе. В этом крохотном заведении собирались по вечерам все местные старики, такие смуглые битюги, с похожими на грецкий орех морщинистыми лицами, с висячими усами, белыми и жесткими, как покрытая инеем трава. Одним словом, чудесные старики, и я надеялся, что знакомство с ними отвлечет Урсулу от мыслей о разоренных гнездах. А еще мне было интересно посмотреть, как завсегдатаи воспримут ее появление.

Первые несколько минут они сидели молча и неподвижно, крепко сжимая руками свои кружки и подозрительно поглядывая на нас. Меня они знали, но со мной в их маленьком дымном баре появилось чужеродное создание, притом весьма привлекательное и женственное. Это было святотатством. Неписанный закон запрещал женщинам вход в «Квадрант и Компас». Однако Урсула об этом не подозревала, а если и подозревала, то ее это нисколько не страшило. Она напудрила нос, в рекордно короткое время опрокинула добрую стопку джина и обра-

тила на стариков ослепительный взгляд своих нежных синих очей. И вот уже они оттаяли, даже как-то виновато посмеиваются ее репликам. Внезапно глаза ее остановились на черном столике в углу.

— О-о-о! — восторженно пропищала она. — Игра в блошки!

Старики с ужасом поглядели друг на друга. Потом все взгляды обратились на самого старого, восьмидесятичетырехлетнего патриарха, который, как мне было известно, слыл здесь чемпионом популярнейшей игры.

— Нет, мисс, — твердо произнес он. — Это шаффлбординг, игра в монетки.

— О, научите меня играть, — попросила Урсула, глядя на патриарха с таким обожанием, что смуглое лицо его приобрело цвет перезрелого помидора.

— Да-да, Джордж, давай научи мисс, — хором подхватили остальные, наслаждаясь смущенным видом своего товарища, который уподобился стушевавшемуся школьнику.

Он тяжело поднялся на ноги и подошел вместе с Урсулой к столу для игры в монетки.

Глядя, как он учит ее, я — не в первый раз — размышлял о коварстве женщин вообще и Урсулы в частности. Было совершенно очевидно, что она не только умеет играть в шаффлбординг, но скорее всего могла бы победить Джорджа. Но смотреть, как она изображает неловкого новичка и как он гладит ее по плечу могучей заскорузлой пятерней, словно маленького щеночка, было сплошным удовольствием. Урсула ухитрилась изящно проиграть, после чего заказала всем по кружке пива — за мой счет, разумеется, поскольку у нее не было денег.

А раскрасневшиеся старики уже чуть ли не дрались из-за того, кому следующим играть с Урсулой в монетки. Вооружившись вечерней газетой, она на несколько минут исчезла в уборной, после чего вернулась принимать вызовы соперников.

Джордж, вытирая покрытые пеной пышные усы, опустился на дубовую скамейку рядом со мной и закурил предложенную ему сигарету.

— Прекрасная молодая женщина, — произнес он, — превосходная молодая женщина, хотя и приезжая.

Интересно, что слово «приезжая» он употребил не в том смысле, в каком его употребляют большинство деревенских жителей Англии, когда говорят об уроженцах других обла-

стей. Слушая своеобразную речь Урсулы, он заключил, что она приехала из материковой Европы или какой-то еще варварской страны. Я не стал его разочаровывать.

Нашему знакомству с Урсулой исполнился почти год, когда однажды она позвонила мне, чтобы сообщить сногшибательную новость.

— Джерри! — Голос, который мог принадлежать только Урсуле, звучал так пронзительно, что пришлось отодвинуть трубку от уха.

— Да, — кротко отозвался я.

— Милый, это я, Урсула.

— Не может быть, — ответил я. — Ты всегда такая выдержанная, голос такой сладкозвучный, нежный, словно воркование горлицы...

— *Не дури, милый.* Я звоню, чтобы сообщить тебе чудесную новость, и мне хотелось, чтобы *ты* первым ее услышал, — выпалила она.

«Что там еще произошло, — спросил я себя. — Кто из многочисленных друзей Урсулы добился потрясающего успеха благодаря ее макиавеллевским интригам?»

— Выкладывай, — сказал я, набираясь сил для, по меньшей мере, получасового телефонного разговора.

— Дорогой, я *обручилась!* — сообщила Урсула.

Должен признаться, что у меня екнуло сердце и я вдруг ощутил себя страшно одиноким. Не то чтобы я был влюблен в Урсулу, не то чтобы я хотел жениться на ней — не дай Бог! — но я вдруг осознал, что теряю очаровательного друга. Человека, который умел разогнать мою хандру, с которым было проведено столько приятных часов. И вот теперь она невеста, несомненно, какого-нибудь неотесанного болвана, и нашей сердечной дружбе придет конец.

— Милый? — воззвала Урсула. — Дорогой? Ты там еще?

— Да, — ответил я. — Я здесь.

— Но, милый, у тебя такой мрачный голос. В чем дело? Я думала, ты *обрадуешься!* — жалобно протянула она.

— Я рад, — ответил я, стараясь подавить эгоистическое чувство, стараясь стереть из памяти рассказ Урсулы о каком-то ее приятеле, который уехал в Венецию и по вечерам якшался с гондольерами. — Честное слово, любимая, я рад-радешенек. Кто этот несчастный?

— Это Тоби. Ты ведь знаешь Тоби.

— Но я думал, что он косноязычный.

— Да нет же, дурачок, не тот Тоби, а совсем другой.

— Очень рад. Мне подумалось, что косноязычному Тоби было бы непросто сделать тебе предложение.

— Дорогой, я совсем не узнаю тебя,— озабоченно произнесла Урсула, понижая голос.— Ты сердишься на меня за то, что я обручилась?

— Ни капельки,— едко ответил я.— Рад слышать, что нашелся человек, способный заставить тебя помолчать ровно столько, сколько понадобилось, чтобы сделать тебе предложение. Мне это никогда не удавалось.

— О-о-о! — воскликнула Урсула.— Ты ревнуешь! Милый, как это замечательно! Я никогда не подозревала, что ты хочешь сделать мне предложение. Когда это было?

— Часто,— сухо сказал я.— Но к счастью, мне удавалось подавить в себе это желание.

— О милый, мне так жаль. И теперь ты замкнешься и превратишься в угрюмого молчуна?

— У меня нет ни малейшего желания опускаться на дно из-за тебя,— огрызнулся я.

— О милый, что за глупости. Я думала, ты обрадуешься. По правде говоря, я надеялась, что мы встретимся...— Голос ее совсем притих.

Ну и скотина же я, подумалось мне. Страшная, чудовищная скотина. Девушка, по сути, просит меня благословить ее, а я веду себя точно мальчишка. Я поспешил раскаяться:

— Конечно, мы можем встретиться, любимая. Извини меня за грубость. Просто мне трудно свыкнуться с мыслью, что ты невеста. Где ты хочешь, чтобы мы встретились?

— О дорогой, так-то лучше. Почему бы нам не посвятить вечер танцам? Пойдем в «Тропикану»... Соглашайся, милый!

«Танцевать до десяти вечера»,— сказал я себе. Именно в «Тропикане» — отвратительном ночном клубе из тех, которые вдруг вырастают точно гриб-дождевик и короткое время вносят свой вклад в страдания человечества, чтобы затем благополучно кануть в небытие. Урсула не могла выбрать более противного мне места.

— Ладно,— изобразил я энтузиазм.— Но может, сперва где-нибудь пообедаем?

— О дорогой, конечно. Где именно?

— Как насчет «Гриллрум»? Я закажу столик.

— Милый! — выдохнула Урсула. — То самое место, где мы с тобой обедали первый раз! Милый, ты *такой* романтик.

— Не сказал бы. Просто это единственное заведение, где прилично кормят, — сухо сказал я.

— Милый, я обожаю тебя... хоть ты и деспот. Вкусный обед, потом танцы. О-о, я приду в «Гриллрум» к восьми часам, дорогой. У меня нет слов, чтобы выразить тебе, как я рада, что ты рад. Я *обожаю* тебя, всегда буду любить.

Я положил трубку, сознавая, как много потерял.

Это сознание возросло, когда я увидел Урсулу, потому что она привела с собой жениха. Это был симпатичный молодой человек с весьма ограниченным запасом слов, без ума влюбленный в Урсулу. Но в общем-то, довольно приятный. «Гриллрум», как я и ожидал, был набит битком, так что пришлось нашей троице примоститься не очень удобно за столиком для двоих. Тоби не отличался красноречием, но это не играло особой роли, потому что Урсула говорила за двоих. После обеда мы отправились в «Тропикану» с его режущим слух оркестром. Мы с Тоби по очереди важно кружили в вальсе тараторящую Урсулу. На мой вкус, это был отвратительный вечер.

После я долго не встречался с Урсулой. Слышал, что она таки вышла замуж и родила младенца. И полагал, что теперь, когда Урсула прочно освоила брачное ложе, она навсегда ушла из моей жизни. Не тут-то было. Однажды зазвонил телефон, и я услышал голос Урсулы:

— Милый! Это я, Урсула!

— Силы небесные! — удивился я. — Где ты пропадала все эти годы?

— Дорогой, я вышла замуж. У меня есть ребенок.

— Как же, слышал. Поздравляю.

— Милый, я так долго торчу в деревне, что сегодня мне непременно надо съездить в Борнмут, походить по магазинам. Не могли бы мы встретиться?

— Ты приедешь вместе с мужем? — осторожно спросился я.

— Нет, дорогой, я приеду сама по себе.

— В таком случае обязательно встретимся. Приглашаю тебя на ленч. Но сначала выпьем чашечку кофе в «Кадене».

— Чудесно, милый. Я буду там в одиннадцать.

Ровно в одиннадцать Урсула вошла в кафе «Кадена», и я сразу увидел, что она ожидает второго ребенка. Не

говоря уже о выпуклом животе, она светилась, как розовые лепестки на солнце.

— Милый! — вскричала Урсула. — Милый! *Дорогой!*

Она с ходу обняла меня и наградила таким поцелуем, какие английские цензоры обычно вырезают из французских фильмов. При этом Урсула жужжала, точно рой пчел, одержимых сексом, и прижималась ко мне всем телом, чтобы как следует ощутить всю прелесть объятия и подтвердить свое самое искреннее расположение. Несколько пожилых леди и один хорошо сохранившийся (как коринка в портвейне) отставной бригадир уставились на нас с сладострастным отвращением. По лицам было видно, что они ждут — сейчас я сорву с Урсулы одежды и изнасилую ее на месте, на священном полу кафе «Кадена». Поднатужившись, я вырвался из ее объятий.

— Я думал, ты замужешь, — заметил я.

— Так и есть, дорогой. Скажи, я стала лучше целоваться?

— Лучше, — ответил я. — А теперь садись, и выпьем кофе.

— Ты можешь взять мне мороженое?

— Конечно.

Я заказал кофе и мороженое.

— Ну, ты прямо цветешь, — сказал я.

— Правда?

— Точно, ты выглядишь замечательно. Я вижу, ждешь прибавления.

— Дети — это што-то ижжумительное, — сообщила она, набив рот мороженым.

— Не сомневаюсь, — отозвался я.

Проглотив мороженое, она наклонилась и стукнула меня влажной ложкой по руке, давая знать, что сейчас я услышу нечто чрезвычайно важное.

— Знаешь, что об этом люди говорят? — спросила она своим звонким голосом.

Посетители, забыв о еде, дружно приготовились услышать, что последует дальше. Я не знал, куда деваться.

— Нет, — ответил я. — А что они говорят?

— Так вот, — сообщила она, весело помахивая ложкой, — сколько ни предохраняйся, все равно залетишь.

Мы допили кофе, потом прошлись по магазинам, затем состоялся обещанный ленч.

— Ты скучаешь по мне, дорогой? — осведомилась Урсула, потягивая вино.

— Конечно, скучаю. Ты всегда была одной из моих самых любимых подруг.

— Правда, жаль, что нельзя быть замужем и иметь возлюбленного?

— А ты попробуй,— предложил я.

— Нет-нет, я на это неспособна. Но ты ужасно милый.

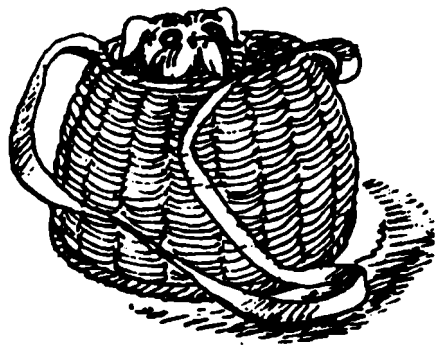
— Забудь.

— Все равно, думаю, теперь я тебе не понравилась бы,— задумчиво произнесла она.— Я изменилась, стала совсем неинтересная.

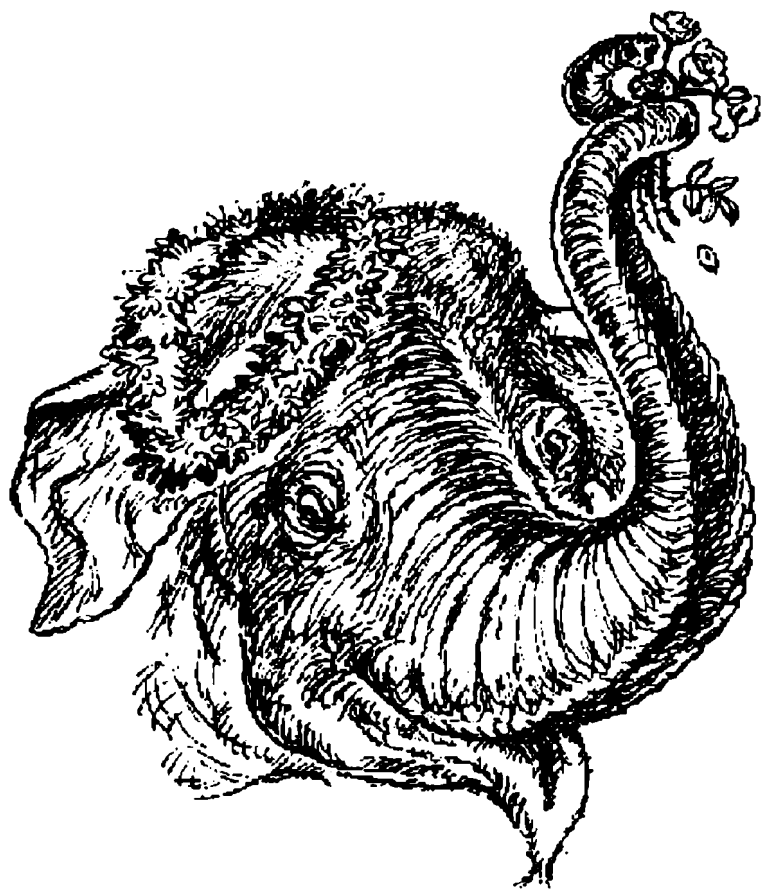
— В самом деле? — усомнился я, глядя на полную жизни, милую женщину.

— Точно,— ответила она с серьезным выражением в своих больших синих глазах.— Боюсь, теперь я стала одной из тех, кого называют мелкие божоле.

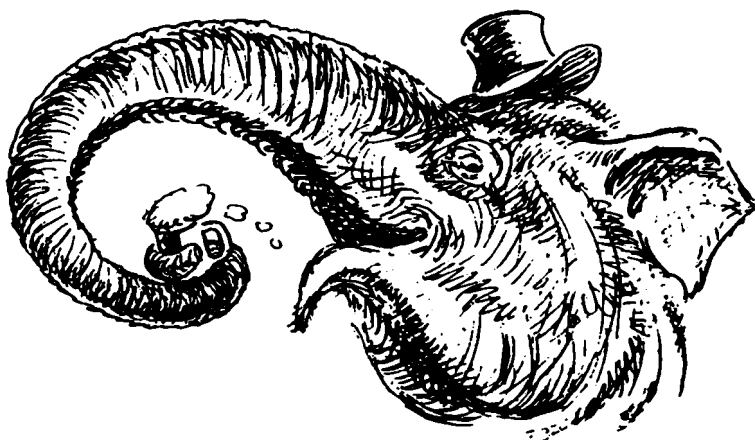
— Зато отменного урожая,— отозвался я, поднимая бокал.

Розы — моя родня

Gerald Durrell .
ROSY IS MY RELATIVE
The Viking Press, New York, 1968

*НОЭЛЮ КАУЭРДУ,
большому любителю
толстокожих*

ОТ АВТОРА

Хотя многие откажутся мне поверить, официально заявляю, что перед вами почти правдивый рассказ. Под этим я подразумеваю, что Роза и Адриан Руквисл существовали на самом деле. На мою долю выпала честь лично встретиться с Розой. Почти все описанные в книге приключения происходили в действительности. Я всего лишь кое-что добавил и немного приукрасил.

Я глубоко благодарен мисс Айлин Мэлоуни — это от нее я узнал про Розу и Адриана Руквисла, так что она первоисточник сей сказочной истории.

Хочу также поблагодарить лорда Котэнча, джерсийского бейлифа сэра Роберта Ле Мазурье и секретаря бейлифа, мистера Катленда за любезное разрешение присутствовать на заседании суда в Сент-Хельере, чтобы проникнуться тем, что авторы любят несколько высокопарно называть атмосферой. Я благодарен также мистеру Джону Лэнгину, который проверил, насколько точно мною изложены юридические процедуры. Спешу, однако, добавить, что мое

толкование закона совершенно не согласуется с тем, как отправляется правосудие на острове Джерси.

Еще я благодарю мистера Суонсона, позволившего мне заглянуть за кулисы Королевского оперного театра и поведавшего много увлекательных деталей из его истории.

Мистер Дуглас Мэтьюз, сотрудник Лондонской библиотеки, не пожалел сил, подбирая для меня книги, относящиеся к описанному периоду. И вновь хочу подчеркнуть — если я в чем-то ошибся, это моя вина, а не его.

И наконец, я просто обязан поблагодарить мою секретаршу, мисс Дорин Эванс, которая весьма кстати перед тем, как прийти ко мне, служила секретарем coronera и делопроизводителем в судебных органах и снабжала меня полезными сведениями в ходе написания этой книги.

Джеральд Даррелл

Глава первая
УЖАСНЫЙ ПОСТУПОК ОДНОГО ДЯДЮШКИ

Нимало не подозревая, что уготовила ему судьба, Адриан Руквисл стоял в одной рубашке перед зеркалом и сам себе корчил рожи. У него было заведено каждый день в семь утра, в своей спальне наверху, общаться таким образом с собственным отражением. Зеркало было большое, в позолоченной широкой раме, и рябая серая поверхность его походила на щербатый лед водоема под конец суровой зимы. Сам Адриан и его комната казались в зеркале окутанными мутной мглой, как если бы на них глядели сквозь густую паутину. Адриан созерцал свое отражение с известной долей неприязни.

— Тридцать лет,— укоризненно произнес он.— Тридцать лет... Половина жизни прошла! А что ты повидал? Что совершил? Ничего!

Его сердитому взору решительно не нравилась взъерошенная темная шевелюра, которую, сколько ни мочи водой, невозможно было пригладить, не нравились большие, томные карие глаза, не нравился широкий рот.

— Весьма непривлекательное лицо,— заключил он. Прищурил глаза, скривил губы, изображая презрительную

усмешку, сделал глубокий вдох, выразительно расширив ноздри.

— Сэр, — прорычал он сквозь стиснутые зубы, — немедленно отпустите эту леди, или я буду вынужден заняться вами. При всем вашем невежестве вы не можете не знать, что я лучший в этой стране фехтовальщик.

Адриан помолчал, изучая свое отражение, и вынужден был признать, что, как бы ему того ни хотелось, отнюдь не похож на лучшего в этой стране фехтовальщика. Приключения, решил он не так давно, вот в чем он остро нуждается, однако все говорило за то, что людям с таким лицом, как у него, не приходится рассчитывать на приключения. Был один случай (про который он не мог вспомнить без краски стыда), когда вроде бы сбылась его мечта, когда Адриан остановил понесших, как ему казалось, коней, да только кони эти были впряжены в пожарную повозку, вызванную для спасения людей. Перелом ноги в результате сего подвига был ничто перед тем, какую выволочку он получил от магистрата, не говоря уже о том, что охваченный огнем магазин сгорел дотла.

Адриан явился на свет как плод союза его преподобия Себастьяна Руквисла и Ровены Руквисл. Родители зачали его в минуту умственного помрачения, нарушившую долгое и чрезвычайно скучное течение супружества, всецело посвященного исполнению заветов Господних. И Адриан очень долго пребывал в убеждении, что его родитель — единственный в стране человек, кому открыт прямой доступ к Всевышнему. Отец воспринял появление Адриана с некоторым замешательством, мать — с приятным удивлением.

Его детство и юность в деревне Мидоусвит были такими безмятежными, такими безгрешными и скучными, что не оставили в памяти Адриана почти никаких следов. Мидоусвит было одним из тех маленьких глухих селений, где люди толковали исключительно о метеорологии и агрикультуре, заменяя слова нечленораздельными звуками, и где главным событием дня были потрясающие воспоминания о том, как десять лет назад корова фермера Рэддла родила двойню. Вот в такой обстановке рос Адриан, и единственным его развлечением были подмена звонаря на колокольне, еженедельные безалкогольные вечеринки в доме священника и посещение тех недужных членов сельской общины, кому недоставало сил обороняться от тяжеловесного попечительства преподобного Руквисла.

Когда Адриану исполнилось двадцать лет, его родители разом переселились в мир иной, ибо Всевышний (в припадке рассеянности) забыл известить преподобного Руквисла о том, что мост на дороге между Мидоусвит и Хелибо смыт бурным потоком. И остался Адриан без матери, отца и обители. Сбережения родителя оказались настолько скромными, что их как бы вовсе не существовало, и стало очевидно, что Адриану придется зарабатывать на жизнь собственным трудом. И вот в один из дней ослепительного лета 1890 года, вооруженный рекомендательным письмом одного из друзей покойного отца, он прибыл в огромный, размашистый, шумный, рокочущий, окутанный дымом Город, где и стал клерком в почтеннейшем заведении господ Биндвида, Корнелиуса и Чантера, поставщиков зелени и фруктов для благородных леди и джентльменов. Здесь он провел десять полных напряженного труда, но достаточно бесцветных лет, получая в неделю щедрое вознаграждение в размере пятнадцати шиллингов. Однако Адриан чувствовал, что вправе требовать от жизни чего-то сверх прозябания в рамках торгового заведения господ Б., К. и Ч. В последнее время мысль об этом всецело завладела его мозгом, и он постоянно обсуждал ее со своим отражением в зеркале.

— *Другие* люди,— бормотал он, ходя взад-вперед по комнате и время от времени посматривая на зеркало, чтобы убедиться, что никуда не делся,— *другие* люди ведут кипучую, интересную жизнь. С ними происходят удивительные вещи... у них бывают *приключения*. Так почему же я этого лишен?

Он снова остановился перед зеркалом. Прищурил глаза. Изобразил презрительную усмешку.

— Я вас предупредил, сэр,— повторил он голосом, дрожащим от плохо скрываемой страсти,— отпустите эту леди, не то вам будет худо.

В подтверждение этой угрозы он неловко рубанул воздух рукой, сбив на пол щетку для волос.

Собственные мысли настолько поглотили внимание Адриана, что его слух не уловил странные звуки: глухое постукивание и протяжное сопение, долженствующие предупредить о том, что хозяйка дома вознамерилась совершить одну из своих редких вылазок в мансарду. Громopodobный стук в дверь заставил Адриана подскочить так, что он выронил воображаемую шпагу.

— Вы здесь, мистер Руквисл? — осведомился гулкий баритон миссис Лавинии Дредж, как если бы она меньше всего на свете ожидала застать его в этой обители.

— Здесь, здесь, миссис Дредж, — откликнулся Адриан, спешно проверяя взглядом, не вызовет ли что-нибудь в комнате осуждение хозяйки. — Входите.

Миссис Дредж распахнула дверь и прислонилась к косяку, шумно дыша, будто левиафан, всплывший на поверхность из пучины вод. Мощи ее костяка мог бы позавидовать чистопородный тяжеловоз, и на этом прочном каркасе висели толстые, мягкие, пышные валики грузной плоти. Масса сия нуждалась в солидной подпорке в виде корсета с хитроумной шнуровкой, из-за чего телеса миссис Дредж издавали тревожный скрип и хруст при каждом ее вздохе. Возвышающуюся на голове прическу из черных волос скреплял целый лес шпилек, а толстую шею облекало множество ниток бус и кулонов, которые дружно позвякивали, когда вздымался могучий бюст.

Столь раннее появление миссис Дредж повергло Адриана в панику. Что за ужасное преступление мог он совершить на этот раз? Адриан точно помнил, что тщательно вытер ботинки, входя в дом накануне вечером... Забыл выпустить погулять кота? Да нет, выпустил вовремя. Не навел порядок в ванной после себя?

— Вы... э... вы желаете видеть меня? — спросил Адриан, отлично сознавая бессмысленность этого вопроса.

Как будто миссис Дредж стала бы влачить свое оплывшее тело вверх по трем лестничным маршам, не двигая ей желание видеть его. Но так уж принято изъясняться в Англии... Миссис Дредж ответила, что и впрямь желает его видеть. После чего, наморщив ноздри и верхнюю губу, втянула носом воздух так энергично, что приметные усы ее зашевелились, как трава от ветра.

— Надеюсь, мистер Руквисл, вы не курите здесь в комнате? — зловеще спросила она.

— Нет-нет, видит Бог, — поспешно ответил Адриан, лихорадочно соображая, надежно ли укрыта его трубка от этих пытливых черносмородинных глаз.

— Очень рада, — сказала миссис Дредж, сопровождая эти слова глубоким вздохом, на который ее подпоры отзывались весьма мелодичным скрипом. — Мистер Дредж никогда не курит в доме.

Адриан уже в самом начале своего проживания в доме миссис Дредж узнал, что ее супруг умер (вероятно, расплюснутый ее тяжестью, предположил он). Однако миссис Дредж твердо верила в загробную жизнь, а потому всегда говорила о муже так, словно он сохранил местожительство, что постоянно приводило в замешательство Адриана. Его преследовало кошмарное видение, как он однажды встретится лицом к лицу с мистером Дреджем (аккуратно набитым конским волосом, с блестящими стеклянными глазами) на лестничной площадке или в холле внизу.

— Я поднялась, чтобы разбудить вас, — сообщила миссис Дредж, — на случай, если вы заснули.

— О, спасибо, большое спасибо, — сказал Адриан.

Ее внезапная беспрецедентная заботливость сильно озадачила его.

— А еще, — продолжала миссис Дредж, буравя его укоризненным взглядом своих черных бусинок-глаз, — на ваше имя пришло письмо.

Меньше всего на свете Адриан ожидал услышать от нее такое. После смерти родителей он никогда ни от кого не получал писем. Немногочисленные друзья обитали настолько близко, что у них не было нужды обращаться к услугам почты.

— Письмо? Вы уверены, миссис Дредж? — растерянно спросил Адриан.

— Да, — твердо произнесла она. — Письмо, адресованное вам. — И добавила, как бы затем, чтобы не оставалось никаких сомнений: — В конверте.

Адриан устался на нее, и миссис Дредж слегка порозовела и приосанилась.

— Мистер Дредж, — надменно произнесла она, — постоянно получает письма, мне ли не знать, как они выглядят.

— Да, да, конечно, — поспешил отозваться Адриан. — Но это чрезвычайно странно... Не представляю себе, кто бы мог написать мне письмо. Большое спасибо, миссис Дредж, спасибо, что поднялись, чтобы сказать мне об этом. Право же, вам не стоило так беспокоиться.

— Не за что, — величественно сказала миссис Дредж, разворачивая свою тушу к лестнице. — Мистер Дредж всегда говорит — поступай с ближним так, как желаешь, что-

бы поступали с тобой, только он теперь, вероятно, лишен такой возможности в отличие от вас.

С этими словами она принялась тяжело спускаться вниз по ступенькам, меж тем как Адриан, закрыв дверь, возобновил свое хождение взад-вперед. Мысль о том, кто мог быть автором письма, не давала ему покоя. Надевая галстук с воротничком и пиджак, он пришел к выводу, что потратить полпенни на марку для него могли только Биндвид, Корнелиус и Чантер, пожелавшие довести до сведения Адриана, что более не нуждаются в его услугах. Одолеваемый мрачными предчувствиями, он скатился вниз по лестнице и вошел на кухню. Миссис Дредж была поглощена своим ежедневным бескомпромиссным поединком с кастрюлями, сковородами и прочей кухонной утварью, с коей большинство женщин пребывает в дружбе, тогда как миссис Дредж видела во всех этих предметах непримиримых врагов. Адриан сел за стол, и в самом деле, рядом с его тарелкой лежал конверт, на котором чья-то рука каллиграфическим почерком вывела его фамилию и адрес. Миссис Дредж проковыляла от плиты к его столу, сжимая в могучей руке сковороду с изрядной порцией обугленного черного пудинга, которую и вывалила на тарелку Адриана. Поднявшийся над пудингом синеватый дымок вызвал у обоих легкий приступ кашля.

— Мистер Дредж любит черный пудинг, — сообщила миссис Дредж, как бы оправдываясь.

— В самом деле любил? Я хотел сказать — любит? — Адриан поковырял вилкой горелую корку. — Должно быть, этот пудинг очень полезен для здоровья.

— Совершенно верно, — удовлетворенно произнесла миссис Дредж. — Он только на нем и держится.

Адриан засунул в рот кусок горячего, безвкусного, напоминающего кожу вещества и попытался придать лицу выражение приятности.

— Вкусно, правда? — осведомилась миссис Дредж, устремив на него ястребиный взгляд.

— Восхитительно! — вымолвил Адриан, с трудом ворочая обожженным языком.

Миссис Дредж тяжело опустилась на стул и водрузила на столешницу свой массивный бюст.

— Ну? — спросила она, нацелив взор черных бусинок на письмо. — Разве вы не собираетесь прочесть письмо?

— Как же, как же, — ответил Адриан, борясь с нежеланием вскрывать конверт. — Одну минутку. Этот черный пудинг бесподобен, миссис Дредж.

Однако миссис Дредж не поддалась на его попытку перевести разговор на гастрономические темы.

— Может быть, там что-то важное, — настаивала она.

Адриан вздохнул и взял в руки конверт. Он знал, что ему не будет покоя, пока он не прочтет письмо и не поделится с ней его содержанием. Ощущая на себе пристальный взгляд миссис Дредж, он вскрыл конверт и развернул лежащие в нем два листка бумаги.

Первые же слова заставили его напрячься, ибо письмо начиналось обращением: «Мой дорогой племянник». Адриан смутно вспомнил, что, когда ему было лет десять, к ним неожиданно явился дядюшка Эймос в сопровождении трех унылых колли и зеленого попугая, в совершенстве владеющего самыми короткими и ядовитыми словами английского языка.

Дядюшка остался в памяти Адриана как жизнерадостный добрый человек, чье внезапное появление вкупе с лингвистическими способностями зеленого попугая оказались непосильным испытанием даже для обычно весьма терпимого преподобного Себастьяна Руквисла. Погостив два-три дня, дядюшка Эймос исчез таким же таинственным образом, каким явился. Отец рассказал потом Адриану, что Эймос был паршивой овцой в семье, человеком «с моральными изъянами», и поскольку речь явно шла о больном вопросе, Адриан больше никогда не заговаривал о дядюшке.

Читая теперь письмо дядюшки, он чувствовал, как у него глаза лезут на лоб, а под ложечкой все сжимается так, будто чья-то рука вдруг проворно удалила желудок вместе с содержащимся в нем черным пудингом.

«Мой дорогой племянник,

вряд ли ты помнишь тот случай, когда я энное число лет назад познакомился с тобой в довольно отвратительной обители, где поселились твои отец и мать. Впоследствии до меня дошло известие об их кончине, не очень, должен

сознаться, меня огорчившее, поскольку во всех моих разговорах с ними за много лет твои родители давали мне понять, что их единственное желание покинуть эту жизнь и предаться лону Всевышнего. Однако в силу этого обстоятельства выходит, что ты теперь мой единственный здравствующий родственник. В моей памяти ты остался довольно славным пареньком, хотя почему знать — быть может, за последовавшие годы родители сумели набить твою головушку всякой ерундой и бреднями.

Как бы то ни было, мое нынешнее состояние не располагает к тому, чтобы поминать старое. Здешний эскулап довел до моего сведения, что мне осталось недолго жить. Не скажу, чтобы мысль об этом особенно тревожила меня — я прожил содержательную жизнь, и на моем счету почти все наиболее приятственные грешки. Однако меня заботит судьба моего сотоварища. Мы провели вместе последние восемнадцать лет, делили радости и невзгоды. А потому не хотелось бы думать, что после моей кончины она останется в мире без единого друга, без мужчины, который присмотрел бы за ней. Намеренно говорю «мужчины», ибо она не ладит с представительницами собственного пола.

Основательно поразмыслив, я решил, что именно ты — как мой единственный здравствующий родственник — мог бы взять на себя эту обязанность. Что касается финансовой стороны, полагаю, это не станет для тебя таким уж непосильным бременем, поскольку, обратясь в Сити в торговый банк «Эмесер энд Твист» на Коттонуолл-стрит, 110, ты обнаружишь, что там на твое имя положены деньги в количестве 500 фунтов стерлингов. Прошу тебя использовать их на пропитание Розы, к коему она привычна.

Сцены на смертном одре всегда неприятны, а потому я немедленно направляю Розы к тебе, чтобы избавить ее от тягостного созерцания того, как я испускаю последний вздох. Так что фактически она должна прибыть почти одновременно с этим письмом.

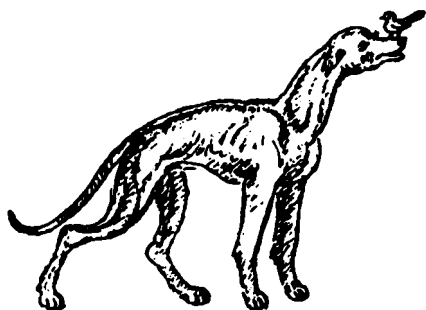
Что бы ни говорил обо мне твой отец (вероятно, вполне справедливо), я совершаю хотя бы одно благое деяние за все мое отменно растленное бытие. Твой родитель, при всей его бесхарактерности, всегда был защитником горемык, оставшихся на свете без друзей, и мне остается только надеяться, что ты унаследовал эту черту. А потому

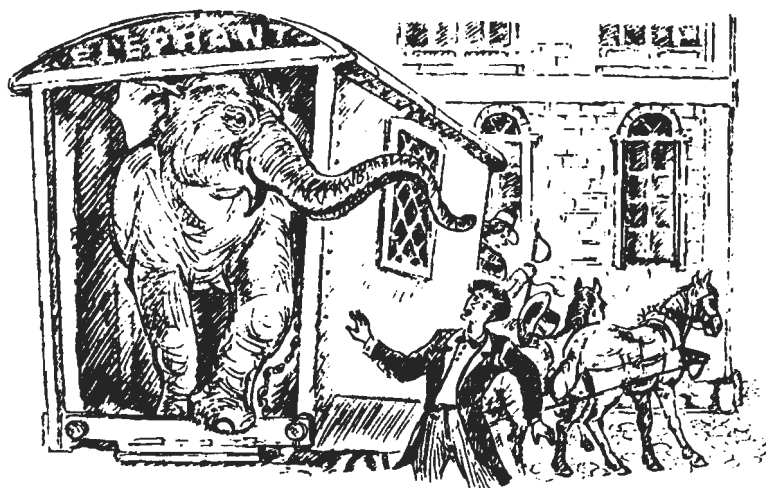
прошу: позаботься о Розе. Моя болезнь явилась для нее большим потрясением, и я уповаю на то, что ты сумеешь утешить ее.

*Искренне любящий тебя дядя
Эймос Руквисл*

Р. S. К сожалению, Роза — в какой-то мере по моей вине — безразлична к тому, что твой отец (большой любитель избитых выражений) частенько называл «сатанинской влагой». Умоляю тебя следить за ее употреблением алкоголя, ибо неумеренность делает ее строптивой. Так ведь она, увы, не единичный случай.

Э. Р.»

Глава вторая **ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ**

Адриану казалось — весь мир окутался серой мглой и по спине вверх-вниз, наперекор закону тяготения, катилась струйка ледяной воды. Через тупое жужжание в ушах с трудом пробился голос миссис Дредж.

— Ну? — спросила она. — И что же вам пишут?

«Видит Бог, — подумал Адриан, — вот уже чего я не могу ей сказать».

— Это... это письмо... гм... от... э... одного из друзей моего отца, — начал он лихорадочно импровизировать. — Просто он подумал, что мне будет интересно узнать, что происходит там, в деревне.

— После десяти лет молчания? — фыркнула миссис Дредж. — Долго же он собирался!

— Да... да, долгонько, — ответил Адриан, пряча письмо в карман.

Однако миссис Дредж была не из тех людей, от кого можно отделаться кратким изложением. Собственное ее душераздирающее описание кончины мистера Дреджа обычно занимало не менее полутора часов, так что столь

легковесный пересказ содержания письма на двух листах никак не мог ее удовлетворить.

— Ну, и как они там поживают? — осведомилась она.

— О,— сказал Адриан.— Все как будто здоровы, понимаете.

Миссис Дредж продолжала ждать, не сводя с него требовательных черных глаз.

— Кое-кто из тех, кого я знал, сочетался браком,— в отчаянии сочинял Адриан.— И у многих родились дети.

— Это вы о тех,— с надеждой спросила миссис Дредж,— кто сочетался браком, или о других?

— О тех и о других,— ляпнул Адриан и тут же спохватился: — Нет-нет, конечно же о женатых. Как бы то ни было, все они прекрасно... э... прекрасно себя чувствуют, и я должен... гм... написать им и поздравить...

— Поздравить тех, кто сочетался браком? — Миссис Дредж во всем стремилась к полной ясности.

— Ну да,— ответил Адриан.— Их и тех, разумеется, у кого родились дети.

Миссис Дредж вздохнула. Она совсем не так представляла себе изложение тех или иных событий. Будь это *ее* письмо, уж она-то сумела бы по капле заполнять пустоты, целую неделю потчевала бы Адриана новыми подробностями и рассуждениями.

— Ну что ж,— философически заключила она, поднимаясь на ноги,— будет вам чем занять свои вечера...

Адриан, у которого все кружилось в голове от невероятного послания дядюшки, поспешно затолкал в рот противные остатки черного пудинга, запил их чаем и встал из-за стола.

— Уже уходите? — удивилась миссис Дредж.

— Да, хочу по пути на работу зайти к мистеру Паклхэммеру.

— Только вы уж не проводите с *ним* слишком много времени,— строго произнесла миссис Дредж.— Общение с этим господином может дурно повлиять на такого честного, порядочного молодого человека, как вы.

— Да-да, пожалуй, вы правы,— кротко отозвался Адриан.

Он числил мистера Паклхэммера в ряду своих самых близких друзей, однако не был расположен сейчас затевать спор по этому поводу.

— И не опаздывайте на ужин,— добавила миссис Дредж.— Я раздобыла отличный кусок трески.

«Не очень-то заманчивый повод для пунктуальности»,— подумал Адриан, однако пообещал не опаздывать и поспешил выскользнуть из дома, пока миссис Дредж не избрела новую тему для долгого разговора.

Мистер Паклхэммер, по профессии плотник и гробовщик, владел обширным лесным складом в полукилометре от дома миссис Дредж. Несколько лет назад Адриан впервые зашел туда, чтобы договориться о починке большого деревянного сундука. Они сразу прониклись взаимным расположением, которое со временем переросло в прочную дружбу. Адриан в силу природной робости трудно сходилась с людьми, и мистер Паклхэммер стал для него чем-то вроде духовника. Вот и теперь ему не терпелось возможно скорее дойти до лесного склада и обсудить со своим другом письмо, грозящее разрушить самые основы его покойного налаженного бытия. Адриан не сомневался, что мистер Паклхэммер научит его, как поступить.

Торопливо шагая по тротуару, он говорил себе, что отец, похоже, был прав в своих оценках характера дядюшки Эймоса. Разве можно делать *такое*? Деньги — деньгами, ладно (что ни говори, щедрый жест), но разве можно вот так, ни с того ни с сего, навязывать ни в чем не повинному племяннику предающуюся пьянству леди неопределенного возраста? Это просто бесчеловечно. Тут Адриана поразила еще одна ужасная мысль, и он остановился так круто, что с его головы слетел котелок. Ему вспомнились слова отца о том, что дядюшка Эймос работал в цирках и на ярмарках. Вдруг эта Роза — акробатка или, еще хуже — одна из тех отчаянных притких особ, что стоят в покрытом блестками трико на спине у скачущей лошади? Худо, когда тебе сажают на шею акробатку, но когда к тому же эта акробатка — пьяница, это уже слишком. И как только мог его дядюшка так поступить с ним? И, подхватив с земли свой котелок, Адриан чуть не бегом ворвался на территорию склада мистера Паклхэммера.

Хозяин склада, коренастый коротыш с лицом добродушного бульдога, сидел на только что сколоченном гробе, заканчивая утреннюю трапезу, состоящую из доброй кружки пива и огромного бутерброда с сыром. В длинном ряду бывших его подвигов было звание чемпиона по воль-

ной борьбе и поднятию гирь. Непомерное увлечение спортом превратило его в сплошную гору мышц, так что теперь, хотя каждый мускул и каждая связка выступали узлами, словно воск на тающей свече, он с трудом передвигался по земле.

— Привет, парень, — поздоровался он с Адрианом, дружелюбно взмахнув рукой, сжимающей бутерброд. — Будешь завтракать со мной? Как насчет глотка пива?

— Нет-нет, — вымолвил бледный от волнения, запыхавшийся Адриан. — Мне нужен твой совет.

— Как-как? — Мистер Паклхэммер поднял свои косматые брови. — Что случилось? У тебя такой вид, будто ты встретился с призраком.

— Хуже, куда хуже, — драматическим тоном произнес Адриан. — Я пропал... вот, прочти.

И он протянул мистеру Паклхэммеру письмо.

— Я не умею читать, — сообщил тот, с интересом разглядывая конверт. — Все как-то некогда было научиться — то одно, то другое. Прочти мне сам, парень.

Дрожащим голосом Адриан изложил мистеру Паклхэммеру суть послания дядюшки Эймоса. Когда он закончил, наступила тишина — мистер Паклхэммер засунул в рот изрядный кусок бутерброда и принялся задумчиво жевать.

— Ну, — не выдержал наконец Адриан, — что мне делать?

— Что делать? — Мистер Паклхэммер удивленно проглотил хлеб с сыром. — Очень просто, делай то, о чем тебя просит твой дядя.

Адриан изумленно уставился на своего друга — или тот ничего не понял, или помешался умом?

— Но разве это возможно? — повысил он голос. — Как я могу взять на себя заботу о незнакомой особе женского пола... незнакомой *пьющей* особе? Миссис Дредж ни за что не впустит ее в дом... И как насчет моей работы? Господи, да меня сразу уволят, если узнают. И предположим, что она — одна из этих акробаток, как мне быть тогда?

— Не вижу, что в этом плохого, — рассудительно произнес мистер Паклхэммер. — Сам однажды видел такую. Симпатичная толстушка, вся в блестках. Очень милая куколка.

— О Господи, — страдальчески молвил Адриан. — Надеюсь, она не явится сюда вся в блестках!

— Ничего не скажешь, — задумчиво продолжал мистер Паклхэммер, — ничего не скажешь — пятьсот фунтов приличные деньги, очень даже приличные. Послушай, с таким состоянием ты мог бы оставить работу... сколько раз говорил, что хотел бы уйти оттуда.

— А как насчет пьющей особы? — саркастически спросил Адриан.

— Ну, вы могли бы совсем неплохо жить вдвоем на сто двадцать в год, а за четыре года успели бы открыть какое-нибудь небольшое дело. Если она выступала на ярмарках, вы могли бы устраивать кукольные представления, что-нибудь вроде «Панч и Джуди». У меня есть вполне приличная ширма с куклами, могу дешево уступить.

— Я вовсе не намерен следующие четыре года проводить в обществе покрытой блестками пьяной толстушки, изображая Панча и Джуди, — отчетливо и громко провозгласил Адриан. — Хотелось бы услышать от тебя что-нибудь более дельное.

— Не вижу, парень, из-за чего ты так волнуешься, — сурово молвил мистер Паклхэммер. — Тебе подносят на блюдечке богатое наследство и бабу в придачу. Сотни молодых людей были бы не прочь очутиться на твоём месте.

— Готов хоть сейчас уступить им это место, — выпалил Адриан. — Если они согласны остаток жизни провести вместе с пьяной акробаткой, вперед!

— Твой дядюшка не говорит, что она *все время* пьяная, — справедливо заметил мистер Паклхэммер. — Может, она даже очень милая. Почему бы тебе не дождаться ее и тогда уже делать выводы?

— Я и так живо представляю себе ее, и меня заранее жуть берет, — сказал Адриан. — Да я даже не знаю ее фамилии.

— Ничего, тебе известно ее имя, а это главное, — философически заметил мистер Паклхэммер. — С ходу обеспечены более интимные отношения.

— Я *не желаю* никаких интимных отношений с ней! — воскликнул Адриан и продолжал, осененный вдруг ужасной мыслью: — Боже мой! Что будет, если она явится, когда я буду на работе, и ее встретит миссис Дредж?!

— В самом деле, — задумчиво произнес мистер Паклхэммер. — Ты попал в точку. Постарайся как-нибудь избежать этого.

Пока Адриан ходил взад-вперед, лихорадочно соображая, как ему поступить, мистер Паклхэммер не спеша допил свое пиво и вытер рот.

— Придумал, — объявил наконец Адриан. — Понимаешь, сегодня у миссис Дредж особый день... она отправится на кладбище навестить мистера Дреджа, обычно в таких случаях возвращается домой только вечером. Если как-то сообщить на работу, скажем, что я заболел, тогда я остался бы дома и сам встретил Розу.

— Превосходная мысль, — отозвался мистер Паклхэммер. — Вот что, я пошлю в твою лавку своего подмастерья Дэви, пусть скажет, что ты болен, так что больше не думай об этом. Лучше быстренько дуй домой и поглядывай на дорогу. Я буду здесь, если тебе что-нибудь понадобится.

И Адриан, проклиная день, когда ему вздумалось мечтать о приключениях, поспешил вернуться к дому миссис Дредж и притаился за углом. Вскоре он увидел с облегчением, как она выходит на улицу в просторной черной бомбазиновой накидке, на голове — широкополая пурпурная шляпа, одна рука сжимает огромный букет роз, еженедельное приношение на могилу мистера Дреджа. Проплыв по улице, словно могучий грозный галеон, она скрылась из виду вдали.

Адриан снова принялся ходить взад-вперед, перебирая в уме самые разные, в основном неосуществимые варианты решения ужасной проблемы. Бежать, наняться на какой-нибудь корабль... Исключено: он, а точнее, его желудок не создан для морской карьеры, ибо его укачивает даже на верхнем этаже еле-еле ползущей конки. Прикинуться мистером Дреджем и заявить госпоже Розе, что Руквисл, увы, только что умер? Как ни заманчив был такой вариант, следовало признать, что для успеха тут потребовался бы более искусный мастер перевоплощения.

«Ничего не поделаешь, — лихорадочно соображал Адриан, вытирая носовым платком вспотевшие ладони, — придется мне попросту проявить твердость. Объясню, что перед ней — молодой человек, прокладывающий себе путь в жизни, и что на данном этапе я не могу брать на себя ответственность за благо посторонней женщины. Отдам ей эти пятьсот фунтов, и пусть уходит. А если она вдруг разрыдается, закатит истерику? Или, хуже того, явится пьяная и начнет буянить?» От этой мысли

его прошиб пот. Нет, он должен оставаться непреклонным, любезным, но твердым. И в надежде, что в нужный момент он и впрямь сумеет быть любезным, но твердым, Адриан снова принялся ходить взад-вперед перед домом.

К полудню нервное напряжение достигло такой степени, что достаточно было листку сорваться с дерева, чтобы Адриан непроизвольно вздрагивал. Он уже решил, что лучше смерть, чем такое мучительное ожидание, когда на дороге показалась повозка, огромный фургон, влекомый восемью обессиленными лошадьми, которых погонял холерического вида невысокий крепыш в ярко-желтом котелке и жилете в красно-желтую клетку. Адриан лениво соображал, что может помещаться в такой махине, а крепыш в желтом котелке явно приближался к месту назначения, ибо он вытащил из кармана листок бумаги и поглядывал на него, сверяясь с номерами домов. К великому удивлению Адриана, он придержал лошадей как раз возле дома миссис Дредж. Что бы это такое, спросил себя Адриан, могла приобрести его скаредная хозяйка? В фургоне таких размеров могло поместиться что угодно... Он подошел и посмотрел на возницу, который вытирал лицо большим носовым платком.

— Доброе утро, — поздоровался Адриан, стораая от любопытства.

Крепыш утвердил на голове свой котелок и устремил на Адриана испепеляющий взгляд.

— Доброе, — небрежно отозвался он, — если оно *в самом деле* такое, в чем я лично сомневаюсь.

— Вы... э... привезли что-нибудь для этого дома? — спросил Адриан.

— Ага, — сказал возница, еще раз сверяясь с листком бумаги. — По крайней мере, груз предназначен для некоего мистера Руквисла.

Адриан вздрогнул, обливаясь холодным потом.

— Руквисл... вы уверены? — слабо вымолвил он.

— Ну да. Руквисл. Мистер А. Руквисл.

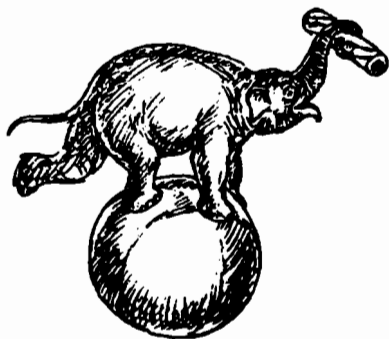
— Я — мистер А. Руквисл, — дрожащим голосом произнес Адриан. — Что...

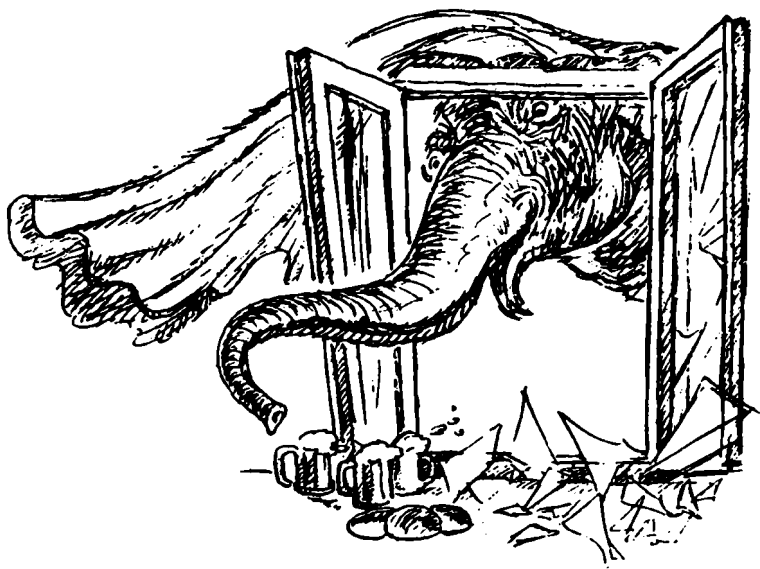
— А! — Возница впери в него злобный взгляд. — Так это вы мистер Руквисл, точно? Что ж, чем скорее вы заберете свое имущество, тем лучше для меня.

Спустившись с козел, он протопал назад вдоль фургона, и Адриан, последовав за ним, увидел, что крепыш сражается с массивными дверцами.

— Но что вы такое привезли? — в отчаянии воскликнул Адриан.

В ответ возница распахнул широкие дверцы, и потрясенному, недоверчивому взору Адриана предстал весь в складках, большущий и чрезвычайно добродушный с виду слон.

Глава третья КОШМАРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

— Вот оно, — удовлетворенно произнес возница, — получите ваше имущество.

— Не может быть, — чуть слышно молвил Адриан. — *Мое?* Не может быть. Я не хочу никакого слона.

— Ну знаете, — с некоторой резкостью сказал возница, — я ведь всю ночь ехал, чтобы доставить вам эту чертову скотину. Вы — мистер А. Руквисл, стало быть, скотина — ваша.

Адриан мысленно вопрошал себя — может быть, пережитые за это утро потрясения повлияли на его рассудок? С каким ужасом думал он о том, что придется уживаться с акробаткой, так на тебе! — не что-нибудь, а целый слон свалился на его голову. Внезапно у него родилось страшное подозрение.

— Как *его* звать? — хрипло справился он.

— Рози, — ответил возница. — Во всяком случае, так мне сказали.

Услышав свое имя, слониха плавно закачалась и издала негромкий писк, похожий на брачный зов крохотного кларнета. Передние ноги ее были прикованы к полу двумя

цепями, которые мелодично позвякивали от каждого движения. Игриво протянув к Адриану хобот, она легонько дунула на него. «О Господи,— подумал он,— лучше бы мне доставили пьяную акробатку».

— Послушайте,— воззвал он к вознице,— что я буду с ней делать?

— А это,— сказал тот с плохо скрываемым удовлетворением,— уже ваша забота, приятель. Мне поручили доставить слонику, и я это поручение выполнил. А теперь, поскольку я еще не завтракал, не будете ли вы так любезны освободить от нее мой фургон, чтобы я мог ехать по своим делам.

— Не можете же вы бросить меня на улице со слонихой,— возразил Адриан.

— Почему это? — поинтересовался возница.

— Да потому, что я не могу завести ее туда! — выпалил Адриан, указывая на палисадничек миссис Дредж площадью четыре квадратных метра.— Она вообще там не поместится... и все цветы потопчет.

— Так надо было раньше думать, прежде чем заказывать ее.

— Но я ничего не заказывал. Ее завещал мне мой дядя,— объяснил Адриан, сам понимая, сколь невероятно звучит это объяснение.

— Видать, не очень-то он вас любил,— заключил возница.

— Послушайте,— взмолился Адриан,— рассудите сами — разве можно просто выгрузить тут слона и уехать! А мне-то как быть?

— Теперь вы послушайте меня.— Лицо возницы налилось кровью, и голос его дрожал от гнева.— Меня наняли перевезти слона. Конечно, с моей стороны было глупостью соглашаться, но дело сделано. Я всю ночь был в пути. Каждый раз, когда мы проезжали мимо пивной, она норовила опрокинуть фургон. За двадцать пять лет работы возницей у меня еще никогда не было такого мерзкого рейса. И теперь у меня одно-единственное желание — поскорее избавиться от вашей слонихи. Так что вы уж, будьте так любезны, заберите ее, чтобы я мог уехать.

Даже если он ухитрится поместить Розы в палисаднике или в саду за домом, говорил себе Адриан, как он объяснит миссис Дредж это внезапное появление слона в ее владении?

ниях? Надеяться на то, что она не заметит Рози, не приходится. Но что-то нужно было предпринять, ибо возница стоял на своем, и лицо его с каждой минутой все сильнее наливалось кровью. Внезапно Адриана осенило. Паклхэммер, сказал он себе, лесной склад Паклхэммера. Вот куда надо отвезти Рози.

— Знаете что,— обратился он с отчаянием к вознице,— вы не могли бы еще немного провезти ее по этой дороге? У меня там друг, хозяин лесного склада. Там для нее найдется место.

Возница тяжело вздохнул.

— Мистер,— сказал он,— я доставил вам вашего слона. Я нанялся отвезти его именно сюда, а не куда-нибудь еще.

— Но это совсем рядом, и вы получите целый советен.

— Что ж, это другое дело.— И возница захлопнул двери фургона, скрыв с глаз Адриана слониху, которая захватила хоботом пук соломы и грациозно обмахивалась им, как веером.

Возница крикнул «но-о!», лошади поднатужились, и фургон загромыхал по булыжной мостовой; Адриан семенил рядом, сляясь убедить себя, что мистер Паклхэммер больше всего на свете жаждет увидеть у себя слона. Перед лесным складом фургон остановился, Адриан попросил возницу подождать и пошел искать мистера Паклхэммера. Тот по-прежнему сидел на гробе, потребляя очередную кружку пива.

— Привет, парень! — весело произнес он.— Заполучил свою акробатку?

— Мистер Паклхэммер,— негромко молвил Адриан,— ты должен мне помочь. Ибо только на тебя могу я рассчитывать в том кошмарном положении, в каком теперь очутился.

— Постой, что случилось, парень?

— Она... оно... прибыло,— сообщил Адриан.

— Ну и как она выглядит? — заинтересовался мистер Паклхэммер.

— Она... Рози — слониха.

— Слониха? — Мистер Паклхэммер присвистнул.— Будет тебе над чем поломать голову.

— Да уж,— сухо отозвался Адриан.

— Слониха,— задумчиво повторил мистер Паклхэммер.— И-да, не было печали, черти накачали...

— Вот именно,— сказал Адриан.— Не представляю себе, что я буду с ней делать... Знаю только, что бедняга, который привез ее сюда, естественно, желает от нее избавиться. В саду миссис Дредж она не поместится, пришлось мне взять ее сюда. Может, позволишь на время оставить слониху здесь у тебя, пока я не решу, что делать дальше?

— Пожалуйста, парень, конечно,— живо согласился мистер Паклхэммер.— И ведь я никогда не держал на складе слонов. Все-таки какое-то разнообразие.

— Слава Богу,— выдохнул Адриан.— Я тебе так благодарен...

Он вернулся на дорогу, где обливающийся потом возница без устали орудовал носовым платком.

— Все в порядке,— сообщил Адриан.— Можно оставить ее здесь.

Возница отворил двери фургона, и Роза радостно взвизгнула при виде своих друзей.

— Вот вам ключи, по одному от каждого замка,— сказал возница.

— Она прирученная?— нервно осведомился Адриан, которому до этого дня никогда не доводилось иметь дело со слонами.

— Наверно,— ответил возница.— Думаю, вы скоро это выясните.

— Может быть, следует чем-то занять ее, дать что-нибудь съестное? — спросил Адриан.— Что они едят?

— Булочки с изюмом,— сказал мистер Паклхэммер, разглядывая Розу.

— Не дури,— раздраженно отозвался Адриан.— Где я в это время дня найду булочку с изюмом!

— Как насчет овса? — предположил возница.

— Какой там овес, они едят булочки,— настаивал мистер Паклхэммер.

— Слушай, хватит болтать о булочках,— рассердился Адриан.— Нет у нас ни одной булочки.

— А как тогда насчет бутерброда с сыром? — сказал мистер Паклхэммер.— Схожу-ка я за бутербродом, и проверим, что получится.

Он живо вернулся и вручил Адриану большой ломоть хлеба с сыром. Осторожно, держа перед собой бутерброд

так, словно это было какое-то оружие, Адриан приблизился к могучей серой туше.

— Это тебе, Рози,— хрипло молвил он.— Чудный бутерброд с сыром... хорошая девочка...

Рози перестала раскачиваться, устремив на него блестящий взгляд. Подпустив Адриана почти вплотную, она вытянула хобот, быстро и аккуратно сняла с него котелок и водрузила на свою выпуклую голову. Адриан испуганно отпрянул, уронив бутерброд, и с маху наступил на ногу возницы, который и без того пребывал отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Подняв с земли бутерброд, Адриан снова приблизился к Рози.

— Ну же, Рози,— сказал он дрожащим голосом,— отличный бутерброд...

Рози снова медленно вытянула хобот, взяла бутерброд из дрожащих пальцев Адриана и засунула его в свою пасть, которая потрясенному его взгляду показалась величиной с хорошую бочку. Слабое прищмокивание дало ему понять, что слоны и впрямь едят бутерброды с сыром. Пользуясь тем, что зубы Рози были заняты делом, Адриан поспешно опустил на колени, отпер висячие замки и снял цепи с ее ног.

— Вот так,— произнес он, отступая назад от фургона.— Пошли теперь... хорошая девочка...

Рози вздохнула, сняла котелок со своей головы и помахала им, как веером, однако ничто не говорило о том, что она готова освободить фургон.

— Обычно я человек терпеливый,— покривил душой возница,— но хотелось бы, пока вы тут топаете по моим ногам и пичкаете этого слона бутербродами, напомнить, что я сегодня еще ничего не ел.

— Но я *пытаюсь* ее выманить,— обиженно заметил Адриан.— *Силой* такую махинищу идти не заставишь.

— Может, вы не откажетесь от бутерброда и кружки пива? — спросил возницу мистер Паклхэммер.

— О, вы очень любезны,— обрадовался тот.— Чрезвычайно любезны.

Пока возница и Адриан стояли, созерцая Рози, которая снова принялась раскачиваться, издавая душераздирающие вздохи, мистер Паклхэммер вошел в дом и вскоре появился вновь, неся бутерброд и полную кружку пива. Радость возницы при виде этих продуктов не шла ни в какое сравнение с восторгом Рози. Издав протяжный труб-

WILLIAM HENRY HARRIS

THE CIRCUS

10

THE CIRCUS

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

10

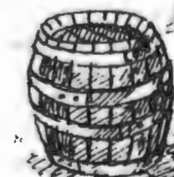
10

THE CIRCUS

10

THE CIRCUS

10

THE CIRCUS

ный звук, сильно напугавший Адриана, она вперевалку вышла из фургона на дорогу. Мистер Паклхэммер застыл на месте, а слониха, продолжая трубить, схватила хоботом кружку и отправила ее содержимое в свою широченную пасть.

— Ну так, одна проблема решена,— заключил возница.— Но как насчет пива для меня?

— Во всяком случае,— заметил Адриан,— мы знаем теперь, что она ест бутерброды и пьет пиво. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы она могла обходиться такой диетой.

— Не считите меня бесчувственным,— фыркнул носом возница,— но лично меня больше волнует состояние моего желудка.

Рози вернула мистеру Паклхэммеру пустую кружку и с надеждой на добавку последовала за ним на территорию лесного склада. Обнаружив разумного человека, который явно понял, каковы ее потребности, она отнюдь не собиралась терять его из виду. Рози вышагивала неторопливой, величественной, хотя и малость хмельной походкой, и уши звучно хлопали ее по затылку. Она удовлетворенно попискивала на ходу, и, как только слониха следом за мистером Паклхэммером вошла внутрь ограды, Адриан поспешно захлопнул ворота и прислонился к ним, вытирая вспотевшее лицо. Первый шаг сделан...

Как ни заинтриговал Рози вид выющихся белых стружек, штабелей досок и выстроенных плотными рядами новеньких гробов, она то и дело поглядывала на мистера Паклхэммера, явно почитая его лозоходцем, ведущим ее к заветному источнику пива. Все же им удалось незаметно юркнуть в дом, где мистер Паклхэммер возобновил поставки бутербродов и пива, и под умиротворяющим действием пищи даже возница малость подобрел.

— Забавное наследство оставил вам ваш дядюшка,— сказал он Адриану.

— Не вижу в этом ничего забавного,— с горечью произнес Адриан.— Одному Богу известно, что я теперь буду с ней делать.

— Продайте,— предложил возница, наливая себе еще пива.— Продайте в какой-нибудь цирк. Так я поступил бы на вашем месте.

— Нельзя,— объяснил Адриан.— В том-то и вся закавыка. Мне завещано пятьсот фунтов, чтобы я заботился о ней.

— Интересно, сколько булочек можно купить на эти деньги,— живо заинтересовался возница.

— Не *одни же* булочки они едят,— жалобно молвил Адриан.— Я говорю про капусту и прочую зелень. Придется экспериментировать.

— Да не волнуйся ты так, парень,— сказал мистер Паклхэммер.— Пускай побудет здесь два-три дня, пока ты решишь, как поступить. Я присмотрю за ней.

В эту самую минуту Роза заключила, что одним лишь созерцанием гробов, как ни занимательны они по-своему, сыт не будешь, подошла к дому, заглянула снаружи в окно и с радостью обнаружила, что ее друзья сидят вместе за столом, потребляя ее любимый напиток. В комнате явно царила атмосфера душевной мужской дружбы, и, воодушевленная этой картиной, не сомневаясь, что им недостает ее, Роза тихонько постучала по стеклу кончиком хобота, деликатно, чисто по-женски давая понять, что не прочь принять участие в праздничном застолье. Однако ее друзья были так поглощены беседой, что не обратили внимания на стук. Такое небрежение возмутило Розу. Как-никак она проделала долгий утомительный путь, подкрепившись всего одной кружкой пива, а они тут знай себе пьянствуют и не думают пригласить ее в свою компанию. Вообще Роза отличалась чрезвычайно терпеливым нравом, но, при виде того как возница наливает себе еще одну кружку, не выдержала, подцепила хоботом нижний край скользящей рамы и дернула. С восхитительным звоном и треском вся рама вылетела, и Роза, весьма довольная результатом своих усилий, просунула хобот в комнату и громко затрубила.

— Бога ради! — воскликнул потрясенный Адриан.— Дай Роза еще пива, мистер Паклхэммер, и заткни ей глотку.

— При такой ее прыти,— сочувственно заметил возница,— большая часть ваших пятисот фунтов уйдет на пиво и разного рода мелкий ремонт.

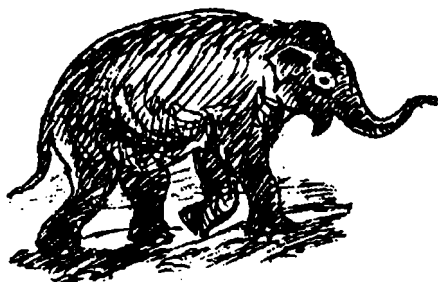
Мистер Паклхэммер прошел на кухню, отыскал оловянный таз, наполнил его до краев пивом и вынес во двор, приветствуемый оглушительным радостным повизгиванием Розы. Погрузив хобот в чудесную коричневую влагу, она засосала добрую порцию и вылила себе в пасть таким миниатюрным водопадом. Очень скоро таз был опорожнен,

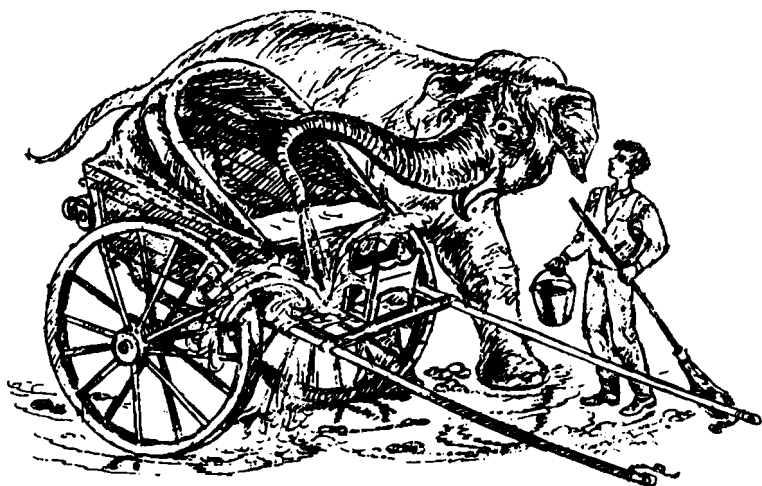
и Розы, удовлетворенно порыгивая, присмотрела себе тенистый уголок и легла передохнуть.

— Ну, что ж, — сказал возница, — мне пора. Большое спасибо за гостеприимство.

— Не за что, — ответил мистер Паклхэммер.

— А вам, сэр, — обратился возница к Адриану, — желаю всяческой удачи. Чувствую, с этой веселой малюткой удача вам ох как пригодится.

Глава четвертая ПУТЬ СВОБОДЕН

Проводив возницу за ворота и вернувшись в дом, мистер Паклхэммер застал Адриана мрачно размышляющим над пустой кружкой.

— Я совершенно сбит с толку, — жалобно произнес Адриан. — *Не представляю себе, что делать.*

— Выпей еще пива, — предложил мистер Паклхэммер, склонный на все смотреть просто, без затей. — Перестань себя мучить... что-нибудь придумаем.

— Хорошо тебе успокаивать меня, — огрызнулся Адриан. — У тебя не сидит на шее слониха. Мы еще даже не знаем, что она ест.

— Булочки, — настаивал мистер Паклхэммер на своей исходной версии. — Вот увидишь — булочки с изюмом ее вполне устроят.

— А может, прав был возница? — задумчиво сказал Адриан. — Если бы я нашел цирк, где ей будет хорошо, и отдал владельцу те пятьсот фунтов, это не против закона?

— Не знаю, как насчет закона, — отозвался мистер Паклхэммер, поджимая губы в знак размышления, — но почему не попробовать?

— Да только где найдешь его теперь? — спросил Адриан.— Последний раз я видел цирк, когда мне было лет семь или восемь.

— Приморье,— не задумываясь, ответил мистер Паклхэммер.— На всех приморских курортах обязательно есть цирки, и ярмарки, и прочие увеселения.

— Но отсюда до моря почти сто километров,— возразил Адриан.— Как я доставлю ее туда?

— Пешком,— сказал мистер Паклхэммер.— Думаю, ей будет только полезно размяться. Одно ясно — ты не можешь держать ее здесь бесконечно. Не потому, что я против, ни в коем случае, но держать у себя на складе слона — не оберешься сплетен. Сам знаешь, какие кругом соседи, всюду суют свой нос.

— Что ж, ничего не поделаешь,— заключил Адриан.— Скажу миссис Дредж и хозяевам в лавке, что мой дядя при смерти и я вынужден на время отлучиться. Вряд ли на работе станут возражать, у меня как раз отпуск подходит. Как ты думаешь, сколько дней займет путь до моря?

— Зависит от обстоятельств,— ответил мистер Паклхэммер.

— Каких еще обстоятельств? Сколько километров в день может пройти слон?

— Я не об этом подумал,— отозвался мистер Паклхэммер.— А о том, сколько пивных будет на вашем пути.

— Ну да,— со стоном молвил Адриан.— Я совсем забыл...

— Вот что я тебе скажу — помнишь старую маленькую двуколку, что стоит у меня там в сарае? Так вот, приведем ее в порядок, смастерим упряжь, и пусть Роза тянет ее. Загрузишь в ящик сзади одежду, пиво и что там еще...

— Только не пиво,— поспешно перебил Адриан.— Никакого пива в пределах досягаемости этой твари.

— Ну хорошо, загрузишь корм. И когда соберешь все, что надо, в путь — ну как?

Хоть и тревожно было на сердце у Адриана, он ощутил некий намек на душевный подъем. Разве не жаждал он приключений? Так вот, путешествие в компании со слоном — приключение что надо! Впервые с той минуты, как Адриан прочитал дядюшкино письмо, ему вдруг подумалось, что дело обстоит вовсе не так уж плохо. И прогулка

к морю в обществе Розы начала казаться ему даже увлекательной затеей.

— Допустим, я дойду туда дня за три,— задумчиво произнес он.

— И еще два дня потребуется, чтобы найти какой-нибудь цирк. То да се, скажем, всего на это дело уйдет максимум дней десять-двенадцать.

— Верно,— согласился мистер Паклхэммер.— Вполне уложишься, при благоприятных условиях.

— Точно! — Адриан вскочил на ноги, снова почувствовав себя (на минуту) лучшим фехтовальщиком в стране.— Все будет сделано!

— Молодец! — сказал мистер Паклхэммер.— Я пошел бы с тобой, да нельзя бросать лесной склад. Бьюсь об заклад, ты отлично проведешь время. А теперь приступим. Я выкачу двуколку, вымою ее, пройдуся краской, и можешь хоть завтра трогаться в путь.

Адриан подошел к окну и выглянул наружу. Розы мирно спала, только уши иногда подергивались да в животе у нее урчало, словно где-то вдали гремел гром.

— Надо ее покормить,— озабоченно произнес он.— Послушай, что у нее делается в животе.

— Кончай волноваться по пустякам,— отозвался мистер Паклхэммер.— Предоставь это дело мне.

Выйдя во двор, они потихоньку, чтобы не разбудить Розы, выкатили из сарая обшарпанную двуколку.

— Вот, пожалуйста,— сказал мистер Паклхэммер, лаская взглядом маленький экипаж.— Немного краски, и будет как новая. Давай-ка, парень, вымой ты ее, а я пойду раздобуду корм для Розы.

Адриан принес два ведра горячей воды, вооружился щеткой и приступил к работе, насвистывая какую-то мелодию. Он так увлекся своим делом, что даже вздрогнул, когда шею его нежно обнял теплый серый хобот, дышащий пивом. У него еще не было времени усвоить, что слоны, несмотря на солидный вес, при желании могут передвигаться куда тише, чем домовая мышь. Остановившись за спиной Адриана и добродушно глядя на него, Розыдохнула ему в ухо пивным ароматом и приветственно пискнула.

— Ну вот что,— строго произнес Адриан, освобождая свою шею от ее объятия,— не путайся под ногами. Видит Бог, ты уже натворила тут дел. Будь хорошей девочкой, ступай обратно вон туда и prospись.

В ответ Рози окунула хобот в одно из ведер, шумно засосала воду, после чего, тщательно прицелившись, окатила струей борт двуколки. Набрала в хобот еще воды и повторила процедуру на глазах у изумленного Адриана.

— Что ж,— вымолвил он наконец,— если ты настроена *помогать*, это другое дело.

Он быстро убедился, что достаточно показать Рози, куда направлять струю, и она послушно выполняет команду. Адриану оставалось только подносить воду. Выпущенная хоботом тугая струя запросто смывала копоть и паутину, и двуколка заметно преобразилась. В это время вернулся мистер Паклхэммер, неся набитый чем-то мешок.

— Булочек я не нашел,— сообщил он, явно огорченный тем, что не сможет подтвердить свой тезис,— но удалось добыть черствый хлеб.

Развязав мешок, они извлекли две темные буханки, и Адриан протянул их Рози, сильно сомневаясь, что она примет такой лежалый дар, однако слониха радостно пи-скнула и с невероятной скоростью управилась с обеими буханками.

— Вот и ладно,— заключил Адриан,— проблема кормления решена.

Он вытряхнул из мешка остальные буханки, и Рози предалась обжорству.

— Послушай,— восхищенно произнес мистер Паклхэммер,— двуколку просто не узнать!

— Это Рози потрудилась,— сказал Адриан.

— Рози? Как тебя понимать?

— Ну, она помогала мне. Поливала водой так, что мы в два счета управились.

— Надо же! Может, она знает еще какие-нибудь трюки?

— По-моему, сейчас не время проверять ее способности,— поспешно отозвался Адриан.— Для начала не мешает мне отправиться в банк и выяснить, как там обстоит дело с деньгами, согласен?

— Ты прав. Оставляй Рози здесь, мы поладим. И я тем временем поработаю кистью и краской.

Когда Адриан спустя несколько часов вернулся из города, он издали услышал громкое пение мистера Паклхэммера, сопровождаемое одобрительным попискиванием Рози. Войдя во двор, он увидел, что слониха разлеглась

на земле, а мистер Паклхэммер, опершись на крепкое плечо Рози, поет ей серенаду в левое ухо. Обоих украшали пятна краски, а пустой таз с остатками пены на дне и пивная кружка красноречиво свидетельствовали, каким образом была закреплена дружба мистера Паклхэммера и Рози. Не без удивления, учитывая состояние маляров, он убедился, что двуколка смотрится великолепно. Мистер Паклхэммер явно дал волю своим артистическим наклонностям. Борта двуколки были выкрашены в яркий бледно-желтый цвет, оглобли — в не менее яркий алый, спицы колес — поочередно в синий и золотистый, и в целом экипаж сверкал, как драгоценный камень.

— Привет! — воскликнул мистер Паклхэммер, выпрямляясь не без труда. — Мы тут с Рози спевку устроили... у нее вкус к доброй песне. И как тебе двуколка, а?

— Замечательно, — с восторгом ответил Адриан. — Краше не бывает.

— Меня всегда тянуло заняться искусством, — мрачно признался мистер Паклхэммер, — да только в наше время спрос на него невелик. Получил деньги?

— Получил, — ответил Адриан. — Пришлось кучу бумаг подписывать, оттого и подзадержался.

— Что ж, на твоем месте, — мистер Паклхэммер вытащил из кармана часы и уставился на них мутным взором, — я направился бы домой и поделился новостями с этой теткой Дредж.

— Да, пожалуй, так я и сделаю, — вздохнул Адриан. — А ты уж постарайся тут не слишком накачивать Рози пивом, ладно? Помнишь небось, что мой дядюшка написал по этому поводу.

— Капелька пива никому еще не повредила, — серьезно заметил мистер Паклхэммер.

Адриан прошел к своему огромному дремлющему подкидышу и погладил крутолобую головушку.

— Спокойной ночи, старушка Рози, — сказал он.

Слониха подняла одно веко и посмотрела на него маленьким озорным глазом; казалось, она улыбается, словно зная, какие планы намечены на следующий день, и всецело их одобряя. Тихо пискнув, она закрыла глаза и снова погрузилась в сон, тогда как Адриан вышел за ограду и побрел к дому миссис Дредж.

Здесь, как и следовало ожидать, его ожидали тяжкие испытания. Ссылка Адриана на умирающего дядюшку ни-

сколько не удовлетворила миссис Дредж, и, добиваясь от Адриана подробностей, она до того заморочила голову обоим, что под конец никто из них уже не соображал толком, о чем идет речь. Пришлось миссис Дредж признать свое поражение и позволить доведенному до дикой головной боли Адриану подняться наверх и лечь спать.

На другой день он собрал утром свои вещи и отправился на склад к мистеру Паклхэммеру. Позади была беспокойная ночь, его преследовали кошмары, в которых целые стада пьяных слонов топтали разноцветные двуколки, а потому он испытал облегчение, когда вошел во двор и Роза, радостно пискнув, нежно обняла его за шею хоботом в знак приветствия. Было что-то подкупающее в естественном радушии слонихи, и Адриан почувствовал, что начинает любить своего гигантского иждивенца.

При помощи мистера Паклхэммера он загрузил в багажник все необходимое, на их взгляд, для предстоящего путешествия. Тут были банки с провизией для Адриана, три мешка черствого хлеба для Розы, одеяла, большой нож, аптечка со всякими таинственными сильнодействующими снадобьями из запасов мистера Паклхэммера, толстая веревка, брезент такой величины, что под ним, утверждал мистер Паклхэммер, могли укрыться от дождя оба путника, цепи — на случай, если придется заковывать Розу, бочонок пива (тщательно укрытый, чтобы Роза не видела) и, наконец, — банджо Адриана. Он приобрел инструмент несколько месяцев назад, однако особого успеха в игре не достиг, ибо мог упражняться только в те дни, когда миссис Дредж отправлялась на кладбище навестить мистера Дредж. Тем не менее мистер Паклхэммер похвалил Адриана, дескать, шагать под музыку куда веселее. С музыкой и пивом, сказал он, хоть куда дойдешь.

Управившись с погрузкой, они без труда запрягли в двуколку Розу, которая нисколько не сопротивлялась, увлеченная новой игрой. После чего Адриан в роли проводника взял ее за кончик уха и несколько раз провел по кругу во дворе, чтобы привыкла тянуть экипаж.

— Ну так, — сказал он наконец, — полагаю, пора нам трогаться в путь. Огромное спасибо вам за помощь, мистер Паклхэммер.

— Пустяки, парень, — ответил тот. — Как бы мне хотелось пойти с вами... Уверен, все будет замечательно. Не

забудь писать мне, чтобы я знал, как идут ваши дела, обещаешь?

— Обещаю. И еще раз большое спасибо.

Ласково погладив бок Розы, мистер Паклхэммер распахнул ворота ограды, и слониха, направляемая Адрианом, протопала на дорогу, увлекая за собой позвякивающую и постукивающую двуколку. Стоя в воротах, мистер Паклхэммер долго провожал их взглядом.

Хотя они старались держаться подальше от главных улиц, все же им пришлось пересечь часть города, прежде чем они вышли на окраину, и за это время Адриан узнал много нового о слонах и об их воздействии на окружающую фауну. Так, он скоро обнаружил, что лошади подвержены припадкам нервного расстройства при внезапной встрече со слоном. Причем эффект, насколько он мог судить, ничуть не зависел от рода экипажа, в который они были впряжены. Издав пронзительное ржание, они вставали на дыбы и пускались галопом по мостовой, вынуждая испуганных владельцев отчаянно цепляться за вожжи. Розы была весьма озадачена такой реакцией; ее, привыкшую к дружескому общению с рассудительными, смиренными цирковыми лошадьми, такое отношение даже обижало, мягко говоря.

Еще он узнал (сей урок обошелся ему в один соверен), что слоны едят фрукты и овощи. Обогнув очередной угол, они очутились лицом к лицу с пожилым мужчиной, который толкал тележку, нагруженную доверху товаром, чей вид заставил Розы ускорить шаг, издавая радостные трубные звуки и не обращая никакого внимания на крики дергавшего ее за ухо Адриана. Она видела только гору съестного, предоставленного заботливым провидением. Хозяин тележки, увидев вдруг запряженного в разноцветную двуколку слона, несущегося прямо на него явно с недобрыми намерениями, обратился в бегство, развив поразительную для такого возраста прыть. А Розы, продолжая возбужденно трубить, остановилась возле брошенной тележки и, как ни пытался Адриан призвать ее к порядку, принялась с великим удовольствием уписывать овощи и фрукты. Пришлось Адриану догонять беглеца, чтобы осушить его слезы и возместить ущерб. Он утешал себя надеждой на то, что после плотной трапезы Розы будет вести себя спокойнее. И не ошибся — дальше она трусила в са-

мом благодушном расположении, и желудок ее мелодично бурчал, переваривая добычу.

Наконец поблескивающий тысячами окон город остался позади, и, когда путники поднялись на пригорок, им открылся вид на залитый ярким весенним солнцем волшебный ковер из полей и перелесков, извивающихся рек и мглистых холмов, над которыми звенели голоса жаворонков и отдавалось сонное кукование кукушек. Адриан наполнил легкие чистым воздухом с ароматом клевера.

— Ну вот, Роза, — сказал он, — мы за городом. Кажется, самое худшее позади.

Довольно скоро он осознал, какую глупость сморозил.

Глава пятая **БАТАЛИЯ ПРИ МОНКСПЕППЕРЕ**

Солнце грело, чистое небо синело, живые изгороди и рощицы, одетые в зеленый пышный кринолин весенней листвы, кишели щебечущими птицами, напрашиваясь на сравнение с музыкальными шкатулками. Как чудесно, говорил себе Адриан, шагать вместе с загребающей ногами пыль Розы по отороченным ярко-желтыми каскадами примулы узким дорожкам под звуки поскрипывающих колес двуколки и приятное позвякивание упряжи. Вскоре он снял пиджак и бросил его на багажник. Еще через полчаса туда же отправились жилет, целлулоидный воротник и черный галстук, и в приливе залихватской удали он даже завернул рукава рубашки. В черных брюках с полосатыми подтяжками и в беспечно сдвинутом набок котелке он являл собой довольно странное зрелище, однако это его нисколько не тревожило. Адриан был опьянен картинами сельской местности, и перед ним открывался путь к приключениям.

Он обнаружил, что мистер Паклхэммер был совершенно прав, когда говорил, что Розы любит пение. Усладив ее слух исполнением эстрадных песенок и убедившись, что

они пришлись ей по вкусу, Адриан принялся бренчать на банджо. Возможно, он был небольшой мастер игры на этом инструменте, но Роза была слишком хорошо воспитанной аудиторией, чтобы акцентировать на этом внимание, а потому все складывалось как нельзя лучше.

К полудню они ушли достаточно далеко от всех городов. Карта помогла Адриану проложить маршрут по глухим проселкам, ибо он вовсе не желал попадаться людям на глаза, и до сих пор они не встретили ни души, словно два странника в необитаемом краю. Непривычный к свежему воздуху, Адриан успел заметно проголодаться. За Роза он не волновался, она преспокойно закусывала зеленью с кустов на обочине, ему же требовалось нечто посущественнее. Наконец глазам его предстало то, в чем он нуждался — спускающийся к речке, расцвеченный маргаритками просторный бархатно-зеленый луг, на котором тут и там стояли могучие дубы, увенчанные, словно огромными париками, пышными облаками поблескивающей листвы и отороченные внизу отрадной темно-синей тенью.

— Вот оно, Роза, девочка моя, — сказал Адриан. — Здесь мы устроим привал, перекусим.

Сквозь просвет в живой изгороди он провел Роза на гладкий зеленый пятачок под двумя-тремя дубами. В шести шагах ниже журчала среди камышей переливающаяся солнечными бликами речушка. Адриан выпряг Роза и достал провизию. Осторожно наполнил две большие кружки пивом из бочонка, на что Роза отозвалась продолжительным трубным звуком. Расположившись на траве, Адриан живо уплел пирог с мясом, изрядный кусок сыра и половину батона. После многих лет общения со стряпней миссис Дредж эти нехитрые припасы показались ему экзотическими деликатесами. Роза, присмотрев на дубах подходящие ветки, закусила ими, после чего принялась энергично скрестись боком об один из стволов, чем изрядно напугала пару обитающих в кроне сорок.

Откинувшись на спину, Адриан смотрел прищуренными глазами через кружево листвы на синее небо, и душой его овладел великий покой. «А что, — сказал он себе, — не так уж плохо все обернулось, как я опасался. Просто замечательно!» Он со вкусом зевнул, закрыл глаза и погрузился в сон.

Проснувшись вдруг спустя некоторое время, он лежал, напрягая слух, чтобы определить, какой звук его разбудил. По-прежнему поодаль гомонили сороки, высоко

в небе рассыпал свои трели жаворонок, но внимание Адриана привлекло какое-то бульканье и громкий плеск. Он сел, тревожно осмотрелся. Розы исчезла. Ему стало страшно. Куда она делась? Терроризирует какого-нибудь злополучного дачника? Или — при этой мысли он похолодел — обнаружила поблизости пивную? Адриан вскочил на ноги, лихорадочно озираясь.

Внезапно над прохладной гладью речушки вырос серебристый фонтан, и следом за ним показалась Роза. Она легла в воде на бок, и обычно серая кожа ее казалась черной от влаги. Слониха с наслаждением плескалась в речке, время от времени погружая хобот в воду и выдувая журчащие пузырьки. Несказанно обрадованный, что обнаружил ее, Адриан спустился на берег, и Роза приветствовала его веселым писком.

— Ну, ты у нас просто умница, девочка моя, — сказал Адриан. — Что, хорошо тебе там... понравилось купаться?

В ответ Роза перевернулась на другой бок, вызвав тем самым волну, которая совершенно накрыла ее на несколько секунд.

— А знаешь, старушка, мне что-то захотелось присоединиться к тебе, — продолжал Адриан. — Очень уж соблазнительно выглядит.

Он осмотрелся украдкой, проверяя, не следит ли кто-нибудь за ними, живо разделся, оставив на себе только кальсоны приличия ради, и с пронзительным криком прыгнул с травянистого берега в речку. Ледяная вода взбудрила его, он встал, отфыркиваясь, добрал до Розы и взобрался на ее плечо. Роза радостно пискнула и легонько коснулась хоботом его лица и мокрых волос.

— Замечательно, — выдохнул Адриан, поглаживая ухо слонихи. — Восхитительно! Отличная идея, Роза. Ты умное, *умнейшее* создание!

С трудом выпрямившись во весь рост, он принялся отплясывать на широком боку Розы, восклицая: «Замечательно, восхитительно!» — пока не поскользнулся на влажной коже и не шлепнулся в реку. Только вынырнул, смеясь и откашливаясь, как Роза, ласково глядя на него маленькими яркими глазами, окатила его водой из хобота. Следующие полчаса они продолжали резвиться таким образом, пугая лысух и камышниц и нервируя зимородка, свившего себе гнездо на берегу.

— Как только дойдем до какого-нибудь селения, — объявил Адриан, когда они выбрались из реки и легли на траву, — я куплю большую-пребольшую щетку, чтобы как следует скрести тебя, моя девочка, и будешь ты настоящая красавица слониха.

Утомленные возней в воде, они задремали, подсыхая на солнце. Лежали так тихо, что заметили пересекающую весь луг лисицу, лишь когда она очутилась совсем близко.

— Привет, — сказал Адриан, садясь. — А ты хороша, ничего не скажешь.

Лиса замерла, насторожив уши и подняв одну лапу. Тут Роза взмахнула ушами и вытянула любопытствующий хобот. Лиса отпрянула, испуганно таякнув, круто развернулась, сбежала к воде и поспешно поплыла к другому берегу. Выбравшись там из воды, энергично встряхнулась и скрылась в кустах, наградив Адриана и Розы ненавидящим взглядом.

— Что скажешь, Роза, — не больно-то любезная особа, верно? — заметил Адриан. — Совсем не компанейский товарищ...

И он уже приготовился прочитать Роза краткую, но исчерпывающую лекцию о лисах, но тут до их слуха донесли звуки гона.

— Господи! — ахнул Адриан, вспомнив, что на нем одни кальсоны. — Как же это... мне надо одеться... живо!

Вскочив на ноги, он побежал к двуколке, где на оглоблях была аккуратно развешана его одежда. Поздно... Через широкий просвет в окружающей луг высокой живой изгороди хлынул коричнево-белый каскад возбужденно лающих псов, за которыми верхом на лоснящихся, словно каштаны, гордо скачущих конях следовала целая армия охотников и охотниц в красных куртках. «Хороший переплет, — сказал себе Адриан, — лучше не придумаешь... Быть застигнутым, судя по всему, местной аристократией на лугу в обществе слона и разноцветной двуколки — уже несколько необычная ситуация, если же ты при этом стоишь в одних кальсонах, то жди беды».

А тут еще Роза, взбодренная купанием в речушке, чрезвычайно оживилась при виде охотников со сворой собак. То ли она приняла сигналы охотничьего рога за трубные звуки какого-то другого слона, то ли множество гончих, красные куртки и вся атмосфера праздничного действия напомнили ей счастливые дни, проведенные в цирке,

так или иначе она взгромозилась на ноги и затрусила, радостно трубя, через луг навстречу гону.

Собаки разом удивленно остановились. По выражению их морд нетрудно было понять, что они возмущены таким подвохом. Им было поручено преследовать и отловить небольшого рыжего зверька, а тут перед ними вдруг возникает некое серое чудовище из тех, что снятся в кошмарах совсем юным щенкам. Одновременно и все холеные, лоснящиеся кони увидели Рози, и зрелище это подействовало на них примерно так же, как на тех смиренных трудяг, что прилежно тянули лямку в городе. В одно мгновение зеленый луг уподобился полю кровавого боя. Охотники в красных куртках сыпались на траву, будто осенние листья, а оставшиеся без всадников кони метались взад-вперед, пытаясь прорваться сквозь окаймляющие луг кусты.

Рози ликовала. Она окончательно уверовала, что очутилась в некоем подобии цирка и что царящая на лугу сумятица — элемент театрализованного представления. Возбужденно трубя, она гоняла по кругу собак, иногда останавливаясь, чтобы шлепнуть хоботом широкий зад какой-нибудь из обезумевших от страха лошадей. Адриан, в одних лишь сырых подштанниках, прятался ни жив ни мертв за деревом. Предыдущие злключения не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас, к тому же Рози откровенно наслаждалась своей ролью в потешном спектакле.

Работая в цирке, она была приучена завершать свой номер притворным нападением на шпрыхшталмейстера, ибо ей полагалось, в частности, изображать вражду к мечущимся по арене униформистам. Собаки успели улизнуть через кусты, бьющиеся в истерике лошади сгрудились в дальнем углу луговины. И Рози, вполне логично заключив, что номер подходит к концу, остановила влажный взгляд на егермейстере, который, весь в грязи, барахтался на траве, силясь освободиться от черного цилиндра, съехавшего ему на нос при падении. Решив, что это не кто иной, как шпрыхшталмейстер (вполне простительная ошибка, если учесть, что егермейстер был мужчина видный, тучный, облаченный в измазанную грязью роскошную куртку, с цилиндром на голове), Рози прошагала к нему и, издав пронзительный трубный звук, ласково обняла его хоботом и подняла высоко вверх. После чего на мгновение замерла в этой позе, явно слегка удивленная

тем, что не слышит обычно сопровождающих этот трюк аплодисментов.

Одна из охотниц, достопочтенная Петуния Мэгтлебруд, только что, вся дрожа, поднялась с травы, когда взору ее предстала поразительная картина: сам егермейстер плавно покачивался в воздухе над головой сжимающего его хоботом слона. Нет слов, чтобы описать ее чувства при виде столь ужасного святотатства; должно быть, нечто в этом роде испытал бы крестоносец, видя, как некто разводит костер, поджигая хворост щепкой от истинного креста.

— Опусти его на землю, грубое животное! — крикнула она. — Сейчас же опусти!

После чего издала пронзительный нервный вопль и упала в обморок. Рози, продолжая помахивать в воздухе егермейстером (как если бы огромный кот тряс розовую мышь), задумчиво огляделась кругом. Вопль достопочтенной Петунии с трудом можно было принять за бурную овацию, но, видно, на большее тут не приходилось рассчитывать. Глаза слонихи остановились на бледном лице выглядывающего из-за дуба Адриана, и, протрусив туда, она положила на траву у его ног егермейстера, уподобляясь охотничьей собаке, подносящей хозяину первого в сезоне тетерева. При этом цилиндр наконец слетел с головы егермейстера и покатился по траве, открыв взору Адриана великолепные черные бакенбарды и усы на лице такого пурпурно-красного цвета, что казалось — либо хозяин его сейчас скончается от апоплексического удара, либо весь вспыхнет и растворится в облачке черного дыма. Егермейстер сел и уставился на Адриана, издавая звуки, которые даже самые его пылкие поклонники не смогли бы назвать иначе как нечленораздельным кулдыканьем.

— Э... Добрый день, — растерянно изрек Адриан.

Он не особенно удивился, когда после этой реплики лицо егермейстера почернело. Распорядитель охоты задохнулся от ярости и лишь с великим трудом обрел контроль над голосовыми связками.

— Как вас понимать? — глухо и несвязно прорычал он. — Как это понимать: добрый день? Эта грязная, отвратительная, безобразная тварь — ваша?

Он направил дрожащий указательный палец на Рози, которая, сорвав пучок травы с маргаритками, обмахивалась им, разгоняя мух.

— А... эта,— отозвался Адриан, как будто только сейчас заметил слона.— *Эта...* ну да, в каком-то смысле ее можно назвать моей.

— Как вас все-таки понимать, сэр, черт возьми? — бушевал егермейстер.— Бродите тут на лугу вместе с каким-то проклятым страшилищем... в таком непристойном одеянии... пугаете псов... наводите страх на женщин... даже лошадей пугаете... как вас понимать, черт возьми, сэр?

— Ради Бога, извините,— покаянно молвил Адриан.— Понимаете, мы тут искупались в речке, откуда нам было знать, что вы здесь появитесь.

— У вас так принято,— с злобешим спокойствием продолжал егермейстер,— у вас принято в обществе безобразного слона странствовать в сельской местности, купаться в чужих речках, *распугивая лосося?*

— Что вы, вовсе нет,— признался Адриан.— Боюсь, однако, что объяснение случившегося заняло бы слишком много времени.

— Я готов объяснить случившееся! — крикнул егермейстер, вставая.— Вы — ненормальный, неменяемый преступник, вот вы кто! Носитесь тут, распугивая рыбу, а заодно и птицу... ненормальный! Уж я позабочусь о том, сэр, чтобы вы и эта ваша тварь очутились в кутузке, помяните мое слово. Подам на вас в суд за нанесение ущерба личности и нарушение владения. Добьюсь, чтобы вам присудили пять лет каторжных работ. Вас можно даже обвинить в покушении на убийство, что вы скажете на это, сэр? Как только вернусь в деревню, обращусь в суд, так и знайте.

— Послушайте,— в ужасе произнес Адриан,— я умоляю вас извинить меня, позвольте только объясниться... Понимаете, ваши кони и собаки...

— Собаки? — прошипел егермейстер, и лицо его снова побагровело.— *Собаки?* Гончие, сэр, гончие.

— Хорошо, ваши гончие. Все дело в том, что они не привыкли общаться со слонами.

Распорядитель охоты сделал длинный прерывистый вдох и окинул свирепым взглядом луг, где помятые охотники медленно поднимались на ноги и пытались отловить испуганных лошадей.

— Да уж, вижу, что не привыкли,— сказал он.— И скажу вам по секрету, недоношенный пейзажин: *они не обязаны привыкать к общению со слонами!*

Адриан вынужден был признать в душе справедливость этого замечания. Тем временем егермейстер поднял с земли злополучный цилиндр и водрузил себе на голову.

— Так и знайте,— повторил он,— как только вернусь в деревню, распоряжусь, чтобы вас и вашего чертова слона арестовали.

После чего присоединился к своим хромающим, потирающим ушибы спутникам. Один за другим они сели на коней. Проводив последнего охотника взглядом, Адриан обратился к Розе.

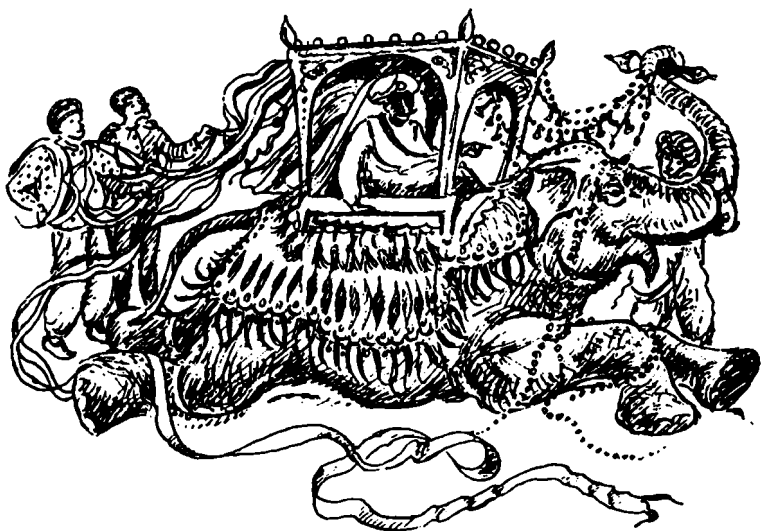
— Смотри, что ты натворила,— укоризненно произнес он.— Причем в тот самый момент, когда мне представлялось, что все идет на лад. Опять ты все испортила... Теперь нас арестуют. Не миновать тебе пяти лет каторжных работ.

Быстро одевшись, он снова впряг Розу в двуколку.

— Лучше уж нам убраться подальше от его деревни,— сказал Адриан, выведя Розу на дорогу.

Вскоре им встретился перекресток, где указатели извещали, что, пойдя налево, они попадут в деревню Феннел, а направо — в деревню Монкспеппер. Адриан остановился в нерешительности. Он не знал, из какой деревни явились охотники. Сам-то он вместе с двуколкой сумел бы кое-как укрыться от блюстителей закона, иное дело Роза. Поглядев в сторону Феннела, он рассмотрел вдали опушку леса, и это определило выбор маршрута. В лесу хоть можно попытаться спрятать слона. А потому он потянул Розу за ухо, чтобы шла побыстрее, и они направились в сторону Феннела.

Глава шестая **АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫКРУТАСЫ**

Высокие зеленоватые стволы обширного букового леса окружало море колокольчиков. Деревья стояли так тесно, что за ними даже такое крупное создание, как Роза, никто не рассмотрел бы в тридцати метрах от дороги. Тем не менее Адриан предпочитал не рисковать и торопился уйти подальше от охотников. Вскоре ему встретилась отходящая от дороги под прямым углом, теряющаяся в чаще узкая просека, и он прошагал по ней вместе с Розой около двух километров. В листве высоко над ними хрипло ворковали вяхири, кругом сновали кролики, вверх по стволам, распушив рыжие хвосты и негодуяще стрекоча, испуганно взбегали белки. Постепенно Адриан начал успокаиваться, говоря себе, что здесь, в гуще тенистого леса их никто не отыщет.

Просека привела их на просторную поляну с посережшим стогом прошлогоднего сена. Впрочем, сено было сухое и теплое, и Адриан решил, что здесь отлично можно переночевать. Он распряг Розу и с ее помощью закатил двуколку в подлесок, чтобы не бросалась в глаза, после чего, забрав провизию и одеяла, вернулся к стогу. Роза

следовала за ним с озабоченным видом, но внезапно вернулась к двуколке и вышла затем из подлеска, осторожно неся хоботом бочонок с пивом. Завернувшись в одеяла, Адриан расположился на сладко пахнущем сене и приступил к вечерней трапезе; Роза, плавно покачиваясь, стояла рядом, неся караульную службу. Восходящая луна обратила на них свой лик и посеребрила поляну, где-то в чаще гулко ухали совы.

На рассвете Адриана разбудил стоголосый птичий хор, наполнявший лес звонким эхо. Поляна побелела от росы, и утренний холодок заставил его поежиться. Они быстро позавтракали и выпили по кружке пива, причем Адриан сказал себе, что, кажется, перенял дурную привычку мистера Паклхэммера пить пиво с утра. Затем он запряг Розу, и они продолжили путь, озаренные ярким утренним солнцем; ноги слонихи оставляли огромные круглые следы на росистой траве.

Одну за другой они пересекли еще три лесные поляны, не встретив ничего опаснее фазана с ярким оперением, когда за просветом в живой изгороди вновь увидели проезжую дорогу. Помешкав, Адриан решил выйти на нее, однако в эту минуту до его слуха донесся стук копыт. Шикнув на Розу (которая производила куда меньше шума, чем он сам), он осторожно выглянул из-за кустов, ожидая увидеть отряд охотящейся за ним конной полиции. Вместо этого его взору предстало весьма элегантное черное ландо с позолоченными колесами и внушительными крестами на дверцах, влекомое идущей крупной рысью парой великолепных серых коней. На сиденье полулежал мужчина в бледно-лиловой куртке, белых бриджах и надвинутом на нос блестящем, как черный жук, цилиндре.

Пораженный этой картиной, Адриан неразумно выпустил ухо Розы, и она, полагая, что проезжая дорога открыта для всех странников (включая слонов), протиснулась через изгородь, увлекая за собой двуколку. Адриан уже успел привыкнуть к тому, как лошади реагируют на появление слона, а потому ничуть не удивился, когда серые круто остановились, взбрыкнули и сделали отчаянную попытку форсировать кустарник вместе с экипажем наперекор попыткам побледневшего кучера удержать их от опрометчивого поступка.

— Что это пришло тебе на ум? — лениво осведомился мужчина в бледно-лиловой куртке.

— Простите, милорд, — откликнулся кучер, — но тут это животное!

Мужчина в бледно-лиловой куртке сдвинул цилиндр на затылок, открыв взгляду Адриана рыжеватые кудри и элегантные бакенбарды, обрамляющие изящное, длинное, бледное лицо, на котором выделялись огромные ярко-фиолетовые глаза. Судя по всему, его нисколько не беспокоил тот факт, что ландо грозило вот-вот опрокинуться. Не спеша засунув пальцы в жилетный карман, он извлек из него монокль и тщательно вставил в правый глаз. Тем временем серые уже просунули головы через кусты, и экипаж раскачивался, точно корабль на высокой волне.

— Клянусь Юпитером! — сказал мужчина в бледно-лиловой куртке, созерцая Розу. — Это же слон... самый настоящий слон! Невероятно, разрази меня гром.

Адриан уперся руками в голову Розы, изо всех сил толкая ее назад, но она словно вросла в землю.

— Эй, вы, — сказал мужчина в бледно-лиловой куртке, — это ваш слон?

— Боюсь, что мой... в известном смысле, — ответил Адриан, продолжая толкать Розу.

— Поразительно, — задумчиво произнес седок. — Случайно, это не вы сорвали гон охотникам из Монкспеппера? Должно быть, вы... вряд ли в наших местах мог появиться второй слон?

— Боюсь, это наша вина, — ответил Адриан. — Ужасное недоразумение, честное слово. Мы никому не хотели причинить вреда, но вы сами видите, как реагируют лошади.

— Да уж, — согласился мужчина в ландо, — этот слон явно плохо влияет на них. Могу я, дружище, попросить вас немного подвинуться, чтобы мы могли проехать?

— Конечно, — сказал Адриан. — Я постараюсь.

Однако Роза, овладев дорогой, не видела веских причин отступать на поляну. Единоборство не сулило успеха Адриану, наконец его осенило, он подбежал к багажнику двуколки и наполнил пивом кружку слонихи. Соблазненная приманкой, Роза попятилась за кусты. Теперь серые не видели ее, и кучеру удалось справиться с ними. Мужчина в бледно-лиловой куртке увлеченно следил за про-

исходящим и, когда Адриан вновь вышел на дорогу, наклонился к нему, покрепче ввинтив в глаз монокль.

— Скажите, дружище, — спросил он, — этот слон пьет пиво или только обливается им?

— Пьет, — мрачно ответил Адриан.

— Поразительно... Пьющий слон.

— Ради Бога, извините, что мы напугали ваших лошадей, — сказал Адриан. — Роза не хотела никому причинить вреда, честное слово.

— Ерунда, дружище. — Седок взмахнул тонкой рукой. — Не думайте об этом, умоляю. Замечательный случай. Скажите, ваш слон пьет что-нибудь кроме пива?

— Да, — коротко ответил Адриан, — все.

— Восхитительно! — В фиолетовых глазах седока мелькнула веселая искорка. — Вон как мои серые реагировали — хотел бы я видеть, что было с теми охотниками.

— Что говорить, зрелище было эффектное, — усмехнулся Адриан. — В жизни не видел, чтобы столько всадников одновременно слетели со своих коней.

Мужчина в ландо хохотнул, потом снял цилиндр и протянул Адриану тонкую руку:

— Лорд Феннелтри, рад познакомиться.

— Спасибо, сэр, — пролепетал Адриан. — Моя фамилия Руквисл, Адриан Руквисл, а это — Роза.

— Очаровательные имена, — рассеянно произнес лорд и устремил задумчивый взгляд в пространство.

Адриан впервые встретился с лордом, а потому пребывал теперь в некоторой растерянности. Кажется, его милостиво отпустили? Только он хотел приподнять котелок и проститься, как лорд вдруг словно проснулся, подправил монокль и уставился на него.

— Я думал, — гордо молвил лорд Феннелтри, словно речь шла о редком явлении. — Скажите, вы сейчас не слишком заняты?

— Как сказать... да нет, — ответил Адриан. — Я всего лишь направляюсь к морю...

— Отлично! Великолепно! — горячо воскликнул лорд. — Вот ведь какая удача!

— В самом деле? — удивился Адриан. — Почему?

— Званный вечер, — сообщил лорд, — званный вечер, о котором я денно и ночью думаю весь последний месяц.

— Понятно, — молвил Адриан; он ровным счетом ничего не понял, но не хотел показаться невежливым.

— Как, по-вашему, Дженкинс,— обратился лорд к кучеру,— ведь это будет замечательно — слон на званом вечере?

— Да, милорд,— тупо отозвался кучер,— как скажете.

— Люблю, когда со мной соглашаются,— сказал лорд Феннелтри, улыбаясь Адриану.

— Извините,— сказал тот,— но какую именно роль вы отводите мне?

— Здесь неподходящее место для обсуждения этого вопроса,— твердо произнес лорд.— Вести интеллектуальную беседу, сидя в ландо, чересчур утомительно. Если вы проследуете дальше по этой дороге, километра через два увидите слева мой дом. Заходите ко мне, дружище, вместе с вашим слоном. Там мы и потолкуем за ленчем, идет?

— Вы чрезвычайно любезны,— ответил Адриан.

— Пустяки,— возразил лорд.— Домой, Дженкинс.

Ландо покатило, стуча, по дороге, а весьма озадаченный Адриан вернулся на поляну к Розе.

— Ну и дела,— сказал он, ведя ее в указанном направлении.— Сперва ты покушаешься на жизнь представителя аристократии, а он потом приглашает нас на ленч. Во всяком случае, он пригласил *меня*, но я полагаю, у него найдется для тебя кочан капусты или что-нибудь в этом роде. Интересно, о каком таком званом вечере он талдычил? Не вижу, чем мы ему можем помочь. Во всяком случае, девочка моя, не забывай, где находишься, и веди себя как следует. Я не желаю, чтобы меня повесили за убийство лорда.

Вскоре они поравнялись с огромными кованными железными воротами на высоких столбах, увенчанных оскаленными каменными грифонами, поросшими зеленым мхом и желтым лишайником. За воротами начиналась дорожка, которая петляла через изысканный парк с величественными деревьями, а вдаль, розовея на солнце и поблескивая широкими окнами, возвышалась резиденция лорда Феннелтри. Из сторожки вышел пожилой мужчина и распахнул ворота.

— Доброе утро, сэр,— поздоровался он, с опаской поглядывая на Розу.— Его светлость предупредил, что вы пожалуете.

Адриан и запряженная в двуколку Роза зашагали по длинной извилистой дорожке. Ближе к дому парковые лу-

жайки сменились аккуратно подстриженными газонами, цветниками и кустами тиса, коим ножницы садовника придали сходство с павлинами, единорогами и прочими достопримечательными представителями фауны. Его светлость стоял на крыльце, нетерпеливо ожидая прибытия гостей. Окружающие его лакеи и почти шарообразный дворецкий с нескрываемым волнением смотрели на Рози.

— А вот и вы, — сказал лорд Феннелтри. — Отлично. Прошу вас, дружище, входите, перекусим вместе. Кстати, что предпочитает Рози, помимо пива?

— Ну, любые фрукты или овощи, — ответил Адриан.

— Реймонд, — обратился его светлость к дворецкому. — Проводите мистера Руквисла и Рози до конюшни и скажите садовникам, чтобы предложили ей какие-нибудь овощи и фрукты.

Как только Рози была помещена в просторное стойло, явились садовники с полными тачками сочной зелени, при виде которой у Адриана потекли слюнки, а Рози издала радостные трубные звуки. Тут были персики и виноград, горох, морковь и капуста, яблоки, груши и абрикосы. Предоставив Рози поглощать эти деликатесы, Адриан последовал за дворецким в дом, где в огромной гостиной полулежал на диване лорд Феннелтри, окруженный собаками всевозможных пород и размеров.

— Прошу вас, садитесь, — сказал его светлость. — Сейчас мы слегка перекусим. Надеюсь, Рози благополучно устроена?

— Да, — ответил Адриан, — знай себе уписывает, только успевай подносить. Вы так добры, а ведь чуть не погибли из-за нее. Я чрезвычайно вам благодарен, честное слово.

— Ну что ж, — заключил его светлость, — если вы и *впрямь* так благодарны, может быть, окажете мне небольшую услугу?

— Все, что могу.

— Я насчет этого проклятого званого вечера, — объяснил его светлость, закрывая глаза, как будто сама мысль о сем мероприятии причиняла ему боль. — Понимаете, у меня есть дочь, скажу притом — не потому, что я отец — отнюдь не безобразная. На днях ей исполняется восемнадцать лет, и по этому случаю мы устраиваем вечер, понимаете? Моя дражайшая супруга, женщина, прямо скажу, своевольная и честолюбивая, настаивает на том, чтобы

вечер этот по своей оригинальности и экстравагантности превзошел все, что когда-либо видели в нашей округе. Так вот, финансовую сторону я как-нибудь обеспечу, что же касается оригинальности, до сих пор ничего не мог придумать. И тут появляетесь вы.

— Понятно,— осторожно произнес Адриан.

— И я подумал,— продолжал его светлость,— что появление на званом вечере большого, ручного, пьющего пиво слона — весьма оригинальная идея, как по-вашему?

— Да-а,— протянул Адриан.

— Нет, если вы не согласны, дружище, если не считаете такую идею оригинальной, так и скажите, прошу вас.

— Почему же,— сказал Адриан,— идея и впрямь очень оригинальная. Просто после каждодневного общения с Рози я уже не воспринимаю ее как нечто оригинальное.

— Вот именно,— отозвался его светлость.— Теперь послушайте, что у меня задумано: мы облачим Рози в наряд, соответствующий ее восточному происхождению, и я в надлежащем убранстве въеду верхом на ней в балльный зал, словно какой-нибудь махараджа. Как вам эта идея?

— Что ж, думаю, она справится с этой ролью,— ответил Адриан.

— Отлично!— просиял лорд Феннелтри.— У нас есть примерно неделя, чтобы отработать детали. На это время буду рад видеть у себя в гостях вас и вашу Рози. К счастью, жена и дочь уехали в город покупать всякие побрякушки и финтифлюшки, так что мы без труда сохраним все в секрете.

— Уверен, ваша идея всем понравится,— сказал Адриан.

— Надеюсь, что так и будет, дружище,— заключил его светлость, вставая с дивана.— А теперь пошли слегка перекусим.

После того что лорд Феннелтри назвал легким ленчем (на стол были поданы суп из спаржи, палтус в белом вине и сметане, перепела, начиненные виноградом, оленья нога, наштигованная каштанами, и миска клубники со сливками), они приступили к приготовлениям. Увлеченный своей оригинальной идеей, его светлость не был намерен скупиться на расходы. Трех местных портных наняли шить роскошное облачение для Рози, трем плотникам поручил смастерить паланкин. Эта идея принадлежа-

ла Адриану. Он посчитал, что будет не совсем разумно посадить лорда верхом на загривок Розы и предоставить ему управлять слонихой, а потому тактично предположил, что махарадже следует удобно восседать в паланкине, возложив деликатные обязанности пилотирования Розы на одного из своей челяди (то бишь на Адриана). Лорду Феннелтри сия идея пришлась по душе.

Облачение Розы выглядело изумительно. Темно-синий бархат, покрытый сотнями блесков и кусочков цветного стекла, был расшит золотым узором, изображающим, как полагал лорд Феннелтри, индуистские письмена. Четыре человека с трудом могли поднять великолепное убранство, и при ярком свете сверкание стекла и блесков ослепляло человека. Не менее замечательно выглядел украшенный резьбой паланкин с матерчатой бахромой по верхнему краю. Его покрасили в темно-синий, желтый и красный цвета, подобно двуколке Адриана, которая так пришлась по вкусу лорду Феннелтри. Паланкин тоже был декорирован восточным орнаментом из блесков. Его светлость и Адриан были весьма довольны изделиями плотников и портных.

Далее надлежало сшить костюмы для его светлости и Адриана, и озадаченные портные не один час потратили на примерки. Озадачены они были потому, что никогда еще не шили ничего подобного, а тут еще лорду Феннелтри все время приходили в голову новые идеи. Дошло до того, что один портной вынужден был целый день отлеживаться в постели, когда на него обрушился страшный гнев лорда за то, что он принес для примерки красный тюрбан вместо белого.

Конечный продукт смотрелся поистине великолепно. Его светлость настоял на том, чтобы самолично придумать фасон своего платья, и, поскольку он совершенно не представлял себе, что носят махараджи, его изобретение, возможно, не было бы одобрено придирчивым восточным властелином. Перевязанные у лодыжки длинные малиновые шаровары, щедро украшенные блестками и расшитые золотом остроносые персидские туфли, роскошный длинный нефритово-зеленый и желтый кафтан... Венчал всю эту конструкцию белоснежный тюрбан с воткнутыми в него четырьмя павлиньими перьями. Украсить перьями головной убор тоже придумал Адриан, и несколько дней под-

ручные садовников все свое свободное время только и делали, что преследовали злополучных птиц.

Погонщику слона Адриану, естественно, полагалось выглядеть поскромнее махараджи, а потому пришлось ему довольствоваться маленьким расшитым золотом красным жилетом, белыми шароварами и белым тюрбаном. Когда портные завершили свою работу, в спальне лорда состоялась заключительная примерка, и Адриан должен был признать, что они оба смотрелись замечательно. Однако его светлость был чем-то недоволен. Стоя перед зеркалом, он задумчиво погладил свои бакенбарды.

— Знаете, дружище, — сказал он наконец, — тут что-то не так. Вам не кажется, что я вроде как бы бледноват для махараджи?

— Возможно, — отозвался Адриан.

— Придумал! — воскликнул его светлость в прилив вдохновения. — Жжена я пробка!

Не успел Адриан что-либо возразить, как дворецкому было приказано отправиться в винный погреб, откуда он и вернулся вскоре с набором различных пробок. При помощи канделябра и двух слуг было приготовлено надлежащее количество жженных пробок, и его светлость принялся с жаром накладывать себе грим.

— Вот! — торжествующе молвил он наконец, отворачиваясь от зеркала. — Ну как?

Адриан уставился на него. Лицо лорда Феннелтри стало совершенно черным, и на этом фоне его огромные фиолетовые глаза и рыжеватые бакенбарды выглядели просто поразительно.

— Великолепно, — неуверенно произнес Адриан.

— Тот самый последний штрих, от которого все зависит, — заключил его светлость. — Теперь позвольте заняться вами.

Половина лица Адриана была уже вымазана сажей, когда в спальне внезапно возник дворецкий.

— Извините, милорд, — молвил он.

— Ну что там еще, Рэймонд, в чем дело? — раздраженно осведомился его светлость, отрываясь от дела.

— Мне показалось, вам следует знать, милорд, что ее светлость только что приехала.

Лорд Феннелтри вздрогнул и выронил пробку.

— Силы небесные! — в ужасе воскликнул он. — Она не должна застать нас в таком виде... живей, Рэймонд, по-

спешите, скажите ей, что мы принимаем ванну или что-нибудь в этом роде. Не пускайте ее сюда... и главное, ни слова про слониху.

— Слушаюсь, милорд, — ответил Рэймонд и вышел.

— Ума не приложу, что это ей вздумалось, — выговорил его светлость, лихорадочно разматывая тюрбан. — Они должны были вернуться только послезавтра. Послушайте, Руквисл, ей ни при каких обстоятельствах не должно стать известно, что мы тут затеем. Моя супруга начисто лишена чувства юмора, она способна все поломать. А потому, дружище, — молчок, ясно? Нем, как могила — идет?

Глава седьмая **ПАВЛИНЫ И ПЕРСИКИ**

Первая же встреча Адриана с леди Феннелтри и ее дочерью Нарциссой заставила его сильно усомниться — стоит ли приводить на званый вечер Розы.

Высокая величественная женщина с пышными золотистыми волосами, леди Феннелтри обладала утонченным профилем и глазами недовольного жизнью удава. Говоря, она отчетливо произносила каждое слово, чтобы всякому была внятна ее воля, и голос ее звучал так, будто перед ней стояло несколько сот гвардейцев. Излагая свои пожелания, она пользовалась большим, изысканной конструкции лорнетом, умножающим злобность ее взгляда, от которого у Адриана отнимались голосовые связки. Что до Нарциссы, то она пошла скорее в отца — та же стройная фигура (с добавлением кое-каких собственных округлостей), огромные фиолетовые глаза и длинные рыжеватые волосы. Красота ее была такой нежной и эфирной, что производила на голосовые связки Адриана почти такое же действие, как буравящий взор леди Феннелтри.

Когда его светлость и Адриан, слегка взъерошенные, со следами жженой пробки на лице, вошли в гостиную, ее

светлость, подняв лорнет, устремила на них такой свирепый взгляд, что Адриан побледнел.

— Моя дорогая, как я рад, что ты уже вернулась, — пролепетал лорд Феннелтри.

— Не очень-то похоже, судя по тому, что ты не встретил нас здесь, внизу, — холодно произнесла леди Феннелтри. — А это кто?

— А! Ну да! — ответил его светлость. — Позволь представить, любимая. Адриан Руквисл, сын одного из старых близких товарищей по колледжу. Он... э... как раз проезжал тут мимо, и я пригласил его принять участие в нашем званом вечере. Адриан, познакомься — моя супруга и Нарцисса, моя дочь.

— Как поживаете? — осведомилась ее светлость тоном, не оставляющим сомнения в том, что весть о его близкой кончине ничуть ее не печалит.

— Ну, — спросил его светлость, потирая руки, — как провели время в городе? Накупили кучу премиленьких вещичек?

— Руперт, — сказала ее светлость, — будь любезен, прекрати обращаться к нам так, словно перед тобой умственно отсталые дети. По правде говоря, это была очень утомительная поездка. Скажи лучше, как идут твои приготовления к званому вечеру?

Его светлость вздрогнул и поперхнулся. У Адриана оборвалось сердце. Первых же минут знакомства с леди Феннелтри хватило ему, чтобы понять — из всех женщин на свете только не она милостиво отнесется к участию в ее званом вечере слона, как бы красиво тот ни был наряжен. Но отступать было поздно, и ему оставалось лишь помалкивать, предоставляя лорду Феннелтри объясняться.

— Приготовления! — выпалил лорд Феннелтри, сжимая лацканы пиджака и делая хитрое лицо. — Приготовления... понимаешь, еще не время рассказывать тебе все, любимая. Скажу только, что приготовления идут полным ходом, все в порядке. Тебя ждет сюрприз, любимая. Но на моих устах печать молчания. Из меня клещами слова не вытянешь.

«И слава Богу», — подумал Адриан.

— Гм! — молвила леди Феннелтри, и в этом междометии прозвучало больше грозной подозрительности, чем в монологе судьи, готового вынести смертный приговор. — Что ж, если ты не можешь избавиться от ребячества... Приятно хотя бы знать, что ты не предавался полному безделью в наше отсутствие.

— Нет-нет, что ты! — искренне возразил его светлость. — Клянусь, любимая, мы трудились, как бобры, самые настоящие бобры. Успех вечера обеспечен, поверь.

Следующие два дня Адриана неотступно преследовали дурные предчувствия. Тщетно он пытался уговорить его светлость ввести леди Феннелтри в курс дела. Осененный впервые в жизни оригинальной идеей, лорд Феннелтри не желал расставаться с ней, поскольку твердо знал, что ее светлость тотчас наложит вето, если что-нибудь проведает. Тогда как триумфальный успех даже ее лишит повода возмущаться.

Скрыть от такой всеведущей особы, как леди Феннелтри, присутствие в конюшне слона было чрезвычайно трудно. Первым делом она обратила внимание на полное отсутствие фруктов на столе, что лорд Феннелтри (в приливе вдохновения) объяснил появлением новой, ядовитой разновидности пчел; не будучи натуралистом, ее светлость довольствовалась этим объяснением, ограничившись тем, что уволила старшего садовника. Затем она обнаружила, что половина павлинов уныло бродит по парку, лишившись хвостового оперения. Утверждение лорда Феннелтри, будто павлины линяют, было с презрением отвергнуто, ибо даже леди Феннелтри знала, когда у этих птиц наступает линька. Вызвав егерей, ее светлость задала им жару и приказала усилить охрану парка, выслеживая охотников за павлиньими перьями и стреляя в них без предупреждения.

И без того расшатанным нервам Адриана не становилось легче оттого, что он должен был в полночь подниматься с постели, чтобы прогуливать Розу в парке с риском попасться на глаза вооруженным егерям. Да и сама слониха отнюдь не помогала ему сохранять тайну. Основательно избалованная роскошной диетой, она взяла за правило пронзительно трубить, когда задерживались очередные поставки персиков. Лорд Феннелтри и Адриан постоянно пребывали в состоянии паники, с ужасом ожидая, что леди Феннелтри вот-вот услышит необычные звуки и надумает расследовать, в чем дело. Накануне дня, на который был назначен званый вечер, они были на волосок от разоблачения. Их светлости и Адриан мирно играли в крокет на зеленом газоне за домом, когда от конюшни до них вдруг донесся резкий, негодующий трубный звук. Ее светлость, изготовившаяся было бить по шару, замерла и воззрилась на лорда Феннелтри, который принялся вдруг

громко распевать в отчаянной попытке заглушить голос Розы.

— Что это за звуки? — зловеще осведомилась ее светлость.

— Звуки? — Его светлость без нужды сильно ударил свой шар. — Звуки? Ты это о моем пении, любимая?

— Нет, — сурово отчеканила ее светлость.

— Я ничего не слышал, — сказал его светлость. — А вы, Адриан?

— Нет, — ответил тот, готовый провалиться сквозь землю. — Совсем ничего.

— Похоже, — настаивала ее светлость, — на трубу, или кларнет, или на еще какой-нибудь из этих вульгарных инструментов, на которых играют в духовых оркестрах.

В это время ветер снова донес до них пронзительное изъяснение недовольства Розы.

— Вот! — сказала ее светлость. — Я говорю про этот звук.

— А! Это... — в отчаянии произнес Адриан. — Должно быть, охотники устроили гон.

Однако его слова не убедили леди Феннелтри. Затаив дыхание, Адриан и лорд Феннелтри смотрели, как она прислушивается, наклонив голову набок. Тишина... Слава Богу, очевидно, прибыл состав с персиками...

— Кстати, об охотниках, — вдруг сказала ее светлость. — Тебе говорили, Руперт, о постыдном происшествии? Какой-то человек, явно ненормальный, натравил на охотников огромного буйного слона.

Адриан уронил себе на ногу тяжелый деревянный молоток.

— Говорили, — отозвался лорд Феннелтри, сияясь выглядеть сурово. — Возмутительно!

— Что хуже всего, — прошипела ее светлость, ударяя по своему шару с такой силой, что он с ходу прокатился через трое ворот, — этот человек был *совершенно голый!*

— В самом деле? — Лорд Феннелтри с любопытством посмотрел на Адриана, который утаил от него эту подробность.

— Омерзительный случай, — заключила ее светлость.

— Нет — совершенно голый? — повторил лорд Феннелтри с глубоким интересом. — Но почему он сопровождал слона нагишом?

— Люди низкого происхождения,— ответила леди Феннелтри,— способны подчас на самые странные поступки, особенно когда находятся под воздействием алкоголя.

Пока развивалась эта беседа, Нарцисса стояла, задумчиво глядя в пространство. Потом устремила ласковый взор на Адриана.

— Я никогда не видела голого мужчину,— произнесла она.

— Нарцисса! — воскликнул потрясенный лорд Феннелтри.— Этого еще не хватало. Еще насмотришься.

К счастью, новая тема благополучно отвлекла внимание леди Феннелтри от трубных звуков Розы, однако Адриану было не по себе. Теперь он не сомневался, что идея лорда Феннелтри обречена на фиаско. Не говоря уже о прочих обстоятельствах, от леди Феннелтри не приходилось ждать, что она будет счастлива узнать, что принимала в своем доме молодого мужчину, нагишом атаковавшего местных охотников. Он снова попытался повлиять на лорда Феннелтри, но его светлость был непоколебим.

— Позвольте мне потихоньку удалиться вместе с Розой,— взмолился Адриан.— Уверю вас, когда ваша супруга все узнает, быть беде.

— Ерунда! — беспечно возразил его светлость.— Да когда она увидит наш роскошный выход, то от изумления потеряет дар речи.

Адриан не представлял себе, что могло бы лишить леди Феннелтри дара речи.

— Но когда она узнает, кто я такой,— настаивал он,— когда узнает про Розу... и... и... про фрукты и павлиньи перья...

Тут у него сорвался голос — очень уж живо он представил себе, как леди Феннелтри узнает вдруг сразу обо всем.

— Дружище,— сказал его светлость,— не волнуйтесь так. Вы просто мнительный человек, я уже заметил это за вами. Поберегите свои нервы. Да в тот момент, когда слониха войдет в бальный зал, моя жена — а вы не могли не подметить, что она человек крайне впечатлительный — сразу уяснит себе, что во всей округе ни у кого еще не было на балу слона. Уверю вас, дружище, этот вечер надолго останется в ее памяти.

Он и впрямь остался в памяти леди Феннелтри, однако не совсем в том смысле, какой подразумевал его светлость...

И вот настал великий день; в доме развернулась кипучая деятельность. В одном конце зала длиной пятьде-

сят и шириной пятнадцать метров резные дубовые двери вели на выложенную плитами террасу, откуда должна была появиться Роза. Над дверями таким ласточкиным гнездом прилепился балкон для музыкантов. Помещение освещалось висящими в два ряда и переливающимися огнями наподобие опрокинутых рождественских елок двумя дюжинами огромных канделябров. Натертый воском отполированный пол блестел, точно коричневое озеро, а в дальнем конце зала были расставлены накрытые белоснежными скатертями длинные столы, на которых разместились большие серебряные вазы с фруктами, олени окорока, заливные омары, напоминающие заточенных в янтаре гигантских красных мух, огромные пироги цвета осенней листвы, с начинкой из тетеревов, фазанов и перепелов, копченые угри на ложе из петрушки и кресс-салата, копченые лососи в майонезе с черными бусинами икры, а посередине красовалась главная достопримечательность — искусно оформленный жареный поросенок с розовым яблоком в зубах. Рядом с блюдами стояли большие чаши с пуншем, серебряные ведерки с шампанским, услада джентльменов — портвейн и бордо, свежие апельсиновые, лимонные и персиковые соки, а также розовое и белое мороженое для взопревших после вальса или тустепа дам. С приближением вечера хлопот все прибавлялось, и Адриан то удалялся в конюшню, наставляя Розу перед ее выходом, то бродил по бальному залу, где от созерцания сверкающего паркета у него холодело в животе.

Наконец на освещенной луной аллее, под стук копыт и звон бубенчиков появились первые экипажи, везя щеголяющих бакенбардами статных мужчин и стайки благоухающих парфюмерией нарядных женщин. Оркестранты, заняв свои места на балконе, встречали прибывающих негромкой музыкой. Адриан, мрачно потягивая пунш, мысленно проклинал своего дядюшку, лорда Феннелтри и Розу, по чьей вине он оказался вовлеченным в эту затею. Однако второй стакан взбодрил его, и он налил себе третий. Только Адриан решил подойти к Нарциссе и пригласить ее на танец, как рядом с ним появился рослый индивидуум, громогласно требуя, чтобы ему подали вина. Адриан не сразу узнал плечистого щеголя, когда же разглядел его, то весь похолодел. То был егермейстер из Монксеппера; к счастью, он слишком увлекся поглощением пунша, чтобы обращать внимание на окружающих. При-

крыв лицо носовым платком, Адриан незаметно выскользнул из бального зала и отправился на поиски лорда Феннелтри. С трудом нашел его и оторвал от беседовавших с ним гостей.

— Ну, что еще... в чем дело? — раздраженно осведомился его светлость.

— Послушайте, — лихорадочно прошипел Адриан, — вы должны все немедленно отменить. Знаете, кто приехал?

— Кто? — спросил его светлость.

— Егермейстер из Монкспеппера, вот кто.

— Ну и что? — удивился лорд Феннелтри. — Я сам его пригласил.

— Вы пригласили? — недоверчиво произнес Адриан. — Как вы думаете, что он скажет, когда увидит Рози?

— Ха-ха, — сказал его светлость. — Я для того и пригласил его, дружище, чтобы услышать, что он скажет.

— Вы сошли с ума, — вырвалось у Адриана. — Забыли, что, когда он видел Рози в прошлый раз, она схватила его хоботом и бросила на землю? Как, по-вашему, он отреагирует, увидев ее *здесь*?

— Полагаю, это будет весьма занятное зрелище, — ответил его светлость.

— Но он грозился посадить меня за решетку!

— О, пусть это вас не пугает, я сумею задобрить старину Дарси.

Убедившись в полной неспособности его светлости задабривать леди Феннелтри, Адриан легко мог представить себе, как его вмешательство подействует на егермейстера из Монкспеппера.

— Полно, дружище, — продолжал его светлость. — Вы опять начинаете нервничать из-за пустяков. Возьмите себя в руки, умоляю вас. Впереди дело, требующее от нас хладнокровия, абсолютного хладнокровия и полного самообладания. Я вызову вас через полчаса, и мы пойдем переодеваться. Мне не терпится увидеть, какой эффект мы произведем.

И он улетучился, оставив испуганного Адриана стоять в полной растерянности.

Тем временем званый вечер был в полном разгаре, и бальный зал с порхающими над лоснящимся паркетом парами напоминал огромный оживший цветник. Вино и пунш лились рекой, так что многие джентльмены, чьи лица поначалу выглядели бледными и апатичными, заметно раскраснелись, а те, что не могли пожаловаться на

цвет лица, просто-таки побагровели. Дамы устало опускались в кресла, энергично обмахиваясь веерами и жалобно умоляя птичьими голосами принести им мороженое или лимонад. Адриан уныло попросил слугу налить ему шампанского и попытался на полчаса вовсе забыть, что происходит. Однако холодное шампанское только заставило его желудок больно сжаться, и он уже собрался вновь обратиться к пуншу, когда рядом с ним внезапно возник лорд Феннелтри.

— Время, — сказал его светлость. — Пробыл час нашего великого триумфа!

— Хотел бы я согласиться с вами, — с горечью отозвался Адриан, поднимаясь следом за ним по лестнице.

В спальне его светлости на широкой кровати под балдахинном лежали их роскошные костюмы, и двое взволнованных слуг стояли наготове, чтобы помочь с одеванием. Полчаса спустя лорд Феннелтри, чьи огромные фиолетовые глаза и рыжеватые бакенбарды не очень-то сочетались с азиатским одеянием, тихонько спустился по черной лестнице вместе с Адрианом. Они поспешили в конюшню, где в свете керосиновых ламп переливалось блесками облачение Розы.

— Теперь, — возвестил лорд Феннелтри, волнуясь, — осталось только одеть нашу звезду и совершить парадный выход. Мне не терпится увидеть их лица.

Глава восьмая ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР

Подойдя к стойлу и распахнув его двери, Адриан кроме сладкого запаха сена уловил какой-то другой, более резкий аромат. Нахмутив брови, он повел носом: аромат что-то напомнил ему, хотя Адриан не мог разобрать, что именно.

— Рози! — позвал он слонику.

Тишина... А ведь обычно Рози, заслышав его голос, приветствовала Адриана радостным визгом.

— Рози! — тревожно крикнул он снова, силясь рассмотреть что-нибудь в темноте. — Рози, ты здесь?

Внезапно тишину нарушил звук громкой, но вполне благородной отрывки. Страшное подозрение овладело Адрианом, и тут же он разгадал природу резкого запаха — то пахло ромом. Подхватив фонарь, он поспешно вошел в стойло и увидел Рози. Изящно притулившись к стенке, она тихонько икала и меланхолично перекатывала ногой пустую бутылочку. Адриан с ужасом воззрился на слонику. Каким образом она заполучила ром?... Одно было ясно: пока в доме пировали и веселились, Рози в своем уединении утешалась втайне легкой выпивкой. О каком-либо

публичном выступлении теперь не могло быть и речи. Слониха надралась не хуже какого-нибудь завязаного пьянчужки. Вот она подобрала хоботом клок сена и после нескольких неудачных попыток затолкала себе в рот. Задумчиво жуя, негромко рыгнула, и тут Адриан ощутил вдруг невыразимое облегчение. Ну конечно! Порядок! Милая, дорогая, ненаглядная Роза, несравненная Роза спасла его в последнюю минуту! Да он сам должен был поднести ей рому, если бы сообразил раньше! И Адриан выскочил из стойла к ожидающему его лорду Феннелтри.

— Представление отменяется, — торжествующе сообщил он. — Она пьяна.

— Пьяна? — озадаченно повторил его светлость. — Как это понимать — пьяна?..

— Под градусом... на взводе... под парами... под мухой, — сказал Адриан. — Откуда-то добыла бутылку рома и всю выдула.

— Дружище, — ахнул его светлость, — это катастрофа. Вы хотите сказать, что она не в состоянии выступить?

— Какое там, — отозвался Адриан. — Она еле на ногах стоит.

— Полное крушение, — простонал его светлость. — После всех наших трудов... А нельзя ее как-то подпереть? Поставить садовников по бокам?

— Нельзя, — ответил Адриан. — Говорю вам — она вообще не в состоянии ходить.

В эту минуту Роза словно в забытьи вышла из стойла, пиная ногами пустую бутылку.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул его светлость. — Она пришла в себя!

На самом деле речь шла о странном мимолетном протрезвлении, какое бывает у крепко выпивших людей, но лорд Феннелтри не желал слушать Адриана. Пока они препирались, Роза узрела свое облачение и, издав радостный, хотя и несколько режущий слух писк, добрела к нему и легла на живот, ожидая, чтобы ее одели.

— Вот видите, — торжествующе молвил его светлость. — Что я говорил! Она в полном порядке. Право, дружище, вы напрасно волнуетесь по пустякам.

— А я говорю вам, — настаивал Адриан, — что она пьяна в стельку. Если вы поведете ее в бальный зал, я ни за что не отвечаю.

Лорд Феннелтри подошел к Розе и ласково погладил ее по голове.

— Ну, старушка Роза, дорогая,— сказал он,— ты ведь отлично со всем справишься?

Роза кинула в ответ. Сколько ни возражал Адриан, на нее надели сверкающее блесками облачение, затем водрузили и закрепили паланкин. После чего его светлость поднялся по лесенке и удобно расположился на сиденье.

— Пошли, дружище, не тяните канитель,— сказал он.— Настал великий час.

С таким чувством, будто он восходит на эшафот, Адриан занял место на загравке Розы. В душе его теплилась слабая надежда, что он сумеет, направив Розу в бальный зал, тут же вывести ее обратно со сцены, быстренько удовлетворив заветное желание его светлости. К счастью, спиртное приводило Розу в благодушное настроение. Подчиняясь командам Адриана, она тяжело поднималась на ноги, постояла, меланхолически покачиваясь, затем побрела по дорожке, ведущей вокруг дома к террасе перед балльным залом. От неуверенной поступи слониhi сильно пострадали цветники, но все же она кое-как добрела до дверей, где стояли наготове двое слуг.

— Пора, милорд? — негромко спросил дворецкий.

— Пора,— ответил лорд Феннелтри, поправляя тюрбан и принимая величественную позу в паланкине.

Слуги распахнули двери, и оркестр тотчас перестал играть. Лихо вальсирующие пары застыли на месте. В дальнем конце зала их взорам предстала окантованная дверной рамой, слегка покачивающаяся картина с роскошным восточным сюжетом. Послышались восхищенные возгласы, пары расступились и выстроились рядами вдоль стен, аплодируя и оживленно переговариваясь.

— Ну, пошли же,— прошипел лорд Феннелтри.— Вперед!

Вознеся к небесам краткую молитву, Адриан энергично ударил пятками шею Розы и замер в ожидании. Глаза слониhi не сразу освоились с ярким светом огромных канделябров, но все же помутневший от рома взор различил великое многоцветное сборище людей по краям того, что она приняла за арену цирка. Роза не даром слыла в прошлом опытным актером. Радостно взвизгнув,

она взбодрилась и двинулась вперед мелкой рысью. Что ее и погубило.

Натертый до зеркального блеска пол бального зала не мог бы служить надежной опорой для трезвого слона, не говоря уже о подвыпившем. Не слишком послушные задние ноги слониhi подкосились, и она вдруг приземлилась на свою широкую корму. И все бы еще ничего, если бы не скорость, какую слониха развила на входе, потому что она в хорошем темпе заскользила по гладкому паркету. Напрасно Адриан дергал Рози за уши, пытаясь притормозить, напрасно лорд Феннелтри неразборчиво что-то кричал, вися чуть ли не вверх ногами в покосившемся паланкине. Бальный зал наполнили крики дам и тревожные возгласы джентльменов, а Рози, вся в блестках, словно груда брильянтов, пронеслась с нарастающей скоростью через все помещение и врезалась в длинные столы с яствами. По всему полу растеклись реки пунша, шампанского и восьми сортов вин различной выдержки. В этих реках вперемешку с фруктами, омарами, угрями и лососями плавали вымазанные мороженым окорока. Грохот, которым сопровождался финиш Рози, потряс дом до самого основания. Его сменила долгая потрясенная тишина, нарушаемая только регулярной икотой слониhi.

Леди Феннелтри и впрямь (вероятно, единственный раз в своей жизни) потеряла дар речи. Супруг посулил ей нечто оригинальное, но скользящий в сопровождении двух азиатских джентльменов через весь бальный зал огромный, переливающийся блестками слон — такого ей не снилось даже в самых страшных кошмарах. Когда Рози врезалась в столы, крепление паланкина лопнуло, и он съехал на пол. Лорд Феннелтри, выбираясь из обломков, смахивал на покидающую кокон яркую бабочку, и когда леди Феннелтри вдруг узнала его, к ней тотчас вернулся дар речи.

— Руперт!! — вскричала она. — Что все это значит?!

Вопрос, на какой не так-то просто было ответить, но лорд Феннелтри все-таки попытался.

— Сюрприз! — выдохнул он и указал, нервно улыбаясь, на окружающий его кулинарный хаос. — Это сюрприз, обещанный тебе, любимая.

Леди Феннелтри задрожала, словно в лихорадке.

— Сюрприз? — глухо молвила она.

— Ну да, дорогая. Что ни говори, во всей округе ни на одном балу не было слонов.

— Но меня такое упущение нисколько не удивляет, — гневно выкрикнула леди Феннеттри. — Не можешь ли ты вывести это животное вон отсюда?

Рози до этой минуты мирно сидела возле сокрушенных ею столов. Небольшие ушибы с лихвой компенсировались тем, что она, как ей казалось, очутилась в слоновом раю. С обеих сторон она видела лужицы дивной пьянящей влаги, чередующиеся с съедобными островками из омаров, мороженого и мясных пирогов, чего ей прежде никогда не доводилось вкушать. И счастливая Рози протягивала хобот, пробуя разные яства и совершенно не обращая внимания на Адриана, который, все еще сидя на загравке своей подопечной, отчаянно пытался заставить ее встать. Все же она наконец вспомнила о приличиях. Эти радушные, добрые люди приготовили для нее такую дивную трапезу, что она была просто обязана чем-то развлечь их. И, подкрепившись добрым глотком шампанского, Рози стала перебирать в памяти трюки, приносившие столько радости зрителям во времена ее выступлений в цирке. Поразмыслив, она решила изобразить попрошайку.

Лучше бы она выбрала что-нибудь другое... К счастью, Адриан успел в последнюю секунду отскочить в сторону, ибо алкоголь плохо повлиял на чувство равновесия слонихи, и она шлепнулась на спину с такой силой, что один из подвешенных к потолку огромных канделябров сорвался вниз, разбившись на тысячи усеявших весь зал блестящих звонких осколков. Поскольку в этом канделябре было целых триста пятьдесят больших свечей, на паркете вспыхнул весьма впечатляющий пожар. Окончательно сбитые с толку гости беспорядочно метались взад-вперед, издавая жалобные крики. Женщины с монотонной регулярностью падали в обморок, приходили в себя и снова падали в обморок, так что мужчины едва успевали подхватывать их.

Рози слегка удивилась. Сколько она помнила, трюк «попрошайка» ни разу не вызвал такого восторга. Перевернувшись на живот, Рози встала и обвела счастливым взглядом разоренный бальный зал. Она не сомневалась,

что все по мере сил стараются участвовать в представлении. Адриан схватил серебряное ведро с ледяной водой и опорожнил его над весело искрящимися свечками. Ему удалось потушить пожар, зато по всему залу поплыли облака едкого дыма. Леди Феннелтри, которую едва не хватил удар от ярости, схватила супруга за отвороты куртки и энергично трясла его — зрелище настолько захватывающее, что многие упавшие в обморок леди поспешили прийти в себя.

С точки зрения Розы, вечер удался на славу — ешь, пей и веселись вместе со всеми. Глотнув портвейна из протекающего мимо ручейка, она задумалась — не повторить ли номер «попрошайка», однако решила, что столь благодарная публика заслуживает хоть какого-то разнообразия, и попыталась встать на голову. Эта попытка оказалась такой же неудачной, как предшествующая, и Розы шлепнулась на бок. После чего некоторое время полежала, икая и спрашивая себя, какую ошибку допустила.

И надо же было музыкантам решить, что настало самое время снова начать играть. Развернувшееся внизу столпотворение сильно их озадачило. Старые верные слуги, они не считали себя вправе осуждать поведение его светлости, но зрелище того, как их светлости, сцепившись друг с другом, изрекают слова, коим не место при великом стечении публики, подвигло их на веселый венский вальс. Откуда им было знать, что в цирке именно вальс был одним из коронных номеров Розы. Подхватив хоботом миловидную пухленькую блондинку, она принималась лихо кружить по арене. Лежа теперь на паркете, Розы слышала знакомую мелодию, и мысли ее направились по привычному руслу. С трудом поднявшись на ноги, она повела кругом мутным взором. И опять-таки надо же было так случиться, что первой в поле зрения слонихи оказалась леди Феннелтри.

В разгар замысловатого и отнюдь не лестного анализа генеалогического древа лорда Феннелтри, когда ее светлость успела дойти всего лишь до пятнадцатого века, она вдруг ощутила, что взлетает в воздух и описывает там круги, присущие, по мнению Розы, вихревому вальсу. Пронзительные вопли ее светлости слонихи приняла за одобрительные возгласы и продолжала весело вальсиро-

вать. Она была очень довольна собой, убежденная, что никогда еще не танцевала так замечательно. Правда, несколько раз она падала, но ухитрялась при этом удерживать хоботом леди Феннелтри так, чтобы та не ушиблась. Сопровождаемая восхищенными и потрясенными взглядами зрителей, Рози как раз завершила полный круг по воображаемой арене, когда музыканты, сообразив вдруг, что они не столько успокаивают, сколько поощряют и подхлестывают слоницу, перестали играть, чему Рози была только рада: и возраст уже не тот, и арена великовата, и леди Феннелтри тяжеловата. Заклучив, что достаточно развлекла публику, Рози в завершение номера положила обомлевшую леди Феннелтри на олений окорок, четырнадцать бутылок шампанского и остатки лосося и, гордо подняв хобот, издала громкий, надменный трубный звук. Действие сего звука на публику было мгновенным и интересным. Гости решили, что чудовище, отведав крови леди Феннелтри, сейчас пойдет на них в атаку. В панике они рассыпались по залу, точно зайцы, и так уж странно действует человеческое сознание в критические минуты, что кое-кто побежал прямо к Рози, а не в другую сторону. Среди них, развив вполне приличную для своей комплекции скорость, оказался и егермейстер из Монкспеппера. Легкий хмель не помешал Рози узнать его, и она расплылась в улыбке — разве не этот самый человек помог ей исполнить свой номер тогда на лугу? Радостно взвизгнув, она живо поймала его на бегу и вскинула хоботом вверх. Боясь, что егермейстера постигнет та же судьба, что леди Феннелтри, Адриан посчитал необходимым вмешаться.

— Рози! — крикнул он, заглушая нестройный шум. — Отпусти его!

Рози удивилась — номер ведь только-только начался. У нее было задумано в качестве, так сказать, завершающего штриха посадить его на балкон к музыкантам. Однако Рози уже порядком устала, и если Адриан командует «Отпусти!», то следует, наверно, подчиниться... А потому она разогнула хобот, и сто с лишним килограммов живого веса егермейстера из Монкспеппера грохнулись на паркет. Адриан зажмурился, моля небеса послать ему легкую смерть. Когда он снова открыл глаза, рядом, дергая его за рукав, стоял лорд Феннелтри.

— Дружище,— сказал его светлость,— боюсь, вы были правы. Мы в самом деле просчитались.

Глядя на полное разорение в зале, на истерически кричащих гостей, на леди Феннелтри, чья голова покоилась на лососе, на лежащего без сознания — возможно, мертвого? — егермейстера из Монкспеппера, Адриан не видел причин возражать его светлости.

Глава девятая ПОБЕГ

Впоследствии Адриан так и не мог толком вспомнить, каким образом ему удалось невредимым покинуть Феннелтри-Холл. Память подсказывала, что они с лордом Феннелтри вместе сумели вытащить Розу из разоренного бального зала и отвести в конюшню. Помнилось, как лорд Феннелтри сказал, что, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что Адриану и Розе следует «ускользнуть», прежде чем леди Феннелтри или монахспепперский егермейстер (или оба) придут в себя. Вскоре Адриан и Роза уже шагали по озаренной луной аллее, сопровождаемые стуком разноцветной двуколки. Страдающая похмельем, сонная Роза скорбно вздыхала, размышляя о своих неразумных действиях, следствием которых явилась головная боль. У Адриана тоже болела голова, но по другой причине. Ему не терпелось как следует отчитать Розу, однако он спешил уйти подальше от гнева леди Феннелтри, а потому энергично подгонял слониху. Хотя царила чудная ночь, светила полная луна и звездное небо напоминало

расшитую бисером росы паутину, было холодно, так что быстрый шаг помогал обоим согреться.

Три часа спустя Адриан посчитал, что до утра они могут чувствовать себя в безопасности, однако ему хотелось найти место, где можно было бы укрыться на весь следующий день, ибо он знал, что леди Феннелтри особа решительная, и не сомневался, что она не успокоится, пока он и Роза не будут пойманы и доставлены обратно в Феннелтри-Холл. Тогда как сейчас ему меньше всего на свете хотелось бы побеседовать с ее светлостью.

Дорога петляла среди полей и зеленых рощ, в такой местности не очень-то укроешься. А затем, с недовольством отметил Адриан, началась вересковая пустошь, где не то что слона, собачку было бы негде спрятать. Он продолжал движение, уповая на то, что за пустошью вскоре пойдет лес, однако она становилась все шире, и на расвете его взгляду предстал безбрежный пурпурно-зелено-бурый гладкий ковер из сухого вереска, который словно охватило пламя, когда взошло солнце. Тонкие пряди ма-рева над вереском и утесником сплетались вместе, образуя прозрачные завесы, и они с каждой минутой сгущались, пока все кругом не окутал серый туман. За десяток шагов уже не было видно Розы, но Адриан не сомневался, что солнце, поднимаясь, развеет туман, а потому решил устроить привал и перекусить. Отведя Розу с двуколкой в ложбину, он достал котелок и развел костер. Приготовил себе чай и бутерброды с сыром, предложил Розе несколько буханок сухого хлеба. Слониха пренебрежительно перевернула их ногой несколько раз, потом глубоко вздохнула и, подойдя в багажник двуколки, опустила хобот на бочонок с пивом. Тут Адриан впервые с начала их знакомства вспылил. Вскочив на ноги, подбежал к Розе и изо всех сил ударил ее по хоботу. Удивленная столь враждебной выходкой своего божества, она попятилась и взвизгнула так, будто он и впрямь сделал ей больно. Как тут не обидеться — Роза всего-то хотела смочить пересохшую глотку и малость умерить головную боль, а этот Адриан почему-то взбесился.

— Не подходи к пиву, ты... ты... проклятая слониха, чтоб тебя! — прорычал Адриан. — Тебе бы только напиться, чертова образина!

Накрыв бочонок одеялом, он вернулся к костру и сел перед ним на корточки, мрачно поглядывая на Розу.

— Сдается мне, ты не успокоишься, пока не прикончишь меня совсем, — саркастически произнес он. — Мало того, что вторглась в мою жизнь и расстроила ее, ты еще распугала половину лошадей в городе, терроризировала охотников из Монкспеппера и едва *не убила* их егермейстера, после чего учинила разгром в одном из самых величественных поместий Англии, затеяла танцевать, держа хоботом леди Феннелтри, словно какую-нибудь жалкую циркачку. Небось за твою поимку уже объявлена крупная награда. А какой ущерб ты причинила — да один только канделябр стоил не меньше полтораста фунтов! А тебе хоть бы что! Чувствуешь хоть канельку раскаяния? *Какое там!* У тебя одно на уме — как бы еще надраться.

Он замолчал, сердито тыкая палкой в огонь. Рози трясла головой и помахивала хоботом. Хотя до нее доходили не все тонкости бичующей тирады Адриана, она была чувствительной слонихой и по голосу его поняла, что он чем-то недоволен. Рози успела привязаться к Адриану, и ей хотелось как-то утешить его. Может быть, если она встанет на голову, это отвлечет его от неприятных мыслей? И Рози уже приготовилась выполнить этот трюк, но тут он снова заговорил, и она отказалась от этого замысла, учтиво прислушиваясь к его речам.

— Знай же, чудовище, что бы ни случилось, я доведу тебя до побережья и там отдам первому встречному, у кого достанет дурости позариться на тебя. И мне плевать, что потом с тобой будет... пусть делают, что хотят... — Адриан остановился, стараясь придумать что-нибудь пострашнее. — Пусть запрут тебя на *лесном складе*, мне наплевать. Пусть сделают *чучело* и поместят в музей — самое подходящее место для тебя. Мне все равно, что с тобой будет, лишь бы избавиться от тебя.

Адриан остановился, переводя дух, и Рози, желая показать, что внимательно слушала каждое слово, похлопала ушами и тихо пискнула.

— И не проси, — сурово произнес Адриан. — Я твердо решил. Меньше всего на свете мне нужен слон, к тому же великий любитель спиртного, который все сокрушает на своем пути. Как только спустимся к морю — конец нашему партнерству. Мои страдания превосходят все, что способен вынести человек, не теряя рассудка. А потому, пока я еще окончательно не сошел с ума, нам нужно

расстаться. Так что замолчи и ешь свой хлеб. Больше ты ничего не получишь.

С этими словами Адриан подбросил в костер несколько прутиков и завернулся в одеяло, чтобы подремать полчасика, пока рассеется туман. На самом деле он так устал от всего, что крепко заснул и благополучно проспал целых два часа. Проснулся он от какого-то шума, когда туман давно испарился и вересковую пустошь озаряло яркое солнце. Адриан сел, повел кругом глазами, и увиденное заставило его в тревоге вскочить на ноги. У небольшого ручейка шагах в десяти-пятнадцати от него стоял малость побитый, ярко раскрашенный фургон, чьи окна закрывали изнутри занавески в красно-белую клетку. Роза, прислонясь к фургону, с блаженным видом скреблась об него, отчего он угрожающе раскачивался. Чей-то пронзительный голос пытался пробиться сквозь треск шатающегося экипажа.

— Прочь отсюда, говорят вам! Сгиньте, злые духи преисподней! Именем Навуходоносора и десяти печатей Соломона — изыдите! Именем Эразма и Священного Знака Прометея...

— Роза! — крикнул Адриан. — Сейчас же уйди оттуда!

Роза глубоко вздохнула, отступая от фургона. Вечно он запрещает делать то, что ей нравится... Адриан подошел к ступенькам перед дверью экипажа.

— Послушайте! Вы там... — сказал он. — Извините, ради Бога...

— Изыди! — завопил голос. — Сгинь, демон, именем...

— Никакой я не демон! — сердито отозвался Адриан. — Может быть, вы выйдете, чтобы я мог объяснить?..

— Дудки! Вам не провести меня... Я всего лишь бедная старая женщина, а ты пытаешься меня выманить, чтобы завладеть моей душой... изыди, говорю...

— Перестаньте молоть чушь, — разозлился Адриан. — Я вовсе не демон, и мне не нужна ваша душа. Почему бы вам не выйти и не выслушать?

— Если ты не демон, — хитро осведомился голос, — как ты мог так раскачать фургон?

— Это моя слониха раскачала, — объяснил Адриан. — Она скреблась о ваш экипаж.

— Сейчас поверила, — сказал голос.

— А вы откройте дверь и сами увидите.

— Откуда мне знать, что слониха? Я в жизни не видела слонов.

Адриан сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

— Мадам,— сказал он.— Я хотел всего лишь извиниться за неудобства, которые моя слониха причинила вам, надумав почесаться о ваш экипаж. Сожалею, если вы не готовы принять мое смиренное извинение. А теперь всего доброго, я должен идти.

— Нет-нет, не уходите,— всполошился голос.— Я никогда не видела слонов, сейчас выйду.

Наступила долгая пауза, внутри фургона глухо произносились какие-то заклинания, наконец дверь с треском отворилась, и показалось обрамленное косматыми седыми волосами, похожее на грецкий орех лицо, принадлежащее крошечной старой женщине. Ни дать ни взять миниатюрная колдунья, подумал Адриан. Старуха была одета в потертую черную бархатную юбку и поношенную красную кофту, на плечах лежала толстая черная шерстяная шаль. Она смерила взглядом Адриана, шамкая беззубым ртом.

— Доброе утро,— поздоровался Адриан.

— Ну, где слон? — осведомилась старушка.

Адриан указал рукой на Розу, которая силилась вырвать из земли куст утесника, ошибочно полагая, что он съедобен.

— Ух ты-ы-ы! — изумленно выдохнула старушка.— Надо же! Да он ростом... надо же!

— Она совсем ручная,— объяснил Адриан.— Слониха просто почесалась немного о ваш экипаж.

— В жизни не видела ничего подобного,— сказала старушка.— Дивный зверь... просто восхитительный.

— А скажите, вам для вашей... а... работы не мог бы пригодиться слон? — с надеждой спросил Адриан.

— Работы? — ошетибилась старушка.— Я *не работаю*.

Она отступила внутрь фургона и тут же вышла с доской, которую повесила на крючок рядом с дверью.

— Вот! — Она гордо указала на доску большим пальцем.— Вот я кто — лучшая колдунья во всем этом краю.

Слегка кривые буквы извещали:

**ЧЕРНАЯ НЕЛЛ — БЕЛАЯ КОЛДУНЬЯ
ЗАГОВОРЫ. ЗАКЛИНАНИЯ
ПРЕДСКАЗАНИЕ БУДУЩЕГО И ПРОШЛОГО
СВОЖУ БОРОДАВКИ**

— О,— молвил Адриан, удивленный тем, что старушка и впрямь оказалась колдуньей.— Как интересно.

— Вот именно. Я направляюсь на ярмарку в Татлпени. Вы туда же?

— Нет, мне нужно спуститься в приморье. Кстати, я не очень представляю себе, где мы находимся сейчас. Вы не могли бы подсказать мне, куда двигаться дальше?

— Как насчет завтрака? — спросила Черная Нелл. — Не следует странствовать на пустой желудок.

— Большое спасибо, — ответил Адриан, — но я только что перекусил.

— Пирог с зайчатиной? — настаивала Черная Нелл. — Кусок холодного пирога с зайчатиной, хлеб собственной выпечки и кружка чая, ну как?

При мысли о пироге с зайчатиной у Адриана потекли слюнки.

— Ладно, — сказал он. — Если у вас найдется лишний кусочек.

— Найдется, — заверила Черная Нелл. — Разведи огонь под котелком, а я принесу пирог.

И Адриан сел у костра завтракать вместе с Черной Нелл. Пирог был восхитительный, корочка таяла во рту, розовые, точно коралл, кусочки мяса купались в желе с приправами. Адриан решил даже, что он в жизни не ел такого деликатеса, даже в Феннелтри-Холл. После третьего куска он уже не так желчно смотрел на Розу. Насытившись, Адриан настолько оживился, что поведал Черной Нелл обо всех передрыгах и испытаниях, какие пережил с тех пор, как в его жизнь вторглась Роза. Каково же было его удивление, когда старушка заявила, что в жизни не слышала ничего смешнее этой истории, а его описание бала заставило ее смеяться до слез, так что Адриан поневоле тоже расхохотался.

— Ну и ну! Вот это да! — через силу выговорила Черная Нелл, держась за бока. — Жаль, меня не было!

— Ну теперь-то и я должен признать, что это было забавно, — сказал Адриан. — Хотя тогда мне было не до смеха.

Продолжая похохатывать, Черная Нелл вытерла глаза, потом извлекла из кармана колоду грязных засаленных карт.

— Ладно, поехали, сейчас я тебе погадаю, расскажу, что тебя ждет впереди.

— Я не уверен, что мне это нужно, — произнес Адриан.

— Ерунда, — твердо возразила Черная Нелл. — Разумеется, нужно. Давай, сними и разложи карты по семи в шесть рядов.

Адриан быстро стасовал, затем снял и разложил карты рубашкой вверх. Черная Нелл перевернула их и принялась что-то бормотать.

— Ха-ха! — вымолвила она так неожиданно, что Адриан вздрогнул и поежился.

— Что там? — нервно спросил он.

— Ничего, — ответила Черная Нелл. — Твое будущее весьма туманно, весьма.

— Ну и ладно, — с облегчением молвил Адриан. — Остановитесь.

— Нет-нет, кое-что проясняется. Вижу, ты совершаешь морское путешествие.

— Морское путешествие? — недоверчиво сказал Адриан. — Как это — вместе с Розой?

— Еще я вижу опасность... — сообщила Черная Нелл хриплым шепотом. — Опасность и какого-то толстого коротышку. Он причинит тебе кучу неприятностей.

— А вы не можете увидеть что-нибудь приятное? — жалобно спросил Адриан. — Я и так сыт по горло неприятностями.

— Почему же, и приятное тоже вижу. Но очень туманно, весьма. Хорошо еще, что не у всех моих клиентов такой туман получается, иначе от гадания не было бы никакого толку.

С этими словами она засунула карты обратно в карман и закурила короткую черную трубочку.

— Вот что я тебе скажу, — возвестила она, выдыхая облака едкого серого дыма. — Пора тебе в путь, юноша. Впереди еще долго тянется ровная пустошь, гладкая, как яйцо, не больно-то подходящее место, чтобы спрятать слона. А потому слушай мое предложение. Как пройдешь по этой дороге километров десять-двенадцать, будет поворот направо. Не такой уж удобный проселок, зато он проходит по лощинам, там вас будет труднее заметить. Так вот, еще через километров тридцать проселок пересечет железную дорогу, понял? Сразу после того — развилка. Пойдешь налево, и вскоре тебе встретится трактир «Единорог и Лира», фамилия владельца — Филигри. Хозяева — милейшие люди во всей округе, и они обожают животных. Думаю, они позволят тебе побыть там, пока

вас не перестанут искать. Скажешь, что тебя послала Черная Нелл.

— Огромное спасибо,— горячо произнес Адриан.— Вы так добры.

— Ага, кому, как не нам, странникам, помогать друг другу,— философически заметила Черная Нелл.

И Адриан снова впряг в двуколку Розы и простился с Черной Нелл.

— Не прощайся,— загадочно молвила она.— Еще увидимся, когда дойдет до драки.

— Что? — озадаченно молвил Адриан.

— Шутка,— усмехнулась Черная Нелл.— Пока.

После чего Адриан и Розы зашагали через залитую солнцем пустошь и к полудню дошли до поворота, упомянутого Черной Нелл. Она была права — проселок петлял по глубоким лощинам, надежно укрывая их от возможных преследователей. Они перекусили на берегу небольшого озера, и, к великому недовольству Розы, ей пришлось утолять свою жажду только водой. Потом они двинулись дальше.

Вскоре солнце укрылось за перистыми облаками на западе, старательно раскрасив их в золотой, зеленый и красный цвета. На пустошь опустились красноватые сумерки, над проселком с регулярностью метронома замечались летучие мыши. Дорога поднялась на бугор, с макушки которого Адриан увидел на дне долины пересекающие проселок поблескивающие рельсы.

— Вот так, Розы,— сказал он,— теперь уже немного осталось.

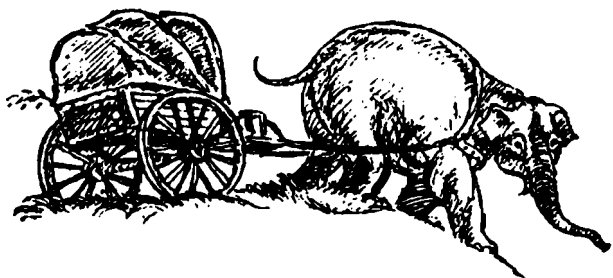
Двуколка спустилась, поскрипывая и позвякивая, в долину, и когда они дошли до рельсов, Розы осторожно переступила через них. По команде Адриана она подтянула двуколку вплотную к первому рельсу, после чего он уперся плечом в багажник и велел ей как следует дернуть. Двуколка приподнялась, на минуту повисла на рельсе, потом съехала с него, и тут Адриан обнаружил, что конструктор железнодорожных путей нарочно постарался сделать из них ловушку для двуколок: колеса прочно застряли между рельсами и не желали двигаться ни вперед, ни назад. Стоило Розы потянуть сильнее, как оглобли начинали трещать, грозя сломаться. Оглядевшись по сторонам, Адриан увидел лежащие возле путей остатки старой шпалы. Решив, что из нее получится отличный рычаг, велел Розы

стоять спокойно и пошел за шпалой. Возвращаясь со своей добычей, он услышал поезд.

Поглощенный поединком с рельсами, он сначала не обращал внимания на посторонние звуки, теперь же по гулу машины и хриплым гудкам понял, что приближается поезд. Обливаясь холодным потом, волоча тяжелую шпалу, он брел вдоль дрожащих и звенящих рельсов, озабоченный тем, как спасти двуколку. С ужасом слушая рокот поезда, дотащился до экипажа и подсунул рычаг под багажник. Уперся плечом и нажал.

— Тяни, Роза, тяни! — крикнул он, и Роза рванулась вперед.

Двуколка приподнялась и, секунду побалансировав на рельсе, скатилась на насыпь с другой стороны. Одновременно из-за поворота вынырнул паровоз, подобный огнедышащему дракону. «Слава Богу, — подумал Адриан, — двуколка спасена!» И рванулся следом за ней, однако паровоз задел его и безжалостно отшвырнул в сторону. Весь в крови, Адриан приземлился на вереск, будто тряпичная кукла, а поезд безучастно промчался мимо, сверкая желтыми окнами и рассыпая искры, точно метеор. Грохот медленно стих, удаляясь, тогда как Адриан остался лежать без сознания, обратив бледное лицо к звездному небу.

Глава десятая «ЕДИНОРОГ И ЛИРА»

Когда Адриан открыл глаза, в первую минуту ему показалось, что он покоится на раскаленных вязальных спицах. Все тело страшно болело, ушибленная правая рука словно отнялась. Звезды над ним рыскали по небу самым странным манером, что весьма его озадачило, пока он не сообразил, что лежит на медленно катящей в темноте двуколке.

Каким образом очутился он здесь?.. В конце концов Адриан пришел к выводу, что это Роза (верная умница Роза) подняла с земли его бесчувственное тело и положила на двуколку. Он попытался сесть, но тотчас потерял сознание от дикой, жгучей боли.

Когда Адриан снова пришел в себя, двуколка стояла неподвижно, и прямо над ним откуда-то появилась вывеска с надписью «Единорог и Лира» и маленьким изображением названных объектов. Надо же, смутно подумал он, как это Роза ухитрилась найти то самое место, что было их целью. Не будь Адриану так плохо, он, конечно, сообразил бы, что Роза, подобрав его с земли, полным ходом понес-

лась туда, где, как подсказал ей хобот, помещался благоухающий, издававший виды трактир. Сделав над собой огромное усилие, жмурясь от боли, Адриан слез с двуколки. Правая рука вяло висела, и он не сомневался, что она сломана. Ноги подкашивались, и он шатался, словно пьяный. Роза радостно пискнула и взмахнула ушами. Перед глазами Адриана было длинное, низкое бревенчатое строение с камышовой крышей, напоминающей шероховатую корку огромного пирога. Из решетчатых окон струился золотистый свет. Выписывая ногами замысловатые кренделя, Адриан пересек дорогу и прислонился к двери. Он чувствовал себя отвратительно и боялся, что снова потеряет сознание, прежде чем сумеет войти внутрь, к приветливому свету. Схватив рукой бронзовый дверной молоток, выбил им громкую дробь по дубовым доскам и навалился боком на косяк, борясь с позывами к рвоте. Услышал шаги, стук задвижек, и дверь вдруг распахнулась.

В свете ламп перед Адрианом стоял один из самых толстых мужчин, каких он когда-либо видел. На толстяке были надеты рубашка с подвернутыми рукавами и брюки, ноги обуты в огромные кожаные туфли, обильно расшитые подсолнечниками, маргаритками, хризантемами и прочими яркими цветками. Лицо круглое и пухлое, как у младенца, огромная голова увенчана жидкими пучками бледно-желтых волос. Ниже двойного подбородка следовала благородная округлость могучего живота, которой позавидовал бы зобастый голубь. Толстяк бесстрастно воззрился на помятую, в пятнах крови фигуру Адриана.

— Добрый вечер, — мягко произнес он тонким мелодичным голосом. — Что вам угодно?

— Несчастный случай, — невнятно пробормотал Адриан. — Меня ударил паровоз. Роза тут рядом.

Вслед за тем трактир и толстяк канули во тьму. Трактирщик с замечательной прытью подхватил падающего Адриана своими могучими руками, поднял его, словно перышко, и прошагал внутрь помещения огромной кухни с каменным полом и пылающим очагом. Вдоль стен висели, поблескивая, начищенные медные кастрюли. Толстяк опустил Адриана на широкий волосяной тюфяк, расстегнул его воротничок, живо проковылял к бару в дальнем конце помещения, налил стаканчик бренди и, вернувшись к ди-

вану, влил несколько капель в рот бедняги. Адриан поперхнулся, закашлялся и открыл глаза.

— Ага, — удовлетворенно пропел толстяк, — так-то лучше. А теперь полежите спокойно, я принесу чем-нибудь вас накрыть.

Адриан обвел близоруким взором огромную кухню с баром в одном конце и очагом в другом; глоток бренди согрел его желудок и малость умерил острую боль во всем теле. Толстяк вернулся, неся большую пухлую перину.

— Думаю, она вас согреет, — сказал он, заботливо укрывая Адриана. — Настоящий гусиный пух. Теплее не бывает. В Тибете я не расставался с такой курткой.

Как ни скверно чувствовал себя Адриан, он невольно усмехнулся, представив себе этого толстяка в пуховой куртке.

— Большое спасибо, — отозвался он. — Простите за беспокойство.

— Пустяки, — пропел толстяк. — Я только рад, дорогой сэр. Выпейте еще бренди.

Он поддержал голову Адриана, и тот выпил стаканчик до дна.

— Бренди — бесподобная штука, — сообщил толстяк проникновенным голосом. — Когда я был в Египте, нам постоянно привозили его по морю из Франции.

— Мне страшно неловко вас беспокоить, — сказал Адриан, — но как там Рози?

— Ах да, — спохватился толстяк. — Я совсем забыл. Вы упомянули о ней перед тем, как лишились сознания. Как же я мог забыть про бедняжечку. — И, развернувшись кругом, он поспешил к дверям.

— Это... — начал объяснять Адриан, но толстяк уже скрылся.

Последовала долгая пауза, потом Адриан услышал, как Рози взвизгнула. Это был явно радостный визг, хотя и непохожий по тональности на звуки, к которым он привык. Оставалось только надеяться на лучшее. Может быть, Рози приняла толстяка за слона и прониклась к нему симпатией. Внезапно хозяин трактира появился в дверях, улыбаясь всем лицом. Он протрусил к дивану, сложив ладони в молитвенном жесте, и глаза его сияли.

— Это слон, — проворковал он, — настоящий живой слон. Дружище, вы не могли доставить мне большей ра-

дости. После Нагарапора я не видел ни одного слона. И ваша слониха тоже обрадовалась мне. Представьте себе, она обняла меня за шею хоботом.

— Конечно, это очень дружелюбная слониха,— сказал Адриан.

— Вспоминаю,— мечтательно произнес толстяк,— у меня был сто один слон. Счастливые дни... Охота на тигров, пышные церемонии...

— Извините, что перебиваю,— молвил Адриан.— Но как насчет врача? Похоже, у меня сломана рука.

— Все будет сделано, дружище, *все*,— откликнулся толстяк.— Вы только лежите смирнехонько, и мы приведем врача. Сэм вернется через минуту, и тогда сделаем все необходимое. А пока окажите любезность, позвольте отвести вашу слониху в нашу конюшню.

— Разумеется,— ответил Адриан.— Я буду вам очень обязан.

— Нет-нет,— серьезно возразил трактирщик,— это я вам обязан.

— Ее цепи лежат в багажнике двуколки,— объяснил Адриан.— И может быть, у вас найдется чем ее покормить?

— Ради Бога, не беспокойтесь ни о чем.— Трактирщик поднял пухлый палец.— Я обо всем позабочусь.

Он снова вышел, и Адриану было слышно, как толстяк беседует фальцетом с Розы. Потом двуколка, судя по звукам, покатила куда-то за трактир, и через десять минут трактирщик появился вновь и засеменил по каменному полу к Адриану, не человек, а розовое облако, воплощение добродушия.

— Еще бренди? — пропел он.— Заглушает боль.

Он наполнил два стаканчика и вручил один Адриану.

— Ваше здоровье, мистер, э...— сказал Адриан.

Толстяк уставился на него круглыми глазами, до смешного похожий на огромного младенца, которого колынули сзади булавкой.

— Уважаемый сэр, как же я виноват, совсем забыл представиться. Тут этот слон, и все такое прочее. Перегрин Филигри, ваш покорный слуга.— Он отвесил глубокий поклон, насколько позволял его живот.

— Адриан Руквисл,— ответил Адриан столь же учтиво.— *Ваш* покорный слуга.

— Отлично,— сказал мистер Филигри,— просто замечательно. Теперь нам осталось только дожждаться, когда придет Сэм. Кстати, может, вы хотите есть?

— Если честно, то нет,— признался Адриан.— Слишком отвратительно чувствую себя.

Толстяк проследовал к огромному кожаному креслу и втиснулся в него.

— А теперь, уважаемый сэр,— важно произнес он, переплетя пальцы,— объясните, пожалуйста. Перед тем как потерять сознание, вы заявили мне, что вас переехал поезд. Конечно, в этом мире всякое бывает, но мне не терпится услышать подробности.

— Не переехал, а ушиб, и не поезд, а только паровоз.

И Адриан рассказал мистеру Филигри о своих приключениях на железнодорожных путях. Он согрелся, его клонило в сон, и боль воспринималась как-то отрешенно. К тому же от изрядных порций бренди мистера Филигри он слегка захмелел.

— Поразительно,— заметил мистер Филигри, жадно слушая рассказ Адриана.— Просто потрясающе. Помню, когда я работал подрядчиком на строительстве транссибирской магистрали, у нас были вечные проблемы из-за волков. Мало того, что они пожирали рабочих, понимаете, так еще и сами застревали на путях. Целыми стаями, уважаемый сэр.

— Скажите на милость,— произнес Адриан, с трудом ворочая языком.— Подишь ты...

— Э! — пропищал вдруг мистер Филигри.— Слышите?

Адриан уловил что-то вроде стука копыт на дороге снаружи.

— Это Сэм,— сообщил, улыбаясь, мистер Филигри.

Вскочив на ноги, он проплыл к двери, точно блуждающий воздушный шар, и распахнул ее.

— Сэм! Сэм! — прокричал трактирщик куда-то в темноту.— Скорей сюда, у нас появился слон.

Проплыв точно так же обратно к Адриану, он выпалил, сияя всем лицом:

— Такое событие!

Почему-то Адриан ожидал увидеть высокого, худого, мрачного субъекта, прямую противоположность милому, младенчески округлому мистеру Филигри, а потому решил, что бренди явно повлияло на его зрение, когда с улицы на кухню вошла стройная девушка лет двадцати с

небольшим. Даже длинная юбка и толстая шаль на плечах не могли скрыть привлекательной девичьей фигуры. Овальное лицо украшал вздернутый, как у мопса, носик, огромные светло-зеленые глаза переливались золотыми искорками под коротко стриженными, блестящими каштановыми волосами. Девушка остановилась на пороге, удивленно глядя на Адриана, и он, застонав от боли, сдвинул перину и попытался встать.

— Нет, нет, *нет*,— с тревогой пропищал мистер Филигри.— Вам нельзя двигаться. Сэм, этого беднягу ушиб паровоз, и он привел нам чудеснейшего слона.

Медленно сняв перчатки, девушка направилась к ним, и отуманенному взору Адриана казалось, что она не столько идет, сколько парит. Бренди, сказал он себе, это все от бренди.

— Что ты такое говоришь, папа? — спросила она.

— Он заполучил слона,— торжествующе произнес мистер Филигри, как будто это все объясняло.— Представляешь себе, Сэм! Настоящий слон у нас *здесь*.

Девушка сердито вздохнула, потом повернулась к Адриану и подала руку, здороваясь.

— Сэмэнта Филигри,— представилась она, улыбаясь, и почему-то от этой улыбки он покраснел до корней волос.— Боюсь, мой отец не мастер толком объяснять, что происходит. Не могли бы вы внести ясность?

Сосредоточив взгляд на взволнованно вздымающемся животе мистера Филигри, Адриан снова рассказал о случившемся с ним происшествии. Выслушав его, Сэмэнта фыркнула и с гневным видом повернулась к отцу, который, сильно порозовев, растерянно взмахивал руками.

— И что же ты предпринял? — осведомилась она.

— Предпринял? — повторил мистер Филигри с видом оскорбленной невинности.— Все, что нужно, дорогая. Я дал ему бренди и отвел слона в конюшню.

— Ты неисправим, честное слово,— сказала Сэмэнта.— Бедняга, может быть, смертельно ранен, а ты, вместо того чтобы принять меры, болтаешь о каких-то слонах.

— Так ведь я решил дождаться тебя, дорогая,— смиренно ответил мистер Филигри.— У тебя всегда все получается куда лучше.

Сэмэнта наградила его испепеляющим взглядом и обратилась к Адриану.

— Я немедленно приведу врача, — сказала она. — Только сначала проверю, насколько серьезно вы ранены.

Отодвинув перину, она быстро и бесстрастно ощупала Адриана, как если бы перед ней была баранья туша. Он закусил губу, чтобы не вскрикнуть, когда очередь дошла до правой руки.

— Ну так, — произнесла наконец девушка, подойдя к дубовому столу и доставая из ящика огромные ножницы. — У вас сломана рука, возможно, треснуло ребро, множество разных ушибов.

С этими словами она вернулась к дивану, помахивая ножницами.

— Знаете, — Адриан нервно взглянул на поблескивающую сталь, — вам не кажется, что лучше подождать, когда врач...

— Глупости, — холодно остановила его Сэмэнта. — Необходимо снять с вас пиджак, пока рука не распухла еще сильнее. Боюсь, придется вам пожертвовать пиджаком, если так снимать, будет очень больно.

Она аккуратно — Адриан даже ничего не почувствовал — разрезала рукав, затем проделала ту же операцию с рубашкой.

— Ну так, — удовлетворенно сказала девушка. — Теперь лежите смирно, а я отправлюсь за врачом.

— Еще бренди? — предложил мистер Филигри, не желая отставать на медицинском поприще от дочери. — Помню, в Египте, когда рабы, иногда сразу по двое, падали с пирамид, мы всегда давали им бренди.

— Ему можно немного, — твердо произнесла Сэмэнта. — А тебе следует оставаться трезвым. Я вернусь через полчаса.

И, сдержанно кивнув Адриану, она исчезла в ночи.

— Заверяю вас, — объявил мистер Филигри, вручая Адриану стаканчик бренди, — заверяю вас, дорогой сэр, меня еще никто не видел пьяным.

Он поглядел украдкой на дверь, налил и себе, затем продолжал:

— Женщины в критические минуты склонны терять голову и говорить не то, что думают.

Трактирщик глотнул бренди.

— Такая уж у них хрупкая натура, — серьезно заявил он. — Сэмэнта — доброе дитя, но говорит невесть что, когда теряет контроль над ситуацией. Вы меня понимаете?

На взгляд Адриана, Сэмюнта контролировала ситуацию куда лучше, чем ее родитель, однако он предпочел держать это мнение про себя, а потому лишь кивнул с важным видом. Мистер Филигри снова втиснулся в кресло и посмотрел, благосклонно улыбаясь, на Адриана.

— Я всегда говорю Сэм,— сообщил он, наставительно подняв указательный палец,— всегда говорю: следуй Священному Писанию и не ошибешься. «После происшествия на железной дороге утешь свой желудок глотком бренди». Кажется, так говорит Навуходоносор или кто-то там еще, но женщины, увы, слабее нас, мужчин.

Он сделал еще добрый глоток, снова поглядел на дверь, потом наклонился вперед, насколько позволял живот, и скорбно воззрился на Адриана.

— Вы замечали,— серьезно молвил он, повышая голос, отчего тот уподобился пisku летучей мыши,— что женщины не способны помнить того, что было?

Окутанный теплым розовым алкогольным туманом Адриан совершенно утратил нить рассуждений мистера Филигри.

— Ш-што? — спросил он.

— Женщины,— торжественно повторил трактирщик,— не способны помнить прошлое.

— Те женщины, с кем я встречался,— мрачно заметил Адриан,— обычно помнили все до самых ужасающих подробностей.

— Вот-вот! — Мистер Филигри снова поднял указательный палец.— Но только то, что происходило совсем недавно, не больше.

— А чего вы хотите от них? — спросил Адриан, откидываясь на подушку и закрывая глаза.

— Вот вы,— пропищал мистер Филигри,— способны многое вспомнить, если постараетесь как следует. А женщины народ ограниченный, беда мне с ними.

— В самом деле? — сонно пробормотал Адриан.

— Ну да.— Мистер Филигри налил себе еще бренди.— Даже если что-нибудь помнят, то всякие пустяки, вроде того, кто как был одет при дворе или кто чей любовник.

Адриан с минуту размышлял над словами трактирщика, чувствуя на себе его пытливый взгляд.

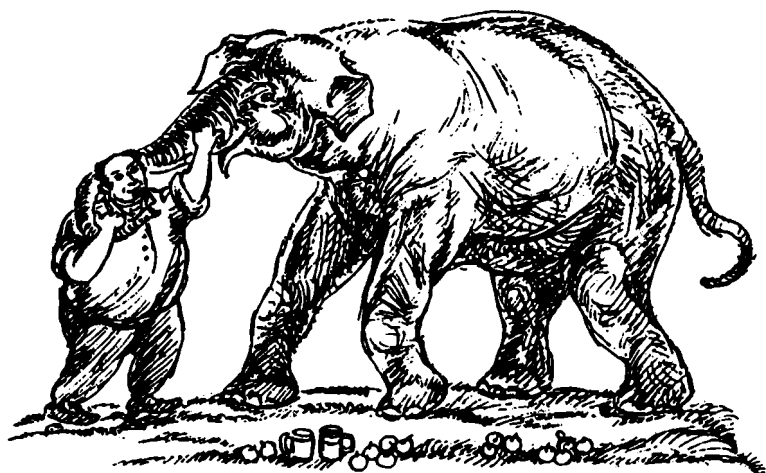
— Знаете что,— сказал он вдруг, открывая глаза,— я совершенно не понимаю, о чем вы толкуете.

Мистер Филигри сокрушенно вздохнул, отчего по его животу и двойному подбородку пробежала мелкая рябь.

— Вы не в себе, — горестно произнес он. — Завтра, когда вам полегчает, я все разъясню. А сейчас поспите, с минуты на минуту должен появиться врач.

— Спасибо. — И Адриан, закрыв глаза, сразу погрузился в глубокий мирный сон.

Глава одиннадцатая **ТРЕВОГА!**

Лежа на кровати, Адриан не без удовольствия созерцал дубовые балки озаренного утренним солнцем потолка. Минула неделя, как он явился в трактир «Единорог и Лира», и впервые он чувствовал себя здоровым и бодрым. В день его прибытия Сэмента привела вечером доктора Ханчмулда, сопящего носом коренастого коротыша с походкой заводной игрушки. Пока мистер Филигри без толку суетился кругом, доктор Ханчмулд, уверенно ассистируемый Сэмэнтотой, раздел Адриана, наложил три шва на длинный порез на бедре, туго перебинтовал поврежденные ребра и заключил сломанную руку в гипс от кисти до локтя. Вся эта процедура причинила Адриану изрядную боль, и он совсем изнемог. Мистер Филигри, счастливый, что и от него была польза, отнес Адриана по узкой лестнице в маленькую спальню наверху под камышовой кровлей и уложил в постель. Следующие два дня Адриан мало что разумел, помнил только, что Сэмента все время была рядом, то поправляла его подушку, то поддерживала голову, когда его тошнило над большим, расписанным цветами фаянсовым

горшком, то поила чем-то холодным, когда у него поднималась температура. Ему было невдомек, как она обходится без сна, ибо в любое время дня и ночи, когда бы он ни открыл глаза, Сэмэнта была тут как тут, терпеливо сидела на стуле возле его кровати, занятая каким-то рукоделием. И теперь, когда ему стало заметно лучше, Адриану было очень неловко при мысли о том, сколько хлопот он причинил. Высунув пальцы ног из-под одеяла, он попробовал как следует потянуться и тут же пожалел об этом эксперименте — такая острая боль пронизала все мышцы.

Внезапно открылась дверь, и вошла Сэмэнта, неся ему завтрак.

— Доброе утро,— сказала она, улыбаясь.— Как самочувствие?

— Намного лучше,— ответил Адриан, краснея как всегда при виде ее огромных зеленых глаз.— Мне даже кажется, что я мог бы встать. Боюсь, я и так уже доставил вам слишком много беспокойства.

— Ерунда,— отозвалась Сэмэнта, опуская поднос на одеяло перед ним.— Чтобы эти яйца были съедены! Совсем свежие, отец сходил за ними в деревню.

— А как там Роза? — тревожно осведомился Адриан.

— Отлично,— ответила Сэмэнта и подняла брови.— А что? Вы сомневались?

— Обычно она не очень-то жалуется женщин,— объяснил Адриан.

— Меня она жалуется. А отца так просто обожает. Мне кажется, принимает его за особого вида слона.

Сидя на стуле, она смотрела, как он ест и пьет чай, потом проворно убрала поднос и поправила подушку.

— Сегодня придет врач, чтобы снять швы,— сообщила она.— Так что оставайтесь в постели, пока он не разрешит вставать.

— Послушайте,— спохватился Адриан,— мне надо кое-что сказать вам. Вы можете уделить мне пять минут?

— Что-то вы порозовели,— Сэмэнта критически посмотрела на него.— Похоже, опять поднялась температура.

— Нет-нет, я просто беспокоюсь.

Сэмэнта снова села и сложила руки на коленях.

— Ну?

Сперва запинаясь, затем — видя, как внимательно, не перебивая, слушает Сэмэнта — все более складно Адриан

поведал ей, как он получил в наследство Розы и какой погром они учинили на своем пути. Он ожидал увидеть, как и следует быть, когда рассказывает молодой леди о столь предосудительных действиях, выражение ужаса на лице Сэмэнты, вместо этого под конец его повествования по блеску ее глаз и подергиванию губ было видно, что она с трудом удерживается от смеха.

— Так что сами понимаете, — заключил Адриан, — меня сейчас, наверное, разыскивает полиция. Один Бог ведает, что они со мной сделают, когда поймают, и ведь не отопрешься, Розы такая улика, что даже полицейский не может ее не заметить. Так что мне нужно возможно скорее спуститься к побережью и избавиться от нее. Оставаясь здесь, я и вас подвергаю угрозе. Кажется, это называется «соучастие и сокрытие» или как-то еще в этом роде.

У Сэмэнты вырвался смешок.

— Чудесно! — воскликнула она. — Не только раненый воин, а еще и разыскиваемый преступник.

— Не смешно, — обиделся Адриан.

— Верю, — сказала Сэмэнта, сиюсь изобразить на лице сочувствие. — Но на вашем месте я не стала бы так волноваться. Никто не знает, что вы находитесь у нас, и Розы надежно укрыта в конюшне. Нам с отцом остается выгуливать ее вечером на лугу, где никто не увидит. Отец и без того почти не выходит из конюшни, как раз сейчас мажет ее копыта золотой краской. Так что лежите-ка вы здесь и ни о чем не беспокойтесь. Подождем, что скажет доктор.

Доктор Ханчмулд, громко сопя, ощупал Адриана со всех сторон, снял швы на бедре и внимательно посмотрел на него, решительно потирая руки.

— Ну что ж, — объявил он, — можете вставать, если хотите. Но соблюдайте осторожность. Легкая питательная диета, поменьше физических нагрузок.

— А когда можно будет снять этот гипс? — спросил Адриан. — Он весит не меньше двух с половиной тонн.

— Не раньше чем через месяц, — ответил доктор Ханчмулд.

После ухода врача Адриан с трудом оделся. Все мышцы заоченели, и ноги плохо держали его, тем не менее он медленно спустился по скрипучим ступенькам на кухню, где Сэмэнта, надев цветастый передник, колдовала над

большими медными кастрюлями, распространяющими аппетитнейшие запахи.

Адриан остановился, глядя на нее, — она и впрямь не столько ходила, сколько парила над полом, такая же легкая на ногу и грациозная, как ее родитель. В свете очага волосы ее переливались бликами не хуже медной посуды.

— Привет, — сказал он.

Она повернулась к нему с улыбкой, и он ощутил, как кровь прилила к лицу и защемило под ложечкой.

— Привет, — отозвалась Сэмента. — Как самочувствие?

— Покачивается, — признался Адриан. — Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Помните, что сказал врач. Можете, если хотите, выйти в конюшню побеседовать с отцом и Рози.

Неохотно расставаясь с ней, Адриан вышел через заднюю дверь и направился через мощный булыжник двор в сторону конюшни. Издали было слышно звонкий голос мистера Филигри, разговаривающего со слонихой.

— Дальше, моя дорогая, — вещал он, — мы подошли к зарослям камыша, и там в самой гуще прятался тигр. Я сидел на очень красивом и очень храбром слоне. Не таком красивом и смелом, как ты, конечно, но все же. Тигр бросился на нас, но тут мой слон поднял хобот и ударил его на лету, так что зверь грохнулся на землю.

Сгорая от любопытства, Адриан вошел в конюшню. Рози была заточена в дальнем углу, рядом с ней было разостлано пахучее сено, а впереди стояло деревянное корыто, наполненное морковью, яблоками, мелко нарезанной кормовой свеклой и прочими деликатесами, кои слониха аккуратно отправляла себе в рот. Копыта Рози поблескивали золотом в тусклом свете. При виде Адриана она издала такой пронзительный радостный трубный звук, что мистер Филигри от неожиданности упал на спину, опрокинув банку с золотой краской.

— Привет, мистер Филигри, привет, Рози! — поздоровался Адриан.

— Дружище, — пропел мистер Филигри, беспомощно барахтаясь на сене. — Рад видеть, что вы снова на ногах. Будьте добры, помогите встать. При некоторых позах мне затруднительно встать без посторонней помощи.

Адриан крепко сжал пухлые пальцы мистера Филигри и потянул. Сопя и кряхтя, тот поднялся на ноги.

— Ну как она вам? — спросил он Адриана. — Вы согласны, что такие копыта придают ей дополнительное обаяние?

— Несомненно, — ответил Адриан. — Я не видел ее такой элегантной с тех пор, как мы покинули Феннелтри-Холл.

— Жаль, у нее нет бивней, — посетовал мистер Филигри. — У моих слонов у *всех* были бивни, и мы обычно украшали их брильянтами и рубинами — абсолютно безболезненная процедура. Вы бы видели это зрелище!

— Она и без бивней натворила бед, — заметил Адриан, поглаживая нежно обвивший его шею хобот. — Похоже, вы здорово поладили друг с другом.

— Да-да, — взволнованно пропел мистер Филигри. — У нас такая *гармония*. Нисколько не удивлюсь, если Роза — перевоплощение моего любимого слона Пу-Тиня. Будь у нас тигр, я бы точно смог это определить.

— Сдается мне, — сказал Адриан, — жизнь и без тигров достаточно сложна.

— Возможно, вы правы, — согласился мистер Филигри. — Но ведь всегда хочется связать концы с концами. Получилась бы блестящая страница.

Сэмэнта уже рассказала Адриану, что мистер Филигри твердо верит в перевоплощения и помнит во всех подробностях, кем побывал в прошлом. Последние двадцать лет пишет труд о своих прежних воплощениях, уже сочинил сорок восемь томов, и когда подведет черту, неизвестно, потому что чуть ли не каждый день вспоминает какой-нибудь новый факт, требующий отдельной главы.

— Как было бы чудесно, — мечтательно произнес мистер Филигри, — получи мы засвидетельствованный документ, говорящий о том, что Роза на самом деле перевоплощение Пу-Тиня.

— Сомневаюсь, чтобы это было возможно, — заметил Адриан.

— Я тоже, — сказал мистер Филигри. — Но, дружище, какой же я эгоист, заставляю вас стоять и слушать, когда вам положено сидеть. Пошли лучше в дом, выпьем бренди.

И он зашагал обратно в трактир, оставляя золотистые следы.

— Сэмэнта! — звонко прокричал он, врываясь на кухню. — Я убежден, Роза — это Пу-Тинь сегодня.

Мистер Филигри замер, подняв вверх руки и ожидая, какой эффект произведут его слова на дочь.

— Замечательно, — улыбнулась Сэмэнта. — Теперь для окончательного доказательства тебе недостает только тигра.

— *То самое*, что я сказал Адриану, — удовлетворенно молвил мистер Филигри. — «Будь у нас тигр», сказал я.

— А я ответил, — Адриан с облегчением опустил на стул, — что нам только тигра не хватает, достаточно того, что есть Роза.

Сэмэнта подошла, устремив на него испытующий взгляд своих зеленых глаз.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально. Вот только слабость еще не прошла.

Сэм положила ему на лоб прохладную ладонь, и Адриан, закрыв глаза, мысленно пожелал, чтобы она никогда ее не убирала.

— Отец, — решительно произнесла Сэмэнта, — он у тебя там чересчур перевозболновался. Налей ему бренди.

— Как раз это я и собираюсь сделать, — с достоинством ответил мистер Филигри. — Верно, Адриан? Что я говорил только что: «Пошли в дом, выпьем бренди!»

— Ну так кончай болтать и наливай, — поторопила его Сэмэнта. — Ленч будет готов через минуту.

Мистер Филигри щедро налил в стаканчики бренди, вручил один Адриану и втиснулся в свое любимое кресло, добродушно улыбаясь.

— Знаете, — он посмотрел на Адриана, — напишу-ка я главу о Розе, точнее, о Розе как воплощении Пу-Тиня. Конечно, доказать, что это так, нельзя, но много ли научных фактов поддаются доказательству, коли на то пошло? Как говорится где-то в Писании: не счесть всего на земле и на небе, и что-то доказано, а что-то отнюдь нет.

— Да уж, — учтиво отозвался Адриан, — полагаю, вы правы.

— Но я-то точно знаю, — серьезно продолжал мистер Филигри. — Возможно, глядя на меня, вы не поверите, но некогда, во времена Ричарда Третьего, я занимался изготовлением свечей, и была у меня кошка по имени Тавифа. Большая такая, игривая, похожая на ком снега. Однажды я нечаянно пролил ей на хвост горячий воск.

Бедняга, как же она обиделась, еще бы. А когда шерсть вновь отросла, хвост был совершенно черный. Представляете себе — белая кошка с черным хвостом. Так вот, хотите верьте, хотите нет, но недавно, когда я ходил в деревню, ко мне подошел и стал ластиться большущий кот, и у меня не было никакого сомнения, что это воплощение Тавифы.

— В самом деле? — и впрямь заинтересовался Адриан.

— Ну да, большой такой серый красавец по имени Генри, как я потом узнал.

— Но если он был серый, и его звали Генри?.. — озадаченно произнес Адриан.

— Ну, он просто успел поседеть. — Мистер Филигри небрежно взмахнул рукой: подумаешь, пустяки. — А что до имени, так люди чего только не придумают. Но это была точно моя Тавифа. Одно из самых примечательных доказательств, какие выпадали на мою долю. Она сразу меня узнала, вот что главное.

— И конечно, тот факт, что он в тот раз нес в сумке лосося и банку устриц, не играл совсем никакой роли! — сухо заметила Сэмэнта, раскладывая тушеное мясо по тарелкам и ставя их на длинный стол. — А теперь, ради Бога, начинайте есть, пока не остыло.

Садясь за стол, Адриан вдруг ощутил, что страшно проголодался. Мясо пахло заманчиво, и в гуще многоцветного овощного гарнира он рассмотрел поблескивающие, будто жемчужины, маленькие клецки. Мистер Филигри продолжал фальцетом просвещать Адриана, каким образом можно совершенно точно опознать перевоплотившееся создание, и Адриан кивал и поддакивал, уписывая за обе щеки вкуснейшее блюдо.

Когда последние остатки соуса были подтерты корками хлеба и все трое наслаждались чувством сытости, раздался стук в дверь.

Сэмэнта встала, подошла к окну и выглянула, отодвинув занавеску.

— Адриан, — сказала она, — живо навверх. Это полиция.

Адриан поднялся со стула, испуганно глядя на нее.

— Живей! — сверкнула она глазами. — И захватите свою тарелку.

Машинально схватив тарелку, он взбежал вверх по ступенькам и остановился, затаив дыхание, на лестничной площадке; сердце его бешено колотилось. Снова раздался

стук дверного молотка, и Адриану в этом стуке почудилось сходство с тем, как заколачивают крышку гроба.

— Иду, иду! — весело и беззаботно отозвалась Сэмента, вслед за тем он увидел, как открывается дверь, и поспешил отступить в тень, напряженно прислушиваясь.

Глава двенадцатая РАССТАВАНИЕ

— Доброе утро, мисс Филигри! — произнес задушевный низкий голос, когда Сэмэнта отворила дверь.

— Слушаю вас, — отозвалась она.

— Сержант Хичбрискет, молширская полиция. Могу я войти и поговорить с вами?

— Конечно, — бодро ответила Сэмэнта. — Мы только что перекусили, но, может быть, вы не откажетесь от чашки чая?

— Вы очень любезны, мисс, — сказал сержант Хичбрискет, входя на кухню.

У него было похожее на хорька костистое лицо и разделенные посередине прямым пробором густые черные волосы. Филигри по-прежнему сидел за столом и следил, открыв рот, за стремительным ходом событий.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался полицейский, — прекрасный день для этого времени года, правда?

— Чудесный, — широко улыбнулся мистер Филигри.

— Садитесь, сержант. — Сэмэнта поставила перед ним чашку с чаем. — И рассказывайте, чем мы можем быть вам полезны.

Сержант расстегнул нагрудный карман и извлек из него большую потрепанную записную книжку и карандаш. Облизнул кончик карандаша, затем облизнул большой палец и полистал записную книжку, бормоча что-то про себя для освежения памяти.

— Так вот, мисс,— молвил он наконец.— У нас объявлен срочный розыск одного преступника, и мне подумалось, что вы сумеете помочь нам в наших поисках.

— Сомневаюсь,— мягко произнесла Сэмэнта.— Среди наших знакомых не так уж много преступников.

— Я хотел сказать,— сержант Хичбрискет смущенно порозовел,— вы могли бы сообщить нам сведения, способствующие его задержанию.

— Как же, как же,— Сэмэнта ласково улыбнулась сержанту.— Мы всегда готовы помочь полиции. Отец, ты не мог бы отнести грязные тарелки в судомойню, пока я тут переговорю с сержантом?

— Конечно, дорогая,— пропел мистер Филигри, выполняя ее распоряжение.

— Мой отец,— Сэмэнта понизила голос,— чрезвычайно впечатлительный человек, мне не хочется его волновать.

— Да-да, конечно, мисс,— сказал сержант Хичбрискет.— По правде говоря, я ведь именно из-за него пришел сюда.

— О,— тихо молвила Сэмэнта,— а в чем дело? Что он такое натворил?

— Ничего, ровным счетом ничего,— поспешил ответить сержант.— Дело не в том, что он сделал, а в том, что говорил.

— Простите, я чего-то не понимаю,— произнесла Сэмэнта, прищурив глаза в знак размышления.

— Понимаете, мисс, дело в следующем. Этот преступник, назовем его пока мистер Икс, рассказывает по округе вместе со слоном.

— Слоном? — Сэмэнта сделала большие глаза.

— Ну да, со слоном.— Сержант снова сверился с записной книжкой.— Его разыскивают за нападение и избиение охотников из Монксеппера, а также за нападение и погром, учиненные в поместье лорда Феннелтри.

— Боже мой! — воскликнула Сэмэнта.— Что же подвигло его на такие действия?

— Вот именно! — мрачно отозвался сержант Хичбрискет.— Психология преступника дело темное, крайне тем-

ное. Все дороги, где его видели в последний раз, направляются в наш район, понимаете, а сегодня утром ваш отец, когда приходил в деревню, разговаривал с Биллом Планжмаскетом, который держит птицеферму, и упомянул, в частности, что у него появился слон. И поскольку сомнительно, мисс, чтобы в нашей округе могло появиться сразу несколько слонов, я решил зайти к вам узнать, в чем дело.

Хотя сердце Сэмэнты оборвалось, она сумела изобразить на лице удивление.

— Мой отец?..— воскликнула она.— Сказал, что у него появился слон?

— Вот именно,— бесстрастно подтвердил сержант Хичбрискет.— Во всяком случае, так он сказал Биллу Планжмаскету.

Сэмэнта нахмурилась.

— Не представляю, что это взбрело ему в голову...

Внезапно лицо ее прояснилось.

— А, ну да,— сказала она,— понятно.

Она постаралась изобразить веселый смешок, вскочила на ноги и подошла к судомойне.

— Папа,— позвала Сэмэнта,— выйди сюда, пожалуйста, на минутку.

Адриана, который слушал этот разговор, стоя наверху, чуть удар не хватил. Он так обрадовался, когда Сэмэнта отправила мистера Филигри в судомойню... И вот теперь зовет его обратно — верх безрассудства! Мистер Филигри возник на пороге таким пухлым улыбающимся херувимом.

— Папа,— сказала Сэмэнта,— ты знаешь, сержант Хичбрискет страшно интересуется слонами.

— В самом деле? — взволнованно пропел мистер Филигри.— Дружище, как же приятно видеть родственную душу. Я безумно увлекаюсь ими. Как звать вашего слона?

— Вообще-то у меня лично нет слона,— ответил сержант Хичбрискет.— Понимаете, сэр, дело в том...

— Бедняга,— перебил его мистер Филигри.— Подумать только — увлекаться слонами и не иметь ни одного. У меня их было больше ста.

— Больше ста? — чуть слышно повторил сержант Хичбрискет.

— Заверяю вас,— мистер Филигри взмахнул пухлой рукой,— у меня был сто один слон и самый лучший из

них — Пу-Тинь. Дружище, видели бы вы, как он расправился с тигром. Любо-дорого было смотреть.

— О, конечно, сэр, не сомневаюсь.— Сержант Хичбрискет прокашлялся.— Скажите, а когда именно у вас были эти слоны?

— Дайте подумать.— Лицо мистера Филигри изобразило величайшую сосредоточенность.— Кажется, это было в тысяча четыреста семидесятом году.

— Тысяча четыреста семидесятом? — прохрипел сержант Хичбрискет, держа наготове свой карандаш.

— Или же это было в тысяча четыреста семьдесят первом году,— задумчиво произнес мистер Филигри.— Я не совсем уверен.

— Это было одно из прежних воплощений моего отца,— мягко сказала Сэмэнта.

— О! — молвил сержант Хичбрискет.— Как вы сказали — воплощений?

— Ну да,— серьезно отозвался мистер Филигри.— Я тогда был в Нагарапуре. Удивительно интересная была пора, заверяю вас. Не говоря уже о слонах и охоте на тигров, каждый год меня взвешивали, употребляя вместо гирь золото и драгоценные камни. Дивная пора!

Сержант Хичбрискет сложил записную книжку и вернул ее в карман вместе с карандашом.

— Чрезвычайно интересно, сэр,— заключил он, вставая.— Чрезвычайно. Однако не стану вас больше беспокоить.

— Не сомневайтесь,— сказала Сэмэнта,— если мы вдруг что-то узнаем, сразу же вам сообщим.

— Спасибо, мисс,— произнес сержант, внимательно глядя на нее.

— Не за что,— приветливо ответила она.— Кто же откажется помогать полиции.

— Что ж, сэр, всего доброго. Всего доброго, мисс.— С этими словами сержант Хичбрискет протопал на улицу.

Сэмэнта поспешила закрыть за ним дверь и прислонилась к косяку с облегченным вздохом.

— Это было в тысяча четыреста семьдесят первом,— сказал мистер Филигри.— Точно, я вспомнил. Позови его обратно.

— Не стоит,— возразила Сэмэнта.— Он и так узнал все, что ему требовалось. Но, право же, папа, тебе не стоит ходить в деревню и рассказывать всякие байки.

— Это не байки,— обиделся мистер Филигри.

— Я-то знаю, что не байки, но люди в деревне не верят в перевоплощения так, как ты веришь, им все это кажется довольно странным. А теперь пообещай, что ты больше не будешь рассказывать им про слонов и все такое прочее.

— Хорошо, родная,— вздохнул мистер Филигри.— Наверное, ты права.

— Конечно, права,— сказала Сэмента.— Ты только неприятности наживешь.

Она подошла к лестнице и поглядела наверх.

— Можете спускаться, Адриан. Он ушел.

Адриан зашагал вниз по ступенькам, вытирая платком мокрый лоб.

— Вы удивительно все это проделали. Я там никак не мог дожидаться, когда же кончится этот разговор.

— Лучше скажите спасибо отцу,— сухо заметила Сэмента.— Нам повезло, что в одном из своих воплощений он очутился в Индии.

— Но послушайте, я ведь был прав. Что я сказал утром — мое присутствие здесь опасно для вас, а теперь вы еще наговорили сержанту разные небылицы.

— Ерунда,— возразила Сэмента.— Никто не узнает, что вы здесь.

— Рано или поздно все равно проведает. И вы тогда влипнете не хуже меня, а мне этого совсем не хочется.

— Ну вот что,— сказала Сэмента.— Бросьте говорить глупости. Вы недостаточно оправились, чтобы трогаться в путь, и вам еще месяц носить гипс. Так что сидите здесь и не высовывайте носу, пока не заживет рука.

— Обещаете отпустить меня, как только я почувствую себя лучше?

Зеленые глаза Сэменты как-то странно посмотрели на него.

— Когда почувствуете себя лучше,— ответила она,— и если тогда захотите идти дальше, я не стану вас задерживать.

— Дело не в том — захочу или не захочу идти дальше,— вымолвил Адриан,— а в том, что мне не хотелось бы навлекать неприятности на вас и вашего отца.

— Ладно, посмотрим,— сказала Сэмента.— И раз уж вы такой заботливый, помогите вымыть посуду.

Следующие две недели были для Адриана сплошным кошмаром. Каждый раз, когда мистер Филигри зачем-нибудь отправлялся в деревню, он ожидал, что толстяк вернется в сопровождении отзывчивых полицейских, которым пообещал показать Розу. В бессонные ночи ему представлялось, как Сэмэнту, арестованную за соучастие и укрытельство, бросают в тюрьму и держат в сырой темной камере, пока ее медные волосы не становятся седыми, и она умирает в заточении. Его не волновал тот факт, что из всех троих именно ему, скорее всего, грозит суровый приговор. Тревога за Сэмэнту заставляла его просыпаться в холодном поту. Ибо Адриан страстно и безнадежно влюбился. Что, разумеется, прибавило мучений его истерзанной душе. Ведь даже наберись он смелости признаться ей в любви, разве вправе преступник (скрывающийся от поминки вместе с опасным слоном) просить руки такой девушки, как Сэмэнты...

В конце концов он не выдержал. Спустившись рано утром на кухню, приготовился все выложить Сэмэнте, которая готовила завтрак.

— Доброе утро, — улыбнулась она, и волосы ее отливали медью, словно новенький пенни. — Сейчас все будет готово.

— Сэмэнты, мне нужно поговорить с вами, — твердо произнес Адриан.

Она обратила на него вопрошающий взгляд больших зеленых глаз с золотыми искорками. Адриан глотнул, чувствуя, как решимость покидает его. Разве может он расстаться с такой прекрасной и желанной девушкой?..

— Послушайте, — повторил он, — нам нужно поговорить.

— Боже мой, — насмешливо отозвалась Сэмэнты. — Что это мы такие серьезные сегодня?

— Я решил, — начал Адриан, надеясь, что голос его звучит мужественно и твердо, — решил уходить сегодня вечером.

Глаза Сэмэнты округлились.

— Сегодня? Что ж, вам лучше знать.

И она перевела взгляд на сковороду, где желтели, словно маленькие солнца, поджаривающиеся яйца.

— Не потому, чтобы мне так хотелось уходить, — с отчаянием произнес Адриан, — но чем дольше я задержива-

юсь, тем больше опасность, что меня обнаружат. Вы же понимаете.

— Любезнейший,— холодно сказала Сэмента, не обращившись,— я тут совершенно ни при чем.

— Понимаете,— пролепетал Адриан,— мне нужно как-то избавиться от Розы. Тогда никто не сможет связать меня с нападением на охотников, с происшествием в Феннелтри-Холл и так далее, а избавиться от Розы я смогу только после того, как спущусь в приморье.

— Вы когда-нибудь слышали о домашних духах? — спросила Сэмента.

— Домашних духах? Нет. А что это такое.

— В старину у колдуний были домашние духи. Такие создания, которые всюду следовали за ними, иногда выполняя за них грязную работу. Кошки там или еще какие-нибудь твари. Так вот, мне кажется — Розы ваш домашний дух. Колдуньи умели сделать так, что человеку, который им почему-то не нравился, чудилось, будто его неотступно преследует то ли черная собака, то ли мар-тышка, то ли еще кто-нибудь.

— Ух ты,— сказал Адриан.— Как интересно.

— Кончалось тем, что человек сходил с ума,— весело продолжала Сэмента.— Вот почему я думаю, что Розы — ваш домашний дух. Должно быть, ваш дядюшка на досуге занимался колдовством.

— Во всяком случае, от этого духа я должен избавиться,— твердо молвил Адриан.

Сэмента отбросила в сторону ложку и повернулась лицом к нему. Ее глаза, казалось, стали еще больше и зеленее, чем обычно, полыхая золотистыми искрами.

— Вы,— она порозовела от гнева,— вы отвратительны.

— Но... но... что я такого сделал? — пролепетал Адриан, испуганный столь необычной вспышкой ярости.

— Розы оставил вам в наследство ваш дядюшка?

— Да.

— И оставил вам деньги, чтобы вы заботились о ней?

— Да.

— Этот дядюшка был последний из ваших здравствующих родственников?

— Да.

— В таком случае, Розы, строго говоря, *ваша родня*, и у вас нет никакого права продавать ее кому-либо, словно старые часы или что-нибудь в этом роде. Вы отвратительны.

Адриан замер, таращась с открытым ртом на Сэмэнту.

— Ладно,— продолжала она, снимая передник и швыряя его на стул,— поступайте так, как считаете правильным. Если, по-вашему, правильно продавать родственника в рабство, то для меня чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше.

С этими словами Сэмэнта бегом пересекла всю кухню, стремительно поднялась вверх по лестнице, и Адриан услышал, как хлопнула дверь ее спальни. Он все еще стоял, точно оглушенный, когда ощутил вдруг запах горячей яичницы, и поспешил, обжигая пальцы, снять с огня сковороду.

Появился мистер Филигри, с наслаждением вдыхая едкий аромат горелого.

— Ага,— он причмокнул губами,— завтрак...

— Боюсь, придется вам готовить самому,— сухо заметил Адриан.— Сэмэнта заперлась в спальне.

— Ну и ладно,— философически произнес мистер Филигри.— Случается, дружище, случается.

— Что случается? — рявкнул Адриан.

— Всякое.— Мистер Филигри повел рукой в воздухе.— Обиды, споры, гнев, вспышки раздражения. Разные несусицы.

— Конечно,— сказал Адриан.— Во всяком случае, я не намерен терпеть несусицы. Все, уйду.

— Знаете,— молвил мистер Филигри, глядя на сковородку,— кажется, эти яйца подгорели.

— Точно,— отозвался Адриан.— И виновата в этом ваша дочь.

— Не сомневаюсь,— заметил мистер Филигри, потом добавил, указывая толстым пальцем:— Однако тут одно, похоже, избежало сожжения. Разделим?..

— Нет,— ответил Адриан.— Я пошел собираться.

Укладываться одной рукой оказалось труднее, чем он ожидал, все же Адриан кое-как скомкал свои вещи. Он все еще кипел от ярости после вспышки Сэмэнты, которая показалась ему просто-таки неприличной. Как-никак ведь это ради *нее* он желал избавиться от Розы, правильно? Им руководила забота о *ней*, а она расшумелась так, будто он какой-то садист. Ладно, он ей покажет...

К великой досаде Адриана, выяснилось, что одной рукой запрячь Розы в двуколку невозможно, пришлось обратиться за помощью к мистеру Филигри.

— Знаете, дружище, — сказал мистер Филигри, затыгивая ремень, обнимающий тучную фигуру Розы, — я что-то засомневался, мудро ли вы поступаете?

— Ох, только не начинайте теперь вы, — ответил Адриан. — Хватит с меня Сэмэнты.

— Нет, я просто подумал, — виновато произнес мистер Филигри. — Ни в коем случае не желаю вмешиваться в чужие дела, но мне показалось, что вам будет трудновато запрягать и распрягать Розы.

— Попрошу кого-нибудь помочь.

Когда приготовления были закончены, Адриан на минуту застыл в нерешительности. Мистер Филигри тревожно смотрел на него круглыми голубыми глазами.

— Ладно, — изображая шутливый тон, произнес Адриан, — поехали.

— Разве вы... гм... разве не хотите попрощаться с Сэмэнттой? — спросил мистер Филигри тоненьким голоском.

Меньше всего на свете Адриан сейчас хотел бы видеть Сэмэнту, но толстяк смотрел на него так жалобно, будто младенец, просящий дать бутылочку, что ему не хватило духу отказать. Он вошел обратно в трактир «Единорог и Лира» и протопал вверх по лестнице. Остановившись перед дверью Сэмэнты, прокашлялся.

— Сэмэнта, — твердо сказал он, — Сэмэнта, это я, Адриан.

— Да уж точно не Розы, — ответил голос Сэмэнты из-за двери.

— Я ухожу, — Адриан взмахнул рукой, как бы показывая, какой долгий путь намеревается пройти за этот день. — Пришел проститься.

— Прощай, — мягко произнесла Сэмэнта.

— И большое спасибо за все, что вы для меня сделали.

— Не за что. Каждый раз, когда вас где-то поблизости переедет поезд, заходите, не стесняйтесь.

— Ага... Ну ладно, я пошел, — сказал Адриан.

Тишина.

— Я почему решил выйти пораньше, — крикнул он, — нам предстоит долгий путь.

— Может быть, перестанете орать так через дверь, — ответила Сэмэнта.

— Ладно, ухожу.

— Валяйте, — отозвалась Сэмэнта медоточивым голосом. — Поспешите, не то опоздаете на невольничий рынок.

Возмущенный до глубины души несправедливым намеком, Адриан скатился вниз по лестнице и прошагал на конюшню.

— Ну что ж, мистер Филигри, всего доброго,— сказал он.— Право, я чрезвычайно благодарен за все, что вы сделали для меня. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся.

— Непременно,— серьезно молвил мистер Филигри.— Неизбежно встретимся, дружище. Главное, нужен какой-то условный знак. Представьте, что я окажусь жуком, а вы — премьер-министром. Как мы узнаем друг друга без пароля? Ползу это я по какому-нибудь важному государственному документу, а вы возьмете да нечаянно раздавите меня. А потому условимся: если мы встретимся в какой-нибудь последующей жизни, я скажу: «Помните «Единорога и Лиру»?», а вы должны ответить: «Конечно, помню».

Адриана подмывало заметить, что в облике ползущего по документу жука мистеру Филигри будет затруднительно произнести «Помните «Единорога и Лиру»?», однако он побоялся, что прощание может затянуться, а потому ограничился кивком, взялся рукой за теплое ухо Розы и потянул ее вперед.

Отмерив сотню шагов, он остановился и поглядел назад. «Единорог и Лира» с его камышовой кровлей напоминал черно-белую черепаху в золотистом панцире. Кажется, что-то мелькнуло в окне Сэмэнты, но он не был уверен. Вздохнув, снова потянул Розы за ухо, и они зашагали дальше.

Глава тринадцатая **МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ**

Следующие семь дней показались Адриану самыми тяжелыми в его жизни. К необходимости прятаться днем и передвигаться ночью добавлялись чудовищные трудности работы с упряжью. А еще он ужасно скучал по Сэмэнте и каждые десять минут корил себя за то, что покинул «Единорога и Лиру».

В конце концов он так устал от гипса, что, привязав Розу в лесу и оставив ей хороший запас корма, направился в ближайший город. Здесь ему рассказали, где найти врача.

— Четвертая неделя на исходе, — объяснил Адриан. — А врач, который наложил мне гипс, сказал, что его можно снимать через месяц.

— Что ж, — сказал врач, — вам решать. Могут снять, если хотите, но постарайтесь не слишком нагружать руку.

С этими словами он снял гипс, и Адриан почувствовал себя так, словно освободился от тяжелого бремени. Рука плохо слушалась, и при каждом движении он чувствовал боль, но было очевидно, что она срослась. Адриан поспе-

шил обратно в лес, и вечером они с Розы снова тронулись в путь к закату, красочному, как павлиний хвост.

На рассвете они ступили на тропу, которая пересекала мыс, покрытый розовым ковром цветущей армерии. Тропа привела их на самый край крутой скалы, и внизу Адриан увидел шепчущееся с галькой, переливающееся в лучах утреннего солнца море. Не самое подходящее место, чтобы спрятать Розы, ибо на много километров вокруг не было ни единого дерева, но у Адриана стало легче на душе при мысли о том, что он как-никак ушел достаточно далеко от Феннеттри-Холл и «Единорога и Лиры» и здесь им нечего опасаться. Простершись на мягких кустиках, он дремотно размышлял, как действовать дальше. Очевидно, следуя этим путем, он придет в какой-нибудь приморский город, где найдет либо цирк, либо еще какое-нибудь заведение, где согласятся принять Розы с ее наследством... Уже совсем погружаясь в благодатный сон, Адриан вдруг услышал, как чей-то пронзительный голос крикнул: «Эгей!» Вскочив на ноги как ошпаренный, он испуганно оглянулся и увидел, как через ковер армерии, приветственно размахивая руками и тяжело дыша, к нему трусит Черная Нелл.

— Эгей! — прокричала она, улыбаясь. — Привет.

— Привет, — удивленно отозвался Адриан. — А вы что тут делаете?

— Минутку, дай отдышаться. — Она села, с минуту энергично обмахивалась веером, потом укоризненно заметила: — Не больно-то хорошо вы прячете Розы. Мой фургон стоит тут неподалеку, и я отчетливо увидела силуэт слонихи на фоне неба. Сперва приняла ее за большой камень, но тут она шевельнулась.

— Я думал, здесь нам нечего опасаться, — произнес Адриан, тревожно озираясь.

— Куда держите путь? — осведомилась Черная Нелл.

— Да еще толком не решил, — ответил Адриан. — Думал идти дальше вдоль мыса, пока не встретится какой-нибудь город, а там посмотреть, может быть, найдется цирк или что-нибудь в этом роде, куда можно пристроить Розы.

— Гм-м... — Черная Нелл достала из кармана трубку и закурила. — Вам знакомы здешние места?

— Нет, — ответил Адриан.

— Тогда, если хотите послушать мой совет, шагайте вон туда.— Она указала мундштуком.— Придете в Сплошпорт-он-Солент. Довольно симпатичный городишко, оттуда паром доставит вас на остров Скэллоп.

— С какой стати я должен ехать на какой-то остров? — спросил Адриан.— И вообще, вы уверены, что Роза пустят на паром?

— Помолчите и послушайте меня. Этот остров — популярное место отдыха, понятно? Там полно всяких увеселительных заведений, ярмарки и все такое прочее. Если и может где-то в этом районе быть цирк, то именно там. Единственная возможность для вас избавиться от Розы. А что до парома, то как, по-вашему, на остров переправляются цирки?

— Ну да,— смиренно молвил Адриан,— я об этом не подумал.

— Итак,— продолжала Черная Нелл,— если не станете мешкать, придете в Сплошпорт как раз к вечернему парому. А на острове отыщите одного моего друга, Этельберта Клипа.

— Этельберта Клипа? *Этельберта Клипа?* — недоверчиво повторил Адриан.

— Он не виноват, что его так называли,— резко заметила Черная Нелл.— Если на то пошло, то и фамилия Руквисл кому-то может показаться странной.

— Правда,— согласился Адриан.— Хорошо, отыщу я вашего друга, а что потом?

— Расскажите, что с вами приключилось, скажите, что я прислала вас, и поступайте так, как он вам скажет.

— Огромное спасибо.

— Кстати, как вас приняли в «Единороге и Лире»? — спросила Черная Нелл с хитринкой в глазах.

— Замечательно,— Адриан порозовел.— Чудеснейшие люди.

— Особенно Сэмента, а? Или она показалась вам вертихвосткой?

— Вертихвосткой? — гневно произнес Адриан.— Вертихвосткой? Сэмента? Да вы что, она... она... она...

— Все в порядке,— Черная Нелл успокоительно выдохнула большой клуб табачного дыма,— я понимаю, что вы подразумеваете, но послушайте, вам лучше поспешить, если хотите успеть на паром.

С этими словами она ласково погладила хобот Розы и улыбнулась Адриану.

— До свидания. Передайте от меня нежный привет Этельберту, — сказала Черная Нелл и засновала по зеленым кустикам, словно торопливый черный крот.

Адриан живо запряг Розу в двуколку и двинулся по тропе через холмы. Вскоре тропа спустилась по склону и сменилась хорошей дорогой с домами по бокам. Чем дальше, тем чаще стояли дома, и наконец улица привела их в центр Сплошпорт-он-Солента. Адриану сразу бросилась в глаза разница между Сплошпортом и его родным городом. Здесь люди и кони за много лет привыкли к тому, что время от времени по улицам движутся странные процессии диких зверей. Никто даже не оглянулся на Адриана и Розу, и запряженные в различные экипажи лошади невозмутимо цокали копытами по булыжнику.

Останавливаясь по пути, чтобы справиться у прохожих, верно ли они идут, Адриан в конце концов очутился вместе с Розой в гавани и увидел важно покачивающийся на воде у пристани паром «Сплошпорт Куин». Волны ласково шлепали плечи больших колес, и столб черного дыма над желто-зеленой трубой говорил о том, что пароход вот-вот отчалит. Люди поспешно избегали вверх по сходням и рассыпались по палубам. Привязав Розу к фонарному столбу, Адриан протиснулся через толпу к восседавшему на кнехте человеку, который с отсутствующим видом уныло жевал табак, напоминая престарелую корову.

— Вы не могли бы мне помочь? — спросил Адриан. — Мне нужно попасть на паром, и со мной слон и двуколка. К кому мне следует обратиться?

Челюсти моряка перестали двигаться, и он надолго задумался.

— Только не ко мне, — молвил он наконец.

— Понимаю, — сказал Адриан. — Но я надеялся, что вы посоветуете — к кому именно?

Челюсти моряка снова заработали, потом сделали паузу.

— Слоны, — хрипло возвестил он, — багаж.

— Ну и?

— Багажом занимается капитан или старший помощник, — сообщил моряк и, утомленный общением с внешним миром, окончательно погрузился в транс.

Адриан поднялся по сходням на палубу «Сплошпорт Куин». Проталкиваясь через полчища возбужденных детишек, каждый из которых был вооружен острейшими ло-

паточками и ведерками, нашел наконец трап, ведущий на мостик. Взяв по ступенькам вверх, он сбил человека, спускавшегося вниз. Извиняясь, помог тому встать на ноги и не без замешательства установил, что то был капитан «Сплошпорт Куин», коротыш с овальной фигурой, совершенно пропадающей за обилием золотого шитья на форме, и с окладистой седой бородой. По распирающей его энергии капитан напрашивался на сравнение с ульем разгневанных пчел. Отряхнувшись от пыли, он медленно смерил Адриана взглядом, в котором угадывался людоедский интерес.

— Если это неудавшаяся попытка бунта на корабле, — мягко произнес капитан, — у вас, видимо, были какие-то причины, молодой человек. Однако хотел бы заметить вам, что сбивать человека с ног и топтать его каблуками — не лучший способ заложить основу прочной горячей дружбы.

— Ради Бога, извините, — пролепетал Адриан. — Но мне казалось, что паром вот-вот отходит, и я спешил. Понимаете, у меня есть слон и двуколка, которых я хотел бы перевезти на вашем корабле, если можно.

Капитан стряхнул с рукава еще одну пылинку и снова посмотрел на Адриана.

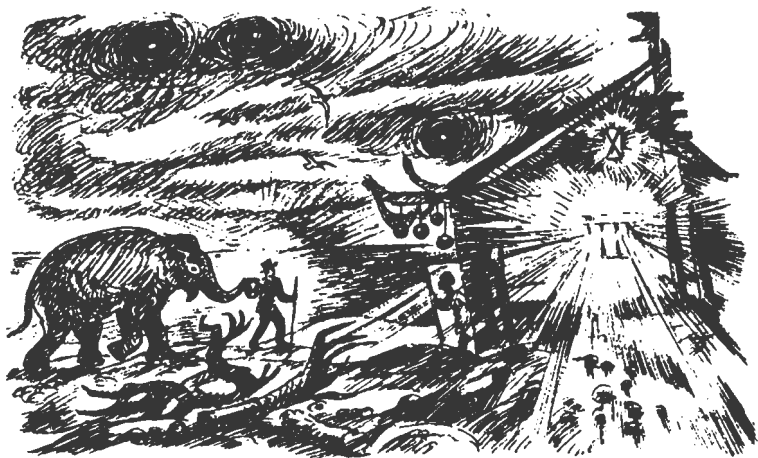
— Похоже, — заметил он, слегка вздохнув, — мне следует благодарить судьбу за то, что вы не послали за мной вашего слона. Где этот зверь?

— Там внизу, на пристани.

— Пять гиней, — сказал капитан.

— Отлично, — отозвался Адриан. — Лишь бы нас взяли.

Глава четырнадцатая ВЫСАДКА

Короткое плавание на «Сплошпорт Куин», к удивлению Адриана, доставило ему большое удовольствие. Рози была надежно пришвартована к массивному стальному кнехту, так что от нее он не ждал никаких неприятностей. Спустившись в салон, он взял им по кружке пива, несколько булочек для Рози и бутерброды для себя, после чего, прислонясь к поручням, любовался закатом, дивясь тому, как солнечные лучи будто приглаживают волны, придавая им сходство с разложенными на прилавке магазина рулонами шелка.

Рози восприняла новое испытание с обычной для нее невозмутимостью. Первые несколько минут она с большим интересом созерцала море; должно быть, подумал Адриан, при виде такого обилия влаги решила, что есть случай основательно напиться. Однако, убедившись, что с палубы туда не дотянуться, Рози оставила радужные мечты и стала покачиваться с полузакрытыми глазами.

Было уже темно, когда они подошли к острову Скэллоп, и, сойдя на берег, Рози и Адриан зашагали по узким

мощным улочкам, время от времени обращаясь за справками к прохожим. Так они вышли за город и там в окружении песчаных дюн увидели словно причудливое нагромождение обломков — маленький дом, сооруженный из выброшенного волнами на берег высохшего плавника. В окнах лучился свет, и сквозь вздохи моря до Адриана доносились заунывные звуки тубы. Какой-то неопытный музыкант пытался, без особого успеха, воспроизвести мелодию «Моя любовь — прекрасная, красная, красная роза». Кругом на дюнах не было видно больше никаких построек, и Адриан заключил, что перед ним обитель Этельберта Клиппа. Протопав вместе с Розы по шуршащему песку до двери, он постучался. Туба издала неблагозвучное мычание и замолчала. Затем послышались чьи-то шаги.

— Никакого уважения к искусству! — крикнул голос за дверью. — Вражья сила, стучать и шуметь, когда я репетирую! Кто там? *Кто там?*

Адриан прокашлялся.

— Я, Адриан Руквисл! — прокричал он.

— Вы сказали — Адриан? — спросил голос. — Стало быть, *мужчина?*

— Ну да, — озадаченно подтвердил Адриан.

Дверь распахнулась, и он увидел маленького, хрупкого, как воробышек, человечка в толстом, длинном, почти до колен, джемпере горчичного цвета с огромными золотыми тисненными пуговицами, серебристо-серых вельветовых брюках и диковинных черно-белых ботинках. Пышная, соломенного цвета шевелюра человечка напоминала потрепанную ветром копну сена, в ушах висели перламутровые серьги невиданной величины. На тонком бледном лице выделялись подвижные, как у бабочки, темные хитрые глаза. Прислонившись с вызывающим видом к косяку, этот странный маленький индивидуум уставился на Адриана.

— Дружище, — произнес он наконец, — *как вы назвались?*

— Адриан, Адриан Руквисл. Меня направила к вам Черная Нелл.

— Душка Черная Нелл! Эта женщина понимает, что нужно мужчине. На редкость заботливое создание.

— Вы ведь Этельберт Клип, верно?

— Он самый, — игриво молвил Клип. — Друзья зовут меня Этель. Да не стойте вы там на самом холоде. Входите, входите.

— Тут со мной Рози, — сказал Адриан.

— Рози? Уж не хотите ли вы сказать, что вам достало дурного вкуса привести с собой *женщину*?

— Нет-нет. — Адриан указал рукой. — Вот она, Рози.

Этельберт Клип выглянул из двери наружу, и неизменно вежливая Рози, подняв вверх хобот, издала фальцетный трубный звук. На что Этельберт Клип немедленно откликнулся почти таким же по тональности удивленным возгласом и отступил в прихожую.

— Что это? — шепотом спросил он Адриана.

— Это Рози. Моя слониха.

Этельберт Клип прижал к груди унизанные кольцами тонкие пальцы, точно боясь сердечного приступа.

— Это — *мне*, дружище? Если так, то хотя я потрясен вашим великодушием, вынужден, увы, отказаться от столь *щедрого* дара.

— Нет-нет. Позвольте только мне войти, и я все объясню, — сказал Адриан.

Стреножив Рози, он вошел в обитель Клипа.

Дом состоял из одной большой комнаты. В дальнем ее конце лестница вела на полати, где за осмотрительно задернутыми ситцевыми занавесками помещалась спальня Этельберта. В комнате было множество украшенных салфеточками кресел и шатких столиков, где под стеклянными колпаками стояли потертые птичьи чучела и прочие дорогие сердцу Этельберта Клипа вещицы, так что казалось невозможным сделать лишний шаг без риска что-нибудь опрокинуть. Видимо, хозяин за годы развил в себе качества вроде тех, что присущи летучим мышам. Непридуманно огибая свои безделушки, он порхнул к дивану, сел и похлопал рукой по подушке рядом с собой.

— Сюда, дружище, садитесь и рассказывайте, — пригласил он.

Осторожно пробравшись сквозь лес финтифлюшек, Адриан опустился в кресло на почтительном расстоянии от Этельберта Клипа.

— Так вот, — начал он, — дело в том...

— Э, погодите, — Клип поднял вверх длинный указательный палец. — Сперва следует подкрепиться.

Он скрылся за японской ширмой с огромными драконами, страдающими, по видимости, болезнью щитовидной железы, и тут же появился вновь, держа в руках графин

и два бокала. Наполнив бокал для Адриана, вручил ему и погладил его по щеке.

— Итак,— сказал он, садясь на диван.

Адриан понюхал напиток. Вроде бы неопасный...

— Собственная настойка, дружище,— сообщил Этельберт Клип.— Каждый год собираю бузину на мысу. *Потрясающе* питательная. Ну давайте, рассказывайте. Уверен, увлекательнейшая история.

Адриан поведал ему о своих приключениях, и лучшего слушателя нельзя было пожелать. Глаза Этельберта Клипа становились все круглее, и время от времени он нервно хихикал, точно школьница, совершенно забыв о бокале, который держал в руке.

— Дружище,— сказал он, когда Адриан закончил повествование,— *восхитительная* история.

— Возможно,— горько произнес Адриан,— для того, кто слушает, но только не для того, кто это пережил. Как бы то ни было, Черная Нелл велела мне рассказать все вам и положиться на ваш совет.

— И *не только* по этому поводу, надеюсь,— лукаво заметил Клип.— Однако дайте подумать, дайте подумать.

Он выпил настойку, извлек откуда-то из-под джемпера узорчатый вязаный колпак с длинной шелковой кисточкой, натянул его на свою шевелюру и откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

— Понимаете...— начал было Адриан.

— Тс-с-с,— остановил его Клип, не открывая глаз.

Минут пять Адриан сидел, потягивая настойку и глядя на Клипа, словно погрузившегося в транс. Уж не ошиблась ли Черная Нелл, направляя его к этому необычному человечку?... Как бы к прежним бедам не добавились новые...

— Есть! — внезапно воскликнул Клип, снимая с головы колпак и засовывая его обратно за пазуху.— Там, в городе, дружище, есть театр. Весьма шикарное заведение, по правде говоря. Понимаете, у нас тут образуется, можно сказать, настоящий *курорт*.

Почему-то Этельберта Клипа передернуло от этой мысли, и он налил себе еще настойки, прежде чем продолжать.

— Поверьте, дружище, становится просто невыносимо смотреть на все эти отвратительные краснорожие ватаги, которые устраивают набеги на Скэллоп.

— Понимаю, — сказал Адриан, — а что вы там говорили про театр?

— Так вот, его совсем недавно построил некий Эммануил С. Клеттеркап, тупой мерзкий тип, который большую часть жизни занимался тем, что надувал простых людей, а теперь вот решил, что пришло время насаждать культуру среди своих незадачливых жертв. Естественно, с выгодой для себя.

Он глотнул вина и посмотрел, улыбаясь, на Адриана.

— Но какое отношение все это имеет ко мне? — спросил Адриан.

— Не спешите. Возможно, вы подумали, что почтеннейший Клеттеркап, потратившись на строительство театра, дабы сеять разумное, доброе, вечное, изберет для первого приношения на алтарь культуры нечто такое, в чем посчитал бы честью проявить свой дар профессиональный трагик вроде меня? Например, «Отелло» — я неподобен в роли Дездемоны.

— Охотно верю, — сказал Адриан.

— Или «Ромео и Джульетта». Все говорили, что Джульетта — одна из моих лучших ролей. К тому же труппа сэкономила на этом немало денег, поскольку при моем незначительном весе отпадала надобность укреплять балкон. Но этот пошляк Клеттеркап задумал открыть сезон — только подумать! — спектаклем «Али-Баба и сорок разбойников».

— А что, — заметил Адриан, — для отдыхающих на курорте лучшего начала сезона не придумаешь. Веселое, яркое представление...

— Милейший и дражайший Адриан, — Клип зажмурился, как от боли, — можно, я перейду на «ты»? Культура и увеселения — отнюдь не синонимы, между ними огромная разница.

— Боюсь, я не очень-то разбираюсь в этих вещах, — ответил Адриан. — Просто я подумал, что такой спектакль может понравиться детям. И я все еще не понимаю, что это даст мне?

— Пойми, этот кретин Клеттеркап — такой же альтруист, как стая стервятников. Теперь представь себе, что ты уговоришь его использовать в спектакле Розы и она будет пользоваться успехом. Если ты после этого предложишь ему свои пятьсот фунтов — или то, что от них осталось, — уверен, он охотно избавит тебя от слоники.

— В самом деле! — обрадовался Адриан. — Отличная идея.

— Других здесь не бывает, дружище, — заверил его Клип. — А теперь предлагаю тебе переночевать у меня, а завтра я отведу тебя к Клеттеркапу.

— Чудесно, — отозвался Адриан. — Огромное вам спасибо.

— Я сам, — Этельберт смущенно порозовел, — участвую в этом спектакле. Не скажу, чтобы я гордился своей ролью, но, дружище, надо же как-то жить.

Адриан и Этельберт отвели Розу в пристройку, где готовилась настойка Клипа, но сперва, разумеется, оттуда было удалено все, содержащее хоть каплю алкоголя.

Вернувшись в дом, Этельберт отдернул занавески на полатах, и Адриан увидел огромную двуспальную кровать под балдахинном и простейшие деревянные нары напротив нее.

— Выбирай, — предложил Клип. — Лично я всегда сплю на двуспальной.

— Спасибо, — сказал Адриан. — Гм-м... я сильно ворочаюсь во сне, так что лучше лягу на нарах.

— Как скажешь, — весело отозвался Этельберт. — Как скажешь.

Засыпая, Адриан говорил себе, что не скоро забудет зрелище Этельберта Клипа в длинной белой ночной рубашке, японском кимоно и колпаке с кисточкой...

Проснувшись утром, он обнаружил, что Этельберт уже встал и успел приготовить плотный завтрак. На столе стояла огромная кастрюля, в которой булькала овсянка с сахаром и сметаной, рядом на большом блюде были разложены коричневый и хрусткий, как осенние листья, бекон с яичницей и купающиеся в черном соке широкие зонтики грибов.

— Всегда почитал целесообразным начинать день сытным завтраком, — серьезно сообщил Этельберт. — Человек искусства обязан считаться с тем, что подлинное вживание в образ требует огромных физических и духовных усилий.

— Кстати, — поинтересовался Адриан, уписывая яичницу с беконом, — какую роль вы исполняете?

— Одну из невольниц в гареме султана, — невозмутимо поведал Этельберт. — Очень даже трудная роль.

Когда они управились с завтраком и вымыли посуду, Этельберт облачился в плащ-накидку с капюшоном и фуражку с широченным козырьком. После чего они запрягли в двуколку Розы и отправились в город.

Вид театра поразил Адриана. Этельберт говорил, что здание большое, но Адриан не ожидал увидеть таких размеров, а фасад с его дорическими колоннами, аркбутанами и готическими окнами позволял заключить, что архитектором был явно сам мистер Клеттеркап.

— Видишь! — торжествуя произнес Этельберт, глядя на удивленного Адриана. — Дружище, от такого театра и в столице не отказались бы. А еще скажу тебе по секрету...

Он поглядел по сторонам украдкой. Поблизости, кроме Розы, не было никого, и Этельберт Клип, наклонясь, прошептал на ухо Адриану:

— В этом театре вращающаяся сцена!

Сказал и отступил, проверяя, какое впечатление произвели его слова.

— Вращающаяся сцена? — повторил Адриан. — Этот человек, должно быть, безумец.

— Точно, дружище. Но никто не должен знать. Мы собираемся поразить зрителей в день первого представления, так что никому не говори.

— Не скажу, — пообещал Адриан. — Но все равно он безумец. Это же, наверно, стоило огромных денег.

— Перед тобой, — Клип указал на возвышающееся перед ними архитектурное сооружение, — последнее великое творение Клеттеркапа. Памятник, который он воздвиг себе, чтобы войти в историю. А теперь, дружище, подожди здесь вместе с Розы, а я пойду и поговорю с ним.

Около получаса Адриан и Розы терпеливо ждали на улице, наконец из театра выпорхнул Этельберт, сопровождаемый коротконогим толстым человеком, костюм которого являл странное сочетание визитки и полосатых брюк.

— Адриан, — сказал Этельберт, — познакомься: Эммануил С. Клеттеркап, наш ментор.

— Привет, — поздоровался ментор, — как дела?

— Отлично, большое спасибо, — ответил Адриан.

Они обменялись рукопожатием.

— Я понял так, что вы ищете работу,— сказал Клеттеркап, нервно поглядывая на Рози.

— Ну да, если это возможно,— подтвердил Адриан.— Я подумал, раз вы ставите «Али-Бабу», вам нужен восточный колорит, а Рози приучена к нарядным попонам и всему такому прочему.

— Так-так,— сказал Клеттеркап,— она ведь, кажется, из этого... Э... родом оттуда, откуда...

— Она ведет себя образцово,— позволил себе Адриан малость приукрасить,— и я уверен, что Рози придаст нашему спектаклю нечто.

— *Же не сзз ква?* — предположил Этельберт.

— Это еще что такое? — подозрительно осведомился Клеттеркап.

— Это по-французски: сам не знаю что.

— Чего это ты не знаешь?

— Да нет, я перевел тебе французское выражение: сам не знаю что.

Клеттеркап с минуту тупо смотрел на Клипа.

— Несешь черт знает что,— молвил он наконец.

— Иные семена пали на каменистую почву,— сказал Клип, воздев очи к небесам.

— Ну ладно,— обратился Клеттеркап к Адриану,— сколько вы хотите получать? Эти культурные мероприятия обходятся дорого. Я не печатаю деньги, понятно?

— Ну, я мог бы довольствоваться скромным жалованьем, чтобы хватило на прокорм себе и Рози,— ответил Адриан.

— И, конечно, театр предоставит убранство для слонихи,— добавил Этельберт.

Клеттеркап закурил большую сигару и укрылся за облаками едкого дыма, размышляя.

— И сколько же стоит ее прокормить? — спросил он наконец, указывая большим пальцем на Рози.

— Ну... порядочно,— признался Адриан.

— Ладно, вот что я решил,— заключил Клеттеркап,— решил по справедливости — я плачу за ваш прокорм, а там посмотрим. Если выступите успешно, возобновим переговоры.

— Прекрасно,— отозвался Адриан,— меня это вполне устраивает.

— Жду вас на репетицию в два часа,— распорядился Клеттеркап.

— Отлично, — ответил Адриан. — Непременно приду.

— Ол-райт, — заключил Клеттеркап. — Действуйте.

И, повернувшись кругом, он вернулся к себе в театр.

— *Дружище!* — воскликнул Этельберт. — Это же замечательно! А теперь пошли домой ко мне и отметим это событие, а потом придем сюда пораньше, чтобы я мог поводить тебя по театру.

Глава пятнадцатая РЕПЕТИЦИЯ

Отметив в доме Этельберта событие скромным угощением (яблоки для Розы, бузинная настойка для мужчин), под вдохновенное исполнение Клипом на тубе старинной, как он уверял, ирландской баллады «Будь я черным дроздом», они еще подкрепились и поспешили обратно в город.

Розы привязали в большом сарае за театром, где хранились декорации, и, снабдив ее сеном и кормовой свеклой, направились в главное здание.

— Мне в жизни не доводилось бывать за кулисами, — сообщил Адриан.

— В самом деле, дружище? — отозвался Этельберт. — А зря. Пошли, я все тебе покажу.

С этими словами он растворился в темноте, затем Адриан услышал, как щелкают выключатели, и внезапно глазам его, переливаясь красками, будто свадебный торт, предстал во всем своем фанерном великолепии дворец султана. Повернувшись лицом к сцене, Адриан увидел окутанный полумраком зрительный зал, где смутно различались ряды кресел и ложи. С удивлением рассматривал он

подвешенные высоко над полукругом просцениума, невидимые для зрителя элементы декораций, ожидающие, когда рабочие опустят их на положенные места.

— Вот это, — встав на цыпочки и исполнив маленький пируэт, показал Адриану Этельберт, — и есть вращающаяся сцена. На ней установлены три декорации. — Нажал на вон те рычаги, и выезжает та, которая нужна сейчас. Сберегает массу времени и сил.

— Замечательно, — сказал Адриан.

— Идем дальше, дружище, — позвал Этельберт.

Порхнув к выключателям и погрузив дворец султана обратно в пыльный сумрак, он юркнул куда-то за кулисы, и Адриан поспешил за ним.

За кулисами они очутились в длинном узком коридоре с дверями по обе стороны.

— Здесь, — сообщил Этельберт, картинно прислонясь к одной из дверей, — находится моя гримерная.

Небольшая карточка на двери поразила Адриана надписью «ЭТЕЛЬБЕРТ КЛИП — ГЛАВНАЯ ЖЕНА СУЛТАНА». Следуя за Этельбертом, он вошел в не блестящую чистотой комнатуху, одну стену которой почти целиком занимало освещенное газовыми лампами большое зеркало. В углу стоял шкаф, и приоткрытая дверца позволила Адриану рассмотреть набор экзотических восточных одеяний и прозрачных вуалей.

Напротив зеркала на кушетке возлежала могучего телосложения рыжеволосая женщина, облаченная (что сразу бросалось в глаза) в один только украшенный страусовыми перьями ветхий пеньюар. Ее поза напоминала каменные скульптуры, венчающие средневековые склепы, однако руки женщины вместо какого-нибудь религиозного символа сжимали полупустую бутылку джина. По-своему женственный храп ее звучал громко и ритмично.

— *О Господи*, — вымолвил Этельберт, — опять...

Порхнув к кушетке, он извлек бутылку из крепкой хватки живой скульптуры и легонько похлопал последнюю по щекам.

— Гонория, дорогая *Гонория*, — воззвал он, — проснись, умоляю.

Рыжеволосая леди поежилась и пробормотала что-то нехорошее.

— Это — Гонория, — сообщил Этельберт, оглянувшись на Адриана. — Гонория Лузстрайф. Исполняет ведущую роль юноши.

— Юноши?

— Ну да, — ответил Этельберт. — Великолепная актриса. Адриан опустился на стул, пристально глядя на Этельберта.

— Объясните, пожалуйста. *Вы* играете роль любимой жены султана, а *она*, — он указал на Гонорию, выставившую напоказ внушительный бюст жемчужного цвета, — *она* исполняет ведущую роль *юноши*?

— Разумеется, — подтвердил Этельберт. — Глупенький, так заведено в пантомимах.

— О, — отозвался Адриан. — Только мне это показалось странным.

— Скоро перестанешь удивляться, — заверил его Этельберт. — Это всего лишь вопрос привычки.

Подойдя к столику, на котором стояли таз и кувшин с водой, он намочил большое полотенце и стал приводить в чувство Гонорию.

— Бр-рьсь. Оштавь покое, — пробурчала она.

Этельберт Клип выжал полотенце над лицом Гонории и повернулся к Адриану.

— Такая чудная девочка, — сообщил он. — Вот только, как бы это сказать, склонна прибегать к стимуляторам.

— Вижу, — заметил Адриан. — Совсем как Роза.

Гонория с трудом приняла сидячее положение и устали на них мутный взгляд. При этом пеньюар ее сдвинулся настолько, что Адриан смущенно отвел глаза.

— Так-то, — сказал Этельберт. — Теперь тебе лучше?

— Нет, — ответила Гонория скорбным контральто, чем-то напоминающим наиболее низкие ноты тубы Этельберта Клипа. — Мне плохо... очень плохо.

— Что ж, — философически произнес Этельберт, — джин на пустой желудок — не самая лучшая замена завтрака.

— Я никому не нужна, — мрачно возвестила Гонория, и, к великому испугу и замешательству Адриана, из глаз ее покатились по щекам, падая на пышный бюст, огромные слезы.

— Очень даже нужна, любовь моя, — заверил Этельберт. — Все тебя просто обожают.

— Неправда,— всхлипывала Гонория.— Они завидуют мне, моему мастерству.

Этельберт вздохнул и воздел очи к небесам.

— Адриан,— сказал он.— Будь другом, пройди к служебному входу, принеси Гонории чашку чаю. Ей станет полегче.

— Ничто,— высокопарно возгласила Гонория, прижимая в драматическом жесте одну руку ко лбу, другую к груди,— ничто, одна лишь *смерть* способна принести мне облегчение.

При этом ее пеньюар совсем сполз с плеч, и Адриан поспешил удалиться, пока пухлое тело Гонории не обнажилось совершенно. У служебного входа в застекленной будке, в окружении множества ключей сидел гномик с роскошными бакенбардами, у которого Адриану удалось выпросить большую кружку чая.

Вернувшись в гримерную Этельберта, он с удивлением обнаружил, что от хмельного уныния Гонории не осталось и следа. Она каталась по кушетке, заливаясь смехом, явно вызванным какой-то шуткой Этельберта.

— О Господи,— вымолвила Гонория, садясь и вытирая слезы,— ты просто *несносен*, Этельберт, честное слово.

— Долой тоску,— отозвался он, вручая ей кружку.

Гонория сделала глоток и смерила Адриана оценивающим взором, потом завернулась поплотнее в пеньюар и приняла величественную позу.

— Кто это? — спросила она.

— Адриан,— сообщил Этельберт.— Он будет участвовать в спектакле вместе со своим слоном.

— Разрази меня гром! — рявкнула Гонория так, что Адриан невольно вздрогнул.— Только слона нам еще не хватало. Уже половина моих лучших реплик заглушается дурацким звоном цимбал, которые зачем-то понадобились этому Клеттеркапу. Оркестр нарочно играет не в лад, чтобы испортить мои лучшие сольные номера, а теперь по сцене еще будет топать слон, украшая ее горами навоза.

— Ничего подобного,— заверил ее Этельберт,— это очень *чистоплотное* животное.

— Между прочим,— сказал Адриан, до которого начало доходить, как следует укрощать капризную натуру Гонории,— когда мистер Клеттеркап нанимал меня, он заявил, будто у него такая выдающаяся исполнительница ведущей

роли юноши, что только самый лучший... э... самый лучший...

— Реквизит,— подсказал Этельберт.

— Вот именно, самый лучший реквизит может соответствовать ее таланту.

Гонория округлила глаза.

— Правда? Он так сказал? — спросила она.

— Ну да.— Адриан чуть порозовел.

— Успех,— вздохнула Гонория.— Наконец-то признание. Разумеется, вы можете приводить своего слона, дружище.

Она грациозно кивнула Адриану.

— Спасибо,— отозвался он.

— И я обещаю содействовать тому, чтобы он достойно смотрелся на сцене,— сказала Гонория.

— Большое спасибо,— повторил Адриан, спрашивая себя, способна ли вообще даже такая темпераментная особа, как Гонория, при всем желании оттеснить Розы на задний план.

— Ну ладно, пошли,— вступил Этельберт.— Пора нам потолковать со стариной Клеттеркапом и выяснить, какая роль отводится тебе и Розы.

Остаток дня был, мягко выражаясь, утомительным. Как постановщик мистер Клеттеркап явно крайне смутно представлял себе, что годится и что не годится для сцены, и чем больше он шумел, и бесновался, и рвал на себе волосы, тем все только хуже запутывалось. В гареме султана началась потасовка, когда выяснилось, что по замыслу Клеттеркапа половине невольниц надлежало стоять за решетчатой конструкцией восточного типа, где они были бы скрыты от зрителей. Люди, выходящие направо, сталкивались с людьми, входящими справа, и под конец все до того сбилось с толку, что исполнительница ведущей роли девушки (хрупкое создание с пушистой шевелюрой, хотя и не состоящее в родстве с мистером Клеттеркапом, но запросто обращавшееся с ним) то и дело впадала в истерику и принималась по ошибке петь арии исполнительницы ведущей роли юноши. Естественно, Гонория отвечала на это роскошными припадками, и в конце концов на сцене началось такое, что Клеттеркап был вынужден разрешить всем на десять минут удалиться в гримерные, чтобы привести себя в порядок.

Пока длился короткий перерыв, Клеттеркап вызвал на сцену Адриана.

— Так, парень, — сказал он, — шагай за мной. Вот это, видишь, дворец султана.

Пройдя через размалеванные декорации за дворцом, он вошел на соседний сектор сцены, где в окружении сутулых пальм стояло нечто, изображающее скалу. Мистер Клеттеркап объяснил Адриану, что в этой скале помещался вход в пещеру Али-Бабы.

— Сейчас я покажу, как это все происходит, — гордо возвестил он. — Али-Баба стоит здесь, понял? Он нажимает вот эту кнопку в полу, понял, и говорит: «Сезам, откройся!»

Мистер Клеттеркап нажал ногой кнопку. Скала никак не реагировала.

— Где этот реквизитор, черт бы его побрал? — взревел мистер Клеттеркап. — Скажите ему, чтобы заставил эту проклятую пещеру открываться.

Явился всполошенный реквизитор и, повозившись с разными тросиками, заставил скалу с жутким скрежетом и скрипом открываться. Клеттеркап, хрипло дыша, вошел внутрь, и они с Адрианом очутились среди декораций, изображающих пещеру. Здесь стояли набитые «драгоценностями» большие деревянные сундуки и, разумеется, сорок огромных сосудов для заточения разбойников.

— Вот так, — сказал мистер Клеттеркап. — Видишь, парень, я не поскупился на расходы.

— Вижу, — подтвердил Адриан. — Очень впечатляет.

— А теперь, — Клеттеркап отвел его обратно к дворцу султана, — поговорим о том, что делаешь ты со своим зверем. Это связано с первым выходом султана. Твой слон должен войти вот сюда, проследовать *вон туда* и остановиться там. Естественно, слон будет запряжен в колесницу, в которой будет сидеть султан.

— Простите, — вступил Адриан, — может быть, султану лучше сидеть в паланкине?

— Это еще что за штука? — подозрительно осведомился мистер Клеттеркап.

— Ну это такие носилки, их помещают на спине слона.

— Нет, — неохотно молвил Клеттеркап, поразмыслив. — Наш султан — лучший баритон в этих краях. Если он упадет и сломает ногу или повредит еще что-нибудь, все сорвется. Нет, пусть будет колесница.

— Значит, я должен провести Рози через сцену вон туда? — постарался уточнить Адриан.

— Ничего подобного, — ответил Клеттеркап. — Ты не поведешь слона, его будет погонять султан.

— Но я не уверен, что Рози станет слушаться султана. Понимаете, она привыкла исполнять только мои команды.

— Трудности, — с горечью произнес мистер Клеттеркап. — С этим чертовым спектаклем у меня сплошные осложнения. Но я не желаю, чтобы *ты* шествовал через всю сцену. Может быть, займешь место вон там и позовешь ее?

— Судя по тому, как прошла репетиция, она вряд ли меня услышит.

— Будь я *проклят*, — изрек Клеттеркап.

С минуту он мерил шагами сцену, бросая свирепые взгляды на дворец султана.

— Нашел, черт побери, — торжествующе произнес он. — Мы поставим вот здесь еще одну позолоченную колонну. Полую колонну, понял, и ты будешь стоять внутри. Сделаем в колонне дырку, смотровое отверстие, так сказать, через него ты сможешь отдавать команды своему зверю. Понял?

— Э... да, — нерешительно молвил Адриан. — Пожалуй, это подойдет...

Он еще живо помнил, что произошло в Феннелтри-Холл, и был отнюдь не уверен в удачном исходе такого маневра.

— Вы не против, чтобы мы сперва попробовали, что получится? — спросил он.

— Конечно, проверим, — ответил Клеттеркап. — Без репетиций нельзя. Я прикажу живо изготовить колонну, и посмотрим.

Полчаса спустя к дворцу султана добавилась толстая нарядная колонна. Рози, впряженная в маленькую тележку, ждала за кулисами, Адриан, затаив дыхание, стоял внутри колонны, ожидая сигнала. И как только затихли звуки увертюры и толпа, обратившись лицом к кулисам, дружно закричала: «Султан, султан!» — чтобы зрители, не дай Бог, не подумали, что сейчас появится какой-нибудь замухрышка, Адриан прошипел в дырку: «Пошла, Рози».

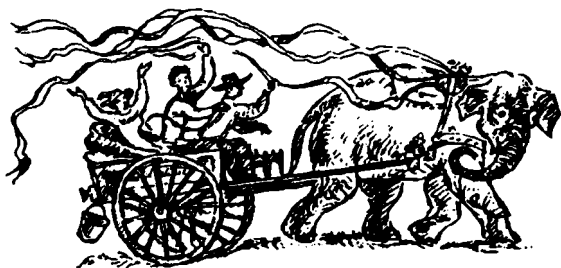
Рози хлопнула ушами, радостно взвизгнула и затопала на сцену. Она знала, где стоит Адриан — сама видела,

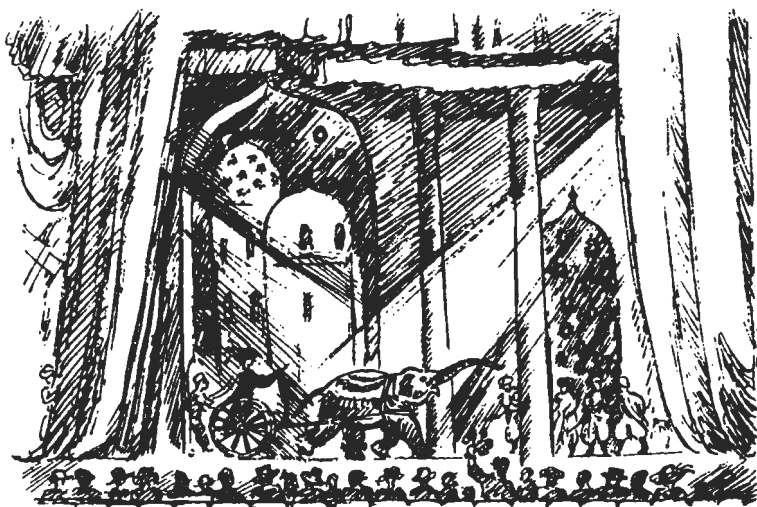
как он туда прошел,— и слышала его голос. И, подойдя к колонне, нежно погладила ее хоботом.

— Стоять,— прошипел Адриан.

Рози послушалась, продолжая хлопать ушами и с удовольствием разглядывая ярко освещенную сцену. К великому удивлению Адриана, репетиция дальше прошла без сучка без задоринки, и Клеттеркап был так доволен выступлением Рози, что дал Адриану сигару.

В отличном настроении Рози, Адриан, Этельберт и Гонория направились через дюны домой, и, рассказав Рози, какая она молодчина, накормив ее и позволив выпить кружку пива, троица вошла в дом, где отлично повеселилась при помощи бузиновой настойки, джина, устриц, яиц ржанки и ведерка крупных розовых креветок. Было уже за полночь, когда они легли спать, но *сперва* Гонория, сопровождаемая Этельбертом, в четвертый раз спела: «Мне снилось, что я сплю в мраморных покоях».

Глава шестнадцатая **ПРЕМЬЕРА**

Последующие три дня были целиком заняты репетициями, и настроение Адриана заметно поднялось, поскольку вопреки его ожиданиям Роза вела себя образцово. Больше того, временами из всех актеров (виной тому была не совсем обычная методика режиссуры мистера Клеттеркапа) только она точно знала, что надлежит делать на сцене.

Гонория прониклась глубокой, немеркнувшей симпатией к Розе, уверяя в приступках слезливого настроения, что лишь она по-настоящему понимает ее; прилежно потчевала слониху сахаром и рассказывала ей о своих былых невзгодах.

Наконец настал день премьеры; в театре царил небывалое оживление. Вечером Этельберт, Гонория и Адриан собрались в гримерной, ожидая своих выходов. Гонория с самого утра прикладывалась к бутылке в честь, как она говорила, премьеры. Этельберт заметил, что премьера еще не состоялась и может вовсе не состояться, если Гонория накроется, на что она, выпрямившись во весь рост, возразила:

— Знаю, что премьера еще не состоялась, но главное — заранее настроиться.

В украшенном блестками костюме Али-Бабы и сбившемся набекрень тюрбане, она расположилась на кушетке, прихлебывая джин из новой бутылки.

— Гонория, *дорогая*, — взмолился Этельберт. — Не надо пить, это может отразиться на твоей игре.

— Ничто и никогда, — возразила Гонория, подавляя отрыжку, — еще не отражалось на моей игре.

— И не забудь, — продолжал Этельберт, — ты не повторила свою роль.

— Ерунда, — с великим презрением молвила Гонория, — подлинные артисты обходятся без этого, импровизируют по ходу действия.

Она поднесла бутылку ко рту, и послышалось мелодичное бульканье.

— Пойду-ка лучше посмотрю, как там Роза, — сказал Адриан. — Возможно, она тоже волнуется перед премьерой.

— Дружище, не нервничай хоть ты, — заметил Этельберт. — Тебе-то что — *ты* будешь стоять внутри колонны.

— Верно, — отозвался Адриан, — но я все равно волнуюсь.

— Скоро наш выход, — напомнил Этельберт. — Будь другом, прикрепи драгоценный камень на мой пупок. У самого не получается, очень уж щекотно.

Адриан торжественно прилепил большой сверкающий «драгоценный камень» клеем к пупку Этельберта.

— Есть, — сказал он. — А теперь пойду проверю, как там Роза.

— Я пойду проверю Роза, — возвестила Гонория, не совсем уверенно поднимаясь на ноги. — Как-никак мы с ней ведущие актеры в этом спектакле.

Слегка пошатываясь, она покинула гримерную и затворила за собой дверь.

— Думаешь, она справится? — спросил Адриан.

— Запросто, — ответил Этельберт. — Пока еще хоть немного соображает, все будет в порядке. Как ты думаешь, мне идет эта чадра?

Адриан внимательно посмотрел на чадру.

— В каком смысле — идет? — осторожно справился он.

Этельберт смущенно порозовел.

— Ну, с ней я выгляжу более привлекательно, так сказать?

— В общем,— произнес Адриан осмотрительно,— для зрителей ты, несомненно, будешь выглядеть более привлекательно.

Этельберт продолжал рисоваться перед ним в своем экзотическом костюме; внезапно Адриан снова вспомнил про Рози.

— Что-то Гонория долго не возвращается,— заметил он.

— Наверно, проверяет, как Рози нравится ее выходная ария,— предположил Этельберт, добавляя теней на и без того щедро раскрашенные веки.

— Пойду-ка лучше проверю,— сказал Адриан.— Как-никак наш выход через десять минут, и я должен убедиться, что Рози не съела свое облачение или не натворила еще что-нибудь.

Покинув Этельберта, он проследовал через грязные пыльные коридоры к просторному сараю за театром, где среди выцветших декораций обитала Рози. Здесь он увидел Гонорию — сидя на охапке сена, она мягко пела переливчатым контральто:

Она — моя слониха, моя сло-сло-слониха,
Она не потеряется на сцене,
Она — наша царица, другой не признаем...

Плавнo покачиваясь, Рози восхищенно слушала пение Гонории, и хобот ее нежно сжимал пустую бутылку из-под джина.

— Гонория! — в ужасе вскричал Адриан.— Неужели ты дала ей выпить джина?

— Привет, Адриан,— отозвалась Гонория с чарующей улыбкой.— Что, нам уже пора выходить?

— Ты дала Рози выпить джина? — рявкнул Адриан.

— Две капли по случаю праздника,— сообщила Гонория.— Столовую ложку, как говорят французы.

— Но ты ведь знаешь, как на нее действует алкоголь,— сокрушенно произнес Адриан.— Сколько она выпила?

Вывхватив у Рози бутылку, он поднес ее к глазам Гонории. Та смерила бутылку мутным взором.

— Маленький глоточек, — невнятно молвила Гонория, отмеряя пальцем примерно половину. — Другого такого компа... компаней... прелестного собутыльника надо поискать.

Адриан обратил свой взгляд на Рози, и она улыбнулась ему, игриво взмахивая ушами и смущенно разворачивая и сворачивая хобот. Слониха выглядела вполне нормально, ничего похожего на то, какой она была в тот вечер, когда учинила страшный погром в Феннелтри-Холл. Может быть, Гонория выпила куда больше, чем он предполагал, и Рози в самом деле досталась только «столовая ложка».

— Ну-ка, пошли.

Взяв Рози за ухо, Адриан стал водить ее по кругу в сарае, проверяя, как она держится на ногах. Слониху не качало, и, если не считать озорной искры в глазах и некоторого своенравия, джин вроде бы не оказал на нее дурного влияния.

— Гонория, — сказал Адриан, — не пора ли тебе пройти за кулисы. Через минуту твой выход.

В сарай до них смутно доносились звуки исполняемого оркестром из трех престарелых музыкантов лихого марша, чьи заключительные ноты должны были служить сигналом к подъему занавеса. Гонория с третьей попытки поднялась на ноги и направилась к кулисам, сопровождаемая Адрианом и Рози. За кулисами Адриан увидел ожидающую Рози колесницу и султана.

— Эй, — воскликнул султан, — где вы запропалились, черт возьми?

— Извините, — отозвался Адриан, поспешно запрягая Рози.

— Думал, вы уже совсем не появитесь, — сказал султан и добавил, указывая пальцем на занавес: — Народу сегодня — тьма. Половина всего населения этого чертова острова собралась.

Он влез на колесницу.

— Нормально? — спросил Адриан.

— Полный порядок, — ответил султан.

Адриан пошел на сцену, чтобы занять свое место в колонне. Под последние нестройные звуки марша забрался внутрь и закрыл за собой дверцу. Тут же услышал, как шуршит, поднимаясь, занавес, и ощутил захлестнувшую

сцену волну зрительского воодушевления. Восторженные ахи, шорохи, покашливание, шевеление чем-то напомнили ему атмосферу ночного леса; четыре сотни зрителей плотными рядами сидели в темноте за оркестровой ямой, нетерпеливо ожидая начала представления.

Оркестр снова заиграл, и под дружные аплодисменты, напоминающие беглый огонь из мушкетов, Гонория, чуть покачиваясь, вышла на сцену и начала исполнять свою первую арию, окончание которой должно было служить сигналом для выхода Розы. Тем временем состояние нервозности у Адриана уступило место элементарной панике.

— Султан! Султан! — закричали на сцене, и Адриан фальцетом, напоминающим голос малюсенькой летучей мыши, пропищал: «Пошла, Розы!»

К великому его удивлению, Розы протопала через сцену к колонне столь же уверенно, как она это делала на репетициях. Реакция публики не заставила себя ждать. Громкое «а-ах!» девятым валом перекаатило через рампу. Восхищенная такой встречей, Розы подняла хобот и издала резкий трубный звук.

— Хорошая девочка, — сказал Адриан. — Теперь стой тихо.

Розы покорно остановилась, слегка покачиваясь. Время от времени она подносила хобот к смотровому отверстию в колонне и ласково дышала на него джином. Кульминация акта прошла благополучно, и Адриан облегченно вздохнул, потому что теперь сцена должна была повернуться, открывая зрителям новые декорации, после чего он мог уводить Розы за кулисы. Повторно появиться ей предстояло только в финале. Он вытер взмокший лоб. Сейчас Гонория произнесет заветные слова...

— И берегись моей любви, — зычным голосом обратилась она к подруге мистера Клеттеркапа. — Я отправляюсь за сокровищем, а когда вернусь, потребую твоей руки.

С этими словами Гонория направилась к выходу, одновременно сцена начала вращаться в ту же сторону, и, ощутив ее движение, Адриан понял, что это — конец. Ему ни разу не приходило в голову проверить, как Розы станет реагировать на вращение сцены. И вот теперь, очнувшись от хмельной задумчивости, она вдруг ощутила, что пол

уходит у нее из-под ног. Испуганно и не слишком громко взвизгнув, слониха сделала шаг-другой.

— Не шевелись, дуреха,— прошипел Адриан, однако сцена начала набирать скорость, и сбита с толку Роза решила не отставать от нее.

В итоге она стала быстро догонять Гонорию и настигла ее, когда та очутилась в центре следующей декорации. Султан, цепляясь в панике за края колесницы, уныло твердил: «Черт возьми, черт возьми, черт возьми...» — словно читал нараспев какую-то восточную молитву. Человечек, коему было поручено манипулировать рычагами, приводящими в движение всю махину, совершенно потерял голову при виде взбесившегося, как ему показалось, слона и дал обратный ход. Сцена закружилась в другую сторону, и Роза решила не отставать от нее. В итоге оглобли колесницы султана сломались, точно спички, а сама колесница, описав в воздухе короткую изящную дугу, приземлилась на человечка с рычагами. Тут уже все окончательно растерялись. Соприкосновение колесницы султана с рычагами явно повредило какой-то механизм, так что сцена вращалась все быстрее и быстрее, и Роза прибавила скорость. Вот пронеслась галопом через декорацию, изображающую пустыню, сшибая на ходу пальмы, вот ворвалась на восточный базар, опрокидывая прилавки, наконец промчалась через дворец султана, сокрушая решетчатые конструкции и колонну, где был заточен Адриан.

Гонория, в первую минуту приписавшая странные эволюции сцены количеству потребленного джина, теперь в испуге бросилась бежать навстречу вращению. Притихшая, замороженная публика могла насладиться созерцанием трех стремительно чередующихся декораций, среди которых Роза и Гонория ошалело бежали в противоположных направлениях. Адриан ухитрился выбраться из колонны и кинулся догонять Розу. Сцена, оправдывая старания своего творца, развила скорость около пятидесяти километров в час, так что отдельные части реквизита и декораций срывались с досок. Одного оркестранта ушибло пальмой, фрагменты дворца крушили базарные прилавки. Погоня Адриана за слонихой затруднялась тем, что он то и дело сталкивался с бегущей навстречу ему Гонорией, и, пока они

вновь поднимались на ноги, Роза успевала увеличить отрыв.

До сих пор парализованный яростью мистер Клеттеркап неподвижно стоял за кулисами, однако при виде того, как исполнительница главной мужской роли, Роза и Адриан затеяли нечто вроде бега на марафонскую дистанцию, он не выдержал, прыгнул на вращающуюся сцену и поймал на ходу Адриана.

— Останови слона! — заорал он.

— А я что пытаюсь сделать, черт возьми? — рывкнул Адриан и, оттолкнув Клеттеркапа, возобновил погоню за Розой.

Багровый от гнева мистер Клеттеркап, схватив какой-то обрубок, бывший частью дворца, ринулся в противоположную сторону и ударил встреченную им Розу по хоботу. Поступок, мягко выражаясь, неблагоразумный. Бедная Роза так старалась приспособиться к пришедшему вдруг в стремительное движение миру, а тут чужой человек бьет ее по хоботу, мешая сосредоточиться на чрезвычайно сложной задаче. Возмущенная посторонним вмешательством, она попросту схватила хоботом мистера Клеттеркапа и швырнула в оркестровую яму, где его внезапное появление вторично повергло в обморок дирижера, а заодно нанесло непоправимый ущерб большому барабану и тромбону.

Тем временем трое рабочих героически трудились над тем, чтобы освободить рычаги вращающего механизма от султана и его колесницы. В конце концов они добились успеха, однако в результате их благонамеренных стараний сцена стала вращаться еще быстрее, и забредшую на самый край Розу метнуло в воздух, словно диск из руки дискобола. К счастью, она полетела не на публику, а за кулисы, где полет ее остановили блоки, шкивы, тросы, драпировки и шесть светильников. Исчезновение Розы произошло так быстро и внезапно, что Адриан дважды пробежал через руины дворца, через базар и пустыню со скалой, прежде чем заметил, что ее нет на сцене. Совершив лихой прыжок за кулисы, он бросился искать слонику. Страшно было подумать, что в эту минуту, возможно, она буйствует на улицах города, и Адриан облегченно вздохнул, обнаружив Розу в сарае, где она, запыхавшись и вся дрожа, стояла, подняв хоботом пустую бутылку в надежде извлечь из

нее глоточек джина. Адриан бессильно опустился на сено и сжал голову двумя руками. Все пропало... До его слуха смутно доносились вопли зрителей и лязг неугомонных механизмов. Конец надеждам на то, что Роза пополнит труппу мистера Клеттеркапа; хуже того — к списку преступлений, совершенных им после того, как он унаследовал слонику, добавилось еще одно. Ах, если бы Сэмента была здесь, только она могла бы его утешить...

Неожиданно в сарае появился Этельберт. Он тяжело дышал, его чадра была разорвана, «драгоценный камень» исчез с пупка.

— Дружище, — вымолвил он, — *какая трагедия*. Я знаю, это не твоя вина, и наша дорогая Роза ни при чем, однако, боюсь, тебе нелегко будет убедить в этом Клеттеркапа. Он уже пришел в сознание, так что советую вам бежать.

— А что толку? — вяло произнес Адриан. — Куда бежать?..

— Дитя мое, — тревожно молвил Этельберт, — *не дури*. Уноси отсюда ноги, пока не поздно. Если немедленно отправишься в гавань, можешь еще застать «Куин» и уплыть на материк. О своих вещах не беспокойся, я пришлю их.

— Не вижу в этом смысла, — уныло сказал Адриан. — Лучше останусь здесь, пусть меня арестуют.

— Послушай, если себя не жаль, подумай хоть о Розе.

— С какой стати? — с горечью ответил Адриан. — Она хоть раз подумала обо мне?

— Ты хочешь, чтобы ее застрелили?

— Застрелили?! — испуганно воскликнул Адриан. — Неужели ты допускаешь, что ее застрелят? Разве она в чем-нибудь провинилась?

— А я говорю — застрелят! — сказал Этельберт драматическим тоном. — Завтра утром на рассвете расстреляют, если ты тотчас не уберешься вместе с ней.

— Но это несправедливо, — продолжал возражать Адриан. — Как будто она виновата...

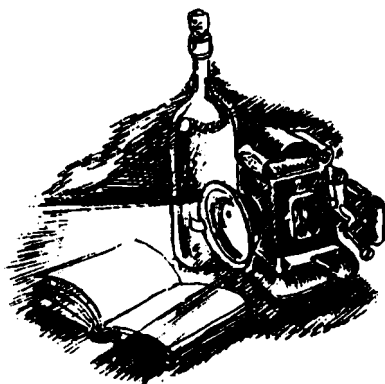
— Может, ты перестанешь спорить и быстренько уберешься отсюда? — перебил его Этельберт.

— Хорошо, — уступил Адриан.

Живо распахнув двери сарая, он схватил рукой теплое ухо Розы и потянул ее к выходу.

— Прощай, дорогой,— крикнул Этельберт, энергично махая рукой вслед убегающей паре.— Вещи пришлю, не беспокойся.

Оставив позади злополучный театр, где все еще царило столпотворение, Роза и Адриан устремились по пустынным улицам в гавань.

Глава семнадцатая РУКА ПРАВОСУДИЯ

Бурные события сделали свое, и по пути к пристани Розы основательно захмелела. Весело повизгивая, она ковыляла рядом с Адрианом, то и дело путаясь в собственных ногах. Все его помыслы были направлены на то, чтобы поскорее очутиться с ней на борту «Сплошпорт Куин», и он облегченно вздохнул, увидев, что паром еще не отчалил.

Привязав слониху к чугунной тумбе, он взбежал вверх по трапу и почти сразу натолкнулся на капитана.

— Ух ты, — сказал тот, попятившись, — замыслили новое покушение на мою жизнь?

— Нет-нет, — выдохнул Адриан. — Хочу только, чтобы вы отвезли меня и мою слониху обратно на материк.

— Недолго же вы задержались на острове.

— Верно. Для нас тут не нашлось никакого дела.

— Что ж, ведите слона, — сказал капитан. — Мы отчаливаем с минуты на минуту.

Адриан вернулся к Розе и провел ее по широкому трапу на уже знакомое место на носовой палубе. В эту ми-

нута с пристани его окликнул старший помощник капитана. Велев Рози стоять и не двигаться, он живо спустился, чтобы оплатить проезд. Лучшее бы он повременил с этим. Рози успела оправиться от пережитых на вращающейся сцене страхов, зато теперь на нее навалилась усталость, в чем был отчасти повинен и джин. Медленно топая по палубе, слониха дошла до поручней и остановилась там, слегка покачиваясь и издавая тихие мелодичные звуки. Потом вдруг повернулась, намереваясь спуститься на пристань в поисках Адриана, однако ноги плохо слушались Рози, и она поскользнулась, да так, что упала на поручни, в принципе достаточно прочные, но все же не рассчитанные на многотонную нагрузку. В итоге бежавший обратно вверх по трапу Адриан ступил на палубу в тот самый миг, когда Рози рухнула вниз головой за борт «Сплошпорт Куин».словно пушечный выстрел раздался, когда она шлепнулась в воду, и в воздух взлетел фонтан брызг.

Конечно, Адриану по тому жуткому дню, когда они нагнали страх на охотников, было известно, что Рози любит воду, но одно дело мелкая река, совсем другое — пять саженей морской воды. Сбрасывая на ходу пиджак, он бросился к бреши в поручнях, готовый прыгнуть следом за слонихой, чтобы спасти ее. Лишь много позже до него дошло, что не так-то просто было бы это сделать, если бы Рози не умела плавать. Теперь же, уставившись вниз на темную морскую гладь, он увидел, что она всплыла и, подняв кверху хобот, направляется в открытое море. От такого зрелища ему стало ничуть не легче.

— Назад! — завопил Адриан. — Рози, вернись!

Однако Рози знай себе продолжала плыть к выходу из гавани. Ничего не поделаешь, сказал себе Адриан, придется все-таки ее спасти. Сделав глубокий вдох, он нырнул в покрытую нефтяной пленкой холодную воду и поплыл, отфыркиваясь, вдогонку за слонихой. Усиленно работая руками и ногами так, что казалось — легкие вот-вот разорвутся, он в конце концов настиг ее.

— Балда! — выдохнул Адриан в ухо Рози. — Ты плывешь не в ту сторону.

Обрадованная его появлением, Рози издала булькающий приветственный звук и нежно обняла Адриана хоботом за шею, отчего он ушел под воду. Освободившись от хобота, он вынырнул, тяжело дыша и отплеываясь.

— Чертова слониха! — выпалил Адриан, схватил Розу за краешек уха и, уподобившись маленькому буксиру, тянущему огромный океанский лайнер, ухитрился развернуть ее в сторону суши.

Две-три минуты спустя они причалили к ведущим на пристань ступенькам и с великим трудом стали подниматься вверх. До той поры в гавани было почти безлюдно, теперь же — как всегда, когда случается какое-нибудь происшествие — откуда ни возьмись на пристани столпилась куча народу. Особое место в этой толпе занимал воинственного вида дородный полицейский. В ту минуту, когда Адриан, все еще держась за ухо Розы, принялся выжимать воду из своей шевелюры, блюститель закона, заложив руки за спину и сверкая медными пуговицами, приблизился к нему.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— Добрый вечер, — отозвался Адриан, не совсем понимая, что в этом вечере доброго.

— Этот слон, — он ваш, сэр? — осведомился полицейский. — Или же вы спасали его, так сказать, по чьему-то поручению?

— Нет, он мой, — ответил Адриан.

— Так, — произнес полицейский, извлекая из кармана записную книжку и переворачивая страницы пальцем, обильно смоченным слюной. — Случайно, сэр, вы не мистер Адриан Руквисл?

— Это я, — покорно подтвердил Адриан.

— Так, — сказал полицейский с отеческой улыбкой. — В таком случае, сэр, может быть, вы не откажетесь проследовать со мной в участок. Необходимо кое-что выяснить. Как я понимаю, за этим вашим слоном числятся выдающиеся подвиги.

— Послушайте, сержант, — начал Адриан. — Я могу все объяснить.

— Ни слова! — выпалил вдруг чей-то резкий голос в толпе.

Испуганно оглянувшись, Адриан увидел, что команда исходила от круглого коротышки в поношенной визитке, в цилиндре, выглядящем так, словно по нему проехал тягловоз с телегой, мешковатых брюках и весьма преклонного возраста штиблетах с резинками и задранными вверх носками. Брюшко под визиткой облекал молескиновый жилет. Лицо украшали похожий цветом и фактурой на ма-

лину орлиный нос и ярко-синие глаза под косматыми сугробами седых бровей. Малый рост коротыша придавал ему сходство с карликом, усугубляемое пухлостью фигуры, однако он подошел к полицейскому с таким важным видом, что блюститель закона тотчас отступил на шаг и поднес, приветствуя, два пальца к шлему.

— Ни слова,— повторил коротыш, обращаясь к Адриану и предостерегающе подняв указательный палец.

Он держался так властно, что толпа, которая обменивалась какими-то замечаниями и посмеивалась, сразу притихла. Поправив цилиндр, коротыш громко шмыгнул носом. Видя, что его команда произвела требуемое действие, он явно был намерен извлечь максимум пользы из воцарившейся тишины.

Завершив манипуляции с цилиндром, он засунул пальцы в объемистый карман своего молескинового жилета и извлек оттуда большую, помятую оловянную табакерку. Роза приняла ее за что-то съедобное и протянула вперед хобот, приняхиваясь.

— Фу,— холодно произнес коротыш, устремив на Розу недобрый взгляд, и, к великому удивлению Адриана, она смущенно (насколько слоны вообще способны смущаться) убрала хобот.

Было очевидно, что магия этого человечка действовала на Розу так же, как на толпу. Тем временем он открыл табакерку, причем она протренькала несколько тактов британского гимна, аккуратно взял щепотку табака и поместил ее в ложбинку на кисти левой руки. После чего правой рукой закрыл табакерку и вернул ее в карман, а левую поднес к ноздре и втянул табак. Стояла мертвая тишина. Все, включая полицейского, увлеченно следили за происходящими маневрами. Коротыш сделал один вдох, второй, затем все тело его от кончиков ступней до макушки сотряс чудовищной силы чих, сопровождаемый резким всхлипом, который заставил всех, в том числе Розу, отступить на несколько шагов. Достав затем откуда-то огромный шелковый носовой платок, коротыш энергично высморкался, и раздавшемуся при этом трубному звуку позавидовал бы дикий слон. Платок был возвращен в карман, и владелец его снова поправил цилиндр, сбившийся набок от столь мощного чиха.

— Инспектор,— сказал коротыш, подняв косматые брови и глядя вверх на полицейского,— ныне вам выпала

большая честь наблюдать картину, за право лицеизреть которую многие отдали бы не один год своей жизни.

— Так точно, сэр,— отчеканил полицейский.— На самом деле я сержант, сэр.

— Все равно, в каком бы низком звании вы ни были, следует по достоинству оценить великий героический поступок, когда он совершается на ваших глазах.

— Так точно, сэр,— тупо произнес полицейский.

— В Писании сказано,— продолжал человек, сопровождающий свои слова ораторским жестом,— что мы властвуем над птицами небесными и над всяким животным на земле.

— Кажется, так, сэр.

— Не кажется, а точно. Это относится и к слонам.— Он обнял левой рукой мокрые плечи Адриана, а правой взмахнул так, будто готовился принять теннисный мяч.

— Друзья,— возвестил он,— сей доблестный молодой человек, движимый священным заветом Библии, решительно, не задумываясь о собственной безопасности, бросился в ревущую стихию волн, чтобы спасти одно из животных на земле.

Тот факт, что маслянистую гладь воды в гавани не морщила даже малая рябь, несколько не умалял силу его драматического заявления.

— Найдется ли среди вас мужчина,— говорил коротыш, обратясь к толпе, состоящей преимущественно из женщин,— хоть один мужчина, способный совершить подобный подвиг?

— Простите, сэр,— заметил полицейский,— я понимаю, что этот человек совершил отважный поступок, но дело в том, что он и его слон объявлены в розыск.

Коротыш развернулся, точно зобастый голубь, и синие глаза его сверкнули, будто два барвинка под коркой льда.

— Перед вами,— он тщательно поправил цилиндр,— перед вами сэр Магнус Рэмпинг Фьюмитори. Полагаю, вам по ходу вашей долгой правоохранительной практики доводилось слышать это имя.

— Так точно, сэр.— Полицейский уныло козырнул.— Я слышал о вас.

— Так вот, я желаю знать,— сказал сэр Магнус,— мерены ли вы арестовать этого молодого человека, героя морской пучины?

— В каком-то смысле — да, сэр,— ответил полицейский.— В общем, надлежит препроводить его и его слона

в участок, чтобы он там ответил на кое-какие вопросы. На основании поступившей жалобы.

Сэр Магнус мрачно усмехнулся.

— Какое изощренное глумление над языком Шекспира... Тем не менее я понимаю, старший сержант, что вы обязаны выполнять приказ, каким бы ошибочным он ни был, а потому разрешаю вам задержать сего юного героя и постараюсь даже защитить вас от гнева толпы. Ибо совершенно очевидно, что ее симпатии не на вашей стороне.

Завороженная толпа, не понимающая толком, как и положено толпе, что происходит, одобрительно заворчала. Сэр Магнус улыбнулся слушателям, как дирижер улыбается оркестрантам в конце особенно трудного пассажа, затем повернулся к Адриану.

— Мой мальчик, — сказал он. — Я лично провожу вас до участка, и, если вас арестуют и предъявят вам обвинение, если они настолько бесчеловечны и жестоки, что арестуют вас и предъявят обвинение, я, сэр Магнус Рэмпинг Фьюмитори, лично буду вашим защитником.

— Большое спасибо, — ответил совершенно растерявшийся Адриан, который не мог даже взять в толк, в самом ли деле он арестован.

— А теперь извольте последовать за мной, — распорядился полицейский. — В участке вы, во всяком случае, сможете получить чашку горячего чаю.

— Спасибо, — отозвался Адриан.

Он до того промерз, что даже арест его не пугал, если это сулило ему горячий чай.

— Не говорите ни слова, — напутствовал его сэр Магнус, — пока мы не придем в участок и не выясним, о каких там дурацких обвинениях идет речь.

Итак, Адриан снова взялся за ухо Розы и, сопровождаемый с одной стороны важно шествующим сэром Магнусом, с другой — грузно топающим полицейским, направился в участок; зеваки следовали за ними, перешептываясь и толкаясь.

Дойдя до участка, они с трудом и с помощью подкупа в виде нескольких батонов хлеба убедили Розы постоять во дворе. Внутри мрачного здания из красного кирпича Адриана принял начальник, обладатель мясистого свекольного лица и внушительных усов.

— Добрый вечер,— молвил он, уставившись на Адриана, словно добродушный морж.— Ваше имя — Адриан Руквисл?

— Да,— ответил Адриан.

— И советую вам больше ничего не признавать,— прошипел сэр Магнус.

— Так вот, сэр,— продолжал начальник.— Против вас выдвинут ряд обвинений, и я обязан предупредить, что все сказанное вами может быть запротоколировано и использовано против вас на суде.

Он помолчал и сделал грозное лицо.

— Вот эти обвинения. Двадцатого апреля в графстве Броклберри вы нарушили общественный порядок на лугу по соседству с Монксеппер-роуд, выпустив на волю большого дикого зверя и позволив сему зверю причинить серьезные телесные повреждения егермейстеру Губерту Дарси, далее, вечером пятого июня вы нарушили общественный порядок, выпустив на волю большого дикого зверя в общественном учреждении, а именно в театре «Альгамбра», и позволив ему причинить серьезные телесные повреждения мистеру Эммануилу С. Клеттеркапу, директору сего театра.

Начальник остановился, посмотрел на свои бумаги, потом поднял глаза на Адриана, приветливо улыбаясь.

— Пока что вроде бы все, сэр,— заключил он.

— Смехотворные сфабрикованные обвинения,— заявил сэр Магнус, снимая цилиндр и опуская его со стуком на стол начальника.— Не волнуйтесь, дружище, я быстро освобожу вас из ядовитой паутины, которой эти тупые невежды пытаются опутать вас и ваше благородное четвероногое.

— Боюсь, сэр,— невозмутимо произнес начальник,— мне придется взять вас под стражу, чтобы вы предстали перед судьей завтра утром.

— Хорошо, берите меня под стражу, но как быть с Рози? — возразил Адриан.

— Вы говорите о вашем слоне, сэр? Н-да, непростой вопрос. Понимаете, наши камеры для него маловаты.

— Ничего, она может постоять и на дворе,— сказал Адриан.— Если только ее накормят.

— Я позабочусь об этом,— отозвался начальник, взял лист бумаги, облизал кончик карандаша и вопросительно посмотрел на Адриана.— Итак, сэр, что она ест?

— Ну, если вы раздобудете полмешка кормовой свеклы или брюквы — вообще-то, она предпочитает свеклу, — хорошую охапку сена, полмешка яблок, полмешка моркови, полмешка хлеба...

Лицо начальника полиции посуровело.

— Вы случайно не насмехаетесь надо мной?

— Нет, что вы, — серьезно сказал Адриан. — У нее чудовищный аппетит.

— Хорошо. Я посмотрю, сэр, что можно будет сделать. А теперь позвольте мне увидеть, что у вас в карманах, сэр, и сверить со мной их содержимое. В свое время вам все будет возвращено.

Адриан опорожнил свои карманы, начальник сложил его имущество в большой коричневый конверт и запер в шкафу.

— А теперь, сэр, — произнес он, точно швейцар в роскошном отеле, — если вы последуете за мной, я покажу вам ваше пристанище.

Сэр Магнус протянул руку Адриану.

— Не волнуйтесь, дружище. Я приду завтра утром и прослежу, чтобы с вами обошлись справедливо. Смотрите на все это как на тягостный, но мимолетный сон.

— Я уже чувствую себя, будто в кошмарном сне, — мрачно заметил Адриан.

По кирпичному коридору он проследовал за начальником полиции к нишам, где помещались маленькие камеры, большинство из которых, судя по звукам и просачивающемуся из них запаху алкоголя, занимали обитатели, коих Роза сочла бы за честь числить среди своих друзей. Открыв одну из дверей, начальник ввел Адриана в крохотное беленое помещение с деревянными нарами и комодом с довольно неожиданными в такой обстановке, расписанными розовыми и синими цветочками, фарфоровыми тазом и кувшином.

— Пришли, сэр, — сказал начальник полиции. — Желаю вам хорошенько отдохнуть, а завтра утром увидимся вновь.

С этими словами он закрыл дверь и запер ее на засов. Освободившись от сырой одежды, Адриан улегся на узкие жесткие нары и уставился в потолок. Он не сомневался, что ему присудят не меньше года каторжных работ, но, как ни странно, не это беспокоило его, а что станет с Розы. Еще его мучило сознание, что он не увидит Сэмэнту

раньше, чем через год. И увидит ли вообще — к этому времени она куда-нибудь переедет или, хуже того, выйдет замуж за какого-нибудь неотесанного мужлана, неспособного оценить ее по достоинству.

Пребывая в камере в полном одиночестве, Адриан так ярко представил себе, чем все может обернуться, что его прошиб холодный пот. Вот суд приговаривает Розу к смертной казни, стучат каблуки взвода солдат, выделенного для приведения приговора в исполнение, они входят на двор за полицейским участком, раздается ружейный залп, обливающееся кровью тело Розы глухо шлепается на булыжник, меж тем как Сэмэнта неизбежно выходит замуж за ширококостного, волосатого, грубого деревенского парня, который каждую субботу вечером станет колотить ее, так что, если даже Адриан когда-либо ее отыщет, его взгляду предстанет жалкая тень былой Сэмэнты, и золотые искорки в ее очах погаснут. Учитывая богатое воображение Адриана, неудивительно, что он почти не сомкнул глаз за всю ночь.

Утром к нему явился плечистый сержант, неся кружку чая и ломоть черного хлеба, и Адриан обнаружил, что он не только голоден, но совершенно охрип.

— Как там Роза? — просипел он.

— За нее не тревожьтесь, сэр, — успокоил его полицейский. — Эта слониха своего не упустит. Начальник еле успевал ее кормить, чуть с ума не сошел. Отменный зверь, сэр.

— Пожалуй что так, в известном смысле, — согласился Адриан.

— Похоже, у вас с ней были какие-то проблемы.

— Да уж, — коротко ответил Адриан, не желая вновь все рассказывать. — Когда нам надо явиться в суд?

— В десять часов, сэр, — ответил полицейский.

— Скажите, вы не могли бы одолжить мне бритву? — спросил Адриан. — Я свою оставил где-то в спешке.

— Будет сделано, сэр, — сказал полицейский, выходя из камеры и запирая дверь.

Вскоре он вернулся с опасной бритвой. Проследив за тем, как Адриан умывался и брился, забрал ее и исчез.

«Теперь, — сказал себе Адриан, — следует продумать, как я стану защищаться». И он принялся лихорадочно мерить шагами камеру, иногда останавливаясь и энергично жестикулируя, чтобы убедить воображаемых безжалостных

присяжных, что он и Роза не совершили никакого преступления. Все же под конец он вынужден был признать, что его доводы, если вообще годилось это слово, звучат отнюдь не веско. Оставалось только положиться на сэра Магнуса. Судя по тому, с какой нескрываемой неприязнью на него смотрели полицейские, они хорошо его знали, и причиной неприязни были его успешные выступления в суде. Однако в данном деле, думалось Адриану, даже самому блестящему адвокату было бы трудновато доказать его невиновность.

В десять часов снова появился полицейский, зловеще позвякивая наручниками.

— Пора, сэр, — бодро возвестил он. — Тут совсем рядом, но если не возражаете, сэр, это чистая формальность, сэр, наденем эту штуку.

Адриан подставил левую руку, другое кольцо полицейский надел себе на правую.

— Вот так, — отеческим тоном произнес он. — Полный порядочек, как в аптеке.

— А Роза тоже должна явиться в суд? — спросил Адриан.

— Нет, сэр, — ответил полицейский. — В этом нет необходимости. Она, если так можно выразиться, представляет собой вещественное доказательство. До окончательного слушания дела не понадобится.

В арестантской их ждал сэр Магнус. При дневном свете его визитка, цилиндр и штиблеты выглядели еще более изношенными, чем накануне вечером, и было очевидно, что особо неустрашимые представители семейства молей основательно потрудились над изничтожением молескинового жилета.

— Дорогой Адриан, — начал он, приветливо помахивая своей тростью, — надеюсь, вы хорошо отдохнули ночью, хотя боюсь, что в таких заведениях с удобствами дело обстоит неважно.

— О, я лежал достаточно удобно, — ответил Адриан, — но спал совсем скверно.

Сэр Магнус метнул в него грозный взгляд из-под седых бровей.

— Вы не полагаетесь на меня? — сердито спросил он.

— Почему, полагаюсь, — испуганно молвил Адриан.

— В таком случае перестаньте паниковать.— Он лихо надел набекрень свой цилиндр и распорядился, взмахнув тростью: — Пошли подышим воздухом.

Сэр Магнус вышел из полицейского участка с таким видом, будто возглавлял парад; сержант и Адриан последовали за ним, мелодично позвякивая наручниками. Впервые Адриан почувствовал, что должна была ощущать Роза, когда на нее надевали цепи. Прохожие на улицах оглядывались на странную тройцу, и с каждым шагом Адрианом овладевал все более сильный страх. Он даже облегченно вздохнул, когда они вошли в здание суда.

Почему-то ему представлялось, что дело будет тут же рассмотрено, приговор вынесен и его выведут из суда закованным в кандалы; тем сильнее было удивление Адриана, когда он обнаружил, что правосудие вершится вовсе не таким быстрым и образцовым манером. Судья — мужчина с лицом прирожденного преступника, как показалось ему — приготовился терпеливо выслушать показания сержанта, задержавшего Адриана. Сержант — бас-профуидо в полицейском хоре — читал по записной книжке медленно и нудно, тщательно выговаривая каждое слово:

— Сержант полиции Эммануил Дрей, номер сто двадцать четыре, полицейское управление острова Скэллоп. Сэр, вечером пятого июня я следовал вдоль пристани, когда мое внимание было привлечено зрелищем толпы, которая собралась на указанной пристани и с явными признаками возбуждения смотрела на воды гавани. Проследовав на край пристани, я заметил обвиняемого, который барахтался в воде вместе с каким-то большим неопознанным объектом, оказавшимся при ближайшем рассмотрении слоном. Поскольку до того мне было сообщено, что один владеющий слоном человек разыскивается для допроса в связи с имевшими место в графстве Броклберри беспорядками, я пришел к выводу, что это и есть упомянутый джентльмен. Когда он и его слон поднялись на пристань, я обратился к нему и спросил, его ли это слон.

Здесь судья поднял брови и прокашлялся с таким звуком, какой можно слышать, когда ящерица протискивается между двумя камнями.

— Сержант, — сказал он, — почему вы спросили, его ли это слон? Разве не очевидно, что если некто барахтается в воде вместе со слоном, этот слон принадлежит ему?

Сержант, несколько сбитый с толку вмешательством судьи, переминался с ноги на ногу.

— Дело в том, сэр,— ответил он, краснея,— я подумал, что он, возможно, приставлен к слону, который принадлежит кому-то другому.

Судья тихо вздохнул.

— Весьма невероятная гипотеза. Продолжайте.

Толстому пальцу сержанта понадобилось около минуты, чтобы найти строку, где он остановился. Затем он прочистил горло, откинул голову назад, точно хорист, и продолжал:

— Обвиняемый ответил: «Он мой». Тогда я спросил, не мистер ли он Адриан Руквисл. На это он сказал: «Это я». После этого я предложил ему проследовать со мной в участок, необходимо кое-что выяснить. На что он ответил: «Послушайте, сержант, я могу все объяснить».

Сержант Дрей остановился и посмотрел с улыбкой на судью, явно полагая, что эти слова означали признание вины.

— Ну? — холодно произнес судья.

— Ну тогда, сэр,— продолжил сержант Дрей, чей триумф явно не состоялся,— я отвел его в участок, где ему было предъявлено обвинение и его взяли под стражу.

— Понятно,— сказал судья.— Благодарю вас, сержант.

Сержант Дрей покинул свидетельскую скамью с изяществом тяжеловоза, судья полистал лежащие перед ним бумаги, потом снова поднял взгляд. Слово взял инспектор полиции.

— Я требую, сэр,— заявил он,— чтобы обвиняемый оставался под стражей, дабы через неделю предстать перед судом для рассмотрения его дела.

Судья вопросительно посмотрел на сэра Магнуса Рэмпинга Фьюмитори, который все это время, казалось, крепко спал. Сэр Магнус поднялся на ноги.

— Сэр,— начал он, извлекая из кармана табакерку и постукивая по ней указательным пальцем,— мои друзья из полиции (инспектор приготовился что-то рывкнуть, но взгляд судьи укротил его) предъявили моему клиенту какие-то пустяковые, сфабрикованные обвинения.

Сэр Магнус картинно взмахнул руками.

— Сэр Магнус,— перебил его судья,— всем нам не только известно ваше ораторское искусство, мы восхищаемся им. Однако позвольте заметить вам, что в данный конкретный момент речь еще не идет о слушании дела вашего клиента.

— Сэр,— отозвался сэр Магнус,— сей благородный юноша, находящийся здесь, как вы любезно заметили, не потому, что его дело уже рассматривается судом, и против которого не представлено еще ни одного доказательства, окажется в заточении, если будет удовлетворено требование моих друзей из полиции, окажется отрезанным от друзей и родных, от всяких радостей кипучей жизни, отрезанным даже от великолепной бессловесной твари, бывшей в минуты лишений его единственным утешением, отрезанным, я бы сказал...

— Сэр Магнус,— резко произнес судья,— я был бы весьма благодарен, если бы вы перешли к сути. Что именно вы предлагаете?

— Залог, сэр,— с чувством молвил сэр Магнус, величественно взмахнув рукой и ненароком высыпав при этом горсть нюхательного табака на стол перед собой.— Мой клиент, сэр, не проходимец какой-нибудь, не бродяга, не цыган, не оборвыш, не шарлатан...

Терпение судьи явно было на пределе.

— Сэр Магнус,— перебил он,— мы собрались здесь не для того, чтобы составить словарь синонимов.

— Короче,— невозмутимо продолжал сэр Магнус,— я хотел сказать, что мой клиент — человек состоятельный, он вполне способен, больше того — он готов внести залог, чтобы хоть на короткое время вернуться во внешний мир.

— Довольно,— кисло молвил судья.— Я уяснил себе, чего вы хотите.

Откинувшись назад на кресле, он смерил Адриана холодным взглядом.

— Обычно мы в таких делах не отвергаем рекомендации полиции. Однако в данном случае мы явно имеем дело с целым рядом необычных обстоятельств, посему я готов назначить залог в сумме пятидесяти фунтов под подписку о невыезде.

— Глубоко благодарен вам, сэр,— сказал сэр Магнус и низко поклонился судье.

После чего, осторожно открыв табакерку, ссыпал в нее обратно весь табак со стола под звуки британского гимна.

Совершенно сбитый с толку, Адриан заключил, что каким-то чудом может считать себя свободным, отделавшись всего лишь штрафом в упомянутые полсотни фунтов. Секретарь суда устремил на Адриана властный взгляд.

— Встаньте, Руквисл,— приказал он.

Адриан неуверенно подчинился.

— Адриан Руквисл, вам надлежит внести залог в размере пятидесяти фунтов, вы освобождаетесь под подписку о невыезде, с обязательством явиться в данный суд в следующий вторник. Вам понятно? — спросил судья.

— Да, сэр,— ответил Адриан.

Он покидал суд в состоянии душевного подъема. Свобода! Он свободен, Роза свободна, и, если повезет, он вскоре вновь увидит Сэмэнту. После всех пережитых им ужасов наступил момент торжества, коим он был готов вполне насладиться. И когда они ступили на тротуар, Адриан схватил руку сэра Магнуса Рэмпинга Фьюмитори и принялся энергично трясти ее.

— Дорогой сэр Магнус! — воскликнул он. — Как мне вас отблагодарить? Подумать только, именно вы, с вашим блестящим умом, пришли мне на выручку, спасли меня и Розу от уготованной нам трагической судьбы. У меня нет слов, чтобы выразить всю мою благодарность.

Сэр Магнус с видом страдальца, одолеваемого приставаниями восторженного щенка, высвободил свою руку и попятился.

— О чем вы говорите? — справился он, сердито глядя из-под густых бровей.

— Как о чем — о приговоре,— ответил Адриан.

— О каком приговоре?

— Но... меня ведь выпустили. Только оштрафовали на пятьдесят фунтов.

Сэр Магнус зажмурился, словно от боли, прошелся взад-вперед по тротуару, затем остановился перед Адрианом и вперил в него взгляд, постукивая табакеркой по его груди.

— Попробуйте,— едко произнес он,— не равняться в кретинизме с силами правопорядка. Я всего лишь добился вашего освобождения под залог. Через неделю вам надле-

жит явиться в суд, где будут заседать присяжные, и уже от них будет зависеть ваша дальнейшая судьба.

— О, — уныло молвил Адриан, — я и не знал...

Счастливое расположение духа вдруг испарилось, его вновь посетили кошмарные видения — как Роза казнит на рассвете и Сэмента выходит замуж за недостойного человека.

— Ну и что я теперь должен делать? — печально осведомился он.

— Действовать! — Сэр Магнус покраснел и задергался, точно рассерженный индеец. — Забрать Розу и проследовать в мое маленькое гнездышко, расположенное недалеко отсюда, где мы, если вы еще не совсем пали духом, займемся подготовкой защиты.

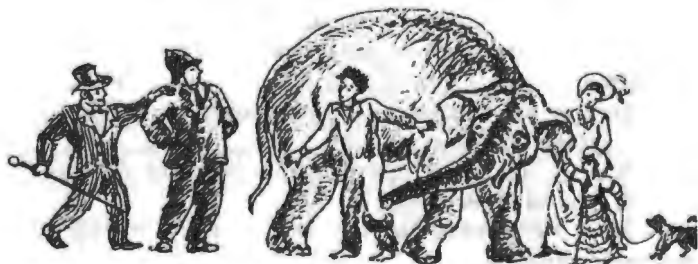
— Дело в том, — растерянно сказал Адриан, — что я не очень разбираюсь в том, как действует закон.

— Ничего удивительного, — твердо произнес сэр Магнус. — Где уж вам разбираться, если даже мы, кому назначено применять закон, мало в этом смыслим.

— Все равно что садиться на поезд, — заметил Адриан, — не зная, как управлять паровозом.

Сэр Магнус шумно вдохнул щепотку нюхательного табака.

— Ну, я не стал бы особенно волноваться. Когда едешь поездом, самое главное — не пропустить нужную станцию.

Глава восемнадцатая ЗАКОН

«Маленькое гнездышко» сэра Магнуса оказалось недавно построенной на скалах сразу за городом усадьбой в стиле тюдор. Розы поместили в просторном сарае на конном дворе, и Адриан поселился в доме сэра Магнуса, который был, мягко говоря, достаточно взыскательным хозяином.

Начать с того, что он питал неизбывную страсть к вишневой наливке, которую потреблял (настаивая на участии Адриана) в огромных количествах, причем разыгрывал, точно в шахматы, необычные варианты, добавляя в наливку разные субстанции и проверяя на себе результат. На третий день желудок Адриана начал восставать против бесчисленных экспериментов сэра Магнуса, и Адриан твердо решил, что смесь вишневой наливки с молоком и портером, налитая в высокую пивную кружку, ему определенно противопоказана.

Кроме того, сэр Магнус обладал способностью обходиться вовсе без сна. Первые три дня он требовал, чтобы Адриан снова и снова рассказывал ему историю своих при-

ключений, сам при этом либо меряя шагами рабочий кабинет, либо исполняя у кухонного стола вариации на тему черри-бренди. В третьем часу ночи Адриан, с трудом во-лоча ноги, скорее мертвый, чем живой, направлялся в отведенную ему спальню. И только сомкнет глаза, как у его кровати возникает одетый в причудливо расшитую ночную рубашку сэр Магнус, требуя, чтобы он повторил какую-то часть своего рассказа.

Утром четвертого дня, когда Адриан с гудящей от вишневой наливки головой и слипшимися от недосыпа веками спустился вниз к завтраку, он застал сэра Магнуса уже сидящим за столом и уплетающим огромный омлет с такой энергией, как будто он только что вернулся домой после отрадного долгого отдыха.

— А теперь,— начал сэр Магнус, как будто ночной разговор и не прерывался,— нам нужно сделать следующее. Вызвать всех, повторяю — *всех*, с кем вы сталкивались на вашем разрушительном пути, в качестве свидетелей.

— Не вижу, что это нам даст,— уныло отозвался Адриан.

— Подумайте о присяжных, дружище,— сказал сэр Магнус, отправляя в рот кусок омлета, одобренный горстью черного перца.

Адриан, вертя в руках яйцо всмятку и борясь с тошнотой, был совершенно не в состоянии думать о присяжных.

— А что с ними? — спросил он.

Сэр Магнус откинулся на стуле, вытер рот полотняной салфеткой, достал табакерку, отправил по понюшке в каждую ноздрю, оглушительно чихнул и высморкался.

— Вся прелесть английского правосудия,— заговорил он звонким, мелодичным голосом,— заключается в том, что оно основано на двух абсолютно нелогичных принципах. Во-первых, все воображают, будто их судят присяжные, но это, разумеется, полнейший вздор. На самом деле все решает судья, инструктирующий присяжных. Возьмем теперь этих присяжных. Исходя из странного понятия, будто двенадцать человек лучше, чем два человека, или шесть, или четыре, никто не принимает в расчет, что двенадцать недоумков могут быть опаснее, чем два. Мой опыт показывает, что все судьи и все присяжные — недоумки. Вот почему

у самого заурядного преступника нет никаких шансов и невинный человек также обречен еще до того, как сел на скамью подсудимых.

Адриан опешил.

— Я привык думать, что у нас весьма справедливая система.

— Примерно такая же справедливая, как схватка озверелых регбистов, — холодно заметил сэр Магнус.

— И все же я не понимаю, — продолжал Адриан, — какой мне будет прок, если мы вытащим кучу людей из разных концов страны.

Сэр Магнус зарядил ноздри новой порцией табака и чихнул.

— Это потому, дружище, — сказал он, — что вы не размышляли как следует над этой проблемой. Представьте себе, что я овчарка.

Он наклонился вперед и свирепо уставился на Адриана из-под бровей, похожий скорее на злобного керн-терьера, чем на овчарку. Тем не менее Адриан покорно сделал попытку представить себе, что сэр Магнус — овчарка.

— Еще представьте себе, — сэр Магнус наставительно поводил пальцем в воздухе, — что присяжные — стадо овец, причем, сравнивая их со стадом овец, я изрядно завышаю обычный уровень коллективного разума присяжных.

Он остановился, бросил задумчивый взгляд на стоящий на буфете графин с вишнежкой, потом посмотрел на часы и уныло вздохнул.

— Так вот, я — овчарка, присяжные — стадо овец, а судья — охотник за чужим скотом. — Голос сэра Магнуса понизился почти до шепота; он встал, заходил взад-вперед вдоль стола, потом вдруг остановился, глядя на Адриана. — И что же из этого следует? А то, что обязанность моя, как овчарки, отогнать вора и направить моих курчавых присяжных ягнят в загон правильного решения. Вы уловили соль?

— Ну, в общих чертах, — ответил Адриан. — Однако разве вы можете так верховодить судьей?

— Судьи, — холодно произнес сэр Магнус, — всего лишь неискушенные законники.

Не очень-то вразумительное описание того, как действует правосудие, сказал себе Адриан, но за неимением

опыта в общении с этой системой спорить не стал. Тем временем сэр Магнус подошел к двери, распахнул ее и крикнул:

— Скрич!

На его зов явился, подобострастно кланяясь, некий сморщенный лысый субъект.

— Скрич,— указал на него взмахом руки сэр Магнус,— составит надлежащие послания всем тем, кто мне нужен в качестве свидетелей. Придется вам посидеть вместе, сообщите ему необходимые детали.

— Хорошо,— ответил Адриан,— как скажете.

Он вдруг сообразил — и его обдало жаром при этой мысли — что он может написать Сэмэнте, вызвать ее как свидетеля. Сэр Магнус посмотрел на графин с вишнежкой так, словно увидел его впервые.

— Однако на пустой желудок,— заметил он,— нельзя браться за такую работу. Выпейте вишнежки.

— Пожалуй, я воздержусь, если не возражаете,— сказал Адриан.— Мне нужна ясная голова, чтобы сочинить все эти письма.

— Вам виднее,— отозвался сэр Магнус, подошел к буфету, смешал в кружке вишнежку с ирландским виски и соком двух лимонов, проглотил эту смесь и постоял несколько секунд, передергиваясь всем телом.

— Интересно,— мягко произнес он с закрытыми глазами. Потом повернулся к своему горемычному клерку и рывкнул:— Вам известна ваша задача, Скрич! Мистер Руквисл изложит вам детали, и к двенадцати часам все письма должны быть отправлены!

— Разумеется, сэр Магнус,— ответил Скрич.— Будет сделано, сэр Магнус.

Сэр Магнус прошагал к выходу из столовой и захлопнул за собой дверь, оставив Адриана наедине со Скричем, совершенно бесцветным, но весьма старательным тугодумом, обладателем каллиграфического почерка. Без десяти двенадцать наконец было написано последнее — адресованное Сэмэнте — письмо, и в ту же минуту в комнату ворвался сэр Магнус. Скрич собрал все бумаги и смиренно удалился.

— Я подумал,— объявил сэр Магнус,— что у вас какой-то нездоровый вид. Не могу допустить, чтобы мой драгоценный клиент бледно выглядел в суде.

— По-моему, — Адриан подавил зевоту, — все дело в недосыпе.

— Ерунда, — возразил сэр Магнус. — Вы нуждаетесь в стимулянтах. Без сна вполне можно обойтись, но нельзя обходиться без стимулянтов.

Хотелось бы знать, вяло подумал Адриан, что сэр Магнус считает стимуляцией. Не иначе бой с семнадцатью испанскими быками перед ленчем.

— Возможно, вы правы, — кротко молвил он.

— Предлагаю, — сэр Магнус потер руки, — нам с вами и Розе совершить прогулку после ленча.

— Прогулку? — испуганно произнес Адриан.

— Вот именно. Мы прогуляемся по набережной.

— По-вашему, это хорошая идея?.. — начал Адриан.

— По-моему, это отличная идея. Легкий ленч, затем интенсивная прогулка, и вы убедитесь, что вам сразу станет лучше от свежего морского воздуха.

Управившись с легким ленчем (который состоял из дюжины устриц, желтого, как солнечный закат, пышного грибного суфле, купающегося в густом коричневом соусе, нежного, розового на срезе, как коралл, окорока с надлежащим овощным гарниром и бисквита, обильно пропитанного вишневым соусом и залитого двумя-тремя литрами сбитых сливок), они пошли погулять по набережной, захватив с собой Розе.

Невыспавшийся, с набитым животом, Адриан еле волочил ноги и никак не мог понять, каким образом эта прогулка может расположить местных жителей в его пользу. А сэра Магнуса, казалось, ничуть не занимала их реакция. Перекинув свою трость через плечо, он зацепил ее концом хобот Розе, и так они шагали вместе в духе полной приязни. Всякий раз, как им встречались группы детей, восторженно таращащих глаза на слониху, сэр Магнус подтягивал Розе тростью вперед, позволяя им трогать ее ноги и поглаживать хобот. Розе, которая, как и большинство добродушных зверей, твердо верила, что люди не способны ее обидеть, радовалась такому вниманию и кончиком хобота, способного стать весьма грозным оружием, тихонько обнюхивала веснушчатые физиономии, косячки и грязные ручонки.

В пять часов, к великому облегчению Адриана, после того как они четырнадцать раз прошлись взад-впе-

ред по набережной, все трое вернулись в усадьбу сэра Магнуса, где отвели Розу в сарай, после чего мужчины сели пить чай в библиотеке. Сэр Магнус почему-то был очень доволен прогулкой. Уписывая горячие румяные гренки с маслом, хрустящие тонкие лепешки с кремом и клубничным джемом и большие сочные куски фруктового торта, благоухающего, словно лес в разгар зимы, Адриан слушал очередную лекцию сэра Магнуса на юридические темы, из которой понимал не больше десяти процентов.

— Скажите, — перебил он наконец хозяина, — почему вы были так довольны нашей прогулкой?

Сэр Магнус критически посмотрел на свой чай, добавил в него ложку вишневой наливки и задумчиво размешал.

— Видите ли, дружище, — начал он умильным тоном, как обычно обращаются к умственно отсталому ребенку, — вам, вероятно, невдомек, что пути правосудия никогда не бывают гладкими. Сегодня множество людей наблюдали, как мы спокойно, цивилизованно прогуливались на свежем воздухе вместе с Розой. Слониха, как я и ожидал, вела себя образцово на глазах у всех этих взрослых зевак. С выдержкой, делающей ей честь, она обнюхивала и гладила мерзких сопливых отпрысков местных жителей. Можете не сомневаться — слух о доброте и деликатности Розы уже дошел до самых скромных лагун сего города.

Сэр Магнус остановился, чтобы съесть еще одну лепешку с кремом и джемом, затем вытер рот и продолжал не совсем внятно, зато вполне самодовольно:

— Мне все равно, где суд будет набирать своих присяжных, но как только те придут, услышат от кого-нибудь, какое Роза воспитанное создание.

— Постойте, — ужаснулся Адриан, — я полагал, что весь смысл суда присяжных в том и заключается, что на его членов нельзя влиять.

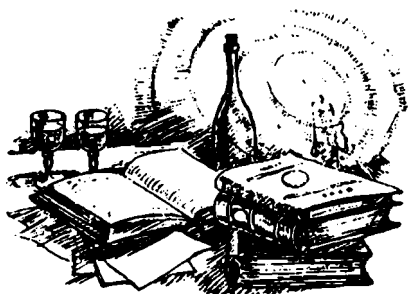
Сэр Магнус встал, выпрямился во весь свой почти полутораметровый рост и устремил на Адриана надменный взгляд.

— Вы не можете, — жестко произнес он, — подкупить присяжных. Это было бы неэтично.

— Я как раз об этом и подумал, — отозвался Адриан.

— Однако, — вкрадчиво добавил сэр Магнус, — поскольку в присяжные попадают люди, заведомо не блещущие умом, их мысли можно направить по нужному руслу.

С этими словами он наполнил свою чашку вишневой наливкой и одним глотком опорожнил ее.

Глава девятнадцатая **ЗАКОН В ДЕЙСТВИИ**

Следующие несколько дней стали для Адриана чрезвычайно утомительными. Несмотря на все его возражения, сэр Магнус настоял на том, чтобы он лично написал письма всем, кого хоть как-нибудь коснулись похождения Розы. Адриан был уверен, что от большинства из них в суде не будет никакого прока.

— Мальчик мой, — говорил сэр Магнус, — предоставьте мне об этом судить. Теперь эта особа Филигри, как насчет ее отца?

— Боже, только не его! — в ужасе воскликнул Адриан. — Он только и говорит, что о своих реинкарнациях.

— Отлично, — сказал сэр Магнус. — Лучший способ заморочить голову присяжным — пуститься в рассуждения о реинкарнациях. Предложите девушке, чтобы захватила с собой отца.

Адриан был в отчаянии. Он не сомневался, что выступление мистера Филигри в роли свидетеля обеспечит ему, как минимум, пожизненную каторгу. Как бы то ни было, в надлежащее время поступило краткое письмоцо,

в котором «искренне ваша» Сэмэнта сухо извещала, что она и ее отец готовы быть на суде свидетелями.

Один за другим начали являться первые свидетели. Мистер Паклхэммер в костюме в желто-черную клетку и новеньком коричневом котелке был рад вновь видеть Адриана и Розы. Черная Нелл, которую удалось разыскать не без труда; Гонория и Этельберт, упивающиеся драматическим развитием событий, причем Гонория под влиянием джина то и дело раздражалась рыданиями при мысли о том, что Розы будет казнена, а Адриан заточен в тюрьму. Сэр Магнус, сам изрядный актер, чрезвычайно высоко оценил ее искусство, и после того как эта пара удалась, у Адриана осталось тревожное ощущение, что сэр Магнус репетирует не столько защиту, сколько некую музыкальную драму.

Вслед за тем приехали отец и дочь Филигри. Сэмэнта — прекрасная, но холодная — удостоила Адриана сдержанным рукопожатием и сообщила, что рада случаю возобновить знакомство с Розы, чем сильно его уязвила. Мистер Филигри был в полном восторге, ему впервые (не считая прежних воплощений) представилась возможность увидеть море, и он пустился в пляс на берегу, размахивая пухлыми руками, точно большая медуза щупальцами. Всякий раз, когда у сэра Магнуса возникал какой-то вопрос к мистеру Филигри, того не оказывалось в доме, и приходилось отправлять за ним людей к морю, где он предавался полюбившемуся занятию — купанию Розы на мелководье и сооружению песочных замков с соседскими детьми.

И между всеми ними, рыча, как зверь, или воркуя, точно голубь, важно выступал сэр Магнус, сплетая вместе нити различных повествований. За ним неотступно следовал Скрич, чье перо верещало, словно обезумевший выюрок, исписывая страницу за страницей. Попытки Адриана повидаться с Сэмэнтон наедине не принесли успеха. Она держалась вежливо, но сухо, и с каждым днем Адриан чувствовал себя все более несчастным. И, когда пришло время явиться в суд, он был во власти черной меланхолии, тогда как сэр Магнус, воинственный, как рождественский индеец, расхаживал кругом, поглощая в больших количествах вишневою наливку и излучая добродушие и уверенность.

Адриан думал, что суд состоится в том же унылом, похожем на школьный класс помещении, где проходило предварительное слушание; тем сильнее было его удивление, когда он увидел красивый зал. Судья восседал на тяжелом кресле за дубовым столом, украшенным резьбой, которая изображала листья, желуди и пухлых танцующих херувимчиков. Даже свидетельская скамья была обнесена резной перегородкой. Высокий белый потолок украшали синие и золотые барельефы.

За царившей в зале почтительной тишиной угадывалось суетливое движение. Сэр Магнус обнаружил, что Скрич забыл дома половину записей, и пришел в такую ярость, что Адриан опасался за жизнь несчастного клерка. Озабоченный тем, чтобы как-то утихомирить сэра Магнуса, он не сразу заметил, что зал наполнился публикой и воцарилась атмосфера напряженного ожидания.

Появился высоченный костлявый субъект в напоминающем крылья летучей мыши, свисающем длинными складками облачении и сдвинутом набок парике. На худом вытянутом лице выделялись голубой подбородок, карие, как у спаниеля, выразительные глаза и кривая щелочка рта. Если бы не длинная мантия, его можно было бы принять за худосочного владельца похоронного бюро из города, в котором никто не умирал.

— Кто это? — спросил Адриан у сэра Магнуса.

— Этот? — Сэр Магнус бросил в ту сторону свирепый взгляд из-под бровей. — Это сэр Огастес Талисмен. Обвинитель.

— Что-то мне не очень нравится его вид, — заметил Адриан.

— Кого, старины Гасси? — удивился сэр Магнус. — Что вы, он по-своему довольно симпатичный малый. Но когда вы всю жизнь обвиняете людей, поневоле это отразится на вашей внешности.

— А кто судья? — осведомился Адриан.

— О, тут нам повезло, — удовлетворенно объявил сэр Магнус. — Судьей назначен старина Топси.

— Топси! Необычное имя для судьи!

— Да нет же, — нетерпеливо произнес сэр Магнус. — Это его прозвище. На самом деле он лорд Криспин Тэрви.

— Не понял, — растерянно признался Адриан.

— Господи, что же тут непонятного? Тэрви-Топси, Топси-Тэрви, что означает — кутерьма, неразбериха. Луч-

ший судья в нашем округе, непременно все перепутает. Оттого-то у обвинителя такое унылое лицо.

— Вы хотите сказать,— удивленно молвил Адриан,— он не отдает себе отчета в том, что делает, и тем не менее его назначили судьей?

— Почему, он отдает себе отчет. Только делает прямо противоположное тому, что на его месте стал бы делать другой судья. Полагаю, никто не упек в тюрьму столько невинных людей.

— Н-да, не вижу, какая мне от этого радость,— заметил Адриан.

Сэр Магнус вздохнул, как человек, вынужденный терпеливо слушать речи глупца.

— Послушайте,— молвил он кротко,— вам назначают в судьи заведомого путаника, так?

— Ну,— смиренно отозвался Адриан.

— Так вот, если судья заведомый путаник, ваше дело почти в шляпе. Он запутает присяжных, а я запутаю их всех.

— Право, не понимаю...— начал Адриан.

— Вы даже не представляете себе, каких результатов можно добиться при помощи хорошей путаницы. Это что-то вроде дымовой завесы на поле боя.

— Ну да, кажется, я начинаю понимать,— сказал Адриан.

Однако в душе он заранее примирился с тем, что при таком защитнике, как сэр Магнус, сидеть ему в тюрьме не меньше десяти лет.

Секретарь суда поднялся со стула.

— Прошу всех встать,— возвестил он звонким фальцетом.

В зале зашаркали ноги, заскрипели стулья. Сбоку открылась дверь, и морщинистый человечек в красной мантии, заняв место в большом резном кресле, повертел головой, словно озадаченный крот. Все сели, кто-то прокашливался, кто-то шуршал бумагами. Снова поднялся секретарь.

— Милорд,— пропел он.— Корона против Адриана Руквисла. Адриан Руквисл,— продолжал секретарь, всматриваясь в послушно вставшего Адриана,— вы обвиняетесь в том, что пятого июня, в театре «Альгамбра» на острове Скэллоп в графстве Броклберри, в общественном месте, то есть театре «Альгамбра» на Скэллопе учинили нару-

шение общественного порядка в вышеупомянутом театре «Альгамбра», причинив при этом серьезные телесные повреждения некоему Эммануилу С. Клеттеркапу, для какой цели применили большое дикое толстокожее, то есть слона, против вышеупомянутого Клеттеркапа в вышеупомянутом театре «Альгамбра». Вы признаете себя виновным?

Адриан был приведен в такое замешательство услышанным, что молча таращился на секретаря суда.

— Не виновен,— подсказал сэр Магнус.

— Не виновен,— повторил за ним Адриан.

Секретарь сел. Рослый добродушный полицейский, стоящий рядом с Адрианом, приятельски ткнул его пальцем в бок и прошептал:

— Садись, парень.

Адриан наклонился через перегородку к сэру Магнусу.

— Что будет дальше?

Сэр Магнус зарядил нос понюшкой табака и заставил весь суд вздрогнуть от оглушительного чиха.

— Старина Гасси начнет бубнить свое,— ответил он.— Расслабьтесь пока. Можете подремать, если хочется.

Судья обвел неуверенным взглядом зал, пытаясь определить, откуда именно исходил чих. Наконец сосредоточил взор на сэре Магнусе.

— Сэр Магнус,— сказал он.

— Милорд? — отозвался сэр Магнус, вставая на ноги и изображая подобострастный поклон.

— Мне известно,— продолжал судья,— что вами владеет пристрастие к нюханию табака. Я был бы весьма благодарен, если бы вы могли сообщить мне, намерены ли вы и впредь прерывать нас внезапными громкими звуками, без которых вы, по-видимому, не можете обойтись всякий раз, как берете понюшку?

— Простите, милорд,— ответил сэр Магнус.— Следующий раз я постараюсь удержаться.

— Да уж, постарайтесь,— сказал судья и перевел взгляд на обвинителя.— Поскольку сэр Магнус прочистил свои носовые проходы, мы слушаем вас, сэр Огастес.

Сэр Огастес Талисмен встал, приветственно кивнул судье, с минуту приводил в порядок складки своей мантии и перебирал лежащие на столе перед ним бумаги, затем повернулся к своему клерку и шепотом посоветовался с ним. Нырнув под стол, клерк появился оттуда, прижимая к себе полдюжины толстых томов с множеством розовых

закладок, и положил их перед сэром Огастесом. Тем временем сэр Магнус и судья, разобравшись с вопросом о нюхательном табаке, явно задремали. Сэр Огастес еще раз поправил складки, прокашлялся и заговорил, сжимая одной рукой отворот мантии.

— Милорд,— начал он медоточивым голосом,— перед вами дело, которое я назвал бы по меньшей мере необычным. Настолько необычно это дело, что потребовалось много времени и терпения с моей стороны, прежде чем я обнаружил прецедент в законах этой страны.

Он сделал паузу, нежно погладил лежащие на столе тома в переплетках из телячьей кожи, затем продолжал:

— Выражаясь кратко, милорд — ибо у меня нет ни малейшего желания тратить попусту драгоценное время вашей светлости, как и нет сомнения, что ваша светлость предпочитает слышать только то, что существенно и важно,— итак, я назвал бы это грубейшее нарушение закона (и, употребляя такие слова, я нисколько не преувеличиваю), это грубейшее нарушение закона — одним из самых экстраординарных случаев, с какими я когда-либо сталкивался за время моего долгого служения Фемиде.

Обвинитель снова остановился и опустил взгляд на свои бумаги, задумчиво постукивая по ним указательным пальцем. Сэр Магнус, судя по всему, безмятежно дремал, к великому разочарованию Адриана, который ожидал, что его защитник вскочит на ноги и заявит протест.

— Обвиняемый, Адриан Руквисл,— продолжал сэр Огастес,— получил в наследство от своего дяди, как выяснилось, взрослую слониху. Имя этой слонихи, насколько нам известно, Роза, а потому, с разрешения вашей светлости, я во избежание путаницы так и стану именовать ее дальше. Вечером тридцать первого мая Руквисл прибыл на Скэллоп и на другой день отправился в театр «Альгамбра», где обратился к владельцу театра, мистеру Клеттеркапу, с просьбой предоставить ему работу. Мистер Клеттеркап, полагая, что участие ручного, я подчеркиваю, ваша светлость, *ручного* слона в его спектакле (который, если не ошибаюсь, называется «Али-Баба и сорок разбойников») придаст постановке особый интерес, принял на работу Руквисла и слониху Роза. Мистер Клеттеркап вложил в упомянутую постановку немалые средства. В день премьеры театр, как и следовало ожидать, заполнили местные жители, большие ценители культуры. Половина первого яв-

ления прошла без происшествий, однако затем Руквисл, который, по словам свидетелей, напился сам и напоил слониху, потерял контроль над животным, и оно взбесилось.

Потрясенный столь оскорбительным заявлением Адриан посмотрел на сэра Магнуса, но его защитник по-прежнему мирно дремал.

— Передо мной здесь, милорд (не стану утруждать вас подробностями), описание ущерба, причиненного упомянутой слонихой реквизиту и прочему театральному имуществу. Остановимся на ущербе, причиненном конкретным личностям. Солист оркестра получил многочисленные ссадины и ушибы при ударе пальмой, поваленной слонихой. Дирижер оркестра получил серьезные ушибы, а владелец театра, мистер Клеттеркап, не только получил серьезные ушибы, но и сломал ногу, когда обезумевшее, разъяренное животное бросило его в оркестровую яму.

Здесь судья издал слабый звук, который можно было бы принять за смех.

— Милорд,— сказал сэр Огастес таким голосом, будто произносил речь на панихиде,— я представляю свидетельства, говорящие о том, что обвиняемый Руквисл продолжительное время странствовал кругом с этим животным, повсеместно производя опустошения, и таким образом добился предоставления ему работы в театре «Альгамбра» низким, обманным путем, утверждая, что животное ручное, хотя он знал при этом, что речь идет о свирепом, непослушном и неуправляемом создании, представляющем угрозу для жизни и собственности людей.

Адриан был до того возмущен таким извращением фактов, что наклонился к сэру Магнусу и потряс его за плечо.

— А! — воскликнул сэр Магнус.— Гасси закончил уже? Вы слышали, что он говорил?

— Слышал,— прошепел Адриан.— Он все преподносит так, чтобы мы с Розой выглядели виновными.

— Обязан,— отозвался сэр Магнус.— Ему за это платят.

— Но разве вы не можете что-нибудь сказать? Встать и заявить судье, что все это неправда?

— Не паникуйте, дружище. Помните — паук часами плетет паутину, которую вы можете разорвать одним движением руки.

Пришлось Адриану довольствоваться таким ответом. Пока сэр Огастес принялся листать свои записи и поправлять складки мантии, он стал изучать лица присяжных. Они угрюмо сверлили его пронзительными, беспощадными взглядами. Одни погрузились в транс, другие украдкой поглядывали на часы, явно безучастные к тому, что происходило в зале. Казалось, ими владеет одно желание — немедленно осудить Адриана, то ли в силу мстительности характера, то ли потому, что им не терпелось поскорее вернуться к своим делам.

— Вызываю своего первого свидетеля, — заговорил вновь сэр Огастес. — Сэр Губерт Дарси.

— Пригласите сэра Губерта Дарси! — крикнул секретарь суда.

Сэр Губерт вошел в зал суда чуть ли не строевым шагом. Со своими пышными бакенбардами сегодня он выглядел еще более грозно, чем на луку под Монкспеппером. Протопав к скамье подсудимых, сэр Дарси принес положенную клятву с видом человека, почитающего оскорбительным для себя, что его правдивость подвергают сомнению.

— Вы — Губерт Дарси, владелец поместья Бангалор в деревне Монкспеппер? — спросил сэр Огастес.

— Да, — громогласно подтвердил Дарси.

— Сэр Губерт, — обратился к нему судья, — могу ли я просить вас не так громко излагать свои показания? В силу акустических особенностей этого зала полная мощь ваших легких способна вызвать сильнейшие вибрации, которые отдаются даже в моем столе и кресле.

— Отлично, милорд! — гаркнул Дарси.

— Вы — глава Монкспепперского охотничьего общества, верно? — продолжал сэр Огастес.

— Так точно, — отчеканил Дарси. — Уже двадцать лет.

— Вы помните день двадцатого апреля?

— Помню. Еще как.

— Не будете ли вы так любезны изложить своими словами его светлости и присяжным, что именно произошло в тот день?

— Так вот, — пророкотал Дарси, — было чудесное утро, милорд, и в дубраве за Монкспеппером гончие взяли...

— Что взяли? — осведомился судья.

— След, — ответил Дарси.

— Какой след? — поинтересовался судья.

— След лисы.

— Эти сельские занятия, право же, чрезвычайно интересны, — мечтательно произнес судья. — Прошу вас, продолжайте.

— Так вот, преследуя лису, мы пересекли дубраву, затем Монкспепперский тракт привел нас на луг, примыкающий к реке. Должен отметить, что на этот луг можно попасть только через один проход, окаймленный широким густым булфинчем.

— Как вы сказали — булфинчем? — спросил судья.

— Да, — подтвердил Дарси.

— Насколько я понимаю, милорд, — вступил сэр Огастес, чувствуя, что при таких темпах от его свидетеля не скоро добьешься толковых показаний, — свидетель подразумевает густую живую изгородь, какую в тех местах называют булфинч.

— Я думал, что слово булфинч обозначает птицу с красной грудью, а именно снегиря.

— Слово то же самое, но значение здесь другое, — объяснил сэр Огастес.

— Благодарю, — сказал судья.

— Ну так, — продолжал Дарси, — гончие выбежали на луг, и мы последовали за ними. Здесь первым делом мне бросилась в глаза чрезвычайно вульгарного вида, ярко раскрашенная двуколка, какими пользуются цыгане. Внезапно, к моему великому удивлению, из-за деревьев появился слон. Естественно, гончие были испуганы и лошади тоже, до такой степени, что застигнутые врасплох даже такие опытные всадники, как я, были сброшены на землю. Я неудачно приземлился головой вперед, и только мой цилиндр спас меня. Не успел я освободить глаза от этой помехи, как слон подхватил меня, пронес через весь луг и швырнул к ногам обвиняемого, одетого, как я с ужасом увидел, всего лишь в мокрые подштанники.

— Почему это он был в одних подштанниках? — спросил судья, явно захваченный рассказом Дарси.

— Он заявил мне, что купался в реке вместе со слоном, милорд, распугивая лососей.

— Вы получили какие-нибудь увечья вследствие этого столкновения?

— К счастью, милорд, я отделался легкими ушибами.

— Я привлек ваше внимание к этому случаю, милорд, — сообщил сэр Огастес, — лишь затем, чтобы дока-

зять мое утверждение, что обвиняемому *было известно*, что его слон — опасное животное, поскольку это нападение на людей произошло еще до происшествия в театре «Альгамбра».

— Понятно, — неуверенно отозвался судья.

Сэр Огастес сел, и судья обратил взгляд на погруженного, по видимости, в забытие сэра Магнуса.

— Не могли бы вы на несколько секунд присоединиться к нам и подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

— Слушаюсь, милорд. — Сэр Магнус медленно встал и пристально посмотрел на Дарси. — Вы сказали, что единственный урон, нанесенный вам, составили легкие ушибы?

— Да.

— У вас хорошая лошадь? — прозвучал неожиданный вопрос.

Дарси побагровел.

— Я развожу лучших лошадей в стране, — рявкнул он.

— Но эта лошадь явно не была хорошо обезджена?

— Это отличная лошадь, — отчеканил Дарси. — Но только в цирке лошадей приучают общаться со слонами.

— Стало быть, для вашей лошади было вполне естественно испугаться и сбросить вас на землю?

— Разумеется.

— И выходит, все ваши ушибы были вызваны падением с лошади?

Дарси свирепо уставился на сэра Магнуса.

— Помилуйте, — вкрадчиво молвил тот, — ведь это ваши собственные слова?

— Мне не совсем ясно, в чем суть этого допроса? — жалобно заметил судья.

— Милорд, — сказал сэр Магнус, — я пытаюсь лишь показать вашей светлости и присяжным (тут он метнул в них строгий взгляд, от которого они вздрогнули, как от удара током), что *легкие ушибы* — я употребляю выражение самого свидетеля — были следствием падения с его лошади, что слон не имеет к ним никакого отношения.

Сэр Огастес встал.

— Милорд, — вступил он, — дело вовсе не в том, что свидетель получил ушибы, упав с лошади. Он не упал бы со своей лошади, если бы ей не угрожал слон.

— Слон что-нибудь сделал с вашей лошастью? — обратился сэр Магнус к Дарси.

— Нет, — неохотно признал Дарси, — он только трубил.

— Трубил, в самом деле? — заинтересовался судья. — По-моему, я никогда еще не слышал, как трубит слон. На что похож этот звук?

— Что-то вроде визга, ваша светлость, — объяснил сэр Магнус. И продолжал, бросив взгляд на присяжных: — Тем не менее, мне кажется, мы установили, что на самом деле данный слон *не был* повинен в каком-либо уроне, понесенном свидетелем. Вы согласны, ваша светлость?

— Согласен, это совершенно очевидно, — отозвался судья, записывая что-то.

Сэр Огастес метнул злобный взгляд в сэра Магнуса. С его точки зрения, они вовсе ничего не установили, но если судья сказал обратное, не пристало вступать с ним в спор.

— У меня больше нет вопросов, — заключил сэр Магнус, сядя с довольным видом, более того — с видом человека, выигравшего дело.

Перекрестный допрос явно произвел большое впечатление на присяжных.

— Возможно, я захочу в дальнейшем снова вызвать этого свидетеля, — не сдавался сэр Огастес.

— Разумеется, сэр Огастес, — сказал судья и наклонился над своими записями, после чего обратился к сэру Магнусу: — Вы сказали — что-то вроде визга?

— Да, милорд. Скорее даже, это можно сравнить с многократно усиленным звуком, который вы слышите, когда проводите грифелем по доске.

Судья тщательно записал эту информацию из области естествознания.

— Вызываю леди Беренгарию Феннелтри, — снова взял слово обвинитель.

Леди Феннелтри, в темно-пурпурном бархатном платье, с черной вуалью на соломенной шляпе не вошла, а проплыла в зал, точно победоносный галеон. Принеся клятву, она откинула назад вуаль и милостиво кивнула судье, как бы говоря: «Можете продолжать». Отвечая на вопросы сэра Огастеса, звонким, пронзительным голосом удостоверяла свою личность, и ее манеры были настолько величественны, что даже наиболее рассеянные присяжные выпрямились на стульях, приготовившись слушать.

— Леди Феннелтри, — продолжал сэр Огастес, — вы помните вечер двадцать восьмого апреля?

— Этот вечер, — ответила леди Феннелтри ломким голосом, напрашивающимся на сравнение с звуком, какой

производят падающие с крыш сосульки, — неизгладимо запечатлен в моей памяти.

— Не могли вы рассказать его светлости и присяжным — почему именно?

Повернувшись к судье и пригвоздив его к креслу гипнотическим взором своих голубых глаз, она молитвенно сложила руки на груди и начала:

— Двадцать восьмого апреля мы отмечали восемнадцатый день рождения моей дочери.

— Это имеет какое-то отношение к настоящему делу? — осведомился судья.

— Мне было предложено, — сурово молвила леди Феннелтри, — изложить все собственными словами.

— Конечно, конечно, — сказал судья, поспешно что-то записывая.

— Мы отмечали восемнадцатый день рождения моей дочери, — повторила леди Феннелтри, — и наметили устроить бал в ее честь. Естественно, пригласили множество людей. По сути дела, — она позволила себе мрачно улыбнуться, — пришли, можно сказать, все видные люди. Я просила моего супруга придумать что-нибудь оригинальное, желательно юмористическое, для развлечения гостей. Он заверил меня, что все готово, но пожелал сохранить в секрете — что именно. Я ездила с дочерью в город за покупками, а когда вернулась, обнаружила в своем доме вот это (она указала надменным жестом на Адриана).

— И его слона? — спросил судья.

— К сожалению, да, — ответила леди Феннелтри.

— Но как же, — продолжал судья с глубоким интересом, — слон мог ходить по лестницам?

— Э-гм, милорд, — живо поднялся на ноги сэр Огастес. — Полагаю, тут следует объяснить, что обвиняемый держал своего слона на конном дворе без ведома леди Феннелтри.

— А, это другое дело, — заметил судья.

И обратил свой взгляд на сэра Магнуса, убежденный, что тот — настоящий специалист по слонам.

— Слоны могут подниматься по лестницам?

— Несомненно, — ответил сэр Магнус.

— Так или иначе, — сказала леди Феннелтри, раздраженная вмешательством судьи, — мой супруг тайно держал слона на конюшне, как заметил сэр Огастес, без моего ведома. Им был задуман смехотворный план, который я,

будь мне известно о нем, немедленно отвергла бы. Он и эта тварь Руквисл собирались вырядиться индийцами и привести слона в бальный зал, сидя в паланкине.

Судья наклонился вперед, озадаченно глядя на леди Феннелтри.

— Но я всегда полагал, что паланкин — это такое сооружение, которое слоны носят на спине, — заметил он.

— Ну да, — подтвердила леди Феннелтри.

— Но как же тогда, — жалобно молвил судья, — им удалось затолкать слона в паланкин?

Сэр Огастес опять вскочил на ноги, предчувствуя, что леди Феннелтри начнет что-то язвительно втолковывать судье.

— Милорд, — сказал он, — лорд Феннелтри и обвиняемый надели индийские костюмы, поместили паланкин на спине слона и въехали в паланкине в бальный зал.

Судья стал издавать какие-то тихие судорожные звуки, трясясь всем телом, будто в лихорадке. Прошло несколько секунд, прежде чем в зале поняли, что он смеется. Наконец, все еще трясясь от смеха, он вытер глаза и наклонился вперед.

— Представляю себе, какой вышел палимпсест, — выдавил он из себя через силу.

— Ха-ха, — послушно произнес сэр Огастес. — Чрезвычайно остроумно, милорд.

В зале воцарилась жуткая тишина, пока судья укрощал собственное чувство юмора. Наконец, вытерев глаза носовым платком и высморкавшись, он дал рукой знак леди Феннелтри.

— Прошу вас, мадам, продолжайте.

— Мои гости воздавали должное скромному, но соответствующему случаю приему, который мы подготовили, — сказала леди Феннелтри, — когда двери вдруг распахнулись, и слон, ворвавшись в бальный зал, заскользил через все помещение.

— Заскользил? — переспросил судья.

— Заскользил, — твердо произнесла леди Феннелтри.

Судья посмотрел на сэра Огастеса.

— Я не совсем уверен, что правильно понимаю слова свидетельницы.

— Он заскользил, милорд, — подтвердил сэр Огастес. — По паркету.

— Заскользил, — задумчиво повторил судья и перевел взгляд на сэра Магнуса. — Слоны могут скользить?

— На хорошо отполированной поверхности, милорд, и при надлежащем усилии, думаю, и слон может скользить, — сказал сэр Магнус.

— Это было так задумано? — обратился судья к леди Феннелтри.

— Задумано или нет, к делу не относится, — сухо ответила она. — Он заскользил прямо на столы с разными яствами и винами. Мой супруг в его смехотворном наряде находился в паланкине и свалился вместе с ним со слона. Я подошла и спросила его, с какой это стати ему вздумалось приводить слона в мой балльный зал.

— Хороший вопрос, — заметил судья, восхищенный рассудительностью леди Феннелтри. — И что же он ответил?

— Он ответил, — сказала леди Феннелтри с полынной горечью в голосе, — что это сюрприз.

— Что ж, — беспристрастно заключил судья, — ответ вполне правдивый. Ведь это в самом деле был сюрприз, верно?

— С того дня, — ответила леди Феннелтри, — я мысленно подыскивала слово, адекватно описывающее этот случай, и в моем не таком уж скудном запасе английской лексики находила все, что угодно, только не «сюрприз».

— Всецело согласен с вами, — решительно молвил судья. — Ваше мнение полностью совпадает с моим.

— Могу я продолжать? — спросила леди Феннелтри. — Желательно без дальнейших помех?

— Конечно, конечно, — сказал судья. — Ради Бога. И что же было дальше?

Он наклонился над столом, не сводя глаз с леди Феннелтри, точно ребенок, слушающий сказку.

— Яства, само собой, были испорчены. Слон совершенно вышел из подчинения, метался в разные стороны, ища, кого бы сожрать. Я мягко журила супруга за то, что он неразумно привел в такое место дикого зверя, когда последний сперва сорвал с потолка канделябр, которому не было цены, а потом подбежал и схватил меня хоботом.

— Боже мой! — воскликнул судья. — И как же вы поступили?

— Будучи всего лишь женщиной, — ответила леди Феннелтри, и голос ее звучал, словно сигнальная труба, — я лишилась чувств.

— Весьма уместно, — заключил судья. — Должно быть, вы испытали сильное потрясение.

Леди Феннелтри слегка наклонила голову, пытаясь, без особого успеха, принять вид скромной, благонравной девы.

— Придя в себя, — продолжала она, — я обнаружила, что лежу на лососе.

— Сдается мне, — озадаченно молвил судья, — в этом деле фигурирует жуткое количество животных. Вы, сэр Огастес, отдавали себе отчет в том, что в рассматриваемом деле так много животных?

Сэр Огастес на секунду закрыл глаза.

— Да, милорд, — отозвался он затем, — но лосось был мертвый.

— Иначе и быть не могло в бальном зале, — сказал судья. — Разве что там есть фонтан или что-нибудь в этом роде.

— В нашем бальном зале нет никаких фонтанов, — сообщила леди Феннелтри.

— Что я сказал, — торжествующе подхватил судья. — Лосось не мог быть живым.

— Это был холодный лосось, — добавила леди Феннелтри.

— Потому что он был мертвый? — спросил судья.

Сэр Огастес снова поднялся на ноги со страдальческим видом.

— Для угощения гостей, милорд, леди Феннелтри распорядилась подать большого вареного лосося. Слон своими движениями сбросил его со стола, и когда закончил носить хоботом леди Феннелтри, поместил ее бессознательное тело на эту рыбу.

— Потрясающе, — сказал судья. — Не помню другого дела, которое доставило бы мне столько удовольствия. Расскажите еще, леди Феннелтри.

— Придя в себя, я обнаружила, что лежу на лососе. И тут же увидела, как слон хватает сэра Губерта Дарси и с размаха бросает на пол с явным намерением убить его.

Адриан никогда не питал нежных чувств к леди Феннелтри, и откровенная ложь вывела его из себя. Поскольку сэр Магнус явно не собирался что-либо предпринять, он решил сам проявить инициативу.

— Это ложь! — крикнул Адриан, вскакивая на ноги. — Роза в жизни никому не причиняла вреда. Вы — старая мстительная корова!

По залу прокатилась волна одобрения и возбуждения. Леди Феннелтри наградила Адриана презрительным взглядом и обратилась к судье.

— Милорд, — спросила она медоточивым голосом, — вы обычно позволяете оскорблять свидетелей в вашем суде?

— Обычно — нет, — рассеянно ответил судья. — Но объясните мне, при чем тут эта корова? Право же, в этом деле чересчур много животных.

Сэр Огастес, похожий на Горация, проигрывающего битву на реке Тибр, неуверенно поднялся на ноги.

— По-моему, милорд, свидетельница ясно показала, что слон, о котором здесь говорится, большой, злобный, неуправляемый зверь с присущим диким зверям влечением к убийству.

— Вздор! — закричал Адриан.

— Прошу вас, помолчите, — сказал сэр Магнус, ненадолго пробуждаясь. — Вы только все портите своими буйными воплями. Предоставьте мне управляться с этой старой коровой.

— Полагаю, — продолжал сэр Огастес, учтиво делая вид, что не заметил вспышки Адриана, — мне удалось показать вашей светлости и достойнейшим членам суда присяжных, что человек, на чьем попечении находился упомянутый дикий зверь, то есть Адриан Руквисл, дважды позволил ему бесчинствовать. Поразительно только, и мы должны быть благодарны милосердному провидению, что при этом никто не был убит.

Сэр Огастес сел с довольным видом, на смену ему встал сэр Магнус.

— Леди Феннелтри, — начал он, игриво улыбаясь ей и искательно двигая бровями, — мы услышали от вас правдивое и искреннее описание событий, которые произошли вечером двадцать восьмого апреля.

— Естественно, — негодуя отозвалась леди Феннелтри.

— Из того, что вы нам сказали, — осторожно продолжал сэр Магнус, — следует, что на вашу долю выпали ужасные переживания, способные, я сказал бы, помутить рассудок человека, вы же проявили в полной мере ту храб-

рость и решимость, кои побуждают весь мир восхищаться женщинами Англии.

Легкий взрыв аплодисментов в дальнем конце зала был немедленно укрощен судьей.

— Вы на чьей стороне выступаете? — прошипел Адриан.

Сэр Магнус спокойно улыбнулся, достал из жилетного кармана свою табакерку и сразу, заметив взгляд судьи, вернул ее в карман.

— Есть целый ряд вещей, про которые вы нам не сказали, — изрек он, — что говорит о присущей вам скромности, сочетающейся, если мне будет позволено так выразиться, с выдающимся обаянием и женственностью.

Леди Феннелтри величественно наклонила голову.

— В частности, — продолжал сэр Магнус, взмахнув рукой и глядя на присяжных, — вы ничего не сказали о своей родословной. Если не ошибаюсь, вы принадлежите к роду Пламбдрэгонов?

— Принадлежала, — ответила леди Феннелтри. — Моим отцом был лорд Пламбдрэгон.

— Насколько мне известно, Пламбдрэгоны и Феннелтри около четырехсот лет служили аристократическим оплотом нашей страны. Это верно?

— Да, — подтвердила леди Феннелтри.

— Все это время, — говорил сэр Магнус, не сводя глаз с присяжных, — Пламбдрэгоны и Феннелтри владели обширными землями, лелея и кормя обитающих там простых смертных. Они служили блистательным образцом для местных общин, образцом скромности, олицетворением каковой здесь является леди Феннелтри, образцом честности, справедливости и, главное, правдивости. Для людей вроде нас с вами (не столь высокого происхождения) Пламбдрэгоны и Феннелтри служили высоким примером. В старые времена, до учреждения достойных, справедливых судов, подобных этому — к кому мы, простые люди, обращались за сочувствием, уповая на качества, сделавшие нашу страну такой, каковой она является сегодня, на честность и справедливость? Мы обращались к нашим Пламбдрэгонам и Феннелтри.

Сэр Огастес, чуя некий подвох, поспешил встать.

— Милорд, — прервал он сэра Магнуса, — я, право, не вижу, как ни увлекательна речь моего ученого друга, какой от нее прок для рассматриваемого дела?

— Милорд, — заявил сэр Магнус, — я знаю, что выступаю в качестве защитника обвиняемого. Но мне не хотелось бы, чтобы возникло впечатление, будто я терроризирую и запугиваю свидетельницу, женщину, которая к тому же наделена всеми теми качествами, кои я называл.

— Однако, сэр Магнус, — отметил судья, — вы практически только-только начали допрос. У нас нет совершенно никаких оснований заявлять, что вы терроризируете свидетельницу.

— Милорд, — отозвался сэр Магнус, — я стремлюсь к тому, чтобы присяжные были настроены снисходительно.

Он обвел присяжных взглядом, подобным пламени пальной лампы.

— Мы все пытаемся дознаться истины. Для этого мы собрались здесь, и я желаю всего лишь уяснить вам, милорд, и присяжным, что из уст столь благородной, скромной и аристократической женщины может исходить только правда.

— На то и присяга, — нетерпеливо сказал судья. — Мне казалось, что этого достаточно. И вам, сэр Магнус, вместо того чтобы читать здесь лекции, стоило бы для пользы дела задавать вопросы свидетельнице, стараясь, по возможности, обходиться без упоминания новых животных.

— Как вам будет угодно, милорд, — ответил сэр Магнус и повернулся к леди Феннелтри, ласково улыбаясь: — Похоже, вы весьма отчетливо помните события вечера двадцать восьмого апреля.

— Вот именно, — сказала леди Феннелтри. — Весьма отчетливо.

— Простите, что я на этом остановился. Для получившей отменное воспитание впечатлительной женщины то, что тогда произошло, должно было представляться просто ужасным, а потому было бы только естественно, если бы какие-то частности не совсем отчетливо сохранились в вашей памяти.

— Сэр Магнус, — твердо произнесла леди Феннелтри, — может быть, я и не наделена всеми теми качествами, кои

вы называли, но одно качество никогда не изменяет мне. Я чрезвычайно наблюдательна.

— Настолько,— как бы говоря с собой, отметил сэр Магнус,— что мимо вашего внимания прошел тот факт, что в ваших конюшнях поселился слон.

Леди Феннелтри злобно посмотрела на него.

— У меня не заведено,— отрезала она,— проводить время на конюшне, а мой супруг скрыл тот факт, что там втайне содержится слон.

— Конечно, конечно,— сказал сэр Магнус успокоительным тоном,— не заметить такое мог бы любой из нас, верно?

Он посмотрел на присяжных, как бы ожидая, что они проявят сочувствие к незадачливой леди Феннелтри.

— Однако,— продолжал он,— вернемся к вечеру двадцать восьмого апреля. Вы сообщили, что слон заскользил через бальный зал, опрокинул столы с вином и яствами, после чего стал метаться взад-вперед, высматривая, как вы сказали, кого бы сожрать. Ваши воспоминания в этой части совершенно ясны?

— Совершенно,— подозрительно ответила леди Феннелтри.

— Далее, по вашим словам, вы пришли в себя в тот момент, когда слон намеренно пытался убить сэра Губерта?

— Да,— подтвердила леди Феннелтри.

— Вам самой довелось пережить неприятные минуты, когда вас подхватил хоботом слон, и вы лишились чувств, как и должно было быть, разумеется. Когда же вы пришли в себя, то обнаружили, исходя из ваших показаний, что лежите на лососе?

— Да,— сказала леди Феннелтри.

— Вы получили при этом какие-нибудь ушибы или ссадины?

— Нет, но я могу объяснить это только тем, что зверь, слава Богу, оставил меня, предпочтя атаковать сэра Губерта.

— Я не назвал бы этого слона ненасытным,— заключил сэр Магнус.— Казалось бы, ему следовало управиться с одной жертвой, прежде чем приниматься за другую.

— Тем не менее так все и было,— сказала леди Феннелтри.

Сэр Магнус вздохнул, рассеянно извлек из кармана табакерку, зарядил ноздри понюшкой и чихнул.

— Сэр Магнус,— взял слово судья,— надеюсь, мне не придется больше напоминать, чтобы вы не чихали в суде.

— Простите, милорд,— отозвался сэр Магнус,— это все от волнения. Лишь с величайшей неохотой должен я вынуждать леди Феннелтри подвергаться крайне неприятным испытаниям на свидетельской скамье. Правдивый законопослушный гражданин не может не почитать такое положение унижительным для себя.

Он закрыл щелчком табакерку, вернул ее в карман и снова обратился к леди Феннелтри. Казалось, с ним произошла некая трудно уловимая перемена. Он весь подобрался и ошетинился, как настороживший уши маленький терьер перед кроличьей норой.

— Итак, леди Феннелтри, мы установили, что вы необычайно наблюдательны и предельно ясно помните события упомянутого вечера, установили также, разумеется, что ваша честность не подлежит сомнению.

Он бросил на присяжных искрящийся взгляд, и все они произвольно кивнули.

— А потому,— сказал сэр Магнус,— я не вижу необходимости больше особенно задерживать вас. Остается лишь один *маленький* момент, который я просил бы вас прояснить для присяжных.

Он остановился, опустил взгляд на свои записи. Для всех, включая леди Феннелтри, было абсолютно ясно, что он не читает их. Речь шла об эффектной паузе, сэром Магнусом явно была заготовлена какая-то западня. Леди Феннелтри понимала, что он готовит некий маневр, ее аристократический нос чуял опасность, но она не видела, откуда именно эта опасность исходит. Наконец сэр Магнус поднял голову и с обезоруживающим дружелюбием пошевелил белоснежными бровями.

— Вы говорите, что слон заскользил через зал прямо на столы с яствами? — спросил он.

— Я уже сказала вам об этом,— подтвердила леди Феннелтри.

Сэр Магнус полистал свои бумаги.

— После чего слон стал бросаться в разные стороны?

— Да,— сказала леди Феннелтри.

— По вашим словам, во время этих разрушительных движений он сорвал с потолка канделябр?

— Да.

— Насколько я понимаю, бальный зал в усадьбе Феннелтри-Холл достаточно велик?

— Это великолепное помещение, — ответила леди Феннелтри.

— И если не ошибаюсь, в одном его конце есть балкон для музыкантов?

— Да, там помещался оркестр, — сказала леди Феннелтри.

— Естественно предположить, — ласково продолжал сэр Магнус, — что в таком великолепном помещении должны быть высокие потолки?

— Полагаю, — самодовольно заметила леди Феннелтри, — что высота бального зала составляет около пятнадцати метров.

— Вам доводилось когда-либо измерять хобот слона?

В зале воцарилась напряженная тишина. Все, кроме судьи и присяжных, внезапно сообразили, куда клонит сэр Магнус.

— Я предпочитаю не тратить свой досуг на измерение длины слоновых хоботов, — с достоинством объявила леди Феннелтри.

— Так вот, за последние десять дней мне представилась уникальная возможность выполнить такой эксперимент, — сообщил сэр Магнус. — При этом я обнаружил, что ни один, даже самый злобно настроенный слон не смог бы дотянуться хоботом до канделябра, подвешенного на высоте пятнадцати метров, и сорвать его.

Он остановился, поправил свой парик, затем продолжал мягким сочувственным тоном:

— Леди Феннелтри, вам довелось испытать страшное потрясение. Представляется только естественным, что при таких обстоятельствах женщина столь изысканных качеств могла допустить ошибку.

Введенная в заблуждение внезапным переходом сэра Магнуса от резкости к симпатии, леди Феннелтри наклонила голову.

— Возможно, в данном случае, — сказала она, — я и впрямь ошиблась.

— Весьма прискорбно, — бесстрастно заметил сэр Магнус, — поскольку вас, как вы сами говорите, отличает острая наблюдательность. В одном лишь этом случае (и кто станет вас упрекать) вы допустили ошибку. Однако вы

уверяете нас, что во всем остальном ваш рассказ абсолютно точен, и кто я такой, чтобы подвергать сомнению слова знатной дамы?

Отвесив легкий поклон, он сел.

— Что вы такое несете, черт побери? — спросил Адриан. — Какое отношение все это имеет к моему делу?

Сэр Магнус холодно глянул на него из-под бровей.

— Посмотрите на присяжных, — сказал он.

Адриан посмотрел и увидел двенадцать лиц, пожирающих глазами леди Феннелтри. Перед ними была аристократка, особа, которой по всем нормам и законам полагалось быть непогрешимой, а тут сэр Магнус посредством некой алхимии доказал, что она способна так же обмешуливаться, как любой из них. Мысль эта дозревала в их сознании, как на дрожжах. Адриан опешил.

— Но послушайте, — прошептал он, — ведь это *из-за* Розы упал канделябр.

Сэр Магнус достал из кармашка табакерку, осторожно открыл ее, потом поглядел на Адриана.

— Будьте осмотрительнее в выборе выражений, — спокойно произнес он. — Не повторяйте ошибок леди Феннелтри. Канделябр упал *из-за* Розы, но она *не срывала* его.

— Не вижу разницы, — заметил Адриан.

— Бросьте играть словами, — сказал сэр Магнус. — На самом деле меня нисколько не интересует этот канделябр. Что мне интересно, так это загнать в угол эту, как вы выразились, мстительную старую корову.

Леди Феннелтри покинула свидетельскую скамью, бросая злобные взгляды на сэра Магнуса. Слово взял сэр Огастес.

— Мой следующий свидетель — лорд Феннелтри, — объявил он без особого воодушевления.

Лорд Феннелтри беспечной походкой, словно направляясь в свой любимый клуб, проследовал к свидетельской скамье, улыбнулся и приветственно помахал рукой Адриану, после чего утвердил в глазу монокль и поклялся говорить только правду. Сэр Огастес, удостоверив его личность, прокашлялся и устремил на свидетеля выразительный взгляд.

— Насколько я понимаю, — начал он, — двадцать первого апреля, лорд Феннелтри, вы встретили обвиняемого, Адриана Руквисла, на дорожке на некотором расстоянии от вашего дома.

— Совершенно верно, дружище,— кивнул лорд Феннелтри.

— Затем вы предложили ему, чтобы он и его слон погостили в Феннелтри-Холл, чтобы слон мог участвовать в праздновании дня рождения вашей дочери?

— Точно,— ответил лорд Феннелтри.— Вы ухватили самую суть.

— Полагаю,— продолжал сэр Огастес с видом человека, основательно проинструктировавшего свидетеля,— что обвиняемый ни одним словом не дал вам понять, что животное, о котором идет речь, могло представлять опасность для жизни и собственности людей?

— Ну да,— задумчиво произнес лорд Феннелтри,— чего не было, того не было, так ведь у него не было и причин для этого, верно?

— Лорд Феннелтри,— поспешил заметить сэр Огастес,— я был бы рад, если бы отвечали на мои вопросы только «да» или «нет». Пространные ответы только сбивают с толку присяжных.

Тут сэр Магнус открыл один глаз и презрительно фыркнул.

— Когда вы ввели слона в бальный зал, чем это кончилось? — спросил сэр Огастес.

Лорд Феннелтри не ответил.

— Говорите же, сэр,— раздраженно поторопил его сэр Огастес,— вы не можете не знать, что произошло, когда вы ввели в зал слона.

— На такой вопрос,— сказал лорд Феннелтри, жалобно глядя на судью,— страшно трудно ответить только «да» или «нет». Могу я воспользоваться каким-нибудь другим словом?

— Разумеется,— ответил судья.

— Позвольте мне повторить вопрос,— сдался сэр Огастес,— что явилось результатом появления слона в бальном зале?

— Хаос,— радостно улыбнулся его светлость.

— Что именно вы подразумеваете, говоря «хаос»?

— Полный сумбур,— сказал его светлость.— Роза опрокинула все столы, сшибла канделябр, лихо станцевала вальс с моей супругой, затем подхватила старину Дарси и усадила его на пол. Заверяю вас, если бы не возмущение моей супруги, все было бы очень забавно.

— Итак, милорд,— обратился сэр Огастес к судье,— я полагаю, мне удалось показать, что этот слон — дикое свирепое животное, что Адриану Руквислу это было известно и что он тем не менее, нисколько не считаясь с неприкосновенностью лиц или собственности, вновь и вновь позволял ему творить бесчинства на своем пути.

Он озабоченно поглядел на сэра Магнуса и добавил:

— Может быть, мой достойный друг желает провести перекрестный допрос?

— Нет,— ответил сэр Магнус, сопровождая свои слова покровительственным жестом,— у меня нет желания сейчас проводить перекрестный допрос, милорд, но я просил бы вашего разрешения вызвать этого свидетеля позднее.

Сэр Огастес вскочил на ноги.

— Возражаю, милорд! Это совершенно неэтично.

— В самом деле, сэр Магнус, это необычно,— сказал судья.

— Верно, милорд, я понимаю,— отозвался сэр Магнус.— Однако мне кажется, что когда вы выслушаете других моих свидетелей, то убедитесь, что у лорда Феннелтри найдется что сказать в пользу моего подзащитного.

— Хорошо,— заключил судья.— Но только в виде исключения. А теперь предлагаю сделать перерыв. Не знаю, как вы, джентльмены, но я что-то проголодался. Продолжим заседание в два часа.

— Милорд,— обратился к нему сэр Магнус,— тюремная пища не из тех, что побуждает гурмана дрожать от восторга. А потому обращаю к вашей светлости смиреннейшую просьбу отпустить моего клиента, чтобы он мог перекусить вместе со мной.

— Право же, сэр Магнус, вы удивляете меня необычными просьбами,— сурово молвил судья.— Однако я не вижу, чтобы от этого мог быть какой-то вред. Только потрудитесь привести его обратно.

— Спасибо, милорд,— сказал сэр Магнус.

Все встали, судья выбрался из кресла и прошел в свой кабинет.

— Ну так,— заключил сэр Магнус, заряжая ноздри доброй порцией табака,— заседание прошло весьма успешно.

Громко чихнул и повернулся к Адриану:

— Пошли, мой мальчик, перекусим.

— Не вижу, чему это вы так радуетесь,— заметил Адриан.— Насколько я понял, все говорили сейчас всякий

взор, который можно толковать и так и сяк, а сторона обвинения просто *лжет*.

— Мальчик мой, — сказал сэр Магнус, — какой же вы очаровательный простака. Ничего, подождите следующего заседания, когда *мы* начнем лгать.

Глава двадцатая **ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА**

Они пересекли улицу и вошли в небольшой трактир с дубовыми балками, где подкрепились несколькими кружками пива и поджаристыми телячьими отбивными с буmajной балетной юбочкой на косточке. Гарнир состоял из политых маслом нежных зеленых побегов спаржи, картофельного пюре на сливках и сплоченных рядов зеленого горошка. За отбивными последовал вишневый пирог и набор сыров, настолько зрелых, что запах их было слышно еще на подходах к трактиру.

— Почему вы сказали, что хотите повторно вызвать лорда Феннелтри? — спросил Адриан под конец ленча.

Сэр Магнус положил на кусок хлеба большой кусок зеленовато-желтого сыра и затолкал в рот.

— Потому, — ответил он, работая челюстями, — что, на мой взгляд, защите от него будет больше проку, чем обвинению.

— Но ведь он свидетель обвинения.

— Это он так думает, — поправил Адриана сэр Магнус. — И сам обвинитель тоже, на самом же деле, если нам суждено выиграть это дело, то именно с его помощью.

Он посмотрел на часы.

— А теперь выпьем еще по кружечке пива да поспешим обратно в суд.

После перерыва сэр Огастес вызвал мистера Клеттеркапа, однако его показания вряд ли можно было считать удачными для обвинения, ибо было слишком очевидно, что мистер Клеттеркап явно настроен добиваться любой ценой, чтобы и Адриан и Роза были осуждены. Тем не менее тот факт, что одна из его ног была облачена в толстый слой гипса и к свидетельской скамье он добирался при помощи костылей и двух полицейских, несомненно, произвел впечатление на присяжных. Дождавшись, когда мистер Клеттеркап проковылял к выходу из зала, сэр Огастес встал и поправил свою мантию. После чего как бы задумчиво пододвинул почти ласковым жестом поближе к себе стопку томов и опустил на них обе ладони.

— Милорд,— начал он,— полагаю, услышанного вами здесь довольно, чтобы убедить вас в том, о чем я говорил в самом начале — перед нами весьма необычное дело.

— Да уж,— милостиво согласился порозовевший после ленча судья.— Я назвал бы его необычным, даже не будь в нем никаких животных.

— Мне хотелось бы теперь,— сказал сэр Огастес,— прежде чем мы станем слушать доводы защиты — если тут вообще могут быть какие-либо доводы — процитировать одно-два сходных дела, которые мне удалось разыскать.

Он открыл один из лежащих перед ним толстых томов и повел указательным пальцем по строчкам.

— Вот, например,— продолжал он,— мы видим дело Короны против Пигвисла, тысяча восемьсот восемьдесят четвертый год, где обвиняемый имел в своем владении большую лошадь-тяжеловоз, которая сняла и съела не только шляпу, но и парик с головы пожилой леди на Хай-стрит. Вы можете увидеть, милорд, как судья постановил, что обвиняемый, владея лошадью-тяжеловозом и зная о ее патологическом пристрастии к цветам, был ответствен за то, что позволил ей приблизиться на пищевое расстояние к шляпе упомянутой леди. Я вижу в этом весьма яркую параллель делу, которое мы рассматриваем сегодня.

— Недурно, недурно,— отозвался судья.— Однако, сэр Огастес, если упомянутое лицо вполне управляло своей лошадью, а женщина сама подошла слишком близко к тяжеловозу, что тогда?

— Полагаю, — самодовольно заметил сэр Огастес, — лучшим ответом послужит цитата из дела Короны против Клачпенни, тысяча восемьсот девяносто четвертый год. У обвиняемого по этому делу был большой бык...

— Вы не могли бы, — перебил его судья, — подобрать сходное дело без каких-либо животных? А то недолго и запутаться во всех этих лососях, тяжеловозах, быках и слонах.

— К сожалению, милорд, — ответил сэр Огастес, — довольно трудно найти *сходные* дела, где бы не шла речь о животных.

— До сих пор, — раздраженно заметил судья, — я как-то не подозревал, что вся наша правовая система наводнена птицами небесными и тварями земными. Однако продолжайте.

И сэр Огастес продолжил. Около четверти часа он торжественно открывал один том за другим и цитировал дела, не имеющие, на взгляд Адриана, никакого отношения к его делу. В конце концов сэр Огастес неохотно закрыл последний том и благоговейно опустил его на стол.

— Полагаю, милорд, — заключил он, — таким образом должны быть разъяснены кое-какие аномалии, которые могли озадачить присяжных.

— Буду счастлив, — отозвался судья, — если присяжные хоть что-нибудь поняли. Но прежде, чем вы сядете, сэр Огастес, разъясните мне кое-какие детали, касающиеся дела человека с удавом.

— Похоже, у меня нет никакой надежды, — сказал Адриан сэру Магнусу.

Горы приведенных сэром Огастесом примеров совершенно убедили его, что он проиграл дело. Сэр Магнус открыл глаза и улыбнулся Адриану.

— Всегда помните, дружище, книги — что инструменты, все зависит от того, как ими пользоваться. При неумелом обращении можно порезаться о стамеску.

Он наклонился и ласково погладил предмет, коего Адриан прежде не замечал. Под столом сэра Магнуса стоял большой кожаный чемодан. Видимо, во время ленча сэр Магнус послал за ним Скрича. Оставалось лишь догадываться, что лежит в этом чемодане.

— Бедный старина Гасси, — самодовольно произнес сэр Магнус, аккуратно собирая вместе свои бумаги так, словно

готовился раздавать карты,— он был обречен еще до того, как раскрыл рот.

— Обречен? — воскликнул Адриан.— Да ведь он привел неопровержимый аргумент. Мы не можем отрицать, что Роза натворила все эти дела. Конечно, у нее были самые лучшие намерения, но ведь *натворила*.

— Поживем — увидим,— ответил сэр Магнус, величественно вставая на ноги.

— Милорд,— начал он, учтиво поклонившись судье и милостиво улыбнувшись присяжным.— Перед нами, как весьма проникательно заметил мой ученый друг, весьма необычное дело.

Сэр Магнус остановился, достал из-под стола кожаный чемодан, открыл его и медленно, осторожно извлек три дюжины толстых томов, из которых соорудил нечто вроде оборонительного сооружения.

— Все эти тома,— он погладил книги, словно лошадь,— содержат аналогичные случаи, неопровержимо доказывающие невиновность моего клиента. Но,— он поднял указательный палец,— поскольку присяжным совершенно очевидна невиновность моего клиента, не стану утомлять вас массой подробностей.

Сэр Магнус собрал тома и вернул их в чемодан. Его действия явно произвели большое впечатление на присяжных.

— Уважаемые члены жюри присяжных,— продолжал сэр Магнус.— Перед вами обвиняемый — Адриан Руквисл. Всякому должно быть абсолютно ясно, что он честный, благородный, достойный молодой человек, наделенный особым качеством, коим все мы восхищаемся и коим мало кто из нас обладает. Я говорю о храбрости. Кто из вас, джентльмены, бесстрашно бросился бы в бурное, штормовое море, чтобы спасти бессловесное животное? Как я уже говорил вам, невиновность моего клиента очевидна. Вы знаете это, и я это знаю. Все дело в том, чтобы установить, как все вы несомненно поняли, является ли данный слон неуправляемым свирепым зверем, каким его здесь изобразили. Чтобы внести ясность в этот вопрос, я пригласил несколько свидетелей. Мистер Паклхэммер!

Мистер Паклхэммер занял место на свидетельской скамье, улыбнулся Адриану и приветствовал его ободряющими жестами. Поклялся говорить только правду и приготовился внимательно слушать сэра Магнуса.

— Если не ошибаюсь, мистер Паклхэммер, — сказал сэр Магнус, — вы находились вместе с обвиняемым Руквислом в тот день, когда ему привезли слона.

— Так точно, — подтвердил мистер Паклхэммер, — он привел его ко мне на лесной двор.

— На ваш лесной двор? Назовите конкретно вашу профессию.

— Я гробовщик и плотник, — сообщил мистер Паклхэммер.

— В таком случае ваш двор, надо полагать, был полон всякими предметами вашего производства?

— Простите, сэр, вы о чем? — не понял мистер Паклхэммер.

— Ваш двор был полон гробов и прочих изделий?

— Да, — сказал мистер Паклхэммер.

— Я частенько спрашивал себя, — вступил судья, — как это плотники ухитряются придавать гробам такую форму.

— Уверен, милорд, — мягко заметил сэр Магнус, — что мистер Паклхэммер с радостью покажет вам, как это делается, когда закончится этот процесс.

— Буду весьма благодарен, — отозвался судья.

— Итак, — продолжал сэр Магнус, — вы говорите, что слонику Рози привели на ваш двор. Пока слониха находилась там — если не ошибаюсь, это было два дня — каковы были ее манеры?

— Хлеб, в основном, — ответил мистер Паклхэммер. — Потом мы обнаружили, что она так же охотно ест овощи.

— Нет-нет, я спрашиваю про ее поведение.

— Она вела себя чудесно, — горячо заявил мистер Паклхэммер, — это милейшее животное.

— Стало быть, находясь на вашем дворе, она не причинила вам никаких неприятностей?

— Абсолютно никаких. Золото, а не зверь. И какой работающий. Она помогла нам с Адрианом вымыть двуколку.

— Вымыть двуколку? — переспросил судья.

— Ну да, сэр, понимаете, мы принялись чистить двуколку, и Рози поливала ее водой из хобота.

— Поразительно, — сказал судья. — Вам приходилось когда-нибудь в вашей жизни, сэр Магнус, видеть слона, моющего двуколку?

— Нет, милорд, — ответил сэр Магнус, — чего не было, того не было. Но я не сомневаюсь, что это чрезвычайно умные животные.

— Поразительно, — повторил судья. — Продолжайте, прошу вас.

— Итак, за целых два дня, что слониха находилась на вашем дворе, она не причинила ущерба ни вам, ни вашему имуществу? — спросил сэр Магнус мистера Паклхэммера.

— Никакого ущерба, — решительно молвил тот. — Как я уже говорил вам, она вела себя тихо, как мышь. Роза не способна намеренно кого-нибудь обидеть.

— Благодарю, — сказал сэр Магнус и посмотрел вопросительно на обвинителя.

Однако сэр Огастес, впервые услышавший о пребывании Розы на дворе Паклхэммера, не представлял себе, какие вопросы задавать, а потому ограничился тем, что скорбно покачал головой.

— Вызываю Эмили Нелли Делилу Триклтрот, — возвысил голос сэр Магнус.

— Это еще кто такая? — прошептал Адриан.

— Черная Нелл, — объяснил сэр Магнус.

Черная Нелл, этакая вертлявая птичка в потрепанном оперении, заняла место на свидетельской скамье, где ее голова едва выдавалась над стойкой.

— Если не ошибаюсь, — сказал сэр Магнус, — вы встретились с обвиняемым Руквислом и его слоном, когда направлялись на ярмарку в Татлпенни.

— Точно, — ответила Черная Нелл.

— Ваша профессия — ворожея?

— Колдунья.

По залу пробежал шумок. Присяжные дружно воззрились на Черную Нелл.

— Колдунья? — спросил судья.

— Да, ваша честь, — сказала Черная Нелл. — Я белая колдунья. Черная Нелл — это прозвище.

— Весьма странно. — Судья посмотрел на сэра Магнуса. — Вы не могли бы объяснить нам, как это понимать?

— Разумеется, милорд. Судя по всему, существует два рода колдуний — черные, которые творят злодейские дела, и белые, которые творят добрые дела. Эта леди — белая колдунья, и наряду с колдовством она еще предсказывает судьбу.

— Вы пользуетесь хрустальным шаром? — осведомился судья.

— Иногда, — ответила Черная Нелл. — Довольно редко.

— Когда-то у меня был такой шар,— задумчиво произнес судья.— Но я ничего в нем не видел.

— Это вопрос концентрации,— объяснила Черная Нелл.— Попробуйте как-нибудь посмотреть на брильянтовое кольцо.

— Брильянтовое кольцо? В самом деле? Непременно попробую.

— Могу я продолжать, милорд? — спросил сэр Магнус с страдальческим видом.

— Конечно, конечно,— ответил судья.

— Итак, что произошло, когда вы встретились с обвиняемым и его слоном?

— Понимаете, я в это время спала. И вдруг весь мой фургон начал качаться.

— Теперь,— вмешался судья,— нам, видимо, еще предстоит разбираться с колесными экипажами? Кажется, этот фургон еще не упоминался?

— Не упоминался,— подтвердил сэр Магнус.— Речь идет о фургоне, принадлежащем свидетельнице.

— И почему же он начал качаться?

— Потому что об него скребся слон,— сказала Черная Нелл.

— У слонов заведено скрестись о фуруны? — обратился судья к сэру Магнусу.

— Насколько я понимаю, милорд, все толстокожие, найдя подходящие жесткие поверхности, трутся о них, когда чешется кожа,— сообщил сэр Магнус.

— Я вижу, мы так немало узнаем про слонов,— удовлетворенно заметил судья.— Хорошо, продолжайте.

— И когда вы вышли из фургона,— сказал сэр Магнус,— слон набросился на вас?

— Слава Богу, ничего подобного не было,— ответила Черная Нелл.— Он был ручной, словно кролик. Мы потом сели и вместе позавтракали.

— Стало быть, он не повредил ваш фургон и никак не пытался нанести вам какую-либо обиду?

— Никак нет, это животное мухи не обидит.

— Благодарю,— заключил сэр Магнус и снова посмотрел на сэра Огастеса.

Однако сэр Огастес опасался, что его совсем запутают не имеющими отношения к делу подробностями ворожбы, и опять отказался от перекрестного допроса.

— Прошу теперь вызвать Перегрину Филигри,— сказал сэр Магнус.

Мистер Филигри, лицо — сплошная улыбка, вошел враскачку в зал и не без труда втиснулся на свидетельскую скамью.

— Привет, Адриан! — помахал он пухлой рукой. — Как дела?

Судья уставился на него.

— Мистер Филигри,— сказал он,— буду вам признателен, если вы ограничитесь дачей показаний, вместо того чтобы затевать развязную болтовню с обвиняемым.

— Извините, ваша светлость,— покорно отозвался мистер Филигри.

Секретарь суда поднес ему Библию для принесения присяги.

— У вас тут случайно нет молитвенного колеса? — спросил мистер Филигри.

— Что это такое? — удивился судья.

— Насколько я понимаю, милорд,— вступил сэр Магнус,— молитвенное колесо используется исключительно в Тибете и других местах, где главной религией является буддизм.

— И зачем вам нужно молитвенное колесо? — обратился судья к мистеру Филигри.

— Затем, что я буддист.

— Право, сэр Магнус, мне кажется, вряд ли мы можем на этой стадии процесса предложить секретарю суда начинать поиски молитвенного колеса. К тому же я не уверен, что это было бы по закону,— усомнился судья.

— Послушайте, мистер Филигри,— сказал сэр Магнус,— а вы не могли сделать нам такую любезность, поклясться на Библии, сделав вид, что это молитвенное колесо?

— Охотно,— ответил мистер Филигри,— если вам от этого будет легче.

— А теперь,— заявил судья,— может быть, приступим к делу.

— Мистер Филигри,— начал сэр Магнус,— вечером двадцать восьмого апреля обвиняемый, Адриан Руквисл, и его слон прибыли на постоялый двор «Единорог и Лира», который содержите вы и ваша дочь?

— Точно, — заулыбался мистер Филигри. — Это был такой приятный сюрприз!

— Не могли вы своими словами рассказать его светлости и присяжным, как именно это произошло?

— Охотно. — Мистер Филигри сложил свои толстые руки, как для молитвы, и сосредоточил взгляд своих круглых глаз на судье. — Понимаете, у меня много лет не было слонов.

— Не могли бы вы подробнее изложить столь поразительное заявление? — попросил судья.

— Понимаете, когда-то у меня был сто один слон, и самым главным, разумеется, был Пу-Тинь. Но это было довольно давно.

— Верно ли я понял, сэр Магнус, что свидетель утверждает под присягой, будто у него был сто один слон?

— Да, милорд.

— Мне показалось, — продолжал судья, — и прошу вас, сэр Магнус, поправить меня, если я ошибаюсь, что у обвиняемого были изрядные проблемы с одним слоном. Каким образом этот джентльмен ухитрился успешно управлять сто одним?

— Полагаю, милорд, — учтиво заметил сэр Магнус, — он держал их, находясь в Индии во время одной из своих прежних инкарнаций. Я привлек его в качестве свидетеля только потому, что у него изрядный опыт обращения со слонами.

Судья был сбит с толку еще больше, чем присяжные.

— Очевидно, — сказал он, — этот свидетель выступает здесь в роли эксперта.

— Так точно, милорд.

Присяжные перешептывались и обменивались кивками, точно полный курятник кур, затем председатель встал.

— Простите, милорд, — обратился он к судье, — нельзя ли внести ясность в один вопрос?

— Думаю, следует это сделать, — неуверенно произнес судья. — В этом деле много вопросов, которые мне хотелось бы прояснить. Что вы хотите узнать?

— Понимаете, нас несколько озадачило слово «инкарнация» — что оно означает?

— Хороший вопрос. — Судья с надеждой посмотрел на сэра Магнуса.

— В некоторых странах, — важно произнес сэр Магнус, — где исповедуют не христианство, а буддизм, приня-

то верить, что человек проживает не одну, а несколько жизней.

— Совершенно верно,— подтвердил мистер Филигри.

— Таким образом,— сказал сэр Магнус,— нам чрезвычайно посчастливилось, что мы смогли привлечь свидетелем мистера Филигри. Я бы даже сказал, что еще ни одному суду присяжных не доводилось слушать столь поразительные показания. Вам представляется возможность, джентльмены, ознакомиться с знаниями эксперта, накопленными за много лет общения не только с одним слоном, а, как вы смогли убедиться, с целой сотней принадлежавших ему толстокожих. Конечно же, вы отлично понимаете, что у человека, владевшего сто одним слоном, есть все основания просвещать нас, не столь выдающихся смертных, на чью долю не выпадало привилегии владеть хотя бы одним.

Председатель присяжных был заметно ошеломлен. Он открыл рот раз-другой, будто задыхающаяся золотая рыбка, потом молча сел.

— Мистер Филигри,— продолжал сэр Магнус,— я разъяснил присяжным, что вы подлинный эксперт во всем, что касается слонов. Позвольте теперь попросить вас поделиться с присяжными вашими впечатлениями о слонихе, о которой идет речь, то бишь о Розе.

— Роза,— пропищал мистер Филигри, краснея от волнения,— один из самых милых, самых прелестных слонов, с какими я когда-либо встречался. Единственный ее порок, заслуживающий упоминания, отсутствие клыков.

— Почему отсутствие клыков — порок? — осведомился судья.

— Нет клыков — не в чем сверлить отверстия.

— Сэр Магнус,— сказал судья,— не могли бы вы как-то следить за тем, что говорят ваши свидетели. У меня складывается впечатление, что они приводят факты, не имеющие никакого отношения к рассматриваемому делу.

— Разумеется, милорд,— ответил сэр Магнус.

— Я вовсе не хотел сказать ничего дурного про Розу,— серьезно произнес мистер Филигри, укоризненно показывая пальцем на судью.

— Вы назвали бы ее злобным существом? — спросил сэр Магнус.

— Злобным?! — Мистер Филигри даже побагровел от негодования. — Роза — злобная? Да она один из добрейших слонов, с какими я когда-либо имел дело.

— Благодарю, — заключил сэр Магнус. — И как нам всем понятно, ваши слова основаны на огромном опыте обращения со слонами.

Сэр Огастес не был особенно расположен вести перекрестный допрос, но, упустив перед тем двух свидетелей, он чувствовал, что просто обязан придумать что-то эффектное.

— Мистер Филигри, — язвительно молвил он, — вы не согласитесь с тем, что если мы не разделяем вашу веру в реинкарнацию, то цена вашим показаниям — ноль.

— Ни в коем случае, — пропел мистер Филигри. — Если вы не верите, в том нет вашей вины. Понимаете, я располагаю убедительными свидетельствами. Я рассказывал Адриану про моего кота. Вот вам великолепный пример.

— Сэр Огастес, — вмешался судья, — не знаю уж почему, но всякий раз, когда вы допрашиваете свидетеля, вам удается вовлечь в дискуссию еще какое-то животное. Это сбивает нас с толку.

— Милорд, — отозвался сэр Огастес, — я просто хотел прояснить...

— И вам это не удалось, — отчеканил судья. — Теперь вот у нас появился еще и кот.

— Чудесный кот, — сообщил мистер Филигри. — Он тотчас меня узнал.

— Ваш кот не имеет ровным счетом никакого отношения к рассматриваемому делу, — возразил судья. — Сэр Огастес, то, как вы ведете допрос, ни с чем не сравнимо.

— Как скажете, ваша светлость, — сдержанно ответил сэр Огастес. — Тогда у меня нет больше вопросов.

Он сел и бросил злобный взгляд на сэра Магнуса, который откинулся на стуле с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах.

— Свидетель свободен, — сообщил судья, полистал свои бумаги, потом обратился к сэру Магнусу: — Вы намерены вызвать еще свидетелей, сэр Магнус?

— Да, милорд, у меня есть несколько.

Судья поглядел на часы.

— Хорошо, в таком случае буду рад, если вы проведете допрос возможно быстрее.

Дальше сэр Магнус вызвал Гонорию, и, к великому удивлению Адриана (у него сердце оборвалось при звуке

ее имени), она оказалась отличным свидетелем. Лишь потом он узнал, что такому успешному выступлению способствовали полторы бутылки джина. Заняв место на свидетельской скамье, она давала показания голосом, в котором воодушевление чередовалось с волнением, и великолепный бюст ее грозил вырваться из низкого декольте, приковывая к себе жадные взгляды присяжных. Ее панегирик Розы и своей дружбе со слонихой был подлинным шедевром. С гордо поднятой головой, обливаясь слезами, Гонория говорила, что это она, только она одна повинна в постигшем театр разгроме, потому что напоила Розыджином. Под конец ее речи присяжные дружно вытирали увлажнившиеся глаза, и даже судья вынужден был хорошо высморкаться, прежде чем отпустил Гонорию.

Следующим место на свидетельской скамье занял Этельберт. Он подтвердил показания Гонории и еще добавил кое-что от себя. В какой-то момент ему было сделано замечание за то, что он назвал судью «дружище»; тем не менее ни у кого в зале не осталось сомнения в том, что Этельберт — честный, искренний свидетель.

Сэр Магнус намеревался вызвать Сэмэнту, но тут Адриан сказал «нет». Он не желал, чтобы Сэмэнта очутилась на свидетельской скамье под градом вопросов сэра Огастеса. Впрочем, он зря волновался, ибо сэр Огастес после неудавшегося перекрестного допроса мистера Филигри сидел, понурившись, точно унылая ворона, и лишь отрицательно качал головой, когда ему предлагали задавать вопросы.

— Теперь, — сказал сэр Магнус, когда удалился Этельберт, — у нас начинает складываться ясная картина.

— Полагаю, вы правы, сэр Магнус, — неуверенно согласился судья.

— Думается, я смог предельно убедительно показать, что слон, о котором идет речь, самый очаровательный и кроткий представитель своей породы. В тех случаях, когда он причинял какой-то ущерб, это было вовсе не умышленно, и винить тут нельзя ни его, ни его хозяина.

— Возможно, сэр Магнус, — вступил судья, — вам и впрямь это теперь совершенно ясно, чего я не могу сказать о себе.

— Прекрасно, милорд, в таком случае, если суд не возражает, прошу повторно вызвать лорда Феннелтри.

Лорд Феннелтри благодушно проследовал на свидетельскую скамью, протер монокль и вставил его в глаз, расставляя улыбки.

— Забавно, — отметил он. — Не думал я, что мне придется выступить дважды.

— Лорд Феннелтри, — обратился к нему сэр Магнус. — Не могли бы вы восстановить в памяти события вечера двадцать восьмого апреля? Вечера, когда был устроен бал в честь дня рождения вашей дочери.

— Как же, как же, — отозвался лорд Феннелтри. — Отлично помню.

— Итак, вами было задумано, что вы и обвиняемый въедете на слоне в бальный зал, правильно?

— Несомненно, — ответил лорд Феннелтри.

— До этого вечера слон проявлял какие-нибудь дурные наклонности?

— Кто — старушка Роза? Конечно же нет. Чудеснейшее животное.

Сэр Магнус удовлетворенно улыбнулся.

— Однако в день бала, — продолжал он, — у обвиняемого возникли все же какие-то сомнения относительно уместности задуманного приключения?

— Сомнения, — усмехнулся его светлость, — да он весь был сплошной комок нервов. Поверьте, этот парень чересчур подвержен волнениям. От этого у него сплошные проблемы. Я все время твердил ему, что волноваться вредно для здоровья.

— Иначе говоря, — сказал сэр Магнус, — он уверял вас, что, может быть, не стоит вводить слона в бальный зал.

— Раз десять в день твердил, если не больше.

— Почему? — спросил сэр Магнус.

— Понимаете, он считал, что это не понравится моей жене. Такое уж впечатление она производит на некоторых людей.

— Могу себе представить, — сухо заметил сэр Магнус. — А потому перед самым праздником он несколько раз пытался убедить вас отказаться от вашего плана.

— Совершенно верно.

— Вечером, когда должен был состояться бал, он по-прежнему опасался за исход вашей затеи.

— Опасался — не то слово, — ответил лорд Феннелтри. — И конечно, когда он обнаружил, что слониха под

хмельком, мне стоило великого труда довести до конца задуманное.

— Понятно,— вкрадчиво произнес сэр Магнус.— Таким образом, обвиняемый фактически желал все отменить еще накануне праздника, а перед самым балом, обнаружив, что животное находится в состоянии опьянения, снова всячески пытался уговорить вас отменить эту затею.

— Ну да.

— Иначе говоря,— продолжал сэр Магнус,— мы вправе сказать, что ни животное, находившееся под влиянием алкоголя, ни обвиняемый не были повинны в случившемся на балу погроме, поскольку прямую ответственность за это несете вы.

Наступила пауза, лорд Феннелтри обдумывал неожиданную для него оригинальную постановку вопроса.

— А что,— молвил он наконец, дыша на монокль, протирая его и снова вставляя в глаз,— а что, ведь вы совершенно правы. Это я во всем виноват.

— Руперт! — взревела сидящая в зале леди Феннелтри.— Следи за тем, что говоришь!

— Кто нарушил порядок? — осведомился судья, близоруко озираясь кругом.

— По-моему, это супруга свидетеля,— удовлетворенно сообщил сэр Магнус.

— Мадам, могу ли я попросить вас соблюдать тишину? — спросил судья.

— Не буду соблюдать! — крикнула леди Феннелтри.— В жизни не видела такого бестолкового судью. Я не собираюсь безучастно наблюдать, как вы потворствуете судебной ошибке.

— Ну, ну, дорогая,— воззвал к ней лорд Феннелтри с примирительным жестом,— успокойся.

— Не желаю успокаиваться! — прокричала леди Феннелтри.

— Леди Феннелтри,— сказал судья,— это дело и без ваших замечаний достаточно запутанное.

— Это вы его запутали!

— Мадам,— ледяным тоном произнес судья,— если вы не успокоитесь и не сядете, я буду вынужден распорядиться, чтобы вас удалили из зала суда.

Леди Феннелтри выставила вперед зонтик, точно копье.

— Только попробуйте.

— Удалите эту женщину, — возбужденно скомандовал судья.

Два рослых полицейских направились к леди Феннелтри, которая с замечательным для своей комплекции проворством отступила на три шага и сделала выпад зонтиком. Укол пришелся наиболее рослому полицейскому чуть севернее пупка, и он согнулся, задохнувшись. Тем временем леди Феннелтри развернулась и ударила его коллегу по загривку. Блюстителям порядка понадобилась не одна минута, чтобы укротить ее и с позором удалить из зала суда; присяжные с увлечением следили за этой процедурой. Уже от дверей донесся последний отчаянный вопль:

— Руперт, только посмей еще что-нибудь сказать!

— Лорд Феннелтри, — сказал судья, — прошу вас извинить нас за то, что пришлось так обойтись с вашей супругой.

— Ничего, дружище, — ответил лорд Феннелтри. — Я просто восхищен. Смогу ли я потом узнать имена этих двух доблестных полицейских?

— Мне можно продолжать, милорд, после этого неприятного инцидента? — осведомился сэр Магнус.

— Прошу вас, — отозвался судья.

— Итак, нам известно, — сэр Магнус направил взгляд на лорда Феннелтри, — что на вас лежит прямая ответственность за вред, причиненный слоном на вашем балу.

— Да-да, — подтвердил лорд Феннелтри. — По-моему, это вполне справедливое заключение, и мне только жаль, что бедняга Адриан попал в такую переделку. Он прекрасный молодой человек, и у него прелестнейшая слониха.

— Благодарю, лорд Феннелтри, — сказал сэр Магнус, — у меня нет к вам больше вопросов.

С этими словами он сел, с торжествующим видом достал из кармана табакерку, зарядил ноздри понюшками, издал оглушительный победный чих и снисходительно улыбнулся сэру Огастесу.

— Ну так, гм, — произнес судья. — Вы желаете сказать что-нибудь, сэр Огастес?

Сэр Огастес, который являл собой довольно жалкое зрелище, встал, дрожа от плохо сдерживаемой ярости.

— Милорд, — сказал он срывающимся голосом, — мне мало что добавить к уже изложенному мной. Могу только сейчас выразить надежду, что обращение моего ученого друга к множеству сомнительных свидетелей никак не по-

влияло на мнение присяжных об этом деле. На мой взгляд, вызов в суд белых ведьм, бродячих лицедеев с сомнительным моральным обликом и людей, верящих в реинкарнацию, скорее подрывает, чем укрепляет позицию защиты.

Сэр Магнус поднялся на ноги.

— Если мне будет позволено вмешаться,— заявил он,— хотелось бы подчеркнуть моему ученому другу, что помимо белых ведьм, странствующих лицедеев и людей, верящих в реинкарнацию, здесь выступил также лорд Феннелтри.

С этими словами он сел, и сэр Огастес устремил на него испепеляющий взгляд такой силы, что Адриан удивился, как сэр Магнус не превратился в облачко черного дыма.

— Полагаю,— продолжал сэр Огастес,— присяжные могут вынести только один вердикт, а именно признать виновность обвиняемого Адриана Руквисла.

Сэр Магнус снова встал.

— Полагаю, милорд, господа присяжные, что моя позиция изложена предельно ясно. Исходя из услышанных здесь показаний, считаю, что мною здесь убедительно подтверждены благонравие как моего подзащитного, так и сопровождающего его благородного животного.

Председатель присяжных уже несколько минут то открывал, то закрывал рот. Теперь и он поднялся на ноги.

— Ну, что там еще? — брюзгливо осведомился судья.

— Извините, ваша честь,— сказал председатель,— но слон, о котором идет речь, тот самый, коего мы в последнюю неделю могли видеть на набережной?

— Да,— ответил сэр Магнус,— слонихе нравится гулять там и играть с малыми детьми.

Председатель сел и принялся совещаться шепотом с остальными присяжными. Сэр Магнус смотрел на них с широкой отеческой улыбкой.

— Полагаю, милорд,— мягко молвил он,— что я вполне могу положиться на здравый смысл присяжных при вынесении справедливого вердикта.

— Конечно, конечно,— отозвался судья, беспокояно перебирая свои бумаги, потом обратился к присяжным:— Нельзя ли перестать там перешептываться и послушать меня?

Председатель снова встал.

— Извините, милорд, — объявил он, — но мы уже вынесли вердикт.

— Как-как? — раздраженно заметил судья. — Я еще должен подытожить результаты судебного следствия.

— Хорошо, сэр, — ответил председатель, садясь.

Судья прокашлялся, просмотрел свои записи, потом откинулся в кресле, закрыв глаза.

— Итак, ваша задача, — начал он, — решить — виновен или невиновен обвиняемый Адриан Руквисл.

Он открыл глаза и окинул присяжных торжествующим взглядом.

— В этом, так сказать, заключается суть всего дела. Однако есть вещи, кои вам надлежит обдумать, прежде чем вы твердо решите, виновен он или невиновен. Мы выслушали тут много показаний. — Он как-то безнадежно еще раз перебрал свои бумаги. — Много показаний — одни за, другие против. Так вот, в мои обязанности не входит разьяснять, как вам следует думать, я должен только направить вас по верному пути. Вы совершенно свободны посчитать обвиняемого виновным, даже если он невиновен. С другой стороны, вы точно так же можете посчитать его невинным, если он виновен. В этом вся прелесть нашей системы правосудия. Я нахожусь здесь лишь для того, чтобы помогать вам не заблудиться в лабиринтах закона.

Судья остановился, тихо прокашлялся, перебирая бумаги, причем некоторые из них слетели на пол.

— Итак, — продолжал он, — мы выслушали показания, из которых убедительно следует, что Адриан Руквисл, владея слоном и, вероятно, контролируя его, позволил ему причинить изрядный ущерб как людям, так и имуществу. Однако от вашей проницательности не могло ускользнуть, что этим показаниям противостоят другие показания, убедительно свидетельствующие, что животное, о котором идет речь, не обладает злобным нравом и что обвиняемый против своей воли оказался вовлеченным в дурные ситуации.

Судья остановился и обратил пристальный взгляд на председателя присяжных.

— Вы следите за ходом моих рассуждений? — спросил он.

Присяжные дружно кивнули.

— Итак, вам надлежит, — судья наставительно поднял указательный палец, — вынести вердикт «невиновен» в том

случае, если, по вашему мнению, обвиняемый Адриан Руквисл на самом деле, э, гм, невиновен. С другой стороны, если, по вашему мнению, он виновен, вам надлежит без страха и предубеждения, приняв во внимание, как я уже сказал, все стороны рассмотренного дела, вынести вердикт «виновен». Есть целый ряд моментов, кои вам следует обдумать, тщательно обдумать, например, вопрос, который для меня так и остался невыясненным, а именно: любят ли слоны пить джин. А также вы, возможно, пожелаете обдумать то, что мне представляется чрезвычайно важным показанием, из коего вытекает, что слон скользил по паркету. Столь авторитетный знаток законов, как сэр Магнус, заверил нас, что слоны могут скользить по паркету. Стало быть, если признать этот факт, мы должны заключить, что слон, о котором идет речь, действительно скользил по паркету и, как было проницательно замечено сэром Огастесом, причинил изрядный ущерб. Возьмем далее свидетельство, касающееся фургона. Вы вправе спросить себя — все вместе или каждый в отдельности — в самом ли деле слон просто поскребся о фургон или это было неспровоцированное нападение? Тот факт, что свидетельница, находившаяся в тот момент внутри фургона, не пострадала, никак не должен повлиять на ваш вывод. Она могла и впрямь быть жертвой неспровоцированного нападения, не сознавая этого, а может быть, как предполагает защита, слон просто поскребся о фургон. Итак, джентльмены, вам надлежит выполнить священный долг. Вы выслушали доводы обеих сторон, как обвинения, так и защиты, теперь вам предстоит рассмотреть все изложенные вам детали и составить себе общую картину. Моя обязанность сводится всего лишь к тому, чтобы разъяснять вам то, что нуждается в разъяснении. А теперь прошу вас удалиться и спокойно взвесить все обстоятельства дела, и если ваш вердикт будет гласить «виновен», то никто не вправе будет упрекнуть вас за это. С другой стороны, если, опираясь на свою мудрость и располагая всеми фактами, вы вынесете вердикт «невиновен», вас опять же никто не осудит. В заключение позвольте только выразить надежду, что мои слова в какой-то мере помогут вам сформулировать правильное решение. Можете удалиться и обдумать ваш вердикт.

Председатель жюри поднялся на ноги.

— Мы решили не удаляться, ваша светлость,— сообщил он.

— Весьма необычно,— сказал судья.— Вам необходимо время, чтобы поразмыслить и посоветоваться.

— Мы поразмыслили, милорд,— ответил председатель.

— Ну,— неохотно молвил судья,— и каков же ваш вердикт?

— Понимаете, сэр, нам хотелось бы окончательно прояснить для себя один вопрос, прежде чем мы огласим наш вердикт. Этот слон, о котором идет речь, действительно тот самый, что играл с моими детишками на набережной?

— Полагаю, сэр Магнус,— сказал судья,— вы лучше, чем кто-либо, в состоянии ответить на этот вопрос.

— Да,— обратился к присяжным сэр Магнус,— если у вас есть дети, которые в последние дни играли на набережной, то, вне всякого сомнения, они играли со слоном, о котором идет речь.

— В таком случае,— заявил председатель жюри,— наш вердикт — невиновен.

В зале раздались аплодисменты, к которым рассеянно присоединился сам судья. Когда они стихли, судья прокашлялся и воззрился на Адриана.

— Адриан Руквисл,— объявил он,— вы признаны виновным в предъявленных вам обвинениях.

— Простите, милорд,— вмешался председатель,— но мы нашли его невинным.

— О? — произнес судья.— В самом деле? Итак, вы признаны невинным в предъявленных вам обвинениях, а посему мой священный долг проговорить вас,— он замаялся, собираясь с мыслями,— мой священный долг снять с вас все обвинения без каких-либо последствий для вашей репутации.

Судья перевел взгляд на присяжных.

— Вы добросовестно и честно выполнили свои обязанности,— возвестил он,— потрудились на совесть. А посему освобождаю вас от выполнения обязанностей присяжных на следующий год.

Он безучастно перебрал свои бумаги, потом наклонился к секретарю суда.

— У нас есть в списке еще дела? — справился он хриплым шепотом.

— Нет, милорд,— ответил секретарь,— это было последнее.

— Отлично.— Судья выпрямился и посмотрел на Адриана.— Только еще один момент,— сказал он ему,— не могли бы вы сделать мне одно маленькое одолжение?

— Охотно, милорд,— ответил Адриан.

— Мне очень хотелось бы посмотреть на слона, о котором идет речь,— сообщил судья и робко добавил:— Понимаете, я в жизни не видел живых слонов.

— Разумеется, милорд,— отозвался Адриан,— я собираюсь сейчас же пойти и сообщить Розе приятную новость, так что если ваша светлость пожелает — присоединяйтесь.

— Отлично,— пропищал судья.— Встретимся у выхода через несколько минут, мистер Руквисл.

Он сорвался с кресла и метнулся к двери, провожаемый глазами почтительно вставших членов суда и зрителей.

Глава двадцать первая

ВЕРДИКТ

Адриан покинул свидетельскую скамью, с трудом переставляя ноги; через весь зал к выходу он словно плыл на волне доброжелательства. Сэр Магнус поддерживал его за одну руку, лорд Феннелтри за другую, а мистер Филлигри и Этельберт семенили впереди, путаясь у них под ногами. Наконец они очутились на улице, где их ожидала Сэмэнта. Она улыбнулась Адриану.

— Я рада, что тебя выпустили,— сказала она.

— Правда? — спросил он.

— Правда.

Глядя на ее большие зеленые глаза с золотыми искорками, Адриан почувствовал, что краснеет до корней волос.

— Я... я очень рад, что ты рада,— тупо вымолвил он.

Почему-то Сэмэнта тоже покраснела.

— Да, я очень рада,— повторила она.

— Когда вы окончательно убедите в этом друг друга,— вмешался сэр Магнус,— предлагаю отправиться ко мне и выпить за победу.

— Сэр Магнус,— обратилась к нему Сэмэнта,— мы чрезвычайно благодарны вам за то, что вы сумели выручить Адриана и Розы.

— Ерунда, — отозвался сэр Магнус. — Пустяки.

— Знаете, — подключился лорд Феннелтри, — у меня такое впечатление, что я не очень-то способствовал вашей защите.

Этельберт покатился со смеху; Гонория была даже вынуждена подхватить его, чтобы он не упал.

— А еще вот что, дружище, — продолжал лорд Феннелтри, обращаясь к Адриану, — если вы не против, можно мне побыть с вами, куда бы вы ни направились? Дадим моей супруге время собраться с мыслями.

— Что до меня, — произнес Адриан с внезапной решимостью, — то я знаю, куда направляюсь. Я возвращаюсь в «Единорог и Лиру» — если хозяева не возражают.

— А Рози? — всполошился мистер Филигри. — Рози возьмете с собой?

— Если можно. — Адриан посмотрел на Сэмэнту.

— Думаю, у нас найдется для вас место, — сказала она.

— Может быть, у вас найдется на короткий срок местечко у огня и для меня? — спросил лорд Феннелтри, пристально глядя через монокль на Сэмэнту.

— Послушайте, — взволнованно пропихивал мистер Филигри, — почему бы нам всем не отправиться туда? Места у нас хватит на всех, и мы могли бы устроить вечеринку.

— Замечательная идея, — сказал сэр Магнус.

— «Сплошпорт Куин» скоро отходит, — напомнил лорд Феннелтри. — Пересечем пролив на пароме, а дальше леди могут занять места в моем ландо, а мужчины поедут поездом.

— Сомневаюсь, чтобы для Рози нашлось место в поезде, — заметил Адриан. — Нет уж, вы давайте поезжайте вперед, а я приведу Рози.

— Чепуха, мой мальчик, — сказал сэр Магнус, помахивая тростью. — Я знаком с начальником вокзала. Уверен, мы найдем местечко для Рози, если не в вагоне первого класса, то где-нибудь еще.

В эту минуту к ним присоединился судья; Адриан с великим удивлением увидел на нем, словно надетый по ошибке, костюм в пеструю клеточку. Услышав от Адриана, что задумано у его друзей, судья устремил просительный взгляд на Сэмэнту.

— Полагаю, лорд Тэрви, — тактично произнесла она, — может быть, и вы не против посетить «Единорога и Лиру»?

— Дитя мое, — отозвался судья, — я буду просто счастлив. Так уж случилось, что на несколько дней я свободен от отправления правосудия, и короткий отдых в сельской местности пойдет мне только на пользу.

— Отлично, — заметил сэр Магнус. — Мне предоставится случай обсудить с вами следующее дело.

— Не знаю, насколько это соответствует этическим нормам, — усомнился судья.

— Ну, а я так не вижу смысла в вашем присутствии, если вы откажетесь обсудить со мной дело, — сказал сэр Магнус.

— Ладно, — уступил судья, — думаю, в данном случае это возможно.

Неохотно покинув Гонорию, Черную Нелл и Сэмэнту на попечении лорда Феннелтри, Адриан вместе с сэром Магнусом, лордом Тэрви, мистером Паклхэммером, Этельбертом и мистером Филигри направился в дом своего защитника.

Как только они пришли туда, Адриан помчался в конюшню, где его радостным писком приветствовала Роза.

— Ну, несчастная, вредная, пьяная тварь, — нежно произнес он, крепко обнимая хобот слониhi, — кажется, мы благополучно отделались.

Роза, которую исход дела не слишком волновал, поняла тем не менее, что у Адриана хорошее настроение, а потому еще раз пискнула, махая ушами.

— Восхитительно, — произнес судья; он последовал за Адрианом в конюшню и теперь стоял подле задних ног Розы, меряя ее взглядом. — Сэр Магнус был совершенно прав, говоря, что она не могла достать хоботом до канделябра.

— Это хвост, — пояснил Адриан. — Хобот с этой стороны.

— О, — молвил судья.

Порывшись в кармане, он извлек оттуда лорнет и, поднеся его к глазам, продолжал с интересом изучать зад слониhi.

— Вы совершенно правы, — заключил он. — У него на кончике волосы.

После чего зашел спереди и снова уставился на Розу через лорнет.

— Восхитительно, — повторил он. — Просто восхитительно.

— Ну-ка, пошли! — нетерпеливо позвал их сэр Магнус, врываясь в конюшню. — Если не поспешим, опоздаем на паром.

Адриан взял Розу за ухо и, сопровождаемый своей свитой, повел ее в порт. Плавание через пролив прошло без происшествий, если не считать, что сэр Магнус и судья пели дуэтом матросские песни. Сойдя с парома, леди последовали с лордом Феннелтри, а остальные поспешили на станцию, где сэр Магнус, то повышая голос, то умасливая, добился того, что к поезду, отходящему на Монкспеппер в 15.45, прицепили открытую платформу, куда Роза поднялась как ни в чем не бывало.

— А теперь, Берт, — обратился сэр Магнус к начальнику станции, — стулья давай, стулья.

— Стулья, сэр Магнус? — озадаченно повторил начальник станции.

— Вот именно, стулья. Из зала ожидания. Чтобы нам было, на чем сидеть.

— Но разве вы поедете не в купе, сэр Магнус?

— Разумеется, нет, — ответил сэр Магнус. — Если платформа годится для Розы, она подходит и для меня. Был бы только обыкновенный стул.

Взбурдаженный начальник станции распорядился, чтобы из зала ожидания принесли скамейку и два стула, которые и расставили на платформе рядом с Розой. После чего Этельберт, мистер Паклхэммер и Адриан разместились на скамейке, а сэр Магнус хмуро опустился на один стул и посадил судью на другой. Зарядив ноздри доброй понюшкой, сэр Магнус оглушительно чихнул и сказал начальнику станции:

— Порядок, Берт, можешь давать отправление.

От его внимания явно ускользнул тот факт, что отправление поезда уже задерживается на двадцать минут и большинство пассажиров не скрывает своего беспокойства. Начальник станции вытер лоб, выдул из своего свистка мелодичную трель, помахал зеленым флажком, и поезд, тронувшись с места, потащился, звякая суставами, за город.

Был чудесный, жаркий летний день, кругом простирались зеленые и желтые поля, и небо было голубым, как глаза сиамского кота. Адриан с удивлением думал о том, что за каких-нибудь два-три часа они покروют все те

изнурительные километры, которые они с Розы мерили своими ногами.

Путники вышли на маленькой станции у селения Парсонс Фартинг и прошагали километра два с хвостиком по пыльной дороге до «Единорога и Лирх».

— Дружище,— восхищенно произнес Этельберт,— я и не подозревал, что за городом такие просторы, а сколько тут зелени, какая листва.

— В Папуа листья куда больше,— сообщил мистер Филигри.— Никакого сравнения.

И он расставил свои короткие толстые руки, показывая, какие огромные листья в Папуа.

— Не знаю, как вам,— обратился сэр Магнус к мистеру Паклхэммеру,— но мне кажется, сейчас нам весьма кстати пришелся бы кувшин пива.

— Не только сейчас,— отозвался мистер Паклхэммер.— Мой опыт показывает — какие-то вещи приходится кстати, какие-то нет, но кувшин пива никогда не помещает.

— Знаете,— сообщил судья, созерцая Розы,— без моих очков мне по-прежнему трудно определить, какой конец я вижу.

— Конец чего? — спросил сэр Магнус.

— Розы,— ответил судья.

— Надеюсь,— пропел мистер Филигри, семена по дороге,— у Сэмэнты найдется что поесть. Я знаю, что напитков у нас предостаточно.

— Лишь бы было предостаточно напитков,— заметил сэр Магнус.— Остальное не так важно. Случайно у вас нет вишневки?

— Есть вишневка, и немало,— сказал мистер Филигри.— Я заказал однажды три бочонка, но, к сожалению, она не пользуется спросом.

— Лишнее подтверждение того,— заключил сэр Магнус, заряжая ноздри табаком и чихая,— что нынешним неведомо понятие хорошего вкуса.

Наконец они обогнули последний поворот и увидели «Единорога и Лиру», который, несмотря на золотистую камышовую кровлю, больше всего походил на благодушно растянувшегося на земле черно-белого кота.

— Ур-ра! — ликующе завопил Этельберт, коему явно ударил в голову деревенский воздух.— Пришли!

Тут же отворилась дверь «Единорога и Лиры», и на пороге появились лорд Феннелтри и Сэмэнта.

— Как доехали? — спросил его светлость.

— Отлично! — крикнул сэр Магнус, приветственно взмахнув тростью. — Я решил, что куда удобнее путешествовать на открытой платформе вместе со слоном, чем в купейном вагоне в окружении кучи зануд.

— Или мокриц, — добавил судья, покатываясь со смеху.

— Сэм, дорогая, — озабоченно выдохнул мистер Филигри, — как там у нас с едой?

— О, можешь не беспокоиться, — сообщила Сэмэнта. — Лорд Феннелтри — добрейший человек на свете. По пути мы остановились, и он настоял на том, чтобы закупить всякую всячину.

Она провела всех на лужок за домом, где они увидели накрытый белоснежной скатертью длинный стол на козлах, изнемогающий под тяжестью съестных припасов. Тут был целый взвод холодных жареных фазанов, полный поднос яиц ржанки, горы устриц, огромный копченый окорок, розовый и нежный, словно облако на закате, жареный задок бычка, равного которому, наверно, не было во всей округе.

— Вы чрезвычайно добры, лорд Феннелтри, — сказал Адриан. — Особенно если учесть, что я выиграл дело.

— Дружище, — серьезно произнес его светлость. — Я не стал бы ничего покупать, проиграй вы дело, но мне подумалось, что легкая закуска всем нам поможет восстановить силы после путешествия.

— Я был бы совершенно счастлив, — невнятно молвил сэр Магнус, жуя устриц и яйца, — если бы мне предложили глоточек вишневки, о которой нам говорил мистер Филигри.

— Конечно, конечно, — отозвался мистер Филигри, стирая с губ крошки пирога, после чего просеменил в дом и вернулся с небольшим бочонком, возле коего тотчас занял пост сэр Магнус.

На изумрудную лужайку легли длинные тени; за столом царили мир и доброжелательство. Мистер Паклхэммер тихо напевал себе под нос, размахивая пивной кружкой. Черная Нелл, справившись с приступом икоты, изучала ладонь Гонории и предсказывала ей карьеру, которой позавидовала бы Сарра Бернар. Лорд Феннелтри лежал на траве, словно в трансе, созерцая небо и слушая длинную сложную лекцию судьи на темы правоуказания. Адриан,

сидя напротив Сэмэнты, смотрел, как солнечные лучи, просачиваясь через древесную листву, рисуют яркие узоры на ее медно-рыжих волосах. Потом вдруг, не в силах больше любоваться такой красотой, встал и направился в конюшню под предлогом необходимости проверить, как там Рози.

Она сперва присоединилась было ко всей компании, однако деликатесы на столе пришлись ей не по вкусу, и Адриан позволил ей выпить всего три кружки пива, тогда Рози удалилась в конюшню, чтобы утешиться морковью и свеклой. Войдя в стойло, Адриан остановился, глядя на свою громадную серую подопечную. Рози посмотрела на него блестящими маленькими глазами и приветственно пискнула.

— Тебе хорошо, — с горечью произнес Адриан, прохаживаясь взад-вперед мимо стойла. — Тебе лишь бы брюхо набить да напиться вволю. Ты счастливая. А как насчет меня? Ты когда-нибудь задумывалась обо мне?

Он сделал драматическую паузу и поглядел на Рози. В животе слонихи раздалось мелодичное бурчание, и она осторожно коснулась хоботом его шевелюры.

— Взять хоть ее, — продолжал Адриан, — там за столом. Такая же бессердечная, как всегда. Ни малейшего поощрения с ее стороны. Честное слово, не вижу, зачем нам здесь оставаться.

Рози глубоко вздохнула. Адриан снова принялся мерить шагами конюшню.

— Ладно, может быть, пробудем здесь еще день-другой, — сказал он; при одной мысли о разлуке с Сэмэнтой ему делалось нехорошо. — Чего я не пойму, так это — почему она себя так ведет? Можно подумать, это я вовлек тебя во все эти передраги, а не наоборот. Но ведь теперь-то мы свободны, так в чем дело?

Рози положила на пол крупную свеклу и тихо перекатывала ее взад-вперед передней ногой, однако негромко пискнула, давая Адриану понять, что слушает его.

— Нет, — твердо произнес Адриан, — прежде чем решим задержаться тут, необходимо внести полную ясность. Я не собираюсь терпеть, чтобы меня третировала эта неблагодарная особа.

Рози чувствовала, что Адриан недоволен, но чувствовала также, что его недовольство направлено не на нее, а потому несколько не беспокоилась.

— Я буду с ней тверд, — Адриан приосанился и решительно выпятил подбородок. — Скажу ей, что она ведет себя, как ребенок. Так и скажу.

Он метнул в Рози торжествующий взгляд, и она еще раз пискнула, выражая свое одобрение.

— С женщинами надо держаться твердо, — продолжал Адриан. — Возьми хоть леди Феннелтри. Правильно с ней обошлись. Они чересчур о себе воображают.

Однако как ни расстроен был Адриан, он не видел ровным счетом никаких черт сходства между леди Феннелтри и Сэмэнтой.

— Пойду-ка я, Рози, — сказал он, грозя ей пальцем, — постараюсь внести полную ясность. Иначе и до завтра не останусь под этой крышей.

Причиной столь внезапно овладевшей им решимости было то, что, любуясь лицом Сэмэнты, ее белозубой улыбкой и теплым цветом волос, глядя, как она смеется, флиртуя с сэром Магнусом, он нечаянно хлебнул из его кружки изрядное количество пива, смешанного с вишнежкой.

Направляясь широкими шагами к дверям, Адриан еще раз обернулся, чтобы поглядеть на Рози.

— Я скоро вернусь, — сообщил он ей, — и доложу тебе свое решение.

Пытаясь выглядеть таким же жестокосердным и неумолимым, как сэр Магнус, допрашивающий свидетеля обвинения, Адриан прошагал обратно к столу. Черная Нелл в эту минуту рассказывала Гонории, что видит ее замужем за богачом с четырнадцатью детьми. Мистер Филигри, стоя на четвереньках, беседовал шепотом с жуком-оленом. Сэр Магнус, обняв одной рукой плечи мистера Паклхэммера, с большим воодушевлением пел вместе с ним «Солдаты королевы». Этельберт под звуки этой песни исполнял, как ему казалось, восточный танец живота, а лорд Феннелтри по-прежнему лежал в полном трансе на траве, слушая лорда Тэрви.

— Где Сэмэнта? — гаркнул Адриан.

Точнее, он намеревался гаркнуть, на самом же деле ему пришлось несколько раз прокашляться, прежде чем он смог выговорить эти слова.

— Сэмэнта? — отозвалась Гонория, удивленно озираясь. — Кажется, она пошла в дом.

— Отлично, — прорычал Адриан.

Эффект его драматического явления был несколько подпорчен тем, что он едва не споткнулся о мистера Филигри, направляясь к «Единорогу и Лире». Войдя в просторную кухню с каменным полом, темными балками и приветливо поблескивающими рядами кастрюль, он увидел Сэмэнту; она стояла у окна, глядя вдаль. Адриан решительно пересек всю кухню и остановился за спиной у Сэмэнты. Прокашлялся.

— Сэмэнта,— резко произнес он,— мне нужно поговорить с тобой.

— Лучше бы тебе заткнуться,— отрезала Сэмэнта.

— Нет уж, лучше ты не вздумай командовать мной,— парировал ошеломленный Адриан и засунул руку под край пиджака на манер Наполеона.

— Если ты сейчас же не замолчишь и не уберешься, я не отвечаю за себя,— отчеканила Сэмэнта, поворачиваясь к нему и сверкая глазами.

— Полегче,— сказал Адриан, отступая на шаг.— Ты ведешь себя, точно ребенок.

— А ты,— выпалила Сэмэнта,— ты пьян.

— Я вовсе не пьян,— возразил потрясенный Адриан.— Ничуть не пьянее других.

— Ты пьян,— настойчиво повторила Сэмэнта,— иначе не посмел бы говорить со мной таким повелительным тоном, словно... словно ты обращаешься к лошади.

— К лошади? — ужаснулся Адриан.— Я никогда не обращался к тебе, словно к лошади.

— Именно так. Словно я очень старая и очень плохо обьеженная лошадь.

И с этими словами она, к великому испугу Адриана, разразилась рыданиями.

— Перестань, ради Бога,— взмолился Адриан.— Прости... извини меня... только перестань плакать.

— Я не плачу,— ответила Сэмэнта, заливаясь слезами.

— А что же ты тогда делаешь? — спросил Адриан с наигранным весельем.— Принимаешь душ?

Сэмэнта слегка опешила, потом неожиданно рассмеялась сквозь слезы.

— Нет, ты балда,— нежно произнесла она.

Адриану показалось, что кто-то пронзил его сердце раскаленным вертелом.

— О, Сэмэнта,— вымолвил он,— я так тебя люблю.

Сэмэнта посмотрела на него.

— Что ж, — заметила она погодя, — это похоже на взаимное чувство.

— Ты хочешь сказать, — заговорил Адриан, не веря своим ушам и чувствуя себя так, будто он вознесся в стратосферу на воздушном шаре, — ты хочешь сказать, что я... что ты... что ты и я... что ты...

— Долго же ты собирался признаться мне, — отозвалась Сэмэнта.

— Нет, ты в самом деле хочешь сказать, — твердил Адриан, — что я... что ты...

— Знаешь что, — сказала Сэмэнта, не сводя с него глаз, — если ты еще долго будешь так заикаться, не видать нам медового месяца.

Адриан пылко обнял Сэмэнту и поцеловал ее теплые губы. Затем поцелуями осушил ее слезы (самые крупные и прелестные, какие когда-либо проливала любая другая женщина) и снова поцеловал губы, проверяя, в самом ли деле они такие же мягкие и нежные, как розовые лепестки.

— Ты хочешь сказать, что согласна выйти замуж за меня? — спросил хрипло.

— Возможно, это новость для *тебя*, — ответила Сэмэнта, — но я решила выйти замуж за тебя в ту самую минуту, когда увидела тебя лежащим на диване вечером после того несчастного случая с поездом.

Адриан снова недоверчиво воззрился на нее, потом еще раз поцеловал.

— Я должен кому-нибудь сказать об этом, — сообщил он.

После чего промчался через всю кухню к задней двери.

— Эй!! — заорал он, выскочив на лужайку.

Мирных, малость хмельных персонажей сцены под дубами будто ударило током. Даже лорд Феннелтри сел.

— Я женюсь на Сэмэнте! — прокричал Адриан.

— Хочешь сказать, что ты только сейчас это обнаружил? — брюзгливо произнес сэр Магнус.

— Но... откуда вам это было известно? — удивился Адриан.

— Секрет, — ответил сэр Магнус. — Есть такое понятие, как профессиональная тайна, которая не терпит разглашения.

— Ты женишься на Сэм? — воскликнул мистер Филигри, прервав беседу с жуком и вскочив на ноги.

— Если вы не против, — сказал Адриан.

— Не против? Да это просто замечательная новость. Выходит, мы теперь *породнимся* с Рози!

— У вас случайно не найдется шампанского? — беспечно справился Адриан.

— Отличная штука, — заметил сэр Магнус. — Ничто так не подходит для тоста, как шампанское с вишневкой.

Вся компания дружно проследовала на кухню, и пока мистер Филигри доставал шампанское (чутко теплое, но от того нисколько не хуже), Гонория и Черная Нелл осыпали поцелуями Сэмэнта, после чего Гонория вдруг разрыдалась.

— С чего это ты льешь слезы? — осведомился Этельберт.

— Я всегда плачу на свадьбах, — с достоинством произнесла Гонория.

— Но ведь это еще не свадьба, — возразил Этельберт.

— *Почти* свадьба, — парировала Гонория.

Шампанское разлили по бокалам, и сэр Магнус предложил выпить за счастливую пару, что и было сделано с большим воодушевлением. Адриан приготовился в сороковой раз поцеловать Сэмэнта, когда вдруг вспомнил про Рози.

— Боже, — сказал он, — я совсем забыл про Рози. Ей тоже следует выпить по этому случаю.

— Я приведу ее, — пропел мистер Филигри, — приведу бедняжку.

И он выпорхнул из кухни.

— Надеюсь, — обратился к Сэмэнте лорд Феннелтри, — вы окажете мне честь, позвольте навещать вас, когда поженитесь?

— Вы всегда будете одним из наших самых желанных гостей, — ответила Сэмэнта. — Да что я — не только вы, все, кто здесь собрался!

— Разумеется, — подхватил Адриан.

В эту самую минуту вновь появился мистер Филигри. Тяжело дыша, весь потный и красный, он вбежал на кухню со всей скоростью, на какую был способен при своем весе.

— Адриан, — пропищал он, — Адриан, *живей!*

— Что случилось! — испуганно осведомился Адриан.

— Это Рози! Пользуясь тем, что мы ушли, она схватила бочонок с вишневкой и умчалась с ним.

О Господи, подумал Адриан, начинается все сначала.

— Быстрей,— распорядился сэр Магнус.— Мы должны окружить ее, пока не убежала слишком далеко. Вперед!

И он выскочил из кухни с развевающимися сзади фалдами визитки, преследуемый по пятам Гонорией, Черной Нелл, Этельбертом, мистером Паклхэммером и судьей. За ними трусил вразвалку мистер Филигри.

Адриан повернулся к Сэмэнте.

— Ты *точно* хочешь выйти замуж за меня?

— Абсолютно точно.

— Даже несмотря на Розу?

— Главным образом из-за нее,— улыбнулась Сэмэнта.

Адриан быстро поцеловал ее.

— В таком случае я отлучусь на минутку,— сказал он.— Я должен поймать моего единственного здравствующего родственника.

И он выбежал на солнце и поспешил вдогонку за остальными.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

(О Дж. Даррелле и его книгах)

Нет свидетеля честнее книжной полки. Пишущий человек часто выглядит умнее, чем он есть на самом деле, ибо тексту легко удастся выглядеть лучше автора; уж, во всяком случае, начитанней. Писать в определенном смысле проще, чем читать. Но библиотека знает все о страстях своего владельца. Потертость корешка — верный знак не только любви, но и постоянства; мимолетное чувство не оставляет следов на переплете. Только когда книгу читают постоянно с детства, она приобретает благородную обветшалость — «печальное очарование вещей». Среди таких книг на моих полках — засаленный «Пиквик», несколько растрепанных томов Гоголя и Достоевского, «Швейк», Конан Дойл, «Три мушкетера», конечно, и еще — неопрятная серо-бурая пачка, засунутая в угол, чтоб не вываливалась. Это — десяток даррелловских книг. Зачитаны все, но одна, без признаков обложки, хуже всех — это самая первая, «Перегруженный ковчег». Мы оба появились на свет в 1953 году, но она, по-моему, сохранилась хуже. Что и неудивительно: я ее читал, сколько себя помню.

За столько лет я убедился в том, что книги Даррелла обладают терапевтическими свойствами: они от всего по-

могают, от двоек до старости. Не всем, конечно. Но ведь и кошку не всякий погладит.

Читатели Даррелла становятся членами клуба: они образуют всемирное тайное общество. «Тайное» — потому, что сами о нем не знают, пока не встретят себе подобного. Зато потом — не разлей вода: родство душ.

В России Даррелла любили совсем уж запойно. Я думаю, что мы у него вычитывали то, чего другим и не приходило в голову: вопиющую аполитичность. Даррелла, в отличие от большинства окружавших нас писателей, нельзя было вставить в идеологический контекст. В его книгах не было не только правых и левых, но даже правых и неправых. Герои Даррелла делятся не на положительных и отрицательных, а на людей и зверей. Причем, что редкость среди истинных любителей животных, Дарреллу нравятся и те и другие.

Есть только два успешных способа взаимоотношения с миром: первый — ко всем относиться плохо, второй — хорошо. В обоих случаях. Мир не обманет ваших ожиданий.

У Даррелла есть одна чисто английская черта, которой я смертельно завидую: он напрочь отказывается признавать существование зла. Зло он считает экстравагантностью, забавной причудой, милой чудаковатостью, смешным капризом характера.

Наверное, он этому научился у зверей. Разве может быть зло в мире животных? Они же не доросли до зла — их ведь никто не изгонял из райского сада. Даррелла, кажется, тоже. Одна из его книг о Корфу так и называется: «Сад богов».

Трилогия о Корфу — шедевр Даррелла. Хотя, в отличие от других его сочинений, люди тут играют куда большую роль, чем звери. Оправдываясь, Даррелл пишет: «Я сразу сделал серьезную ошибку, впустив на первые страницы своих родных. Очутившись на бумаге, они принялись укреплять свои позиции и приглашали с собой всяких друзей во все главы».

Даррелл так сочно описал свою чудную, взбалмошную семью, что она уже перестала быть его собственностью. (Нечто похожее, только с горькой поправкой на ухабы отечественной истории, сумел проделать со своей родней Довлатов.) Даррелловскую семью хочется взять на-

прокат — в его родственников можно играть. Собственно, дома мы так много лет и делаем.

Я давно заметил, что любимые книги живут по законам мифа: они требуют не только умственных досугов, но и физического действия. Поэтому поклонники Достоевского бредут петербургским маршрутом Раскольников, любители Булгакова гуляют у Патриарших прудов, знатоки Конан Дойла рыщут по девонширским болотам (об этом я еще когда-нибудь расскажу). Вот так же и с Дарреллом. Прошлым летом я наконец отправился в литературное паломничество туда, где он провел свое удивительное детство, — на Корфу.

Дом Дарреллов я нашел по описанию в книге. За прошедшие полвека он мало изменился. Правда, в нем открылся ресторанчик. Могло быть хуже. В 60-х на Корфу начался пляжный бум, заманивший сюда солнцем и дешевой драхмой английских туристов. К счастью, даррелловские пенаты уцелели. Хочется думать, что их спасла литературная слава владельцев. Во всяком случае, в гостиной на самом видном месте висит портрет Даррелла. Правда, не Джеральда, а его еще мало известного в России старшего брата Лоренса, знаменитого, а многие считают, что и великого английского прозаика, автора утонченного «Александрийского квартета».

Лучшим памятником *нашему* Дарреллу служит тот клочок греческого пейзажа, что виден с крыльца: густое чернильное море, лысые горы на близком горизонте и ленивые ящерицы на растрескавшейся штукатурке. Эти греческие декорации так похожи на эдемские, что людям и зверям тут легче ужиться, чем где бы то ни было. Отсюда ближе к Золотому веку, который существовал не с начала времен, а до начала времен; отсюда ближе к детству; отсюда и книги Даррелла — все они переведены с детского. Наверное, это и помогло ему создать свою обаятельную зоологическую прозу. Сумев удержаться на грани, отделяющей ученое занудство от дилетантского умиления, Даррелл заманивал в мир животных и тех, кто чувствовал себя здесь чужим.

Секрет Даррелла в том, как он лепил «образ» зверя. Животные у него никогда не превращаются в симпатичных диснеевских зверюшек. Он никогда не пользовался любимым приемом всех баснописцев — антропоморфизмом, то есть приемом наделения зверей человеческими чертами.

Звери у Даррелла всегда остаются самцами собой. Они не люди, этим и интересны.

Мне кажется, что ключ к даррелловской зоологической поэтике можно найти у Осипа Мандельштама. Как известно, в зрелые годы поэт отчаянно увлекался естественно-научными дисциплинами, много читал натуралистов и оставил замечательно проницательные заметки об их стиле. Так, говоря об источниках научного красноречия великого систематика Карла Линнея, Мандельштам писал нечто такое, что объясняет и прозу Даррелла: «В зоологических описаниях Линнея нельзя не отметить преемственной связи и некоторой зависимости от ярмарочного зверинца. Владелец странствующего балагана или наемный шарлатан-объяснитель стремятся показать товар лицом... Я хочу лишь напомнить, что натуралист — профессиональный рассказчик, публичный демонстратор новых интересных видов». В черновом варианте этого текста есть еще один важный абзац: «Слушатели воспринимали зверя очень просто: он показывает людям фокус одним только фактом своего существования, в силу своей природы, в силу своего существования».

Этот «фокус» — скрытая пружина даррелловского анимализма. Для Даррелла главное в звере — его инакость, его непохожесть на других, в первую очередь на нас. Животное тут индивидуально вдвойне: как личность (а все изображенные Дарреллом звери ею обладают) и как представитель своего вида. Поэтому, кстати сказать, у Даррелла нет неинтересных животных: головастика он описывает с не меньшим восторгом, чем леопарда. Прелесть зверя не в том, что он красивый или тем более полезный, прелесть зверя в том, что он Другой.

Я пишу это слово с большой буквы, хотя мы и привыкли к тому, что так выделяются лишь термины из области теологии, описывающие высшую, небесную реальность. Человеку всегда необходим был Другой. Только выйдя за собственные — человеческие — пределы, мы можем преодолеть кризис идентичности. Только в диалоге с Другим мы можем найти себя. Обычно человек помещает Другого выше себя — на верхних ступенях эволюционной лестницы. Другим может быть Дух, или Бог, или Великая природа, или Пришелец, или даже неумолимый закон исторической необходимости.

Однако возможна и обратная метафизика — теология, вектор которой направлен не вверх, а вниз. Другого можно найти не только на небе, но и на земле. Об этом, в сущности, и писал Даррелл. Другой для него — это каждая тварь, делящая с нами как нашу планету, так и тайну жизни на ней.

Александр ГЕНИС

Нью-Йорк, февраль 1995

О Г Л А В Л Е Н И Е

ФИЛЕ ИЗ ПАЛТУСА

<i>Глава первая.</i> Рождение названия	9
<i>Глава вторая.</i> Мамин праздник	11
<i>Глава третья.</i> Коварная коробка	58
<i>Глава четвертая.</i> Как добиться повышения	93
<i>Глава пятая.</i> Как стать ученым	137
<i>Глава шестая.</i> Урсула	154

РОЗИ — МОЯ РОДНЯ

От автора	183
<i>Глава первая.</i> Ужасный поступок одного дядюшки	185
<i>Глава вторая.</i> Томительное ожидание	194
<i>Глава третья.</i> Кошмарное явление	202
<i>Глава четвертая.</i> Путь свободен	211
<i>Глава пятая.</i> Баталия при Монкспеппере	219
<i>Глава шестая.</i> Аристократические выкрутасы	227
<i>Глава седьмая.</i> Павлины и персики	237
<i>Глава восьмая.</i> Званный вечер	245
<i>Глава девятая.</i> Побег	253
<i>Глава десятая.</i> «Единорог и Лира»	262
<i>Глава одиннадцатая.</i> Тревога!	271
<i>Глава двенадцатая.</i> Расставание	279
<i>Глава тринадцатая.</i> Морское путешествие	289
<i>Глава четырнадцатая.</i> Высадка	294
<i>Глава пятнадцатая.</i> Репетиция	303
<i>Глава шестнадцатая.</i> Премьера	311
<i>Глава семнадцатая.</i> Рука правосудия	321

<i>Глава восемнадцатая. Закон</i>	336
<i>Глава девятнадцатая. Закон в действии</i>	343
<i>Глава двадцатая. Заключительная процедура</i>	368
<i>Глава двадцать первая. Вердикт</i>	388
<i>А. ГЕНИС. Люди и звери</i>	401

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, ул. Сушевский вал, д. 49

Издательство «Армада-пресс»

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптовое-розничную продажу книг производит

Торговый дом «Школьник» по адресу:

Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А (м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76

Даррелл Д.

Д 20 Розы — моя родня: Филе из палтуса; Розы — моя родня/ Пер. с англ. Л. Л. Жданова; Худож. И. Ф. Шипулин. — М.: Армада-пресс, 2000. — 416 с.: ил. — (Зеленая серия). ISBN 5-309-00023-2

В книге помещены два произведения Дж. Даррелла — «Филе из палтуса» и «Розы — моя родня». Любопытно, что в этих рассказах знаменитый писатель и путешественник встает перед читателем не в привычном образе анималиста, а как собрат по перу Джерома К. Джерома.

**УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Англ)-44я5**

РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

Джеральд Даррелл
РОЗИ — МОЯ РОДНЯ

Филе из палтуса
Рози — моя родня

Заведующая редакцией
М. Л. Жданова
Ответственный редактор
Н. А. Рожкова
Художественный редактор
Ф. В. Домогацкий
Технический редактор
С. А. Шубенкин
Корректор
Т. С. Дмитриева

Подписано к печати 18.09.2000. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1966.

ООО «Армада-пресс»
109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д. 5, стр. 1
Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00.

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»
ООО «Дрофа»

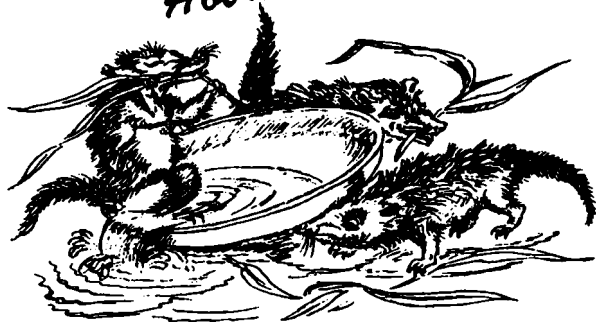
127018, Москва, ул. Суцеский вал, 49
Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98.

По вопросам приобретения продукции издательства
«Армада-пресс» обращаться по адресу:
127018, Москва, ул. Суцеский вал, 49
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА «ЗЕЛЕННОЙ СЕРИИ»

Джеральд
Даррелл
Новый Ной

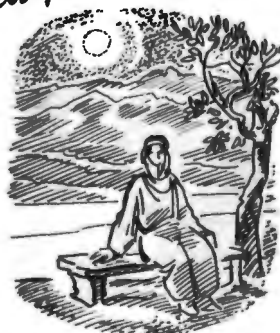
Джеральд Даррелл
«Новый Ной»
Джеки Даррелл
«Звери в моей постели»

Первое произведение сборника — это увлекательный рассказ о путешествиях знаменитого писателя в самые экзотические уголки мира. Цель экспедиций в Камерун, Британскую Гвиану, Аргентину и Парагвай — отлов и изучение редких видов животных. Именно они и становятся главными героями повести. На самом обычном пассажирском пароходе целую ораву вечно голодных, непоседливых созданий переправляют в Англию. Этот Ноев ковчег, как и подобает, собрал «каждой твари по паре»: тут и броненосец, и дикобраз, и нильский варан... И, конечно, сам Даррелл, с трудом справляющийся с этой компанией.

Описанию радостей и трудностей жизни необычной и шумной семьи посвящена вторая повесть сборника. Еще бы! Ведь у супругов Даррелл слишком беспокойные четвероногие «воспитанники». Увлекательное повествование жены ученого, Джеки, сопровождается многочисленными юмористическими комментариями самого Даррелла, которые не раз вызовут улыбку читателя.

Александра Давид-Неэль

Путешествие парижанки в Лхасу

«Медленное восхождение к высокогорным перевалам было исполнено очарования; затем внезапно передо мной предстала великолепная необозримая панорама тибетских плоскогорий, окутанных вдали неким туманным видением, которое являло взору беспорядочное скопление сиреневых и оранжевых вершин, увенчанных снежными шапками.

Что за незабываемое зрелище! Должно быть, оно навеки очаровало меня».

Так впервые увидела Тибет Александра Давид-Неэль.

Оперная певица с изумительным голосом в зените славы, истинная парижанка с устроенной, благополучной судьбой вдруг оставила столь уютный и привычный уклад жизни, чтобы посвятить себя буддизму.

Четырнадцать лет странствовала Александра по просторам буддистского Востока. Ей удалось то, что не удалось даже Рериху, — она проникла в святой город — Лхасу. Александра постигла тайны Тибета и стала ученицей легендарного Далай-ламы Тринадцатого, ее причислили к высшей касте тибетских мистиков-красношапочников.

Долгий путь пришлось пройти Александре — путь познания. И она прошла его до конца.

СЕРИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

Лоуренс Грин

*Острова,
не тронутые временем*

«Все ленивые люди в этом мире, и я в том числе, почему-то крайне равнодушны к чарам одиноких, затерянных в океане островов. Стоит только отыскать для себя подходящий остров, и вам уже кажется, что настало время распрощаться со своим прошлым и начать новую жизнь».

В Атлантическом океане острова разделены огромными водными пространствами, но Лоуренс Грин — известный писатель и журналист — посетил почти все, лежащие вблизи берегов Африки, а также разбросанные по центру Атлантики. Свое путешествие он совершил в середине нашего века, с тех пор уткло немало воды, однако, благодаря массе интереснейших фактов и множеству приключений, книга остается увлекательнейшим чтением. И в памяти читателя, как и в памяти автора, навсегда сохранятся невысокие коралловые островки, которые вначале, издаലെка кажутся маленькой точкой на горизонте. «Потом сверкнет изумрудом полоска воды на отмели, покажет белые зубы прибой на рифах... А когда на берег высыпет толпа возбужденных островитян, воздух наполнится шумом и криками, нарушая тишину Великого Уединенного Покоя...»

Морис Эрцог

Аннапурна

Все мы в детстве лазили на крышу, однако очень немногие сделали лазанье своей профессией, и уж совсем единицам удалось забраться на самую главную крышу — Крышу мира. Речь конечно же идет о Гималаях.

Человечество не раз пыталось покорить хотя бы одну из четырнадцати великих вершин-восьмитысячников, и лишь в 1950 году — впервые — французским альпинистам удалось взойти на Аннапурну (8075 метров).

«Добившись с первого раза успеха в совершенно не исследованной местности, французские альпинисты совершили подвиг, который лучшие знатоки Гималаев до тех пор считали невозможным».

Энергия и доброта, ум и сила воли руководителя экспедиции известного альпиниста Мориса Эрцога привели французов на вершину Аннапурны. Но, как оказалось, не Аннапурна стала главной покоренной вершиной... «Горы щедро дарили нам свои красоты. Мы восхищались ими с наивностью детей и почитали их, как монахов божественную идею. Однако есть и другие Аннапурны в жизни людей...»

«Сверкающий скалами и льдом чарующий мир вершин является своего рода катализатором: не будучи бесконечностью, он заставляет ее чувствовать».

Так ощутите бесконечность вместе с автором книги об Аннапурне — Морисом Эрцогом.

Кир Булычев

Алиса

ЕЕ ДРУЗЬЯ

в лабиринтах истории

Новая серия для поклонников Кира Булычева,
друзей Алисы Селезневой
и всех, кто любит историю и фантастику

ЧУЛАН СИНЕЙ БОРОДЫ

Класс, в котором учатся Алиса Селезнева и ее друзья, начинает историческую практику. Каждый из ребят выбирает для себя тайну прошлого. Он должен разгадать ее и снять об этом фильм.

Семья Селезневых, включая симферопольскую бабушку, сломала голову, думая, какую бы историческую тайну разгадать Алисе. А решение пришло Ричарду Темпесту, сотруднику Института времени. Он предложил Алисе вместе с бабушкой разобрать один из складов института — глядишь, и найдется там какая-нибудь тайна. И оказался прав! Нашлась тайна — и не одна, а сразу три!

Сначала Алисе стало интересно, как же король Артур сумел вытащить меч из камня. Потом ей попало письмо Платону, где речь шла об Атлантиде. Ну не могла же такая девочка, как Алиса, оставить его на полке чулана. А когда она отправилась побеседовать с самим Платоном и узнала, что его продают в рабство, то для спасения великого философа ей удалось разыскать знаменитый клад Наполеона! Вернувшись в Институт времени, Алиса помогла ученым определить, где же находилась настоящая Атлантида.

Ну, думаю, вам уже стало интересно, как же это все произошло. Берите в руки книгу Кира Булычева «Чулан Синей Бороды» и отправляйтесь вместе с Алисой на поиски приключений!

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

КОРОЛИ

Следующая книга серии «Короли»:
Александр Хорт «Авторы и соавторы»

Рассказав в книге «Король и свита» о Леониде Утесове, Александр Хорт решил не останавливаться на достигнутом и подготовил сборник веселых историй об известных российских эстрадных артистах разговорного жанра.

В байках и забавных историях перед читателями предстанут:

Евгений Весник,
Владимир Винокур,
Борис Владимиров и Вадим Тонков,
Зиновий Гердт,
Михаил Жванецкий,
Михаил Задорнов,
Рина Зеленая,
Михаил Зощенко,
Игорь Ильинский,
Роман Карцев,
Лев Миров и Марк Новицкий,
Мария Миронова и Александр Менакер,
Клара Новикова,
Илья Олейников и Юрий Стоянов,
Евгений Петросян,
Аркадий Райкин,
Борис Сичкин,
Юрий Тимошенко и Ефим Березин,
Геннадий Хазанов,
Александр Ширвиндт,
Ефим Шифрин
И многие, многие другие...

Издательство «Армада-пресс»
представляет новую серию

И. Г. Катюхин
Кто мы такие?
Откуда мы?

*Не найдется человека, который не хотел
бы узнать ответ на загадочный вопрос:
«Как же мы появились на Земле?»*

В книге Ивана Катюхина перед нами разворачивается захватывающая дух гипотеза, основанная на огромном количестве фактов, которые ему удалось накопить за всю свою жизнь. Увеличение размеров Земли в результате космической катастрофы, уничтожение древней биологической жизни, усиление гравитационного поля нашей планеты — как расценивать все это? Как предварительную работу по подготовке условий для переброски человечества из Космоса!!!

**Читайте об этом в сенсационной книге
Ивана Катюхина!**

Адриан так увлекся делом, что даже вздрогнул, когда шею его нежно обнял теплый серый хобот, дышащий пивом. У него еще не было времени усвоить, что слоны, несмотря на солидный вес, при желании могут передвигаться куда тише, чем домовая мышь. Остановившись за спиной Адриана и добродушно глядя на него, Розадохнула ему в ухо пивным ароматом и приветственно пискнула.

Григорий Димитров

ISBN 5-309-00023-2

9 785309 000234